

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения Российской академии наук

Славяне и Россия:

славянские и балканские народы
в периодической печати

К 90-летию со дня рождения
А. А. Улуныяна

Москва
2014

УДК 316.73
ББК 76.02
С47

Никитинские чтения
«Славяне и Россия»

Редакционная коллегия:

С. И. Данченко (отв. ред.),
И. Ф. Макарова,
М. М. Фролова

Рецензенты:

к. и. н. О. А. Дубовик,
к. и. н. Л. А. Кирилина

Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А. А. Улуяна: Сб. статей / Отв. редактор С. И. Данченко. — М.: Институт славяноведения РАН, 2014. — 420 с.: ил. — (Никитинские чтения «Славяне и Россия»).

ISBN 978-5-7576-0310-0

Данный сборник подготовлен по материалам научной конференции «Третьи Никитинские чтения. Славяне и Россия: Славянские и балканские народы в периодической печати», прошедшей в Институте славяноведения РАН 3 декабря 2013 г. и посвященной юбилею известного отечественного слависта, исследователя истории болгарского народа и русско-болгарских связей XIX в. Акопа Арутюновича Улуяна (1924–2003), активно разрабатывавшего заявленную тематику.

В первом разделе сборника представлены: очерк научной и научно-организационной деятельности (в том числе и ее международный аспект) А. А. Улуяна, список опубликованных им трудов и редкие фотодокументы из семейного архива.

В статьях второго раздела сборника рассматриваются особенности преломления в зеркале прессы различных событий из истории славянских и балканских народов XIX–XX вв. Основное внимание авторов приковано к двум ключевым проблемам: анализу степени достоверности периодики с позиций исторического источника и выявлению степени влияния прессы на процесс формирования общественного сознания.

Сборник предназначен для профессиональных историков, аспирантов и студентов профильных вузов, политологов и журналистов.

УДК 316.73
ББК 76.02

ISBN 978-5-7576-0310-0

9 785757 1603100

© Исл РАН, 2014
© Авторы, 2014

Содержание

От редколлегии.....	5
---------------------	---

ЧАСТЬ I

<i>С. И. Данченко.</i> Неповторимый Акоп: ученый, гражданин, друг	8
Список опубликованных трудов А. А. Улуняна.....	40
Фотографии из личного архива Ар. А. Улуняна	45

ЧАСТЬ II

<i>Ар. А. Улунян.</i> Дэвид Уркварт, «The Portfolio» и начало конца тайной дипломатии Санкт-Петербурга. Секретные дипломатические документы Российской империи в британской печати (1835–1837 гг.).....	58
<i>И. В. Чуркина.</i> «Северная пчела» о событиях на Балканах накануне и во время Крымской войны	91
<i>Л. П. Лаптева.</i> Сотрудничество А. Ф. Гильфердинга с журналом «Русская беседа» (1856–1860 гг.)	115
<i>И. Ф. Макарова.</i> «Журнал Министерства государственных имуществ» как источник по переселениям с Балкан в Россию в начале 60-х годов XIX в.	128
<i>М. М. Фролова.</i> Македония в публицистике Р. Жинзифова (1860-е годы).....	145
<i>С. И. Данченко.</i> К вопросу о публицистической деятельности П. А. Кулаковского	174
<i>О. В. Соколовская.</i> Английские корреспонденты в гущу событий: Крит, 1897 г.	187
<i>В. Б. Хлебникова.</i> «Глас Црногорца» как барометр российско-черногорских отношений конца XIX в.	209

<i>Н. Г. Струнина-Бородина.</i> Никола Петрович-Негош на страницах журнала «Нива».....	219
<i>П. А. Искендеров.</i> Российская и европейская пресса о событиях в Албании (конец XIX – начало XX вв.)	242
<i>О. И. Агансон.</i> Великие державы и малые страны в пространстве Балкан: поиск модели взаимодействия (по материалам британской прессы)	260
<i>Г. Л. Ари.</i> Албания, первый год независимости (по материалам русской печати).....	279
<i>Р. П. Гришина.</i> Военные корреспонденты Васил Коларов и Лев Троцкий о Балканских войнах 1912–1913 гг.	288
<i>В. И. Косик.</i> Немного о русской прессе на Балканах в межвоенный период	309
<i>Т. В. Волокитина.</i> «Перо приравнено к штыку!». Советская печатная пропаганда в годы Великой Отечественной войны	328
<i>А. С. Стыкалин.</i> «Наша критика не должна вылиться в крикливую перепалку». Почему разоблачение югославского «ревизионизма» в советской прессе конца 1950-х годов не достигло остроты сталинских пропагандистских кампаний	361
<i>Э. Г. Задорожнюк.</i> «Бархатный развод» Чешской и Словацкой федеративной республики (ЧСФР) в зеркале прессы распавшегося СССР	382

ЧАСТЬ III. РЕЦЕНЗИЯ

<i>Л. П. Лаптева.</i> Новая книга о проблемах славянофильства. «Русская беседа»: история славянофильского журнала. Исследования. Материалы. Постатейная роспись. Под редакцией Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского и О. Л. Фетисенко. Издательство «Пушкинский дом». Спб, 2011. 567 стр.	404
--	-----

От редколлегии

Данный сборник подготовлен по материалам научной конференции «Третьи Никитинские чтения. Славяне и Россия: Славянские и балканские народы в периодической печати», состоявшейся в Институте славяноведения РАН 3 декабря 2013 г. И сама конференция, и этот сборник посвящены памяти известного отечественного слависта, исследователя истории болгарского народа и русско-болгарских связей XIX в. Акопа Арутюновича Улуняна (1924–2003). Отмечаемое в 2014 г. коллегами и близкими А. А. Улуняна 90-летие со дня его рождения представляет удобный повод обращения к заявленной тематике, занимавшей видное место в его научных разработках.

В основной своей массе в сборнике представлены статьи, написанные на основе докладов участников конференции – сотрудников Института славяноведения РАН, Института всеобщей истории РАН, исторического факультета и факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова.

Первый раздел сборника посвящен самому Акопу Арутюновичу. С. И. Данченко подробно проанализировала его научное творчество и научно-организационную деятельность, показав его вклад в отечественную болгаристику и в формирование той неповторимой атмосферы, которая сложилась в Институте славяноведения во второй половине XX в. В этом же разделе представлен список опубликованных трудов А. А. Улуняна и редкие фотодокументы из семейного архива.

Во втором разделе сборника при анализе различных аспектов истории славянских и балканских народов, особенностей межславянских связей и балканской политики Российской империи основное внимание авторов оказалось приковано к двум проблемам: во-первых, к правомочности использования материалов периодической печати в качестве достоверного исторического источника; во-вторых, к анализу влияния периодики на процесс формирования общественного сознания и этнопсихологических стереотипов.

Хронологический охват представленных статей исключительно широк: с 30-х годов XIX в. до конца XX в. Хотя сборник структурирован по хронологическому принципу, он включает в себя три условных раздела: освещение рассматриваемой проблематики в русской дореволюционной периодической печати, в печати зарубежных славян и западноевропейских стран XIX – начала XX вв. и в современной прессе.

Наибольший интерес авторов вызвала русская дореволюционная печать. Именно к ней оказалось приковано внимание И. В. Чуркиной, Л. П. Лаптевой, И. Ф. Макаровой, М. М. Фроловой, С. И. Данченко, Н. Г. Струниной-Бородиной, П. А. Искендерова, Г. Л. Арша. Периодика славянских стран XIX – начала XX вв. представлена статьей В. Б. Хлебниковой. Р. П. Гришина сопоставила специфику отображения Балканских войн (1912–1913) в русской и болгарской печати военными корреспондентами, в частности, Л. Троцким и В. Коларовым. К тематическому блоку, посвященному анализу европейской прессы, можно отнести статьи Ар. А. Улуяна, О. В. Соколовской, О. И. Агансон, П. А. Искендерова, В. И. Косика. Периодика середины – второй половины XX в. подвергнута анализу в работах А. С. Стыкалина, Т. В. Волокитиной, Э. Г. Задорожнюк.

В третьей части сборника представлена рецензия Л. П. Лаптевой на книгу «Русская беседа»: история славянофильского журнала».

Несмотря на то, что данный тематический сборник выдержан в строгом академическом жанре, члены редколлегии надеются, что представленные материалы будут интересны не только профессиональным исследователям, но также журналистам, политикам и широкому слою общественности.

ЧАСТЬ

I

Светлана Ивановна ДАНЧЕНКО

Неповторимый Акоп: ученый, гражданин, друг

Акоп Арутюнович Улунян (1924–2003) – яркий представитель отечественного славяноведения второй половины XX в. Он один из тех, кто своими трудами создавал советскую и российскую болгаристику, устанавливал и развивал связи с болгарскими учеными. Однако эта бесспорная констатация не отражает в полной мере ни тот вклад, который Акоп Арутюнович внес в науку, ни его место в истории русско-болгарских контактов указанного периода, ни его роль в формировании удивительной, неповторимой атмосферы в научном коллективе Института славяноведения и особенно Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время, в котором он трудился до последних дней своей жизни.

Когда-то, в начале 1970-х годов, на одной из посиделок в нашем отделе (тогда он назывался «сектор новой истории балканских народов») – по случаю издания очередного труда, сидевший рядом Акоп Арутюнович печально посмотрел на меня и произнес с грустью в голосе: «Жалко мне тебя, Светаджан!» «Почему?» – искренне удивилась я, так как чувствовала себя невероятно счастливой, полной радости и надежд – в окружении своих старших коллег, которых я очень уважала и любила. Я уже тогда ощущала, что мы – одна дружная, сплоченная семья, поэтому странный пессимизм обычно веселого, жизнерадостного Акопа Арутюновича был мне совершенно непонятен. А он тем временем тихо, почти шепотом, чтобы никто не услышал, сказал: «Потому что тебе придется всех нас провожать в последний путь, а потом, возможно, и писать о нашей жизни. А это тяжело...»

Акоп Арутюнович оказался прав – так и случилось. Этот очерк я посвящаю жизни и творчеству замечательного человека, моего коллеги, старшего друга, оставившего свой неповторимый след в истории Института славяноведения. Повествование о его жизненном пути и анализ научного наследия будут дополняться моими собственными воспоминаниями об Акопе Арутюновиче. Но вернемся к самому началу.

А.А. Улунян родился 8 марта 1924 г. в г. Симферополь в армянской семье. В 1931 г. он вместе с родителями и младшим братом Эдуардом переехал в г. Тбилиси. В июне 1941 г. Акоп Арутюнович закончил среднюю школу и поступил на первый курс Тбилисского Юридического института. Но шла война, и в октябре 1942 г. он был призван в армию, где прослужил до февраля 1946 г. До ранения, которое он получил в сентябре 1943 г., он находился на Северо-Кавказском фронте, а с 1944 г. до окончания Великой Отечественной войны сражался в войсках II-го Украинского фронта, в звании старшего сержанта, в должности командира отделения. Был удостоен наград – медалей «За оборону Кавказа», «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией».

После войны Акоп Арутюнович, как и многие его ровесники-фронтовики, вновь стал студентом, на этот раз в Ереване: в 1946–1951 гг. он учился на факультете международных отношений Ереванского государственного университета. После его окончания он продолжил учебу в аспирантуре на кафедре новой и новейшей истории Ереванского армянского педагогического института им. Х. Абовяна. Но еще до окончания курса обучения, в 1953 г., он был направлен в Москву – в аспирантуру Института славяноведения АН СССР, для специализации по истории Болгарии.

Научным руководителем Акопа Арутюновича стал профессор С.А. Никитин (1901–1979), а «родным» научным коллективом – возглавляемый им сектор истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма. В этот период главным трудом этого сектора была подготовка публикации документов «Освобождение Болгарии от турецкого ига» (Т. 1–3, М., 1961–1967, отв. редактор – С.А. Ники-

тин). Во время этой работы началось формирование научной школы профессора Никитина. Молодые в ту пору ученые и аспиранты, которых он привлек к выявлению и комментированию документов, к составлению развернутых именно географического указателей к этому изданию (и среди них — А.А. Улунян), являлись не только его учениками, но и единомышленниками. Ведя научный поиск под руководством С.А. Никитина, перенимая мастерство Учителя, приобретая опыт и знания, они постепенно превращались в высокопрофессиональных специалистов в области балканской политики России и русско-балканских связей.

В этой научной среде и началось формирование Улуныанученого. Как аспиранту ему была предложена тема: «Болгарский народ и русско-турецкая война 1877—1878 гг.». Она и стала главным направлением его научных исследований на все последующие десятилетия. Данная тема, безусловно, была обеспечена источниками, многочисленными и первоклассными, так как во время работы над публикацией «Освобождение Болгарии...» в архивах, центральных и региональных, был выявлен огромный корпус документов, до этого не известных ученым. Разумеется, многие из них не вошли в публикацию, ограниченную листажом, а отправились в «отсев». И эти документы, наряду с уже опубликованными, в том числе и в XIX веке, стали основной источниковой базой будущей диссертации Акопа Арутюновича. Кроме того, ему была предоставлена возможность в течение полугода стажироваться в Болгарии, где он, по его словам, дневал и ночевал в архивах и рукописных отделах библиотек.

В аспирантские годы А.А. Улунян впервые открыл для себя безбрежное море русской периодической печати XIX века и определил значение это вида источников для изучения вопроса о русско-болгарских связях и формировании общественного мнения России по болгарскому вопросу. Первым к прессе как источнику обратился его научный руководитель С.А. Никитин в своих работах 1940—1950-х годов; впоследствии он старался привить интерес к нему и своих учеников. И хотя Акоп Арутюнович отнюдь не идеализировал своего шефа

и даже позволял себе, в отличие от большинства «никитинцев», критические высказывания в его адрес, тем не менее, он многое перенял от своего научного руководителя, в первую очередь, в плане методики работы с архивными документами и прессой XIX века.

Пожалуй, ни один из российских славистов и балканистов, ни до Акопа Арутюновича, ни после него, не привлекал в своих трудах такое количество периодических изданий, в том числе малоизвестных региональных. Он всегда работал с источниками неторопливо, методично, добросовестно. И при этом щедро делился своим опытом и знаниями с теми, кому это было интересно и необходимо. Помню, как в начале 1970-х годов Акоп Арутюнович провел со мной, молодой сотрудницей сектора, приступившей к изучению русско-сербских связей после Берлинского конгресса, несколько «мастер-классов» по изучению русской периодической печати. Он познакомил меня с нужной литературой, принес ряд книг из своей личной библиотеки и даже помог расшифровать псевдонимы некоторых «моих» корреспондентов. А кроме того, походатайствовал перед руководством читального зала периодики в Исторической библиотеке, где он был любимым читателем, чтобы мне разрешили работать с газетами в хранилище. Это была необычайная привилегия и большое удобство — не нужно было носить в зал тяжеленные подшивки газет «Новое время» и «Московские ведомости».

Но вернемся к научному пути А.А. Улуныя. После окончания аспирантуры, 22 апреля 1957 г. он был зачислен в штат Института в должности младшего научного сотрудника. Первые его публикации, в том числе ряд статей в Советской Исторической энциклопедии и Детской энциклопедии («Русские и болгары в войне 1877–1878 гг.»), относятся к началу 1960-х годов (см. Список опубликованных трудов А.А. Улуныя). Кандидатскую диссертацию, в силу ряда причин, он защитил лишь в 1969 г. и в Болгарии. А в 1971 г. она была издана в виде монографии в Москве в издательстве «Наука» под названием: «Болгарский народ и русско-турецкая война 1877–1878 гг.». Ее он посвятил памяти своего отца — Арутюна Акоповича Улуныя.

Следует отметить, что следующая монография А.А. Улуныяна, «Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия» (М., 1978), о которой речь пойдет ниже, начинается ссылками на «Тетради по империализму» В.И. Ленина, где он представил «Опыт сводки главных данных всемирной истории после 1870 г.», и одной из главных дат в «Сводке» был обозначен период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Но эта обязательная в советскую эпоху «марксистская прелюдия» в книге А.А. Улуныяна не «отменяет» важности и уникальности события, которому ученый посвятил свое исследование, внося свою лепту в обширную историографию проблемы.

Итак, как уже отмечалось выше, первая монография Акопа Арутюновича «Болгарский народ и русско-турецкая война 1877–1878 гг.» была издана в 1971 г. Следует, прежде всего, подчеркнуть, что она была написана по всем канонам научных трудов того времени – тщательно подобранные цитаты из трудов классиков марксизма-ленинизма, классовый подход при анализе событий и характеристике их героев. Иначе в те годы и быть не могло. Нам, жившим в ту эпоху, это все понятно, а современный читатель, возможно, лишь удивится. Но книга А.А. Улуныяна, тем не менее, выделяется среди многочисленных трудов о русско-турецкой войне, она и спустя более 40 лет после публикации поражает своим материалом – архивным, публицистическим, мемуарным. Именно этот материал, в большинстве своем новый, открытый автором, позволил нюансировать данную тему, ибо общая концепция была задана изначально – великие державы Запада противились освобождению Болгарии, русские освобождали, болгары им помогали.

Одной из заслуг Акопа Арутюновича, на мой взгляд, является то, что он детально, как никто другой до него, с присущими ему, как исследователю, скрупулезностью, тщательностью и объективностью, изучил те документы, которые были опубликованы еще в царской России. Как известно, после окончания русско-турецкой войны при Генеральном штабе была создана Военно-историческая комиссия, которая занялась сбором материалов для составления ее официальной истории. В результате в 1898–1911 гг. был издан «Сборник материалов по русско-

турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове» (97 томов в 112 книгах). Наряду с этим вышеназванная комиссия в 1901–1913 гг. опубликовала в 9 томах «Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове», а также небольшим тиражом (в 6 томах в 1899–1911 гг.) – «Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове», содержащие дипломатические документы, связанные с историей и ходом войны. Эти, а также другие опубликованные документы, в том числе Н.Р. Овсяным в начале XX в., стали ценным источником для исследований А.А. Улуныяна. В этой же книге Акоп Арутюнович впервые широко использовал прессу периода войны – 26 русских газет и журналов и 8 болгарских изданий.

Главной его исследовательской задачей стало «показать содействие болгарского народа русским войскам, которое выразилось в участии болгар в разведке, формировании чет, организации народной милиции, строительстве дорог и оборонительных сооружений, оказании материальной помощи русской армии»¹.

В монографии Акоп Арутюнович, прежде всего, представил предысторию войны, обратив особое внимание на международный аспект и развитие болгарского освободительного движения, включая Апрельское восстание 1876 г.

Исследуя вопрос о подготовке к войне, автор подробно остановился на деятельности полковников Генерального штаба Н.Д. Артамонова и П.Д. Паренсова (впоследствии он стал первым военным министром Болгарского княжества – в 1879–1880 гг.) – по усовершенствованию разведсети, а в дальнейшем по формированию чет, подбору болгарских проводников и переводчиков для частей Действующей армии, оказавших весьма ощутимое содействие русским войскам.

Одной из главных проблем для А.А. Улуныяна явилась проблема создания и функционирования Болгарского ополчения. Сюжеты, связанные с ним, были уже хорошо изучены болгарскими историками. Тем не менее, ученый, благодаря привлечению новых источников, внес свой важный вклад в историографию. Участие Болгарского ополчения в военных

действиях Акоп Арутюнович считал одним из видов помощи болгар русской армии.

Как известно, во время русско-турецких войн XVIII–XIX вв., как правило, способствовавших подъему национально-освободительного движения балканских народов, перед правящей элитой Российской империи всякий раз вставал вопрос об использовании помощи со стороны местного населения. При этом, как пишет А.А. Улунян, «...страх, что вооруженное выступление может перерасти в классовую борьбу и принять нежелательный царизму национальный и социальный характер, сдерживал правительство»². Военное же руководство думало иначе, но было вынуждено подчиняться высочайшей воле. Поэтому при создании Болгарского ополчения вооруженные части болгар, стремившиеся внести свой вклад в освобождение своей родины, ставились под контроль. Акоп Арутюнович в книге привел немало ярких эпизодов из истории русско-турецкой войны, связанных с деятельностью Болгарского ополчения, которая заслужила самой высокой оценки русских военачальников.

В качестве второго вида помощи болгар русской армии ученый выделил формирование чет для ведения партизанской войны. В связи с этим он подробно остановился на позиции полковника Г.И. Бобрикова, полковника Н.Д. Артамонова и дипломата М.А. Хитрово по данному вопросу.

Огромное значение, как показал А.А. Улунян, имела материальная помощь болгар русской армии. «Она выражалась в бескорыстном, добровольном и в большинстве своем безвозмездном снабжении русской армии продовольствием и фуражом*, в предоставлении помещений для госпиталей, транспорта и тягловой силы, в уходе за ранеными и больными солдатами, в постройке и исправлении оборонительных сооружений, телеграфных линий, дорог, мостов и т.п.»³.

Проанализированные в книге документы позволили Акопу Арутюновичу в полной мере выполнить свои исследовательские задачи и тем самым доказать, что во время войны болгарский народ не был пассивным и инертным созерцате-

* В связи с плохой организацией интендантской службы помощь болгар и военные трофеи были очень кстати.

лем событий, а активно включился в борьбу за свое освобождение и оказывал посильную помощь русским войскам. Таким образом, ученый опроверг тенденциозные утверждения западной историографии, имевшие место в то время, о пассивности болгарского народа в войне.

Специальную главу своей монографии Акоп Арутюнович посвятил освещению в русской периодической печати национально-освободительной борьбы болгарского народа. Впоследствии это стало традиционным аспектом его трудов. Ученый анализировал прессу по направлениям: консервативное, либеральное и демократическое, как это было принято в советской исторической науке; привлек он и зарубежную народническую печать. В рассматриваемых изданиях им были выделены следующие ключевые, по его мнению, вопросы:

1. Гайдучество и его роль в истории освободительной борьбы болгар и в период войны 1877–1878 гг.
2. Характеристика ряда болгарских деятелей – Г. Раковского, С. Караджи, Х. Димитра, П. Хитова, воеводы Цеко Петкова («Балканский орел») и др.
3. Политические направления в болгарском освободительном движении («старые» и «молодые»).

Вышеперечисленные достижения А.А. Улуяна в изучении поставленных в монографии задач позволили этому труду занять достойное место в обширной историографии проблемы*, а его автор был признан в профессиональном плане серьезным исследователем своими коллегами, в том числе в Болгарии.

Завершая рассмотрение этой книги, хотелось бы остановиться на одном моменте. В ней, на мой взгляд, впервые проявился особый дар Акопа Арутюновича, отличавший его от других ученых. А.А. Улуян был уникальным человеком и историком. Он обладал исключительно эмоциональным восприятием окружающего мира и переносил его на события прошлого, в данном случае русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

* Предшественниками А.А. Улуяна в плане изучения русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и освободительного движения болгарского народа являлись: в советской историографии – П.К. Фортунатов, Н.И. Беляев, В.Д. Конобеев; в болгарской – акад. Д. Косев, Г. Георгиев, В. Топалов, Й. Митев, А. Анчев, В. Хаджиниколов, Г. Тодоров, Хр. Христов и др.

Я познакомилась с ним в 1971 г., когда он только что выпустил эту книгу и уже работал над второй — об Апрельском восстании 1876 г., следовательно, оставался практически в той же теме. Она не отпускала его — многочисленные новые факты, регулярно добываемые им в архивах и библиотеках, крепко привязывали его к событиям прошлого. Я помню до сих пор его рассказы — необычайно яркие, познавательные, захватывающие — о сражениях, тайных болгарских обществах, победах и поражениях, о разных исторических деятелях России и болгарских воеводах и апостолах. Иногда мне казалось, что он живет как бы в двух мирах — нашем и том, что остался в веке девятнадцатом. И в последнем он принимал все так же близко к сердцу, как и в нашем, современном. Он так же негодовал, когда встречал несправедливость, непорядочность, предательство.

Однажды зимой мы с Акопом Арутюновичем вместе возвращались вечером из Исторички — пешком к станции метро «Площадь Дзержинского» (ныне — «Лубянка»). Была чудесная погода — шел тихий снег, и центр Москвы, шумный, нарядный и оживленный — радовал глаз. А слух радовал наш разговор, вернее, монолог Акопа Арутюновича. Напитавшийся за день новыми знаниями, он щедро делился ими со мной, своей заинтересованной собеседницей. Он рассказывал мне о русских военных, о знаменитых болгаргах и от всей души восхищался ими, так, словно они были его друзьями и он очень гордился своей дружбой с ними. А как он возмущался никудышной организацией интендантства русской армии и разными мошенниками, проникшими туда. «Света-джан, ты только представь себе, — восклицал он, — эти жулики поставляли солдатам сапоги на картонных подошвах!» И далее он детально познакомил меня с махинациями и аферами компании Грегера, Горвица и Когана, с которой 16 апреля 1877 г. был заключен договор о снабжении Действующей армии продовольствием и фуражом. И я, захваченная этим повествованием, возмущалась вместе с ним. «Вот так-то, Света-джан, — подытожил Акоп Арутюнович, — одни жизни свои не жалели, кровь свою проливали и погибали, а для других даже в это время не было ничего святого: цены устанавливали в 5–6 раз выше, чем в России, и наживались».

Именно редкая эмоциональность Акопа Арутюновича, его особый талант «погружения» в изучаемую им эпоху позволили ему уже в первой его монографии создать ряд ярких портретов исторических деятелей. Следует отметить, что в советскую эпоху это не приветствовалось, хотя открыто и не запрещалось. В монографиях, писавшихся по установленным канонам, был принят более сухой, академичный стиль. И историки старались придерживаться этих правил, чтобы их труды не были определены как легковесные и недостаточно научные. И, тем не менее, некоторые исследователи уже отходили от этих «стандартов» и, следуя за документами, создавали запоминающиеся портреты своих героев, «оживляя», таким образом, далекое прошлое. Одним из этих исследователей был А.А. Улунян, представивший в рассмотренной выше книге короткие, но выразительные и достоверные портреты русских и болгарских деятелей — генерала М.И. Драгомирова, воеводы П. Хитова, русского военного министра Д.А. Милютина, полковника Н.Д. Артамонова и др. Этот авторский прием будет присущ и последующим работам Акопа Арутюновича.

Период после защиты кандидатской диссертации и выпуска первой монографии явился для А.А. Улуняна временем накопления научных знаний и интенсивных архивных поисков. Он много работает в архивах и библиотеках Москвы, регулярно выезжает в командировки «с ученой целью» в Ленинград. Одна за другой появляются в печати, в том числе в Болгарии, его статьи, отличительной особенностью которых является привлечение открытых им новых документов. В 1970-е годы имя Акопа Арутюновича уже хорошо известно болгарским коллегам, и он принимает активное участие в поддержании и развитии сотрудничества ученых СССР и Болгарии. Благодаря этому сотрудничеству он неоднократно выезжал в этот период в научные командировки в Болгарию, где имел возможность собирать материал в библиотеках и архивах, а также знакомить болгарских специалистов с результатами своих исследований, выступая с докладами на различных научных форумах — съездах, конференциях, симпозиумах.

В 1970-е годы А.А. Улунян интенсивно трудился надписанием своей второй монографии – «Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия (Очерки)», приуроченной им к 100-летию этого значимого события. К сожалению, она вышла не в 1976 г., а только в 1978 г., к 100-летию окончания Восточного кризиса 1875–1878 гг.

В этой книге, несмотря на заявленный автором очерковый формат, последовательно рассмотрены все составляющие вышеуказанной проблемы. Особое внимание Акоп Арутюнович уделил следующим вопросам: международная обстановка накануне Апрельского восстания, позиция русской дипломатии, стремившейся к мирному решению возникшего кризиса, восстание в Боснии и Герцеговине в 1875 г. и отношение к нему южнославянских народов и общественности России.

В этой монографии, как и в предыдущей, прежде всего поражает ее источниковая база. Собранные по крупицам документы позволили не только рассмотреть предысторию и ход Апрельского восстания, но и внести коррективы в существовавшие ранее представления. Так, обратившись к вопросу о деятельности Христо Ботева и его соратников по Болгарскому Революционному Центральному комитету (БРЦК), Акоп Арутюнович установил местопребывание Ботева с 31 августа по 17 сентября 1875 г., что имело, по убеждению ученого, немаловажное значение для истории подготовки Апрельского восстания. Этот момент был не до конца выясненным и дискуссионным. А.А. Улунян установил, что в это время болгарский революционер находился в России. Его целью было достать деньги и оружие. «...Основываясь на документальных данных, – пишет Акоп Арутюнович, – можно считать несостоятельной бытовавшую до настоящего времени версию о поездке Хр. Ботева в Константинополь в сентябре 1875 г.»⁴.

А.А. Улунян широко привлек такой важный и информативный источник как донесения российских консулов, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи. Как известно, руководители внешней политики России стремились разрешить кризис на Балканах мирным путем. Однако, как показано автором, в такой возможности сомневались

русские дипломатические представители на местах, хорошо знакомые с текущей обстановкой. Так, консул в Адрианополе И.А. Иванов пришел к выводу и сообщил об этом в декабре 1875 г. в Константинополь послу Н.П. Игнатьеву, что «как ни грандиозна мысль сравнить в гражданских правах христиан с турками, выполнение этой мысли невысказимо без употребления Европой материальной силы. Действовать же для проведения политического равенства между христианами и мусульманами только одним дипломатическим давлением на турецкое правительство значило бы идти навстречу взрыву, ранее или позднее, мусульманского фанатизма со всеми его печальными последствиями»⁵.

Хорошо изученную историю Апрельского восстания (подготовка, ход и подавление) Акоп Арутюнович дополнил новыми материалами, среди которых выделяются мемуары его участников и донесения с Балкан российских дипломатов.

Наиболее интересным разделом этой книги, на мой взгляд, является обширная глава «Русская периодическая печать об Апрельском восстании 1876 г.», в которой ученый впервые в историографии широко использовал не только центральные, но и губернские газеты и журналы. Анализ публикаций в изданиях: «Московские ведомости», «Русский мир», «Новое время», «Петербургская газета», «Биржевые ведомости», «Голос» – позволил исследователю сделать обоснованный вывод о значительном интересе русского общества к событиям в Болгарии. Автор особо отметил роль болгар, живущих в России, в распространении сведений о их родине, сражениях, участниках освободительной борьбы. Публикации о жестоком подавлении Апрельского восстания и целенаправленном истреблении болгарской интеллигенции турками всколыхнули общественное мнение России в пользу активного участия в оказании помощи «страждущим славянам».

Акоп Арутюнович делает важный вывод о том, что в связи со «славянским вопросом» русская периодическая печать переживала настоящий расцвет. События в Болгарии освещались в газетах и журналах ярко, детально, практически ежедневно. В качестве иллюстрации исследователь приводит

тщательно подобранные, запоминающиеся цитаты. Например, из «Отечественных записок» (1876 г., № 9): «Никто ни о чем не хочет слушать, ни о чем другом не может говорить, ничего другого не желает читать, кроме известий о том, что **там делается**. В книгах, журналах, газетах, на улицах, в кофейнях, на концертах, в театрах, на железных дорогах, в церквях, школах, на рынках, в кабаках — только и ищут **этого...** Давно прочитанные о славянах книги вновь перечитываются, на новые с жадностью набрасываются...»⁶. И далее. Вас. И. Немирович-Данченко, объездивший летом 1876 г. целый ряд губерний, писал, что «народ сёл и деревень, морской рыболов, волжский судорабочий, самарский и саратовский пахотник, уральский заводской и рудничный батрак, выражал огромное сочувствие “братьям по крови и вере” и не жалел свои крохотные сбережения, чтобы оказать посильную им помощь»⁷.

Не менее ценный материал по этому вопросу содержится в русских провинциальных изданиях. Однако до Акопа Арутюновича ученые их в данном ракурсе практически не исследовали. Проанализировав губернские «Ведомости», выходившие в 1876 г. в Вологде, Воронеже, Владимире, Астрахани, Архангельске, Казани, Пензе, Полтаве, Орле, Саратове, Новгороде, Тобольске, Туле, А.А. Улунян привел конкретные цифры пожертвований жителей этих городов и губерний в пользу южных славян. Именно благодаря его изысканиям эти ценнейшие данные стали достоянием науки — их используют все специалисты, занимающиеся изучением проблемы «Восточный кризис 70-х годов XIX в. и Россия».

Анализ содержания русской периодики в указанный период позволил Акопу Арутюновичу сделать еще один важный вывод: «Апрельское восстание всколыхнуло русскую общественность в защиту болгарского народа и оказало немалое влияние на правящие круги России, побуждая их к более активной политике... Решение русского правительства об объявлении войны Турции было в значительной мере предопределено воздействием русского общества и боязнью потерять престиж внутри страны»⁸.

В рассматриваемую монографию Акоп Арутюнович включил также небольшую главу об отражении событий на Балканах в 1875–1878 гг. в армянской периодической печати. Я хорошо помню то заседание сектора, на котором обсуждалась эта книга перед утверждением ее к печати на Ученом совете Института. Некоторые члены коллектива недоумевали – зачем эта глава нужна, ведь она явно «выбивается» из общего стройного изложения. В ответ на скептические высказывания Акоп Арутюнович очень эмоционально и твердо отстаивал свою позицию, аргументируя ее тезисом о схожести исторических судеб болгарского и армянского народов, о роли России в их освобождении от турецкого ига. И хотя кое-кто из сотрудников, присутствовавших на обсуждении, был против данного замысла автора, он все же настоял на своем, и в результате книга вышла в том виде, в каком он ее написал.

Следует отметить, что, разумеется, Акоп Арутюнович привлек в своей работе ту литературу, которая была издана по данному вопросу в Армении в 1950–1970-е годы. Вместе тем, используя свое знание армянского языка, он детально проанализировал содержание целого ряда армянских периодических изданий, выходивших в России – «Мшак» («Труженик»), «Порц» («Опыт»), «Мегу Айастан» («Пчела Армении»), «Горц» («Дело») и за рубежом – «Армения» (Марсель) и «Масис» (Константинополь). Подобную исследовательскую работу до Акопа Арутюновича никто не проводил, поэтому она так ценна.

Автор привел много выдержек из публикаций целого ряда изданий, в частности, либерально-буржуазной газеты «Мшак», в которых западные армяне призывались последовать примеру южных славян и освободиться от турецкого гнета.

Как показало исследование А.А. Улуныяна, Апрельское восстание широко освещалось в армянской прессе, особенно в «Мегу Айастан», «Мшак», «Порц». Авторы статей писали о героизме повстанцев, жестокости турецких войск, «кровавых оргиях» над мирным населением; в них звучала и критика в адрес западных держав, особенно Англии и Австро-Венгрии, оказывавших Порте поддержку. Акоп Арутюнович привел яркую ци-

тату из газеты «Мшак»: «Возможно в Англии, в этой гуманной стране, вскоре будет основан приют для престарелых мух, которые больше не могут добывать себе пищу, тогда как в Болгарии течет кровь тысяч невинных людей и за тысячу флоринов можно купить и поработить тысячу христианских детей...»⁹.

В книге приведены интересные факты о том, что борьба южных славян, в том числе болгарского народа, вызвала большой интерес армянской общественности к болгарской и вообще южнославянской истории, литературе и культуре. На армянском языке появился целый ряд книг и брошюр с переводами болгарских и сербских поэтов и писателей. Инициатором издания литературы этого плана выступило армянское студенчество Петербургского университета. Свою задачу издатели видели в том, чтобы «революционизировать народные массы посредством исторических параллелей, аналогий»¹⁰.

Особое место в научном творчестве А.А. Улуныя занимает его третья по счету книга – «Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига», изданная в 1994 г. Она носит научно-популярный характер, однако все аспекты проблемы – социально-экономический, политический, военный, общественно-культурный – раскрыты в ней автором на высоком профессиональном уровне.

Очень важно, что Акоп Арутюнович, в виде развернутого предисловия, изложил события в болгарских землях с конца XVIII в., выделил основные этапы национально-освободительного движения болгар и показал особенности политики России в этом регионе, а также участие болгар в русско-турецких войнах XIX века.

Следует отметить, что в настоящее время сотрудники Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время, в котором работал А.А. Улуныян, приступили к созданию коллективного обобщающего труда «Балканские народы в русско-турецких войнах». И, разумеется, в нем будут использованы ценные «наработки» Акопа Арутюновича, который одним из первых обратился к данной проблематике и собрал немало интересных фактов. Из его книги читатель узнает, например, что во время русско-турецкой войны 1806–

1812 г. было создано Болгарское земское войско, а болгарские добровольцы участвовали в знаменитом Рушукском сражении 22 июня 1811 г. В 1821 г. болгары приняли участие в повстанческих отрядах А. Ипсиланти и Т. Владимиреску в Дунайских княжествах. А в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. болгарские добровольческие отряды сражались вместе с русскими войсками, помогали русским морякам Черноморской гребной флотилии, действовавшей на Дунае. Помощь оказывало и болгарское население – провиантом и фуражом. «Военные действия русской армии в Болгарии неизменно смыкались с национально-освободительным движением болгарского народа»¹¹, – делает вывод ученый.

Однако русско-болгарские связи складывались и укреплялись, по убеждению А.А. Улуныяна, не только во время пребывания русских войск на болгарской территории. Одной из форм этих связей было переселение болгар на юг Российской империи – в Украину и Бессарабию, особенно в конце XVIII – первой половине XIX вв. Впоследствии созданные эмигрантские центры и колонии болгар в России, Валахии и Молдавии «оказали существенную помощь болгарскому национально-освободительному движению»¹².

Не обошел вниманием исследователь и два ключевых вопроса истории болгарского Возрождения:

1. О ходе, характере, формах, движущих силах и вождях (Г. Раковский, В. Левский, Хр. Ботев) болгарского национально-освободительного движения.

2. О роли России в формировании болгарской интеллигенции (обучение в России болгарской молодежи) и шире – о русском влиянии на развитие болгарской культуры.

В этой связи в книге приведено высказывание английского историка Р.У. Сетон-Уотсона, который писал: «Неосомненное преимущество России основывалось на кровном и религиозном родстве и усиливалось тем обстоятельством, что, несмотря на многочисленные ошибки, она неоднократно приносила жертвы ради христианского Востока, что не делала ни одна другая держава, на нее смотрели как на естественного защитника и освободителя»¹³.

Приведенные в книге Акопа Арутюновича факты о помощи России Болгарии — не только в военном плане, но и в деле развития культуры — не менее красноречивы и значимы, чем вышеприведенное высказывание авторитетного историка.

Большое место в рассматриваемой работе уделено Восточному кризису 70-х годов XIX в. и усилиям России решить болгарский вопрос мирным путем, с участием других европейских держав. Убедительно показано, что Англия и Австро-Венгрия не поддерживали справедливых требований восставших народов об автономии или независимости.

Центральная глава книги — третья — посвящена русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Значительный интерес здесь представляют многочисленные материалы о героизме русских солдат, русско-болгарском боевом содружестве и помощи болгар русской армии.

Бывший фронтовик Акоп Улунян, став ученым, много размышлял по всем проблемам, связанным с войнами вообще, в том числе и своей «любимой» русско-турецкой войной 1877–1878 гг. И эти раздумья, несомненно, оставляли след на страницах его трудов. Так, он проявил исследовательский интерес к вопросу об отношении русских войск к турецкому населению и военнопленным и опубликовал очень яркий, в плане эмоциональной составляющей, материал. Из книги Акопа Арутюновича читатель узнает, например, что командир XIV-го армейского корпуса предписал в июне 1878 г. командиру 17-й пехотной дивизии, в связи со вступлением русских войск в Варну, которая была сдана турками на основании перемирия, не устраивать никаких торжеств, поощаив самолюбие турецких войск и турецкого населения. И потом, по просьбе турецких представителей в Сан-Стефано, русские не салютовали артиллерийскими залпами в честь мира, чтобы не вызвать панику гражданского населения Константинополя. Было немало и других примеров гуманного отношения русских войск к турецкому населению, о чем пишет А.А. Улунян.

В книге также прослеживается деятельность российских дипломатов после войны, подчеркивается значительная роль Русского Гражданского управления, созданного на освобож-

денных болгарских землях, в становлении болгарской государственности. Управление за 9 месяцев своего пребывания в Болгарии, как подчеркивает Акоп Арутюнович, «продделало колоссальную созидательную работу»¹⁴.

И в этой монографии ученый привлек, в качестве одного из основных источников, русскую периодическую печать и показал, как болгарская тематика отражалась на страницах прессы. «Мы далеки от утверждения, — пишет он, — что создание либеральной Тырновской конституции стало возможным только благодаря выступлениям демократической и либеральной печати, но нельзя отрицать и существенного значения прессы в формировании общественного мнения, к которому не могли не прислушиваться правящие круги России»¹⁵.

Последним крупным трудом А.А. Улуняна стал вышедший в 1996 г. двухтомный биобиблиографический словарь «Деятели болгарского национально-освободительного движения. XVIII—XIX вв.», который он посвятил светлой памяти своих болгарских коллег — Бориса Матеева, Цонко Генова и Ангела Накова.

Внимательно проштудировав Словарь при подготовке этой статьи, смею утверждать, что в отечественной историографии только Акоп Арутюнович мог создать такую масштабную, высочайшего научного уровня работу, материал для которой он тщательно, буквально по крупицам собирал, обрабатывал и классифицировал на протяжении всей своей научной жизни. Сам автор так объяснил необходимость создания биобиблиографических словарей, в том числе своего: «Истории болгарского освободительного движения посвящена огромная историография, важное место в ней занимает справочная литература. Развитие исторической науки требует особого внимания к сбору материалов по персоналиям и статистической их обработке. Исследователь, занимающийся изучением истории национально-освободительного и революционного движения, не может обойтись без биобиблиографических словарей»¹⁶. Между тем, констатирует А.А. Улунян, в отечественных энциклопедических изданиях опубликовано ограниченное число статей о деятелях болгарского нацио-

нально-освободительного движения периода Возрождения и сведения о них носят общий характер. В болгарской историографии существует много изданий, энциклопедий и справочников по данной теме, но в них отсутствует библиография, а из поля зрения авторов выпал определенный круг малоизвестных, а иногда и неизвестных, но, тем не менее, активных участников освободительной борьбы. Сведения о них между тем существуют, их можно найти в многочисленных документах, хранящихся в архивах Болгарии и России, в мемуарной литературе, периодической печати, а также в новейших исторических исследованиях.

В свой Словарь Акоп Арутюнович включил главным образом деятелей национально-освободительного и революционного движения, принимавших участие в двух и более акциях освободительного движения, а также представителей революционных комитетов, участвовавших на собрании в Обориште накануне Апрельского восстания 1876 г. Общее число персоналий — 885 чел. Сведения о них были взяты автором из болгарской и отечественной литературы, мемуаров, энциклопедий, справочников, 15 болгарских и российских архивов, 67 периодических изданий.

Среди представленных в Словаре персоналий нельзя не выделить следующие: известный гайдуцкий воевода БАНЧЕВ Тодор, пять сыновей, которого участвовали в Апрельском восстании.

ЗАИМОВ Стоян Стоянов — один из руководителей Апрельского восстания, апостол III-го революционного Врачанского округа. Впоследствии являлся председателем комиссии по увековечиванию памяти В. Левского, хранителем музеев и памятников, воздвигнутых в честь героев, освободивших Болгарию.

КЕСЯКОВ Константин Искров — политический и военный деятель, генерал-майор, командир I дружины Болгарского ополчения в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., награжденный русским орденом св. Владимира IV степени и золотым оружием с надписью «За храбрость».

НИКОЛОВ Райчо Николов — 14-летним мальчиком в 1854 г. он переплыл Дунай и известил русское командование о составе турецких войск и их намерении напасть на русские войска. Позднее — один из командиров Болгарского ополчения в войне 1877–1878 гг.

ПЕТКОВ Цеко (1807–1881) — один из старейших воевод эпохи болгарского Возрождения. Его называли «Балканским орлом». Он участвовал в обороне Севастополя во время Крымской войны, а затем в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

УЗУНОВ Атанас Цвятков — после гибели В. Левского был назначен БРЦК его преемником. Во время войны 1877–1878 гг. являлся переводчиком в русской армии.

Безусловным достижением А.А. Улунына является то, что он дополнил архивными данными и материалами периодики биографии уже хорошо известных участников национально-освободительной борьбы и общественных деятелей Болгарии. Среди них — МИНКОВ Тодор (Федор) — общественный и политический деятель болгарской эмиграции в России, многолетний руководитель Южнославянского пансиона в Николаеве, затем, с 1878 г., — в Гродненской губернии. Он был добровольцем в Крымской войне, участвовал в обороне Севастополя.

Дополнил новыми архивными данными Акоп Арутюнович и биографии: ПАЛАУЗОВА Спиридона Николаевича, одного из основоположников изучения истории южных славян в болгарской историографии; воеводы ПЕТКО, гайдуцкого предводителя, затем соратника Дж. Гарибальди и участника Критского восстания 1866–1868 гг. Во время войны 1877–1878 гг. воевода ПЕТКО активно действовал на юге Болгарии, совершая дерзкие набеги на турецкие подразделения. Весьма полно и интересно представлены в Словаре биографии: ФИЛАРЕТОВА Савы Вылчева — участника церковной борьбы в Болгарии, видного общественного деятеля в области просвещения; ХИТОВА Панайота, известного гайдука и воеводы чет, активного участника войны 1877–1878 гг., о котором секретарь русского генерального консульства в Русе в 1875 г. писал в Петербург: «...В Болгарии нет человека популярнее (разумеется, в народе) Хитова, и никого турки не боятся больше него»¹⁷.

Новыми сведениями из фондов Российского Государственного Военно-исторического архива, Государственного архива Российской Федерации, Научно-исследовательского Отдела рукописей Российской Государственной библиотеки дополнил А.А. Улунян биографический очерк о Райко ЖИНЗИФОВЕ, поэте, публицисте, видном деятеле в области русско-болгарских связей, опубликовавшем в русских периодических изданиях около 200 статей, обзоров и заметок, переводчике на болгарский язык «Слова о полку Игореве», который накануне войны 1877–1878 гг. составил для нужд русской армии «Русско-болгарский словарь».

Отличительной чертой Словаря является внимание его автора не только к мужским, но и к женским персоналиям. На страницах этого труда мы встречаемся с именами целого ряда выдающихся болгарок, внесших свой вклад в освобождение родины. Среди них:

БАКАРДЖИЕВА Тодорка Петкова – курьер БРЦК, соратница В. Левского, использовавшая для перевозки секретных писем свои длинные, до пят, роскошные волосы.

ВЕКИЛОВА Евлампия Стоева – также курьер БРЦК, принимавшая участие в подготовке Апрельского восстания.

ВИТАНОВА Бона Ганева – в ее корчме часто скрывались В. Левский, Ст. Стамболов и др.

Легендарная **ОБРЕТЕНОВА** Тонка Тихова (Баба Тонка) – мать участников национально-освободительного движения из семьи Обретеновых – Ангела, Георгия, Николы, Петра и Петраны. Баба Тонка была курьером БРЦК, перевозила оружие.

Учительница **НАЙДЕНОВА** Гана Стоилова – принимала участие в подготовке Апрельского восстания, шила униформу для повстанцев, участвовала в стычках с карателями.

ФИЛАРЕТОВА Йордана Николова, жена Савы **ФИЛАРЕТОВА** – являлась доверенным лицом Софийского тайного революционного комитета, предоставляла в своем доме убежище В. Левскому.

Учительница **ФУТЕКОВА** Райна поп Георгиева, знаменитая княгиня Райна, как ее называли, участница Апрельского

восстания, вышившая по просьбе Г. Бенковского революционное знамя повстанцев, которое она пронесла во главе колонны по Панагюриште.

Отличительной особенностью этого ценного труда является то, что, несмотря на его справочный характер, читатель получает представление о болгарском национально-освободительном движении, его этапах, участниках, ярких событиях, в том числе трагических, роли России в освобождении Болгарии, помощи болгар русской армии, — как если бы он прочел несколько солидных монографий по данной проблеме.

Наряду с работой над Словарем, в 1990-е годы А.А. Улунян вновь интенсивно работает с русской прессой — на этот раз 50-х годов XIX в., ибо решает написать большую работу об отражении в печати этого периода отношения русской общественности к Болгарии и болгарам. Задуманная ученым монография не состоялась, однако он успел подготовить и издать обширную содержательную статью по этой теме¹⁸, посвятив ее памяти своей мамы — Аракси Петровны Улунян.

Во вступительной части статьи Акоп Арутюнович остановился на тех новшествах, которые определили положение русской периодической печати после революционных событий в Европе 1848—1849 гг. По повелению Николая I в этот период был учрежден негласный Комитет по делам печати, которому вменялось в обязанность, «ввиду серьезных упущений цензуры», проверять содержание изданных книг и опубликованных в прессе статей. Но цензура при этом не была отменена, став еще более жесткой. Для 1850-х годов А.А. Улунян выделил в русской печати несколько направлений:

консервативно-монархическое (газета «Северная пчела», официальная газета Военного министерства «Русский инвалид», «Военный журнал», издаваемый Военно-ученым комитетом при Главном штабе, и журнал «Москвитянин», в котором сотрудничали славянофилы, считавшие его наиболее близким им по своему направлению);

либерально-консервативное («Московские ведомости» М.Н. Каткова, «Санкт-Петербургские ведомости» во главе с А.А. Краевским и «Одесский вестник»). Последний, благода-

ря своей близости с зарубежными и отечественными центрами болгарской эмиграции имел возможность одним из первых получать информацию из Болгарии. Ученый в рассматриваемой статье также анализирует, в плане «болгарской» темы, содержание демократического журнала «Отечественные записки», который в 1850-е годы превратился в умеренно-либеральный орган, и журнала «Современник». Как подчеркнул Акоп Арутюнович, в условиях сильнейшего цензурного давления «Современник» сумел сохранить свои демократические и просветительские позиции, но «в значительной степени потерял свой наступательный, боевой характер»¹⁹.

Уже в начале Крымской войны, когда в июне 1853 г. русские войска вошли в Дунайские княжества, в русской прессе появились сообщения и обзоры о событиях на Дунайском театре военных действий, а также статьи о вооруженных силах Турции, о современной ситуации в Османской империи, ее законах, административном управлении и т.д. Все эти многочисленные материалы были выявлены и тщательно проанализированы Акопом Арутюновичем. При этом он отметил: «Знакомясь с воспоминаниями, статьями, рецензиями на книги и брошюры времен Крымской войны,... можно констатировать, что представления Николая I о Турции как о “большом, умирающем человеке” находили отклик среди некоторой части русского общества»²⁰. По мнению исследователя, «выражая на страницах периодической печати свое негативное отношение к Турции и предвещая ей гибель в ближайшем будущем, пресса выдавала желаемое за действительное»²¹.

На страницах русских изданий, проанализированных А.А. Улуняном, нашел отражение целый ряд вопросов, связанных с Болгарией, прежде всего вопрос о деятельности болгарских эмигрантов в Одессе и Бухаресте в связи с началом войны, а также Г.С. Раковского в Болгарии. Кроме того, автор привел сведения, публиковавшиеся в прессе, о том, как жестоко турецкие власти расправлялись с болгарскими солдатами за их сочувствие русским и России во время Крымской войны, а добровольцы из болгар, сербов и греков выражали желание оказать содействие русской армии в случае ее переправы на территорию Болгарии.

В связи с тем, что русские войска должны были отступить из Болгарии, болгарское население Добруджи и Бабадагской области, опасаясь турецких репрессий, выразило желание переселиться в Россию. Русское командование пошло болгарам навстречу. Для этих целей были выделены необходимые средства, и болгарские переселенцы, после карантина, были расселены в болгарских колониях Бессарабии.

В связи с этими событиями внимание русской прессы было привлечено к истории переселенческого движения болгар в Россию, особенно в XVIII – начале XIX вв. А.А. Улунян выделил публикации «Московских ведомостей» (с использованием неопубликованного сочинения П.И. Кеппена «Болгары в Бессарабии»), а также «Письма» Н. Герова в «Одесском вестнике», которые перепечатывали другие издания.

В результате проведенного исследования ученый сделал следующий вывод: «...представленные в русской периодической печати материалы о Болгарии и болгарях времен Крымской войны довольно подробно и в основном компетентно знакомили русскую общественность с историей и культурой болгарского народа. Но они не отличались необходимой полнотой. Так, например, ...отсутствовали материалы о непосредственном участии болгар в Крымской войне». Это, по мнению А.А. Улуняна, объяснялось «слабой организацией корреспондентской службы, запрещением корреспондентам находиться в действующей армии»²².

Последней работой Акопа Арутюновича, опубликованной уже после его кончины, стала статья «Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и российская общественность» – в сборнике материалов международной конференции, прошедшей в феврале 2003 г. в Москве²³. Именно с таким докладом он выступил на этой конференции.

Следует отметить, что в 1990-е годы в болгарской историографии появились труды, в которых их авторы, игнорируя исторические свидетельства, всячески стремились умалить заслуги России в освобождении Болгарии. Акопа Арутюновича очень огорчала эта новая тенденция, возникшая и развивавшаяся, по его убеждению, в угоду политической конъюнктуре.

Разумеется, он, умный, мудрый и опытный человек, понимал причины данных «новшеств» и подобной «модернизации» истории и не сомневался, что со временем объективность вновь восторжествует, но, тем не менее, со свойственными ему эмоциональностью, принципиальностью и неумением жить по двойным стандартам, часто находился в подавленном состоянии. Помню, как однажды он с горечью сказал мне: «Никогда не думал, что доживу до того, чтобы доказывать **болгарам** решающую роль России в их освобождении».

Я присутствовала на том заседании в феврале 2003 г., на котором выступал Акоп Арутюнович. Чеканные, тщательно отредактированные фразы, яркие цитаты... Он всю свою жизнь занимался этой темой, сделал немало открытий в архивах и мог бы говорить об освобождении Болгарии хоть целый день, не заглядывая ни в какие записи, и его бы слушали — так это было интересно. Но он волновался и поэтому, как всегда в подобных случаях, читал доклад по-написанному своим негромким глуховатым голосом. И всем присутствующим было ясно, что это выступление блестящего профессионала, не только четко и аргументированно излагавшего свою позицию, но и готового ответить на любой каверзный, провокационный вопрос, отстоять каждый свой тезис, каждый вывод. Акоп Арутюнович был боец, боец во всем, несмотря на болезнь, поэтому с ним предпочитали «не связываться», даже те, кто был настроен весьма решительно в своих попытках «пересмотреть» историю и умалить роль России в освобождении Болгарии. Иначе они бы рисковали быть публично осмеянными человеком, ученым, чей авторитет в данной области был непререкаем.

На основе этого доклада Акоп Арутюнович написал свою последнюю статью. В ней он привел слова известного болгарского историка Андрея Пантева, выступившего против вышеупомянутых веяний в болгарской историографии: «Помощь России в освобождении Болгарии является неумолимым и незыблемым реальным фактом в болгарской истории, который сегодня в угоду конъюнктуре стремятся принизить некоторые “модернизаторы”». И далее А. Пантев писал: «Россия совершила великую освободительную миссию в Европе. И в данном случае Россия

оказалась в большей степени европейским государством, нежели те либеральные общества, которые с безразличием смотрели на многовековые страдания болгарского народа»²⁴.

В своей статье А.А. Улунян, вновь на основе документов, которые его оппоненты предпочли забыть, оставить в XX веке, показал различные виды той помощи, которую оказала Россия Болгарии в 70-е годы XIX в. При этом он сделал акцент на конкретных цифрах помощи населения всех губерний и уездов Российской империи «славянскому делу». Ученый привел впечатляющий факт: к концу 1877 г. только на нужды Красного Креста поступило около 10 млн руб.²⁵ Наряду с этим Акоп Арутюнович счел необходимым еще раз подчеркнуть значительную роль русской периодической печати в формировании общественно-го мнения в защиту славян, в том числе болгарского народа.

* * *

Вклад А.А. Улуняна в отечественную и мировую болгаристику бесспорен, однако рассмотренными выше трудами ученого он не исчерпывается. Акоп Арутюнович не был кабинетным ученым. Его активная жизненная позиция, природный темперамент, удивительная эмоциональность, постоянное стремление к поиску истины не давали ему покоя и побуждали к действию. К тому же и время, в которое он жил и творил, не предоставляло возможности практически никому, особенно коммунисту, каковым он являлся, отрешившись от суетного мира, проводить все свои дни в тиши уютного кабинета за письменным столом, в окружении книг и рукописей, и создавать одну монографию за другой. Об этом можно было только мечтать! А в реальности — всевозможные общественные и научно-организационные нагрузки. Кстати, они отнимали у ученых очень много времени, того самого, которое они бы могли весьма продуктивно использовать для своих исследований.

Не исключением был и Акоп Арутюнович. В молодые годы он вместе с другими сотрудниками Института, своими ровесниками, неоднократно выезжал в колхоз на сельхозработы. В его личном деле сохранилась справка с печатью от сельскохозяйственной артели «Новый путь» Истринского района

Московской области, подтверждающая, что «тов. А.А. Улунян работал в колхозе с 16 по 31 мая 1957 г.». Среди последующих его общественных нагрузок значатся: агитатор, зав. агитпунктом, зам. парторга сектора, начальник штаба народной дружины («дружинники» следили за порядком в городе, в основном по вечерам, помогая, таким образом, милиции).

Наряду с этим, в 1970–1980-е годы Акоп Арутюнович активно участвовал в сопровождении болгарских ученых (в том числе академиков БАН Д. Косева и Н. Тодорова), приезжавших в СССР для участия в различных торжественных мероприятиях, а также для научной работы в рамках межакадемического сотрудничества. Мне, сопровождавшей в эти же годы и в том же формате югославских ученых, не раз приходилось «пересекаться» с Акопом Арутюновичем на данном поприще. И я не могла не видеть, с каким уважением, доброжелательностью и симпатией общаются с ним болгарские коллеги – и рядовые сотрудники, и мэтры с орденами и званиями, как они улыбаются, как искрятся их глаза, когда «на горизонте» появляется А.А. Улунян. Для них он тоже был не только ученым, посвятившим свою жизнь изучению истории их страны. Человеческая составляющая его личности ценилась ими не менее высоко. Не случайно Акоп, как они его называли, был в Болгарии таким желанным, дорогим гостем – и в официальных учреждениях, и в домах его болгарских друзей.

Но главной «общественно-научной» нагрузкой Акопа Арутюновича стала его работа в качестве ученого секретаря советской части Комиссии историков СССР и НРБ, созданной в июне 1968 г. с целью «укрепления и расширения сотрудничества советских и болгарских историков..., организации обсуждения ключевых проблем истории СССР и Болгарии»²⁶.

Председателями советской части Комиссии являлись – акад. Е.М. Жуков (до 1980 г.), с 1980 г. – акад. М.П. Ким, с июля 1988 г. – чл.-кор. (впоследствии – акад.) Г.Г. Литаврин; председателем болгарской части Комиссии – акад. Д. Косев. С 1983 г. Комиссия была включена на правах секции в состав советско-болгарской Комиссии по сотрудничеству в области общественных наук.

В рамках Комиссии историков СССР и НРБ была проведена серьезная подготовка мероприятий, посвященных 100-летию Апрельского восстания 1876 г. и Освобождения Болгарии в 1878 г., и др. Заседания Комиссии и научные конференции проходили в Москве, Софии, Варне, Кишиневе, Киеве, Львове. По результатам этих мероприятий выпускались совместные научные труды: «История и культура Болгарии» (М., 1981), «Советская болгаристика. Итоги и перспективы» (М., 1983), «Интернационального и национального в опита на строителство на социализма» (София, 1985), «Руско-български връзки през векове» (София, 1986).

За 20 лет своей деятельности Комиссия провела 12 пленарных и 5 рабочих заседаний, 15 двусторонних конференций и симпозиумов по актуальным проблемам средневековой, новой и новейшей истории СССР и НРБ²⁷.

Ученым секретарем советской части Комиссии А.А. Улунян трудился (именно трудился, а не числился), начиная с мая 1970 г., в течение 20 лет. Все мероприятия готовились при его активном участии и прошли успешно, в чем была его большая заслуга. Председатели советской части Комиссии акад. Е.М. Жуков и акад. М.П. Ким неоднократно отмечали профессионализм, добросовестность, принципиальность и чувство ответственности Акопа Арутюновича за порученное дело.

За большой вклад в развитие болгаристики и болгарско-советских научных связей А.А. Улунян был удостоен следующих болгарских наград: Орден Кирилла и Мефодия II степени, Орден Кирилла и Мефодия I степени, медаль «100 лет со дня освобождения Болгарии от османского ига».

В советское время по заданию руководства Института Акоп Арутюнович писал много всевозможных справок для директивных органов. Это была еще одна, к тому же очень ответственная работа, которая отнимала массу времени от научных исследований. Среди этих материалов – записка о трудах болгарских историков об ассимиляторской политике Османской империи по отношению к болгарскому населению (февраль 1986 г.), о турецком национальном меньшинстве в Болгарии (январь 1987 г.) и др.

Ученый много выступал по радио на Болгарию: по случаю 110-й годовщины Апрельского восстания 1876 г. (апрель 1986 г.), 110-й годовщины русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (февраль 1987 г.), а также 110-й годовщины Шипкинской эпопеи (август 1987 г.) и взятия Плевны (сентябрь 1987 г.) и др.

В Болгарии были переведены и изданы две его монографии, опубликованы многие статьи – как в научных изданиях, так и в современной периодике (см. список опубликованных трудов А.А. Улуныяна).

В приказе тогдашнего директора Института славяноведения РАН В.К. Волкова (1930–2005) в связи с 70-летием А.А. Улуныяна (8 марта 1994 г.) говорилось о юбиларе как о «крупнейшем специалисте по истории Болгарского возрождения и русско-турецкой войны 1877–1878 гг.». И это была высокая и заслуженная оценка. Но мы, коллеги и друзья, ценили его не только за это.

Акоп Арутюнович был очень ярким представителем нашего научного сообщества славистов-балканистов. 29 сентября 2013 г. исполнилось 10 лет со дня его кончины. Говорят, время «лечит» и притупляет боль утраты. Увы! Не «лечит» и не притупляет. Горечь утраты не исчезла, и все так же нам не хватает нашего дорогого Акопа, его жизнерадостности, остроумия, чудесных рассказов обо всем на свете, мудрых, ненавязчивых советов, помощи в трудную минуту. Это был человек-атмосфера, создававший вокруг себя удивительное пространство, в котором царили доброта, веселье, дружба, стремление помочь людям, преданность долгу и своему призванию. Вспоминаю, как во время наших секторских посиделок по разным праздникам все сотрудники хотели сидеть рядом с ним, потому что в этом случае вас просто не покидало чувство радости и счастья – так обаятельна была его личность.

Акоп Арутюнович, фронтовик, очень любил отмечать в секторе День Победы (как правило, это было накануне 9 мая). Во время таких встреч он и сам рассказывал о своей фронтовой жизни, с присущей ему скромностью, и с удовольствием слушал рассказы других ветеранов. И это было так замечательно – смотреть в те моменты на его одухотворенное, молодое лицо.

Он всю жизнь был очень требовательным к себе человеком. Сколько раз коллеги и начальство убеждали его написать и защитить докторскую диссертацию, ведь его работы были именно докторского уровня. Но он только отмахивался, ссылаясь на годы и болезни. «Докторами наук должны быть молодые», — говорил он, и это была его позиция, а не заниженная самооценка.

Доктором исторических наук стал его сын (в 32 года), известный российский ученый, специалист по новой и новейшей истории Балкан, центрально-азиатской тематике и международным отношениям, Арутюн Акопович Улунян, которого друзья и коллеги называют Артемом, а отец звал Артемкой. Акоп Арутюнович очень гордился его успехами, преданностью науке, фантастическим трудолюбием и целеустремленностью. В свое время именно Улунян-старший «выбрал» для сына-студента научную специализацию — историю Греции. Я помню, как он советовался со мной по этому вопросу. Именно Улунян-старший привез из Болгарии Улуняну-младшему пишущую машинку с греческим алфавитом (о компьютерах тогда даже не слышали), истратив на это большую часть гонорара, полученного за свои труды, которые он опубликовал в болгарских изданиях. И достижения Артема — это тоже очень важная дань памяти Акопу Арутюновичу.

* * *

Возможно, строгий критик, ознакомившись с научным наследием Акопа Арутюновича Улуняна, скажет, что новые документы и фактография это, конечно, хорошо, но где же обобщающие, теоретические труды, в которых ставятся и исследуются ключевые проблемы истории Болгарии и русско-болгарских отношений? Да, это так — в активе ученого их нет. Но дело в том, что Акоп Арутюнович к этому и не стремился. Свою задачу как исследователя, ту, которая была ему по силам, он видел прежде всего в том, чтобы сделать как можно больше открытий в архивах и библиотеках, собрать как можно больше нового материала по теме, создав таким образом обширную источниковую базу для изучения комплекса вышеуказанных

проблем, в том числе и будущими поколениями российских и зарубежных историков. Для него всегда приоритетным было создание и утверждение нового знания. И в этом плане он был типичным представителем отечественного исторического славяноведения 2-й половины XX в., когда накопление новых документов и фактов являлось одним из главных направлений деятельности ученых. Это была весьма трудоемкая, протяженная во времени работа, требующая от них профессионализма, самоотверженности, увлеченности и просто любви к изучаемому предмету. Разумеется, и в эти годы было немало исследователей, которые создавали первоклассные теоретические труды, посвященные рассмотрению глобальных проблем, а не конкретно-исторических вопросов. Но А.А. Улунян относился к тем, кого прежде всего интересовала «конкретика», как он говорил. И на этом поприще он трудился всю свою жизнь — трудился честно, самозабвенно, с азартом, невзирая на недуги и жизненные обстоятельства. «Наша профессия, может, и не самая важная для страны и народа, но зато самая интересная!» — это его слова.

Именно таким — увлеченным, преданным делу и мудрым — Акоп Арутюнович Улунян остался в нашей памяти.

Примечания

- ¹ Улунян А. А. Болгарский народ и русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1971. С. 5.
- ² Там же. С. 50.
- ³ Там же. С. 106.
- ⁴ Улунян А. А. Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия (Очерки). М., 1978. С. 47.
- ⁵ Там же. С. 56.
- ⁶ Там же. С. 165.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 197–198.
- ⁹ Там же. С. 184.
- ¹⁰ Там же. С. 188–189.
- ¹¹ Улунян А. А. Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1994. С. 13.
- ¹² Там же. С. 16.
- ¹³ Там же. С. 23.
- ¹⁴ Там же. С. 196.
- ¹⁵ Там же. С. 200.

¹⁶ Улунян А. А. Деятели болгарского национально-освободительного движения. XVIII–XIX вв. Библиографический словарь. Т. I. А–К. М., 1996. С. 5.

¹⁷ Там же. Т. II. Л–Я. М., 1996. С. 179.

¹⁸ Улунян А. А. Русская периодическая печать времен Крымской войны 1853–1856 г. о Болгарии и болгарях // Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. – 1878 г.). М., 1995.

¹⁹ Там же. С. 165.

²⁰ Там же. С. 170–171.

²¹ Там же. С. 172.

²² Там же. С. 202.

²³ Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М., 2006.

²⁴ Там же. С. 52.

²⁵ Там же. С. 57.

²⁶ См.: Матеев Б., Улунян А. А. 20-летие Комиссии историков СССР и НРБ // Вопросы истории. 1988. № 12. С. 169.

²⁷ Там же. С. 171–172.

Список опубликованных трудов А. А. Улуяна

Монографии:

- ♦ Болгарский народ и русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1971. Монография переведена и издана в Болгарии: Българският народ в руско-турската война 1877–1878. София, 1972.
- ♦ Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия / Очерки. М., 1978. Монография переведена и издана в Болгарии: Априлското въстание 1876 г. и Русия. София, 1983.
- ♦ Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1994.
- ♦ **Биобиблиографический словарь** «Деятели болгарского национально-освободительного движения. XVIII–XIX вв.». Т. I–II. М., 1996.

Статьи и рецензии:

- ♦ Рецензия на издание «Славянский архив» – «Полезное издание по истории славянских народов» (в соавторстве с В.М. Хевролиной) // Вопросы истории. 1962. № 10.
- ♦ Из неизданных писем на Любен Каравелов // Исторически преглед. София, 1963. № 2.
- ♦ Помощь болгарского народа русской армии в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 40. М., 1964.
- ♦ Из истории национально-освободительной борьбы болгарского народа в период русско-турецкой войны (1877–1878 г.) // Институт за история. Известия. Т. 14–15. София, 1964.
- ♦ Неопубликованные материалы по истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Славянское источниковедение. Сборник статей и материалов. М., 1965.

- ◆ Участие болгарского народа в русско-турецкой войне (1877–1878 гг.) // Славянское возрождение. Сборник статей и материалов. М., 1966.
- ◆ Рецензия на кн.: Фундулис Х. Формы экономического сотрудничества между Народной Республикой Болгарией и Грецией. София, 1965 // Новые книги за рубежом по общественным наукам. М., 1966. № 5.
- ◆ Нови документи из историята на руско-турската война в 1877–78 г. // Исторически преглед. 1968. № 1.
- ◆ Из истории национально-освободительного движения в Болгарии 60–70-х годов XIX в. (По донесениям русских консулов) // Институт за история. Известия. Т. 20. София, 1968.
- ◆ К истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Публикация // Славянская историография и археография. М., 1969.
- ◆ «Летучий военный листок» по време на руско-турската война // Военно-исторически сборник. София, 1969. №1.
- ◆ Руският печат през 70-те години за историята на национално-освободителната борба и за участието на българите в Освободителната война // Военно-исторически сборник. 1969. № 4.
- ◆ Из историята на формирането на български чети и нови писма на П. Хитов. // Военно-исторически сборник. 1969. № 5.
- ◆ «Българските орли». Българските войводи и четници през очите на руски журналисти // Отечествен фронт. 2 марта 1969 г.
- ◆ Руският печат за Българското опълчение // Работническо дело. 3 марта 1969 г.
- ◆ Първата българска жена-лекар // Здравен фронт. 31 мая 1969 г.
- ◆ Нови документи за революционната дейност на Л. Каравелов, В. Левски, Хр. Ботев, П. Хитов из руски дипломатически архиви // Исторически преглед. 1969. Кн. 5.
- ◆ La presse russe et quelques questions relatives au mouvement de liberation nationale bulgare // Etudes balkaniques. Sofia. 1969. № 4.
- ◆ Русская пресса об участии болгар в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Юбилей дружбы. Кишинев, 1969.

- ♦ Освобождението на България и руската преса // В защита на мира. София, 1969. № 9.
- ♦ Руският печат за национално-освободителната борба на българския народ през руско-турската война // Освобождението на България. София, 1970.
- ♦ О формировании болгарских чет в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Славяне и Россия. М., 1972.
- ♦ Документы об участии болгар в Крымской войне и национально-освободительной борьбе в 60-е годы XIX в. // В память на акад. Михаил Димитров. София, 1974.
- ♦ Отзвуци на Априлското въстание в арменския печат и в арменското национално-освободително движение // Исторически преглед. 1976. № 1.
- ♦ К вопросу о пребывании Христо Ботева в России накануне Старозагорского восстания 1875 года (К биографии болгарского революционера и поэта) // Советское славяноведение. 1977. № 2.
- ♦ Русия и Освобождението на България от османското иго // Политическа просвета. София, 1978.
- ♦ Россия и освобождение Болгарии в 1878 г. (на армянском языке) // Историко-филологический журнал. Ереван, 1978.
- ♦ Болгария накануне и в период Апрельского восстания 1876 г. (по донесениям русских дипломатов) // Балканские исследования. Вып. 3. М., 1978.
- ♦ Десет години Българо-съветска Комисия на историците // Исторически преглед. 1978. № 5.
- ♦ Десять лет работы Комиссии историков СССР и НРБ (в соавторстве с Б. Матеевым) // Вопросы истории. 1978. № 11.
- ♦ Нови сведения за дейността на Хр. Ботев в навечерието на Старозагорското въстание в България през 1875 г. // Векове. София, 1979.
- ♦ Болгарская молодежь в учебных заведениях России (1854–1877 гг.) // История и культура Болгарии. М., 1981.
- ♦ Българското национално-освободително движение в навечерието и по време на руско-турската война 1877–1878 г. // Освобождението на България. София, 1982.

♦ Советская историография о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Советская болгаристика. Итоги и перспективы. М., 1983.

♦ Единственият изход. Руският печат за Съединението на Княжество България и Източна Румелия // Отечествен фронт. 10 апреля 1985 г.

♦ Руският консервативен и либерален печат за Съединението на Северна и Южна България // Исторически преглед. 1985. № 12.

♦ Болгаро-российские общественно-политические связи. 50–70-е годы XIX в. Кишинев, 1986 (в соавторстве).

Глава 3. Освободительная борьба болгарского народа и Россия (с начала до середины 70-х гг. XIX в.): Параграф 3. Начало Восточного кризиса 70-х гг. XIX в. и русская дипломатия (С. 136–141); параграф 5. Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии и общественность России (С.152–172).

Глава 4. Россия и освобождение Болгарии от османского ига: Параграф 4. Боевые действия русской армии за Дунаем. Участие болгарского народа в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. (С. 206–221).

♦ Образование болгарского буржуазного государства и русская общественность //II Конгресс по болгаристике. Материалы. София, 1986.

♦ Героическая эпопея болгарского народа (К 110-летию восстания 1876 г.) // Вопросы истории. 1986. № 5.

♦ Жизнь и деятельность Любена Каравелова в освещении русской периодической печати 1877–1879 гг. // Балканские исследования. Вып. 10. М., 1987.

♦ Васил Левски и национально-освободителното движение на арменския народ // Нова светлина. София. 6 октябрия 1987 г.

♦ Национално-освободителното движение на арменския народ, примерът на българите и делото на Васил Левски // Исторически преглед. 1988. № 4.

♦ Образование болгарского буржуазного государства и русская общественность // България след Освобождението (1878). София, 1988.

♦ 20-летие Комиссии историков СССР и НРБ // Вопросы истории. 1988. № 12 (в соавторстве с Б. Матеевым).

♦ Русская периодическая печать времен Крымской войны 1853–1856 гг. о Болгарии и болгарях // Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в.–1878 г.). М., 1995.

♦ Отклики русской периодической печати на Кресненско-Разложское восстание // Балканите. София, 1998.

♦ Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и российская общественность // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М., 2006.

**Фотографии из личного архива
Ар. А. Улуняна**

*А. А. Улунян,
июнь 1941 г.*

*А. А. Улуян,
май 1945 г.*

★
Н. К. С.

ВОЙСКОВАЯ ЧАСТЬ
ПОЛЕВАЯ ПОЧТА
— 63462 —
12. май 1945 г.
466

СПРАВКА

Выдана *Сол. и Метр. Фрунзе* *Улуняну*
Улеву *Артемьеву*
в том, что он находился в составе войск, которым за
отличные боевые действия по освобождению гор.
Будапешта
от немецко-фашистских захватчиков, Верховным Главно-
командующим Маршалом Советского Союза товарищем
С Т А Л И Н Ы М приказами от *13.02.45 года*
Кривая № 227
объявлена **Б Л А Г О Д А Р Н О С Т Ь**.

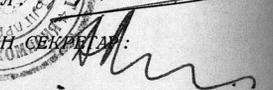
КОМАНДИР ЧАСТИ: *[Подпись]*

*Справка об участии А. А. Улуняна в боевых действиях
по взятию г. Будапешта*

*Лето 1969 г.
Защита кандидатской диссертации в Болгарии
(г. София). Справа от А. А. Улуяна – директор
Института истории Болгарской Академии наук
Христо Христов, с 1974 г. – академик*

ВИСШАТА АТЕСТАЦИОННА КОМИСИЯ ПРИ
МИНИСТЕРСКИЯ СЪВЕТ в заседанието си на
..... 13 октомври 19.69 год. (протокол № 17.....)
ПРИСЪДИ на **АКОП АРУТЮНОВИЧ УЛУНЯН**
.....
роден на **8.III.1924 г. в гр.Симферопол, Украйна**
.....
научна степен
КАНДИДАТ НА **ИСТОРИЧЕСКИТЕ** НАУКИ
.....
ПРЕДСЕДАТЕЛ:
НАУЧЕН СЕКРЕТАР:

*Диплом кандидата исторических наук,
выданный в Болгарии*

*20 мая 1970 г., София.
Заседание Комиссии историков СССР и НРБ.
Прием у Цолы Драгойчевой (1898–1993), председателя
Всенародного комитета болгаро-советской дружбы
(с 1957 г.), члена Политбюро ЦК Болгарской
Коммунистической партии (с 1966 г.)*

*Май 1978 г., Киев.
Прогулка по Днепру после заседания
Комиссии историков СССР и НРБ*

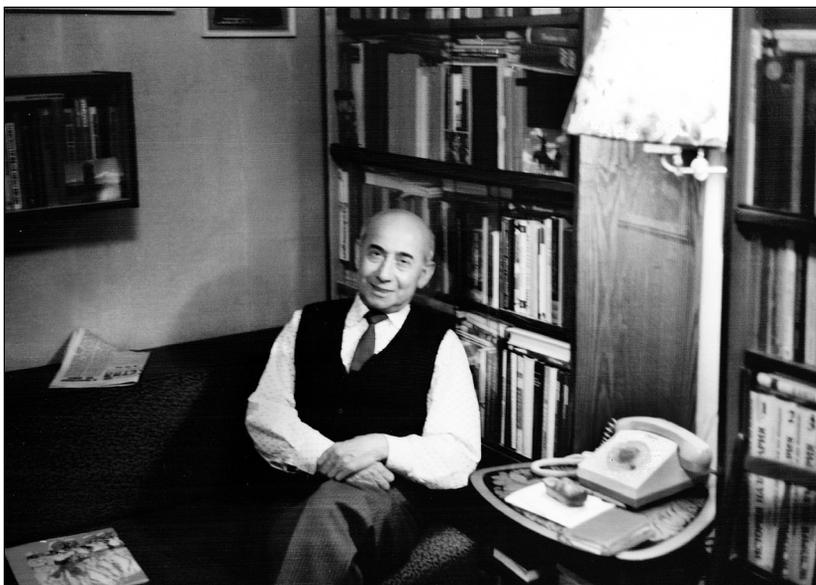
*Май 1988 г.,
Болгария*

*А. А. Улуния
с другом Николаем Тодоровым (1921–2003), будущим
академиком БАН, известным ученым-балканистом,
1960-е годы*

*И снова они,
1984 г.*

*А. А. Улуњян дома,
конец 1990-х годов*

ЧАСТЬ

II

Артюм Акопович УЛУНЯН

**Дэвид Уркварт,
«The Portfolio» и начало конца
тайной дипломатии Санкт-Петербурга.
Секретные дипломатические
документы Российской империи
в британской печати (1835–1837 гг.)**

Одним из важных и обусловленных особенностями политической культуры Великобритании феноменов является высокая степень влияния прессы на ее общественно-политическую жизнь. В исторической традиции этого государства политическая журналистика не только привлекала внимание представителей средних и высших слоев общества, но и способствовала формированию общественного мнения, а также общенационального дискурса по конкретным вопросам внутривнутриполитической жизни и внешней политики империи, «в которой никогда не заходит солнце». Британская общественно-политическая публицистика XIX в., как на самих островах, так и в колониях, продолжает сохранять до сих пор свою значимость как важный исторический источник. Дискуссии по внешней политике, проходившие в периодической печати Великобритании, отличались широким спектром затрагиваемых тем, одной из которых, и нередко доминировавших, являлись взаимоотношения, а точнее – соперничество, Британской и Российской империй в контексте так наз. Восточного вопроса. Последний, в британской историографической традиции, несмотря на общий «восточный» вектор, имел различную географическую локализацию: от Центральной Азии, Ближнего

(в соответствии с современной русскоязычной практикой)

Востока, крымско-черноморского (периода Крымской войны) театра военных действий и, наконец, до Балкан и Малой Азии, т. е. регионов, входивших в состав Османской империи или связанных с ней и имевших прямое отношение к судьбам европейской политики. В сложившейся зарубежной и отечественной историографии международных или двусторонних британо-российских отношений, несмотря на общие черты и различия, тема обнародования конфиденциальных дипломатических документов в периодических изданиях и степени влияния подобных публикаций на формирование внешнеполитического курса, борьбу по вопросам внешней политики в высших эшелонах власти и воздействие на политический класс пока не стала особым направлением исторических исследований. Тем не менее, обращение к этим сюжетам представляет определенный исторический интерес. Об этом свидетельствуют соответствующие исследования, посвященные изданию дипломатических документов (как подлинных, так и искусственно «сконструированных», т. е. фальсифицированных) и внутривосточной борьбе в Британии, ряде балканских стран, а также России¹. Особый интерес представляют как сами источники получения подобных документальных материалов, передававшихся впоследствии в прессу, так и их публикаторы.

Одной из фигур, продолжающих сохранять свою значимость для исследователей данной тематики, является личность известного в русскоязычной традиции Дэвида Уркварта (1.07.1805 – 16.05.1877), а в британско-шотландской – Дэвида Аркарта. На протяжении своей более полувековой общественно-политической деятельности с конца 20-х годов и вплоть до конца 50-х годов XIX в. этот представитель древнего шотландского клана Аркарт был дипломатом, публицистом и первым в истории европейских государств создателем сети общественных организаций, являвших собой прообраз структур «народной дипломатии», независимых от правительства, и политических партий, стремившихся оказывать влияние по вопросам внешней политики как на правительство, так и общественно-политические круги². Знакомство Д. Уркварта с Джереми

Бентемом — известным философом, юристом, общественным деятелем, а также основателем британской секретной службы, сыграло важную роль в его жизни. Именно по рекомендации Бентема он стал интересоваться Востоком.

Начало политической биографии Уркварта было ознаменовано его участием с зимы 1827 г. до поздней осени 1828 г. в освободительной войне греков против Османской империи. В ней проявил себя и его старший брат — Чарльз Гордон Уркварт, получивший звание полковника и погибший в марте 1828 г. После тяжелого ранения, полученного во время боевой операции при осаде о. Хиос, Дэвид продолжал оставаться в Греции вплоть до окончания основных сражений и покинул ее лишь в ноябре 1829 г. В марте 1830 г. он возвратился в страну, которой после окончания войны предстояло в соответствии с международными договорами определить границу с Османской империей. Д. Уркварт практически по собственной инициативе занимался изучением этого вопроса и через свою мать, знакомую с заместителем государственного секретаря по обороне (министра) генерал-лейтенантом Гербертом Тейлором — личным секретарем короля Вильгельма IV, передал составленный им доклад британскому монарху. Способности молодого человека были замечены, и его официально назначили членом разграничительной комиссии. С 1831 по 1832 г. он сопровождал Чарльза Стратфорд-Каннинга в Османскую империю, где последний выполнял обязанности посла. После возвращения в Лондон Уркварт уже вскоре вновь был направлен в Стамбул с тайной миссией выяснить возможности расширения британской торговли на Востоке³. Именно в это время он все больше начинает интересоваться Востоком, его культурой и обычаями, устанавливает связи с высокопоставленными чиновниками Османской империи⁴. Война османского вассала — египетского правителя Мухаммеда Али-паши против своего сюзерена султана Махмуда II заставила последнего искать себе союзников из числа великих держав. Британия и Франция воздерживались от вовлечения в этот конфликт и соблюдали в сложившейся ситуации нейтралитет, поэтому султан обратился к России — в обмен на серьезные уступки, среди которых

было фактическое закрытие Проливов для иностранных судов в случае войны, что нашло свое отражение в Ункяр-Искелесийском договоре, заключенном 26 июня (8 июля) 1833 г. О подготовке к нему было сообщено османскими чиновниками находившемуся в Стамбуле Д. Уркварту. Являвшийся в то время государственным секретарем по иностранным делам Пальмерстон проявил обеспокоенность его столь тесными контактами с османскими властями. По мнению главы британского МИД, это могло нанести ущерб взаимоотношениям Британии с Россией и ослабить британские позиции как в Европе, так и на Востоке, а при определенных обстоятельствах даже привести к военному конфликту уже европейского масштаба. Возвращение Уркварта в британское посольство в Стамбуле ознаменовалось появлением нового направления его деятельности — черноморского побережья Кавказа, где проживали адыгские народы. Во время тайного посещения Черкесии Уркварт не только собрал военно-политические сведения, но и выступил в роли координатора в деле объединения черкесских народов (адыгов, убыхов и др.), став известен как автор идеи их флага. Фактически его деятельность была направлена на создание условий, способных ограничить продвижение Российской империи в этот регион⁵. Примечательно, что британский посол лорд Понсонби отмечал в одной из депеш, направленных в Лондон, что именно расширение владений Российской империи на Кавказе, имея в виду ее планы взятия Проливов под контроль, а не укрепление ее контроля над Польшей после подавления восстания, способно усилить влияние Санкт-Петербурга на международной арене⁶. Однако Пальмерстон в резкой форме потребовал отказаться от планов поддержки независимости Черкесии, так как считал, что это нанесет непоправимый урон британо-российским отношениям, а само движение черкесов против продвижения царской России обречено и продлится недолго⁷. Поэтому он срочно обратился к лорду Понсонби с требованием немедленно удалить Уркварта из Стамбула. По возвращении в Лондон опальный дипломат издал политический памфлет под названием «Англия, Франция, Россия и Турция». В нем он жестко обвинял Российскую

империю за проводимую ею политику постоянных захватов. Последующая недолгая дипломатическая карьера шотландца, продолжавшаяся до 1838 г., была связана с Османской империей, Северным Кавказом (где он рассчитывал на объединение местных народов в борьбе против продвижения Российской империи) и внешней политикой царской России.

Постепенно, но неуклонно нараставший конфликт Д. Уркварта и лорда Пальмерстона способствовал усилению политической активности и артикуляции «общественного призыва» Уркварта, ставшего известным в политических и общественных кругах как непримиримый противник политики Пальмерстона. Публичная деятельность бывшего дипломата состояла из двух взаимосвязанных направлений. Первым из них было участие в политике на институциональном уровне, что нашло свое выражение в его избрании в британский парламент, членом которого он являлся на протяжении 1847–1852 гг., а также организация по всей стране в 1857–1858 гг. так наз. общественных «Комитетов внешней политики» («Foreign affairs committees»)⁸. Они были призваны оказывать давление на правительство в вопросах внешней политики и имели своих сторонников за рубежом, включая даже Османскую империю⁹.

Второй частью активности Дэвида Уркварта, вероятно, не менее, но еще более важной, была его публицистическая деятельность, достаточно противоречивая и принесшая ему известность не только в Британии, но и за рубежом. Ее первым опытом являлось начавшееся издание на английском и французском языках осенью 1835 г. журнала, носившего достаточно длинное название – «Портфолио или собрание государственных документов и т. д., и т. д., иллюстрирующих историю нашего времени» («The Portfolio or a Collection of State Papers etc. etc. illustrative of the History of our Times»; «Le Portfolio ou Collection de documens politiques relatifs à l'histoire contemporaine»). Франкоязычное издание осуществлялось Аугустом Кампе (1773–1836 гг.), выходцем из семьи брауншвейгских книгоиздателей и книготорговцев, создавшим в Гамбурге в начале 1800-х годов издательство, ставшее известным благодаря одной из первых публикаций – переводу на немецкий язык «египетских днев-

ников» Наполеона. После переименований и смены партнеров по бизнесу, получив название «Hoffmann & Campe», издательство было передано Аугустом его брату Джулиусу¹⁰. В то же время, ряд изданий, выходивших в нем под патронажем лично А. Кампе, носили название «August Campe». Общественно-политическая деятельность А. Кампе была связана с 1805 г. с гамбургской масонской ложей «Loge Ferdinand zum Felsen»¹¹.

Популярность журнала «The Portfolio» в британских и европейских политических кругах, несмотря на самые различные оценки публиковавшихся в нем материалов, не минимизировали и тем более не ликвидировали враждебность между Урквартом и Пальмерстоном, который, в соответствии с логикой происходившего, должен был бы быть доволен результатами реализуемого проекта. В действительности, взаимоотношения между неформальным редактором издания и главой Форин оффиса продолжали ухудшаться. Уркварт все жестче прибегал уже к публичной адресной критике Пальмерстона за непоследовательность в отношении внешней политики Российской империи, особенно на северо-кавказском, турецком и центрально-азиатском направлениях, рассматривая действия британского министра иностранных дел как поощряющие экспансионистские планы Санкт-Петербурга. Не исключено, что Пальмерстон, не желая все глубже вовлекаться в дело «The Portfolio» как министр иностранных дел, уже на официальном уровне, отказался оплатить из средств британского МИД долги журнала, достигшие к июню 1836 г. 900 фунтов стерлингов, на что надеялся Уркварт, обратившийся за помощью к заместителю главы Форин оффиса Уильяму Фокс-Стрэнджвейсу. В 1838 г. Д. Уркварт был вынужден лично погасить задолженность.

Как появление «The Portfolio», так и его дальнейшая судьба оказались тесно связаны с британской внешней и внутренней политикой, с «российским фактором». Существование журнала являлось одной из первых практик в сложившейся традиции британской печати, прибегавшей и ранее к публикации отечественных дипломатических документов. Однако на этот раз обнародовавшиеся материалы были уже иностранного, в частности, российского происхождения и носили секрет-

ный характер. Их появление в руках британской стороны было во многом случайным, но последствия обнаружения могли серьезно повлиять на британо-российские отношения.

В первой половине 30-х годов XIX в. польские эмигранты – участники и руководители национально-освободительного восстания 29 ноября 1830 г. – 21 октября 1831 г., которые прибыли сначала во Францию, а затем в Британию, привезли с собой архивы, захваченные в 1830 г. в резиденции наместника Царства Польского великого князя Константина Павловича. Большой объем среди этих документов составляла секретная переписка российских послов за рубежом с российским МИД по широкому кругу вопросов за период с начала XIX в. и до конца 1820-х годов. Дипломатические депеши оказались у Владислава Замойского, племянника и советника князя Адама Ежи Чарторыйского, который был в период восстания сначала членом Административного совета, а затем, последовательно, председателем Временного и Национального правительств. Замойский передал документы лорду Пальмерстону, что подтверждалось и соответствующим письмом самого Замойского¹². На протяжении двух лет Пальмерстон хранил документы и не обращался к ним. Появление этих материалов в печати могло серьезно ухудшить взаимоотношения Великобритании с Россией, а также повлиять в целом на европейскую дипломатию, так как содержащаяся в них информация касалась большого количества стран и политических деятелей. Однако значение публикаций депеш в уже существующих британских газетах и журналах было бы несопоставимо малым в сравнении со специальным средством массовой информации, которое могло обнародовать секретные документы в виде отдельного издания. Таковым предстояло стать журналу «The Portfolio».

Обстоятельства его появления были достаточно детально, более чем на 40 страницах, описаны в 1844 г. в редакционной статье (автором которой, вероятно, был сам Д. Уркварт) шестого номера второго тома «The Portfolio», получившего в 1843 г., после возобновления его публикации, название «Портфолио. Дипломатическое обозрение. Новая серия» («The Portfolio: Diplomatic Review. New Series»). Фактически в статье призна-

валось, что публикация русских дипломатических документов была во многом санкционирована, при активной роли покойного короля Вильгельма, главой Форин оффиса Пальмерстоном, а также высокопоставленными чиновниками британского МИД. В то же время, сам британский министр иностранных дел пытался минимизировать для себя лично последствия обнародования дипломатических документов, полученных от Чарторыйского¹³.

Публикация секретной переписки российских дипломатов стала сенсацией и серьезно повлияла на ситуацию в политических кругах Британской империи, так как затрагивала принципиальный вопрос, постоянно дискутировавшийся как на уровне правительства, так и в парламенте страны. В его основе был спор между сторонниками и противниками жесткой реакции на действия Российской империи на Востоке и в Азии. По поводу самого Д. Уркварта, после появления первого номера «The Portfolio», премьер-министр лорд Мельбурн в письме от 7 января 1836 г. лорду Пальмерстону писал: «Полагаю, было бы хорошо направить его на его место службы. Такие активные личности более всего нужны в Леванте»¹⁴. Оценка опубликованной в «The Portfolio» русской секретной дипломатической переписки была достаточно однозначной в британских дипломатических кругах. Английский посланник в Османской империи лорд Понсонби писал 23 марта 1836 г. Уркварту о получении двенадцатого номера журнала и о знакомстве с его отдельными более ранними номерами. Несмотря на различия во мнениях с Урквартом по отдельным вопросам, Понсонби отмечал: «Депеши от Поццо ди Борго* ценны. Я больше всех должен ценить их, так как они подтверждают все, что я говорил в предыдущие годы, и [они] оправдывают всю политику, которую я рекомендовал проводить и, насколько это для меня возможно, действовать также в этом направлении. Я рад, что князь Меттерних узнает о том, как его оценивают русские. Я являюсь большим поклонником Меттерниха и преданным

* Карл Осипович (Шарль-Андре) Поццо ди Борго (8 марта 1764 — 15 февраля 1842) – дипломат и военный корсиканского происхождения, находившийся на русской службе с осени 1805 г. Был в разные годы послом в Вене и Лондоне.

другом Австрии, полагая, что Англия и Австрия должны быть близкими союзниками в общих интересах... Я не боюсь России ни на йоту, я также не боюсь ее будущей силы, имея в виду, что у нас есть как умные головы, так и решительные сердца в Великобритании, с тем, чтобы определять и использовать самые общие способы для нашей собственной безопасности и интересов. Я знаю, что Россия относится к породе Титанов, но ее конечности не сформированы и неуклюжи как у ребенка-переростка. Если бы кровь Титана была исчерпана в детстве, Юпитеру бы не пришлось бороться за Олимп, но Юпитер был успешным, так же как и будем и мы, пусть Россия делает то, что всегда, даже если она захватит Константинополь... Верю, что Вы не собираетесь покинуть Лондон. Вы бесценны там, и в Вас нет необходимости [здесь]»¹⁵. Примечательно, что сам Меттерних считал, что в политических кругах Британии получила распространение русофобия¹⁶, в основе которой лежали опасения по так наз. Восточному вопросу. Д. Уркварт был вынужден написать письмо в конце августа 1835 г. Меттерниху (на которое последний не ответил из-за нежелания поддерживать с ним какие-либо отношения), с извинениями по поводу содержавшегося в его популярной брошюре «Англия, Франция, Россия и Турция» пассажа о Меттернихе, как о «единственном человеке, который понимал Европу, и единственном, кого Россия была вынуждена бояться»¹⁷.

Со своей стороны британский посланник предупреждал Уркварта о том, что по его, Понсонби, мнению, председатель Торговой палаты Пулетт Томсон «относится к Вам и к “The Portfolio” с одинаковым неуважением. Я полагал, что он достаточно умный человек, чтобы так вести себя. Но я слишком мало или вообще не знаю его, за исключением того, что он был российским предпринимателем, и он мог естественно испытывать чувства в отношении страны, где получает прибыль. Есть еще несколько из тех, кто поддерживает или поддерживал подобные связи с Россией и кто может иметь преубеждения в ее пользу»¹⁸. Взаимоотношения между Британией и Россией в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в. испытывали на себе серьезное влияние широкого круга противоречий

между двумя империями как на европейских, так и азиатских направлениях международной политики, поэтому любой небольшой конфликт мог сыграть свою негативную роль¹⁹.

Повторно и в более расширенном варианте детали механизма подготовки выпуска нового журнала стали достоянием широкой общественности в феврале 1848 г., когда в палате общин британского парламента выступил Томас Энсти — известный британский юрист, будущий генеральный прокурор Гонконга и судья Верховного суда в Бомбее. Фактически это был парламентский запрос о деятельности Пальмерстона с целью его импичмента²⁰, и во многом он был инициирован не только самим Энсти, но и убедившим его в необходимости подобного шага Урквартом²¹. В определенной степени появление «The Portfolio» стало сочетанием ряда факторов, к числу которых относились события осени 1835 г., которые способствовали активизации британской дипломатии на русском направлении. Особую роль в этом сыграло выступление Николая I перед депутацией г. Варшавы 10 октября 1835 г. Не дав в демонстративно грубой форме выступить никому из присутствовавших поляков, российский император, во-первых, пригрозил разрушить Варшаву, если поляки вновь восстанут против царской России, и, во-вторых, предупредил о том, что Польша никогда не будет независимой. Речь императора, произнесенная на французском языке и носившая неофициальное название «Принадлежать России есть истинное счастье», вызвала серьезный резонанс в Европе, включая Британию. Король Вильгельм IV и часть правительственных кругов рассматривали сказанное российским императором как отказ от соблюдения договоренностей, конвенций и соглашений, заключенных во время Венского конгресса, частью которых являлось сохранение Царства Польского, хотя и под управлением российского императора. Разделение его территории и включение его на правах отдельных губерний в состав Российской империи, а также заявление о том, что поляки «принадлежат императору» не оставляли сомнений относительно дальнейшей политики Николая. После его варшавской речи король Вильгельм затребовал у Пальмерстона имевшиеся в его

распоряжении русские секретные дипломатические документы, переданные ему польскими эмигрантами. Они были изучены и рекомендованы для публичного оглашения. Личный королевский секретарь Герберт Тейлор обратился к Пальмерстону по поводу способа их публикации. Последний сообщил Тейлору о полученных от графа Замойского документах, а также о том, что он сам знаком с содержанием лишь некоторых из них. Однако вскоре стало ясно, что Пальмерстон знал о содержании всей переписки. Уже на этой стадии реализации операции глава Форин оффиса хотел дистанцироваться от прямого участия в ней, чтобы лишиться в дальнейшем своих оппонентов возможности заявить о его причастности к явно скандальному предприятию и не допустить своей компрометации в ущерб государственной карьере главы МИД. Последующие события лишь подтвердили это.

Как отмечал в 1848 г. в своем выступлении в парламенте Томас Энсти, редактор (его имя, однако, не было им упомянуто, хотя многие к тому времени уже знали, что это был Уркварт), занятый их подготовкой к печати, «не опубликовал ни одного документа без того, чтобы он не был заверен инициалами или подписью достопочтимого лорда [Пальмерстона]». Энсти заявил также о том, что обращается к этому факту, так как сам видел доказательства, подтверждавшие сказанное, в то время как Пальмерстон отвергал данный факт. По словам Энсти, Пальмерстон был вынужден, вероятно, под давлением Вильгельма, передать документы Уркварту для публикации. Последний был назначен за два месяца до появления журнала, в сентябре 1835 г., секретарем британского посольства в Константинополе, указ о чем был подписан королем 3 октября 1835 г. Миссия Уркварта была связана с заключением британо-турецкого торгового соглашения, однако, задерживалась из-за настойчивого требования самого Уркварта, желавшего получить на составленный им текст документа окончательное согласие Торговой палаты и Форин оффиса. В результате он смог отправиться в Турцию лишь в июле 1836 г. При этом Пальмерстон не мог заставить Уркварта уехать без согласованного текста договора, так как последний пользовался, по призна-

нию Энсти, благосклонностью Короны. Многие из вопросов, относившихся к конфликту между Урквартом и Пальмерстоном, как заявил Энсти, содержались в бумагах покойного Герберта Тейлора, который незадолго до своей кончины приказал уничтожить большую их часть, «за одним значимым исключением» — документов, касавшихся сокрытия Пальмерстоном фактической блокады Российской империей черноморского побережья Черкесии, о чем сообщал непосредственно Тейлору после своей поездки туда Уркварт.

По словам Энсти, Пальмерстон фактически санкционировал появление первого номера «The Portfolio» в ноябре 1835 г. Один из первых исследователей политической деятельности Д. Уркварта британский историк Дж. Глизон отмечал, что «документы Уркварта доказывают, что он пользовался с самого начала постоянными советами Фокса Стрэнгвейса, помощника политического секретаря Пальмерстона, и сэра Герберта Тэйлора. Первый из них был настолько энергичен, что Уркварт верил: его газета (так автор называл журнал «The Portfolio». — *Ар. У.*) получила поддержку Пальмерстона, а также думал, что его расходы будут возмещены Форин оффисом»²². Более того, и само название журнала было подсказано Стрэнгвейсом. Одним из косвенных подтверждений активного участия главы Форин оффиса в создании журнала «The Portfolio» может считаться его письмо премьер-министру лорду Мельбурну от 31 октября 1835 г. о необходимости проведения пропагандистской кампании против действий Российской империи: «Раскройте ее планы, и Вы наполовину победите ее. Возбудите общественное мнение против нее, и Вы удвоите ей трудности. Я полностью за то, чтобы поднять шумиху в ее отношении»²³.

В своем выступлении Энсти заявил о том, что считалось желательным избежать огласки участия как самого Уркварта, так и скрыть информацию о его связях с британским МИД в предпринятой операции. Такой образ действий был рекомендован британским королем Вильгельмом и активно реализовывался через его личного секретаря Г. Тейлора — ближайшего советника монарха. На должность номинального редактора издания был найден Сеймур Уэстмэккот, что сначала вызва-

ло негативную реакцию Пальмерстона, так как он полагал, что это — Чарльз Уэстмэккот, редактор скандально известной воскресной газеты «The Age», но затем согласился, после полученных объяснений: редактор «The Portfolio» — всего лишь однофамилец. Настоящим редактором фактически являлся Д. Уркварт. Вскоре Сеймур Уэстмэккот был заменен на более известную фигуру — бывшего секретаря британского посольства в Афинах Генри Хидли Пэриша (Henry Headley Parish), который был отозван со своего поста из-за нарушения субординации: он лично начал активно вовлекаться в греческие внутриполитические дела, не ставя даже в известность посла Эдварда Джеймса Доукинса (Edward James Dawkins), так как считал его слишком пророссийски настроенным²⁴. В опубликованной им позже, в 1838 г., книге «Дипломатическая история греческой монархии: начиная с 1830 г., и демонстрирующая передачу России закладных от их держателей — британских предпринимателей, в отношении греческой собственности и доходов»²⁵ резко критиковалась политика британского кабинета, приведшая, как считал Пэриш, к усилению позиций России в Греции. Спустя некоторое время судьба Д. Уркварта стала, в определенной степени, повторением судьбы Пэриша, занявшего в 1836 г. пост «титulyного», по сути, редактора.

Уже первый номер «The Portfolio», вышедший в ноябре 1835 г., когда его основатель и главный редактор Д. Уркварт еще находился на дипломатической службе, стал известен в общественно-политических и дипломатических кругах Великобритании, повлияв на их настроения, а также был достаточно серьезно воспринят за рубежом и, в первую очередь, в России. Как свидетельствовал Энсти, который, вероятнее всего, узнал подробности происходившего от Уркварта, включение варшавской речи Николая I в первый номер журнала было сделано по личному предложению Пальмерстона. Приведенные факты, как считал Энсти, давали основания считать, что на протяжении всего своего существования с ноября 1835 г. по июнь 1837 г. «The Portfolio» являлся «выразителем взглядов и исполнителем желаний» правительства покойного короля Вильгельма. Издание прекратилось накануне его смерти. Сам

монарх придавал ему особое значение как важному средству ознакомления британской и европейской общественности с подлинными замыслами российской дипломатии и угрозами, исходящими в адрес ряда государств Европы. Фактически оно выражало его взгляды, а также мнение Форин оффиса. Становилось ясно, что не было оснований считать, что «The Portfolio» не отражал взглядов Пальмерстона, ставившего в вину Д. Уркварту его причастность к публикациям в этом издании. Одним из подтверждений этому стало обнародование упоминавшейся выше варшавской речи Николая I. Ее появление на страницах «The Portfolio» не было случайным и не могло произойти без согласования с Пальмерстоном, который, по признанию Энсти, фактически визировал текст русских секретных депеш, публиковавшихся в этих номерах журнала. Официально опубликованный в российской прессе текст, как оказалось, существенно отличался от текстов, опубликованных в зарубежной прессе, прежде всего немецкой, французской и британской. Пассаж выступления российского самодержца, не появившийся в печати, о том, что «в целом я [Николай I] удовлетворен фактом того, как события развились до степени, когда только я являюсь Императором России и именно в этой связи вы [поляки] принадлежите мне», появился во втором номере «The Portfolio»²⁶. При этом были приведены различные версии выступления, опубликованные в немецкой и французской прессе. В аналитической статье журнала «The Portfolio», опубликованной в его третьем номере, открыто утверждалось, что «варшавская речь [Николая I] относится к Дарданеллам»²⁷. Со своей стороны, царские власти начали проводить собственное расследование с целью выяснить, кто сделал запись речи Николая I и передал ее газетам.

Основная часть документов, опубликованных в «The Portfolio» в его так наз. старой серии (1835–1837 гг.), и в меньшем количестве в новой (1843–1845 гг.), представляла собой копии депеш послов царской России в Париже (К.О. Поццо ди Борго), Вене (Д.П. Татищев) и Лондоне (Х.А. Ливен), полномочного министра там же А.Ф. Матушевича, министра иностранных дел Российской империи К.В. Нессельроде рус-

ским послам за рубежом. Фактически они демонстрировали явное противоречие между официально декларируемыми российской дипломатией целями Российской империи и ее подлинными действиями в Европе и на Востоке. Опубликованные материалы свидетельствовали о далеко идущих планах Российской империи в отношении Константинополя и Прованса, ее стремлении расширить военное и политическое присутствие на Востоке, особенно в приграничных с британскими владениями в Азии территориях и странах. Откровенные рассуждения дипломатов, содержащиеся в опубликованной переписке, способствовали появлению подозрений относительно дальнейших планов Санкт-Петербурга на чувствительных для Британии персидском и индийском направлениях. Среди аналитических и документальных материалов важное место занимали статьи, посвященные внешней политике Российской империи на Кавказе и в Дунайских княжествах. Особое значение при освещении последнего направления уделялось русским планам взятия под контроль этих территорий и судорожного на Дунае²⁸.

Доказательствами подлинных намерений России на международной арене были призваны стать опубликованные в 1835 г. журналом «The Portfolio» депеши князя Ливена и графа Матусевича, направленные Нессельроде и относящиеся к 1 (13) июня 1829 г. В них детально описывалось как двум дипломатам удалось ввести в заблуждение министра иностранных дел графа Абердина и главу правительства Веллингтона, что привело к расширению российского военного присутствия в важных для Британии регионах Средиземноморья, Балкан и Черноморья и достижению контроля над Дарданеллами²⁹. Была опубликована также депеша Ливена от 4 (16) января 1829 г., в которой ее автор сообщал в Санкт-Петербург: «Что же касается нашей войны на Востоке, каковыми бы не были предубеждения общественности в целом, то она не лишена защитников среди наиболее влиятельных членов обеих палат [парламента]. Благоприятная позиция, которую заняло наше правительство в отношении Англии, потребовало бы от них, если бы возникла такая необходимость, мощного оружия с

тем, чтобы воевать с правительством, и для них было бы проще доказать неразумность политики поощрения печати, вводящей в заблуждение народ о том, как будто бы о подлинной и соответствующей действительности позиции двух [Османской и Российской империй] находящихся в состоянии войны государств»³⁰. Одновременно в послании содержалась крайне нелицеприятная характеристика Веллингтона, когда Ливен писал о том, что «не будучи в состоянии скрыть от самого себя недостаток своих талантов как государственного деятеля и оратора и привлечь на свою сторону большинство обеих палат парламента, он [Веллингтон] стремился обеспечить хотя бы некоторое количество голосов более простыми способами и которые не менее действенны в этой стране, чем в других»³¹.

Реакция со стороны Матушевича и Ливена на появление этих материалов в «The Portfolio» свидетельствовала о явном замешательстве обоих дипломатов. Первый из них опроверг свое участие в «обмане Веллингтона», а жена второго — княгиня Д.Х. Ливен, которая сама была вовлечена во многие европейские дипломатические дела³², — заявила о том, что Матушевич заставил подписать ее мужа данную депешу, в которой содержалась информация о том, как британские политики были сознательно введены в заблуждение, а также приводилась их крайне нелестная характеристика³³.

Не меньшее значение имела публикация в «The Portfolio» ряда документов, касавшихся взаимоотношений России и Австрии — ближайшего союзника Санкт-Петербурга. Они свидетельствовали о явном стремлении российской стороны действовать вопреки этому союзу. Еще 22 сентября 1835 г., то есть за месяц до выхода в свет первого номера «The Portfolio», королевский секретарь Герберт Тейлор сообщал лорду Пальмерстону, что в ближайшее время появится материал о подлинном отношении «санкт-петербургского кабинета» к Австрии и о возможной реакции на публикацию этих материалов³⁴. В то же время, несмотря на известный и доказуемый факт передачи представителями польской эмиграции русских секретных дипломатических документов британской стороне, существовали свидетельства и о том, что отдельные из материалов мог-

ли иметь иное происхождение. Вскоре издатели «The Portfolio» прибегли к обнародованию секретного документа, полученного явно не от польских эмигрантов, а добытого британскими дипломатами неофициально. Он представлял собой секретную записку министра иностранных дел Пруссии графа Христиана фон Бернсторффа королю Пруссии Фридриху Вильгельму III о противодействии «подрывным элементам». В нем затрагивались взаимоотношения Пруссии, Австрии и России, хотя упоминания о последней в документе отсутствовали. Однако из текста становилось ясно, что Пруссия рассчитывала на то, что ее политику на германском направлении, где она соперничала с Австрией, поддержит Россия, хотя и являвшаяся союзницей последней³⁵. По признанию самого Герберта Тейлора, материал был передан Дэвиду Уркварту для перевода на английский язык с целью дальнейшей публикации. «Австрийское направление» было продолжено редакцией «The Portfolio», и она обнародовала депешу российского посла в Вене Д.П. Татищева от 29 июня 1827 г. В ней он достаточно нелицеприятно описывал политику Австрии в Галиции и вероятные перспективы развития ситуации³⁶. Публикация была довольно болезненно воспринята и австрийской, и российской стороной, так как становилось ясно, что русско-австрийское союзничество уже во второй половине 20-х годов не было столь искренним, как стремились это показать в Вене и Санкт-Петербурге.

В январе 1836 г. Г. Тейлор писал Пальмерстону о выгодной для Британии публикации депеши Поццо ди Борго, которая вызовет подозрения у Меттерниха в отношении подлинных интересов России. О происхождении ряда посланий русского дипломата в ряде британских газет того времени сообщалось (уже без ссылок на польских эмигрантов), что копии депеш были сделаны секретарем русского посла и попали в руки Уркварта (The Times, 16.1.1836; The Morning Herald, 13.2.1836)³⁷.

Особый интерес представляли обнародованные в журнале заключения российского посла во Франции Поццо ди Борго о ситуации в стране пребывания в сентябре 1826 г., когда он отмечал в депеше, направленной Нессельроде, что «закон о свободе прессы станет, как я опасаюсь, другим признаком разлада

(политического кризиса. — *Ар. У.*). Ваше Превосходительство знает, сколь сильно я всегда считал, что возможности безграничного ее [прессы] использования несовместимы с режимом во Франции. Герцог Ришелье³⁸ и его коллеги, хотя и обвинялись в умеренности, всегда поддерживали эту теорию [свободы прессы], и их настойчивость в этом вопросе была одним из видов оружия, которым прекрасно воспользовались так наз. роялисты, объединившись вместе с либералами и революционерами, обеспечив их [Ришелье и его соратников] падение»³⁹.

Из широкого спектра вопросов мировой дипломатии особый интерес для многих европейских государств представляла политика Российской империи на турецком направлении, так как касалась стратегически важного черноморско-средиземноморского региона. Именно это обстоятельство повлияло на выбор, сделанный «The Portfolio» в пользу публикации секретной депеши Поццо ди Борго от 28 ноября 1828 г., в которой затрагивалась эта тема и демонстрировался образ мыслей официальных представителей России. В послании, в частности, описывались побудительные мотивы действий Санкт-Петербурга в войне с Османской империей и их цели. Посол писал, что «при решении добиться справедливости силой оружия, император прибег к использованию количества и дислокации своих сил в духе сдержанности и гуманности, которые неотделимы от мотивов и целей, принудивших Его Величество прибегнуть к оружию в надежде, с одной стороны, что противник менее всего проявит упрямство, подвергнув себя риску быть разбитым, постарался бы предохранить себя мирными средствами, а, с другой, что кабинеты [правительства], заинтересованные в подобном результате, и особенно венский кабинет, сочли бы для себя искренне обеспокоенными в деле рекомендации Оттоманской Порте принять столь благоразумное и необходимое поведение. Это ожидание, хотя и основывалось на внушающих доверие данных, было расстроено, мы были вынуждены принять этот факт по причине необдуманного упорства султана, а также враждебной и предательской политики австрийского кабинета»⁴⁰. Достаточно симптоматичным было примечание, сделанное редакцией «The Portfolio», вероятнее

всего лично Д. Урквартом, к той части депеши Поццо ди Борго, которая содержала слова «сдержанность и гуманность». В этой связи отмечалось, что «генерал Валентини⁴¹ в своем анализе кампании не отказывается от возможности и не пренебрегает тем, чтобы отказаться от предлогов оправдания неудачи России в первой кампании, но он полностью игнорирует подобное соображение как сдержанность и гуманность императора. Россия потерпела неудачу из-за того, что все ее средства на тот момент были недостаточны. Эта ложь (речь идет о словах Поццо ди Борго. – *Ар. У.*), предназначенная автором [депеш] для его собственного правительства, демонстрирует степень скрытности и искажения, используемые даже в ”совершенно секретных” посланиях в России, вероятно, в практических целях. Этот пример должен быть распространен на остальные взгляды и аргументы [содержавшиеся в послании]»⁴².

На фоне сенсационных раскрытий русской тайной дипломатии, предпринятых «The Portfolio», примечательной стала публикация в 1836 г. тем же издательством, которое издавало этот журнал – «James Ridgway and Sons», сборника статей «Мнения европейской прессы о Восточном вопросе» под редакцией Дэвида Росса Блейденбургского⁴³ – ученика и последователя Д. Уркварта. Симптоматичным было использование самого добавления к имени автора «Блейденбургский», что являлось коннотацией событий 1812 г., когда в сражении под городом Блейденбург колониальные британские войска нанесли сокрушительное поражение американцам и разбили их. Сам сборник включал статьи и отдельные отрывки из книг европейских и преимущественно британских авторов, в числе которых был Д. Уркварт⁴⁴.

Окончание издания «The Portfolio», публиковавшего секретные дипломатические документы, а также аналитические статьи по вопросам международной политики, не сняло с повестки дня общенационального дискурса, а также парламентских дискуссий проблему использования материалов дипломатического происхождения в политических целях. Для Пальмерстона эта тема к весне 1838 г. начала приобретать совершенно неожиданное звучание. Его деятельность как

министра иностранных дел подвергалась все более жесткой критике в связи с афганскими делами. Он был обвинен как со страниц британских газет, так и с парламентской трибуны в подделке дипломатической переписки по афганскому вопросу, когда в специально изданных для парламентских чтений материалах с помощью селективного цитирования документов оказались полностью искажены рекомендации и выводы одной из ключевых фигур британской внешней политики на афганском направлении — А. Бернса, что, в конечном счете, способствовало введению в заблуждение членов парламента о происходивших в Афганистане событиях и служило для оправдания действий узкого круга лиц, преследовавших собственные интересы в «афганских делах»⁴⁵. Несмотря на получившее широкое распространение в историографии мнение о том, что взгляды Д. Уркварта не имели широкой поддержки в британском обществе, тем не менее, они были достаточно популярны и, прежде всего, не столько из-за жесткой критики политики Российской империи, сколько из-за разоблачений действий лорда Пальмерстона по вопросам внешней политики, особенно на афганском направлении, делавшихся Урквартом. В этой борьбе особую роль играли два популярных издания — «The Edinburgh Review», который поддерживал вигов и либеральные реформы, и «The Quarterly Review», выступавший с позиций тори⁴⁶.

Активность, которую развил Уркварт в связи с «черкесским вопросом», и его стремление во что бы то ни стало добиться от Пальмерстона проведения более жесткой политики в отношении Российской империи, усиливали недовольство главы британского МИД. Рассматривая действия Уркварта как способные обострить британо-российские отношения, Пальмерстон решил удалить его из британского посольства в Османской империи. В этом деле предстояло сыграть ведущую роль британскому послу в Османской империи лорду Понсонби, который, по словам Энсти, использовался Пальмерстоном как инструмент для того, чтобы избавиться от Уркварта⁴⁷. Отзыв последнего из Константинополя ознаменовал фактический срыв выгодного для Британии торгового догово-

ра с Османской империей. Как было озвучено спустя десять лет после этих событий в тех же парламентских стенах, глава МИД вообще достаточно вольно поступал с официальными документами и имел склонность к их «редактированию» в соответствии с собственным видением ситуации. Так, в частности, текст соглашения, разработанный Урквартом, оказался подвергнут серьезным изменениям, а по выражению Энсти, был сфальсифицирован Пальмерстоном. Из него были удалены положения о явно выгодных для Британии условиях торговли с Османской империей, когда британская сторона получала статус наибольшего благоприятствования, в пальмерстоновском варианте текста они отсутствовали⁴⁸. Одним из наиболее серьезных, наряду с обвинениями в фальсификациях документов, было обвинение Урквартом главы Форин оффиса в получении денежных средств от России, в связи с чем делался и соответственный вывод о тайных связях Пальмерстона с Санкт-Петербургом. Впервые и уже на официальном уровне об этом заявил 6 августа 1839 г., при обсуждении вопроса торгового соглашения Великобритании и Османской империи, а также необходимости английского признания независимости Черкесии, в своем выступлении в палате общин британского парламента депутат от Бирмингема Томас Эттвуд – банкир, один из ярких представителей Бирмингемской экономической школы, теоретиков концепции недопотребления, в соответствии с которой причинами экономического спада и стагнации является недостаточный потребительский спрос в отношении произведенной продукции⁴⁹. Имея в виду, что первоначально британо-османский торговый договор был сформулирован Д. Урквартом в выгодном для британской стороны виде, а затем изменен Пальмерстоном, а также отказ последнего от признания независимости Черкесии от Российской империи, которая, как считали в британских политических кругах, собирается поставить под контроль Проливы, Эттвуд заявил: «Считалось и заявлялось о том, что русское золото нашло дорогу в эту палату. Я не имею в виду обвинять благородного лорда в получении русского золота, но идея пришла извне, что русское золото нашло дорогу в эту палату. Благо-

родный лорд не может не знать, что обвинения, касающиеся преступления серьезного характера, были выдвинуты против него также и в печати, не только в ежедневной и еженедельной прессе, но и в брошюрах и работах, некоторые из которых я держу сейчас в своих руках, и являются не порождением темных и неизвестных лиц, а уважаемых господ; занимавшие свои высокие посты — секретари посольств — сотрудники и протеже благородного лорда — господ Уркварт и Пэриш, выдвинули эти обвинения и подтвердили их документальными свидетельствами. Не дай Бог, я должен сказать, если они верны, но они не опровергнуты и разошлись по стране, и почему distinguished лорд не возбудил судебного дела против этих господ? Полагаю, было бы правильно заявить distinguished лорду, что страна ожидала, чтобы он предпринял подобные действия как средство самооправдания»⁵⁰. Несмотря на столь жесткие заявления Эттвуда, Пальмерстон счел возможным промолчать. Обвинения были повторены уже с указанием отдельных деталей Джорджем Ричардсоном Портером в середине 40-х годов. Но в целом картина, как она была обнародована в прессе, стала известна благодаря усилиям Уркварта в 1855 г. Портер, являвшийся известным британским статистиком и главой департамента Торговой палаты, обвинил лорда Пальмерстона в получении денег от российского правительства в форме игрального долга. Посредником в этой операции выступал некто Якоб Джеймс Харт — владелец игорного дома, расположенного в привилегированном районе Сейнт-Джемс (где находились основные аристократические клубы) и являвшегося частью Вестминстера и Вест-энда в центре Лондона. Харт, якобы, был нанят княгиней Д.Х. Ливен — супругой чрезвычайного и полномочного посла Российской империи в Великобритании на протяжении 1812–1834 гг. князя Х.А. Ливена — именно для передачи денег. Полученная Пальмерстоном сумма (вероятнее всего в 1825 г., когда он испытывал серьезные финансовые затруднения) в виде двух «траншей» по 10 тыс. фунтов стерлингов являлась для того времени огромной даже с учетом биржевого кризиса 1825 г.⁵¹ Существовала версия и о том, что княгиня поручила некому иностранцу

проиграть 30 тыс. фунтов⁵². Подозрение вызывали как объем денежных средств выигрыша в неназванную игру, так и сам способ передачи денег. Примечательным было последующее назначение Харта с 1837 г. по 1841 г. по указанию Пальмерстона британским консулом в Лейпциг, где его деятельность приобрела одиозный характер, что стало предметом расследования британским правительством.

Я. Дж. Харт происходил из семьи известных в Британии торговцев, которые поставляли ямайский ром военно-морским силам страны. По одной из версий, именно поставки рома семейством Хартов и в лондонские клубы, включая основанный в 1836 г. «The Reform Club», посещавшийся лордом Пальмерстоном, способствовали их знакомству⁵³. Однако данная версия находится в явном противоречии со ссылками на более ранние события 1825–1826 гг., о которых шла речь в расследовании Уркварта.

Первые попытки правительства Р. Пиля сместить Харта с его поста, по свидетельству очевидцев, «встретились со столь яростной и резкой реакцией со стороны лорда Пальмерстона, что пришлось отказаться от этого»⁵⁴. Однако дело закончилось последующим аннулированием назначения. Более того, существовали подозрения уже и в том, что глава британского МИД был должен деньги еще лично Харту⁵⁵. Следует отметить, что Пальмерстон был завсегдатаем известного в Лондоне «Эл-мекс клуб» (известного как Almack's Assembly Rooms), единственного, куда допускались женщины и покровительницами которого в разные годы были представительницы британской аристократии, а также и упоминавшаяся выше княгиня Ливен, с которой у него был роман. Здесь же лорд встретился и с будущей своей супругой Эмилией Купер. Тема загадочного «российского следа» в жизни и политической карьере Пальмерстона была развита позже, в серии статей, печатавшихся на протяжении мая-ноября 1865 г. в издававшемся Д. Урквартом журнале «The Free Press». Они были переизданы в 1866 г. в виде отдельной брошюры под названием «Материалы о подлинной истории лорда Пальмерстона»⁵⁶, включавшей достаточно много доказуемых нелицеприятных фактов из биографии бри-

танского политика, что давало основания для определенных выводов. Однако в немалой степени на восприятие британской общественностью обвинений, выдвинутых против Пальмерстона, влиял факт вовлеченности в это дело Д. Уркварта, фигура которого воспринималась неоднозначно, что понижало значимость проведенного Урквартом расследования. Что же касалось большей части представителей политического класса Великобритании, то, вероятнее всего, исходя из стремления не компрометировать возможными открытиями в целом политическую систему и самих себя, они отказывались от публичного обращения к теме сомнительного поведения Пальмерстона и так наз. «русского следа». К тому же сам Дэвид Уркварт все больше воспринимался различными политиками и общественными деятелями с определенной долей скептицизма. Примером тому могут служить слова К. Маркса, который знал его лично и отказался вскоре после первых же публикаций во «The Free Press» сотрудничать с ним именно по этой причине. В специальной заметке, озаглавленной «Дэвид Уркварт», Маркс отмечал, что «Уркварт систематически эксплуатирует идею фикс. На протяжении 20 лет он *неуспешно* обличает Пальмерстона, а также русские трюки и уловки, и поэтому, естественно, считается полусумасшедшим, как если кто-либо имел *некую* идею, которая была верна, но в которой он не мог убедить мир»⁵⁷. Деятельность Уркварта получила весьма своеобразную оценку русского политического эмигранта в Англии Александра Герцена, который, находясь во многом под влиянием общественно-политической атмосферы того времени, писал о нем: «В Англии, в этом стародавнем отечестве поврежденных — одно из самых оригинальных мест между ними занимает Давид Уркуард, человек с талантом и энергией. Эксцентрический радикал из консерватизма, он помещался на двух идеях: во-первых, что Турция превосходная страна, имеющая большую будущность, — в силу чего он завел себе турецкую кухню, турецкую баню, турецкие диваны... во-вторых — что русская дипломатия, самая хитрая и ловкая во всей Европе, подкупает и надувает всех государственных людей, во всех государствах мира сего и преимущественно в

Англии. Уркуард работал годы, чтоб отыскать доказательства того, что Палмерстон — на откуп петербургского кабинета. Он об этом печатал статьи и брошюры, делал предложения в парламенте, проповедовал на митингах. Сначала на него сердились, отвечали ему, бранили его, потом привыкли, обвиняемые и слушавшие стали улыбаться, не обращали внимания... наконец разразились общим хохотом»⁵⁸.

Все эти характеристики относятся к более позднему времени, а тогда, в конце 30-х годов XIX в., Уркварт играл достаточно серьезную общественно-политическую роль. В 1839 г. публичные обвинения в адрес правительства со стороны известных политических деятелей, заявлявших о преднамеренной фальсификации документов, относившихся к афганскому направлению британской политики и повлиявших на принятие неправомερных решений, приобрели довольно жесткую тональность. Первым, кто определил «повестку дня» в общественном дискурсе по данному вопросу, был именно Дэвид Уркварт, сделавший тщательный структурный и текстовой анализ изданных для парламента сборников материалов. На протяжении нескольких месяцев (декабрь 1839 г. — апрель 1840 г.) в газете «Glasgow Herald» публиковалась серия статей, содержащих подробный разбор материалов. Критика Д. Урквартом принимавшихся правительством решений о начале войны, помимо обвинений лорда Пальмерстона и премьер-министра У. Мельбурна, включала достаточно важный элемент, а именно: обвинения в том, что посылка экспедиционных сил была рекомендована Форин оффисом и по решению Контрольного Совета Ист-Индской компании, направленному генерал-губернатору в обход Совета директоров компании и в нарушение парламентского акта о полномочиях Контрольного Совета⁵⁹.

Тема Центральной Азии, Британской Индии и Афганистана постоянно присутствовала в британо-русских отношениях, и, как отмечал в октябре 1838 г. назначенный за три года до этого послом в Великобритании Поццо ди Борго, ссылаясь на существовавшие в британских политических кругах опасения относительно возможного нападения Российской империи на индийские владения Британии, «этот проект

засел здесь во всех головах, невзирая на свою естественную невероятность и положительную фальшь»⁶⁰. В свою очередь, практически отвечая на депешу Поццо ди Борго, Нессельроде, явно рассчитывавший на передачу своих слов британской стороне, усматривавшей в действиях Российской империи в Центральной Азии стремление ее захватить с тем, чтобы приблизиться к Индии, постарался скрыть эти планы, ссылаясь на желание императорского правительства «укреплять тишину в этих странах; не натравлять их одну против другой посредством потворства их взаимной ненависти; ограничиваться соревнованием на поприще промышленности, но не вступать в борьбу из-за политического влияния, и, наконец, — что важнее всего остального — уважать независимость промежуточных, нас разделяющих стран, — такова, по нашему мнению, система, которой оба правительства должны неизменно следовать в виду общей их пользы и с целью предупреждения возможности столкновения между двумя великими державами, которые, чтобы оставаться друзьями, обязаны не иметь в Центральной Азии ни соприкосновения, ни столкновения»⁶¹. В определенной степени такие заявления, будучи озвучены российским послом британской стороне, были призваны успокоить политические и общественные круги в Лондоне, имевшие доказательства совершенно обратных намерений российской стороны.

Помимо публикации дипломатической переписки российского МИД, содержание которой не оставляло сомнений относительно подлинных планов Санкт-Петербурга на стратегических направлениях мировой политики и которая касалась взаимоотношений с европейскими державами по широкому кругу вопросов, редакция «The Portfolio» и, судя по всему, лично Д. Уркварт, ставший к 1837 г. главной фигурой, определявшей издательскую политику журнала, прибегли к обнародованию не менее чувствительных для царских властей документов по вопросам внутренней политики Российской империи. В сороковом номере «The Portfolio» был опубликован в переводе на английский язык текст «Государственной уставной грамоты Российской империи» (название франкоязычного подлинни-

ка — «Charte constitutionnelle de l'Empire de Russie»). Документ попал в руки польских повстанцев в 1830 г. из архива советника наместника Царства Польского и автора Конституционной Хартии Царства Польского 1815 г. Н.И. Новосильцева в виде двух копий — на французском и русском языке. Этот проект конституции Российской империи, относящийся к 1820 г., стал результатом работы не только самого Новосильцева, но и французского юриста П.И. Пешар-Дешана, состоявшего при нем секретарем. Перевод на русский язык и редакция были сделаны в свое время князем П.А. Вяземским. Обе копии, после их обнаружения, были обнародованы в виде отдельной брошюры министром иностранных дел правительства повстанцев А. Гродынским в августе 1831 г. и уже перестали быть секретными. Однако судьба этой публикации была печальна, так как после подавления восстания «печатные экземпляры были реквизированы И.Ф. Паскевичем, так же как и рукописные писарские копии русского и французского текстов Хартии, которые одновременно с публикацией Гродынского были доставлены в Москву. Печатные экземпляры были сожжены, а писарские копии переданы в Секретный Государственный Архив... Часть печатных экземпляров, проданных до штурма Варшавы (1831), получила распространение в России и Европе. Однако, поскольку стараниями правительства печатный экземпляр книги представлял собой библиографическую редкость, публикация Гродынского распространялась среди образованной части русского общества, в первую очередь, в рукописных списках»⁶². Таким образом, обращение «The Portfolio» к проекту конституции Российской империи, инициатором чего был, вероятно, лично Д. Уркварт, являлось не случайным. С одной стороны, ставилась задача сделать документ доступным не только для западноевропейской аудитории, но и для российской, имея в виду распространение журнала и в России, куда он попадал фактически нелегально, хотя и в ограниченном количестве. С другой стороны, поддерживая тесные отношения с польской эмиграцией и являясь сторонником выдвигавшихся ею идей, Уркварт еще раз пытался доказать ее близость европейским идеалам просвещенности и демократизма, а также существо-

вание в Российской империи сил, ставивших цель проведения общественно-политических реформ. Публикация, осуществленная «The Portfolio», являлась дословным переводом брошюры, изданной в Варшаве по инициативе А. Гродынского, предпославшего основному тексту собственное предисловие. В нем автор отмечал в 1831 г. позитивный характер предлагавшихся в проекте конституции мер по ограничению самодержавия и писал: «В гуще кровавых сражений, которые ведет польский народ за независимость против армии императора России, который желает лишить нас ее, самого ценного из всех преимуществ, поляки ни на мгновение не забывали благородные и гуманные чувства, которые призваны объединять все другие народы. Они не прекращали ни на один миг возносить свои молитвы о том, чтобы русский народ смог однажды получить национальные гарантии и наслаждаться более счастливыми условиями. Нынешнее правительство Польши, разделяя по этому поводу чувства всей польской нации, испытывает искреннее удовлетворение, обнаружив, что наступил счастливый момент, когда голос правды, проникнув через порог дворца, в котором пребывает абсолютный монарх, приказал ему даровать конституционную хартию, и что даже Россия начала заниматься этой работой, столь важной и без сомнения столь нетерпеливо ожидаемой всеми жителями этой огромной империи»⁶³. В то же время, как в 1831 г. для польского повстанческого правительства, так и для опубликовавшего документ британского журнала и его редакции, продолжали оставаться неизвестными многие детали, связанные с появлением проекта конституции, а именно: авторство и реакция на него российского императора⁶⁴.

Возобновление издания «The Portfolio», предпринятое Д. Урквартом в 1843 г., несмотря на свою схожесть с прототипом 1835–1837 гг., отличалось от него практически отсутствием документальных публикаций из числа секретных дипломатических документов (за исключением нескольких, оставшихся, вероятно, от первого издания). Целью новой серии было создать издание, оказывающее влияние как на британские, так и европейские общественно-политические круги и в целом

активную часть общества. Однако этот проект оказался менее успешным, чем предыдущий, что, однако, не остановило Д. Уркварта. Примечательным фактом его политической биографии стало настойчивое стремление иметь в своем распоряжении периодическое печатное издание, специализирующееся в области международной политики и фактически служащее для актуализации его взглядов по наиболее дискуссионным проблемам в национальном дискурсе. В 1856 г. уже при поддержке известного металлопромышленника Джорджа Кроушера⁶⁵ Уркварт купил, став его владельцем, журнал «The Free Press», который в 1866 г. был переименован в «Diplomatic Review» и пользовался сначала высокой репутацией в европейских социалистических кругах, свидетельством чему было кратковременное сотрудничество с этим изданием К. Маркса. Опыт «The Portfolio» пытался повторить, хотя и безуспешно, в 1859—1860 гг. в германских условиях под названием «Новый Портфолио. Коллекция важных документов и избранных мест современной истории» («Das neue Portfolio. Eine Sammlung wichtiger Dokumente und Actenstücke zur Zeitgeschichte») известный германский публицист Эдуард Фишель, прославившийся своими многочисленными политическими памфлетами и полемикой с лордом Пальмерстоном, которого он обвинял в предвзятом отношении к Пруссии и ее миссии в общегерманских делах⁶⁶.

Таким образом, существовавший на протяжении 1835—1837 гг. «The Portfolio» оказался одним из первых, применивших практику обнаружения секретных дипломатических документов иностранных государств в политических целях и с использованием технологии непрямого участия государственных институтов в операциях подобного рода. Наступало время активного вовлечения общественно-политических кругов в международную политику, что свидетельствовало о явном сокращении могущества методов «тайной дипломатии». Одновременно выявилась и главная проблема, с существованием которой оказались вынуждены считаться прибегающие к такой практике правительства, а именно: несмотря на попытки сохранить в тайне свое участие в реализации столь публичных проектов, оно все равно становилось известным.

Примечания

¹ По теме данной статьи в 1961 г. была опубликована статья Жана Маршана под названием «"Портфолио" Дэвида Уркварта: английская кампания раскрытия российских секретных документов. 1835–1845» – *Marchand J.* «The Portfolio» de David Urquhart: une entreprise anglaise de divulgation de documents secrets russes, 1835–1845 // *Revue d'histoire diplomatique*. 1961. N 2. См. также исследования по аналогичным и близким проблемам: *Alder G. J.* The «Grabled» Blue Books of 1839 – Myth or Reality // *The Historical Journal*. 1972. V. XV. N2; *Ansari S.* The Sind Blue Books of 1843 and 1844: The Political «Laundering» of Historical Evidence // *English Historical Review*. 2005. V. CXX. N 485; Newcastle Foreign Affairs Association, Newcastle-upon-Tyne. Falsification of diplomatic documents: The Afghan papers. Report and petition of the Newcastle Foreign Affairs Association. Newcastle-upon-Tyne. 1860; *Urquhart D.* Diplomatic transactions in Central Asia, from 1834 to 1839. London, 1841; *Улуянн Ар. А.* «Афганский буфер» Александра Бёрнса для Центральной Азии. От стратегических планов до подложных писем // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. М., 2012; *он же.* Дипломатические документы в политическом измерении исторических эпох. (Случай «1893 года» и «1935 года») // *Славяноведение*. 2014. N3.

² Подробнее об активности Д. Уркварта в контексте общественно-политических условий Британии см: *Robinson G.* David Urquhart: Some Chapters in the Life of a Victorian Knight-Errant of Justice and Liberty. Oxford, 1920; *idem.* Some Account of David Urquhart. Oxford, 1921; *Taylor M.* The old radicalism and the new: David Urquhart and the politics of opposition, 1832–1867 // *Currents of Radicalism: Popular Radicalism, Organised Labour and Party Politics in Britain, 1850–1914*. Edited by Biagini E. F., Reid A. J. New York, 1991.

³ *Nash G.* From Empire to Orient: Travellers to the Middle East, 1830–1926. London, 2005.

⁴ *Bolsover G. H.* David Urquhart and the Eastern Question, 1833–37: A Study in Publicity and Diplomacy // *The Journal of Modern History*. 1936. V. 8. N. 4.

⁵ Подробнее: *King Ch.* Imagining Circassia: David Urquhart and the Making of North Caucasus Nationalism // *Russian Review*. 2007. V. LXVI. N. 2.

⁶ *Luxembourg N.* Rusların Kafkasya'yı İşgalinde İngiliz Politikası ve İmam Şamil. İstanbul, 1998. S. 100.

⁷ *Ibid.* S. 101.

⁸ По уточненным данным из архивных материалов как самого Д. Уркварта, так и на основании публикаций протоколов их заседаний и сведений, почерпнутых из докладов Специального комитета по обращениям Палаты общин британского парламента, начало деятельности комитетов относится не к 1854–1855 гг., как часто утверждается в существующей историографии, а к 1857–1858 гг. – *Currents of Radicalism: Popular Radicalism*. P. 24. См. также: *Briggs A.* David Urquhart and the West Riding foreign affairs committees // *Bradford Historical and Antiquarian Society*. 1958. N 39; *Salt J.* Local Manifestations of the Urquhartite Movement // *International Review of Social History*. 1968. V. XIII. N 3; *Shannon R.* David Urquhart and the Foreign Affairs Committees // *Pressure from Without in early Victorian England* Ed by Hollis P. London, 1974.

⁹ *Çelik H.* Osmanlı yanlısı İngiliz dış işler komiteleri. İstanbul, 1994.

¹⁰ О Джулиусе Кампе и его издательской деятельности: *Schmidt R.* Deutsche Buchhändler. Deutsche Buchdrucker. Berlin/Eberswalde. 1902. Band 1. S. 129–134.

¹¹ Подробнее о нем в: *Voigt B. F.* Neuer Nekrolog der Deutschen. 1836. Weimar, 1838. V. 2. S. 628–635.

¹² О связях Д. Уркварта с польской эмиграцией не только в Британии, но и Стамбуле см: *Temizkan A.* Lehistanlıların İstanbul'da Lobi Faaliyetleri ve Kafkasya'ya Lejyon Gönderme Girişimleri // *Türklük Bilimi Araştırmaları*. 2010. Cilt XXVIII.

¹³ *The Connection of Lord Palmerston with the Portfolio* // *The Portfolio*. Diplomatic Review. New Series. London, 1844. V. 2. N 6. P. 147–180.

- ¹⁴ *Norris J. A.* First Afghan War: 1838–42. New York, 1967. P. 81, 82.
- ¹⁵ *Hansard.* House of Commons (HC) Debates (Deb.) 23 February 1848. V. 96. C. 1174.
- ¹⁶ Подробнее об этом см.: *Lamb M.* The Making of a Russophobia: David Urquhart: The Formative Years, 1825–1835 // *The International History Review.* 1981. V. III. No. 3; *MacFie A. L.* Opinions of the European Press on the Eastern Question, 1836 // *Middle Eastern Studies.* 1991. V. XXVII, N. 1; *Miliori M.* Ambiguous partisanships. Philhellenism, turkophilia and balkanology in XIXth century Britain // *Balkanologie.* 2002. V. VI. N 1–2.
- ¹⁷ *Šedivý M.* Metternich, the Great Powers and the Eastern Question. Pilsen, 2013. P. 571.
- ¹⁸ *Hansard.* House of Commons (HC) Debates (Deb.) 23 February 1848. V. 96. C.1174.
- ¹⁹ Подробнее см.: *Ingle H.* Nesselrode and the Russian Rapprochement with Britain, 1836–1844. Berkeley, Los Angeles, 1976.
- ²⁰ The Debates on motion for papers, with a view to the impeachment of the right hon. Henry J. Temple Viscount Palmerston: House of commons, Feb. 8th, 23rd, March 1st, 17th 1848. London, 1860.
- ²¹ *Brown D.* Palmerston and the Politics of Foreign Policy, 1846–55. New York, 2002. P. 81.
- ²² *Gleason J.* The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Pol-icy and Opinion. Cambridge, 1950. P. 177.
- ²³ *Bourne K.* Palmerston: The Early Years, 1784–1841. London, 1982. P. 561.
- ²⁴ Подробнее об этом: *Webster Ch. K.* The foreign policy of Palmerston, 1830–1841: Britain, the liberal movement, and the Eastern question. London, 1969. V. 1. P. 497.
- ²⁵ *Parish H. H.* The Diplomatic History of the Monarchy of Greece: From the Year 1830, Showing the Transfer to Russia of the Mortgage Held by British Capitalists Over Its Property and Revenues. London, 1838. P. 417–421.
- ²⁶ Здесь и далее сноски на номера «Portfolio» даются по изданию in folio, объединившее отдельные номера в виде отдельных книг, в данном случае, напечатанной в 1836 г. – Suppressed Passage of the Speech of the Emperor Nicolas at Warsaw; with Observations on the Practical results of that Speech // *The Portfolio; or a collection of state papers, etc., illustrative of the history of our own times.* London, 1836. V.1. N 2. P. 39.
- ²⁷ Remarks on the Speech of the Emperor Nicolas to the Polish Deputation // *The Portfolio.* 1836. V.1. N 3. P. 97.
- ²⁸ Подробнее эта тема рассмотрена в: *Ardeleanu C.* Gurile Dunării – o problemă europeană. Comerț și navigație la Dunărea de Jos în surse contemporane (1829–1853). Brăila, 2012. P. 133–142; *idem.* Evoluția intereselor economice și politice britanice la gurile Dunării (1829–1914). Brăila, 2008; *Ardeleanu C.* The Lower Danube, Circassia and the Commercial Dimen-sions of the British-Russian Diplomatic Rivalry in the Black Sea Basin (1836–37) // *The Balkans and Caucasus: Parallel Processes on the Opposite Sides of the Black Sea*, Ed. by Biliarskyi, Cristea O., Oroveanu A. Newcastle upon Tyne, 2012.
- ²⁹ Copy of a Dispatch from Prince Lieven, and Count Matuszevich, addressed to Count Nesselrode, dated London, 1st (13th) June, 1829 // *The Portfolio.* 1836. V. I. N 4. P. 171–186.
- ³⁰ Copy of a Despatch from Prince Lieven. Dated London, 4th (16th) January, 1829 // *The Port-folio.* 1836. V. I. N 5. P. 208, 209.
- ³¹ *Ibid.* P. 206.
- ³² Подробнее о ней в: *Cromwell J. L.* Dorothea Lieven: A Russian Princess in London and Paris, 1785–1857. London, 2007
- ³³ Подробнее об этом: *Jenks M. H.* The activities and influence of David Urquhart, 1833–1856, with special reference to the affairs of the Near East, PhD diss., University of London. London, 1964. P. 100, 101.
- ³⁴ *Ibid.* P. 113.
- ³⁵ Mamoir on the means of maintaining Tranquillity in the Interior of Germany in the event of War with the Exterior, drawn up at the desire of the King of Prussia, by Count Bernstorff,

Jan. 20, 1831 // *The Portfolio*. V. I. N 1. P. 3–39, N 2. P. 57–92, N 3. P. 115–157. Подробнее об этом в: *Robert D. Billinger*, *Jr. The War Scare of 1831 and Prussian-South German Plans for the End of Austrian Dominance in Germany // Central European History*. 1976. V. IX. N. 3; *Billinger Robert D.* Metternich and the German Question: States' Rights and Federal Duties, 1820–1834. Delaware, 1991.

³⁶ Copy of a Despatch from M. De Tatistcheff. Dated Vienna, the 29th June, 1827 // *The Portfolio*. 1836. Vol. II. N 11. P. 69–76.

³⁷ *Jenks M. H.* Op. cit. P. 102.

³⁸ Арман Эммануэль София-Септимани де Виньеро дю Плесси, граф де Шинон, 5-й герцог Ришельё, в русской традиции – Эммануил Осипович де Ришельё (1766–1822), во время своего последнего премьерства (12 февраля – 21 декабря 1821 г.) был вынужден уйти в отставку из-за яростного противодействия фактически объединившихся против него радикалов как слева, так и справа.

³⁹ Copy of a Dispatch from Count Pozzo Di Borgo, Addressed to Count Nesselrode. Dated Paris, 10th (22nd) December, 1826 // *The Portfolio*. 1936. V. I. N 5. P. 219, 220.

⁴⁰ Copy of a very secret dispatch from Count Pozzo Di Borgo, Dated Paris, the 28th November, 1828 // *The Portfolio*. V. I. N 7. P. 342, 343.

⁴¹ Георг Вильгельм фон Валентини – генерал-лейтенант прусской армии. На протяжении 1810–1811 гг. был на русской службе, принимал активное участие в русско-турецкой войне 1806–1812 гг. на ее заключительном этапе (Батинская битва, 26 августа 1810 г. около болгарского села Батин, и взятие Рушук, 22 июня 1811 г.). За проявленное мужество был произведен в подполковники. После возвращения на прусскую службу в 1811 г. и до своей смерти в 1834 г. занимал различные командные и военно-административные посты. В европейской военной науке Валентини широко был известен как один из выдающихся теоретиков, автор четырехтомного труда под общим названием «Учение о войнах», включавшего тома «Учение о малых войнах», «Учение о больших войнах», «Война против турок», «История походов 1828 и 1829 гг.» и «Доктрина крепостной войны». На русском языке его работа по русско-турецкой войне была опубликована в 1836 г.: Валентини Георг Вильгельм, фон. Обзорение главнейших действий генерал-фельдмаршала князя Варшавского, графа Паскевича-Эриванского, противъ турокъ въ Азіи. Тип. Николая Греча. СПб, 1836.

⁴² Copy of a very secret dispatch from Count Pozzo Di Borgo, Dated Paris, the 28th November, 1828. P. 342, 343. Эта депеша, ввиду ее большого объема, так как помимо английского перевода воспроизводился и французский оригинал текста, публиковалась «The Portfolio» в двух выпусках. – Copy of a very secret dispatch from Count Pozzo Di Borgo, Dated Paris, the 28th November, 1828 // *The Portfolio*. 1836. V. I. N 7. P. 341–367. Copy of a very secret dispatch from Count Pozzo Di Borgo, Dated Paris, the 28th November, 1828 // *The Portfolio*. 1836. V. I. N 8. P. 407–477.

⁴³ Opinions of the European press on the Eastern question. Tr. and extracted from Turkish, German, French and English papers and reviews. Edited by David Ross of Bladensburg. James Ridgway and Sons. London, 1836.

⁴⁴ Подробнее: *MacFie A. L.* Opinions of the European Press on the Eastern Question, 1836 // *Middle Eastern Studies*, 1991. V. XXVII, N 1.

⁴⁵ *Улуян Ар. А.* «Афганский буфер».

⁴⁶ В 1835 г. первый из них распространялся в количестве 6 тыс. 250 экз., а второй – 10 тыс., что было для того времени значительным по своему объему тиражом для газет. – *Jenks M. H.* Op. cit. P. 97.

⁴⁷ *Hansard*. House of Commons (HC) Debates (Deb.) 23 February 1848. V. 96. C. 1175. О взаимоотношениях Пальмерстона, Понсонби и Уркварта см.: *Webster Ch.* Urquhart, Ponsonby, and Palmerston // *The English Historical Review*. 1974. V. LXII. No. 244.

⁴⁸ *Hansard*. House of Commons (HC) Debates (Deb.) 23 February 1848. V. 96. C. 1175.

⁴⁹ Подробнее о нем в: *Moss D. J.* Thomas Attwood, the biography of a radical. Montreal, 1990.

- ⁵⁰ *Hansard*. House of Commons. Debates. 06 August 1839. V. 49. С. 1397.
- ⁵¹ *Materials for a True History of Lord Palmerston*. London, 1866. P. 7. В 2013 г. эта сумма была эквивалентна 1 млн 940 тыс. ф. стерлингов.
- ⁵² *Materials for a True History*. P. 8.
- ⁵³ См.: *Cowan R. Relish: The Extraordinary Life of Alexis Soyer, Victorian Celebrity Chef*. London, 2006.
- ⁵⁴ *Materials for a True History*. P. 8.
- ⁵⁵ *Ibid*. P. 7.
- ⁵⁶ *Ibidem*.
- ⁵⁷ *Marx K. David Urquhart // Marx/Engels Collected Works*. Progress Publishers Lawrence & Wishart (London) and International Publishers (New York). 1979. V. 12. P. 477.
- ⁵⁸ *Герцен А. И. Былое и думы*. Ч. 4–8. М., 2001. С. 127.
- ⁵⁹ *Urquhart D. Diplomatic transactions in Central Asia, from 1834 to 1839*. London, 1841. P. xii; *Falsification of Diplomatic Documents; The Afghan Papers*. Report and Petition of the Newcastle Foreign Affairs Association. London, 1860.
- ⁶⁰ Нессельроде, (11)23 X 1838 г // Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб, 1898. Т. XII (трактаты с Англией 1832–1895 гг.). С. 74.
- ⁶¹ Нессельроде – Поццо-ди-Борго, 20. X 1838 // Там же. С. 77.
- ⁶² *Чернов К. С. «Государственная Уставная Грамота Российской Империи» (к вопросу о российском конституционализме)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2007. С. 13. Подробнее о самом документе в: *Вернадский Г. В. Государственная уставная грамота Российской империи 1820 года*. Прага, 1925; *Доннерт Э. Либеральный конституционализм и конституционные проекты времени Александра I для Финляндии, Польши и России // Славянские народы: общность истории и культуры*. М., 2000; Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. М., 2000; *Цимбаев Н. И. Идеи федерализма и федеративного устройства России в общественной мысли // Очерки русской культуры XIX века. Общественная мысль*. Т. 4. М., 2003.
- ⁶³ *The Portfolio*. London, 1837. V. 5. N 40. P. 513.
- ⁶⁴ *Ibidem*.
- ⁶⁵ Джордж Кроушей, выпускник Тринити колледжа Кембриджского университета, помимо того, что являлся крупным представителем сталелитейного бизнеса, вошел в историю как активный общественный и политический деятель, участник Чартистского движения, а также член организаций, связанных с лоббированием внешнеполитических вопросов. Хранящиеся в Национальной библиотеке Уэллса 5 томов документов фонда Кроушей являются ценным источником: National Library of Wales, Crawshay MSS, GB 0210 MSCRAWSHAY.
- ⁶⁶ Э. Фишель стал известен в Британии своим анонимным памфлетом, авторство которого впоследствии им не отрицалось, под названием «Деспоты как революционеры. К немецкому народу», написанным, якобы, герцогом Кобургским. – [*Eduard Fischel*] *Die Despoten als Revolutionäre. An das Deutsche Volk*. Berlin, 1859. В 1860 г. он был переведен под названием «Памфлет Герцога Кобургского о России. Деспоты как революционеры» – *Fischel E. The Duke of Coburg's Pamphlet on Russia. Despotism As Revolutionists*. London, 1860. Именно по поводу этого произведения возникла полемика между Фишелем и Пальмерстоном.

Искра Васильевна ЧУРКИНА

«Северная пчела» о событиях на Балканах накануне и во время Крымской войны

«Северная пчела» — русская политическая и литературная газета, издавалась в Петербурге в 1825—1864 гг. Она была основана Ф.В. Булгариным, который в 1831—1859 гг. издавал ее совместно с Н.И. Гречем. С конца 20-х и до середины 50-х годов газета являлась проправительственным изданием, негласным органом III Отделения собственной его императорского величества канцелярии. «Северная пчела» ориентировалась на средние слои населения и пользовалась у них известным успехом: иногда ее тираж достигал 10 тыс. экземпляров в год, для того времени цифра значительная. Булгарин, главный идеолог «Северной пчелы», в российской историографии выступает как безусловный апологет русских царей, человек реакционных взглядов. Последние исследования польского историка П. Глушковского показывают, что его идеология была сложнее. Булгарин был верным приверженцем династии Романовых, однако его политические взгляды более разнообразны. В начале 20-х годов он дружил с К.Ф. Рылеевым, который перед арестом передал ему все свои бумаги. И впоследствии он помогал его вдове. В 1848 г. Булгарин передал в III Отделение записку Н.И. Греча, составленную при его участии. В ней разворачивался план преобразования Польши: она оставалась в границах Царства Польского; из нее выводились русские войска, заменявшиеся польской армией; вся администрация также формировалась только из поляков; Россия и Польша заключали оборонительно-наступательный союз.

В рассматриваемое время Булгарин был убежден, что Россия является единственной страной, способной защитить

интересы всех славян¹. Скорее всего и многие читатели газеты склонны были придерживаться того же мнения. Корреспонденции в «Северной пчеле» обычно не подписывались, но среди тех, кто писал в нее, были русские дипломатические и общественные деятели, например, настоятель православной церкви при русском посольстве в Вене протоиерей М.Ф. Равевский, активный член Петербургского славянского благотворительного комитета графиня А.Д. Блудова, сербы из Белграда. Помимо этого перепечатывались статьи из австрийских и славянских газет. Но, по-видимому, большинство материалов было написано самим Булгариным. Это касается прежде всего статей о зарубежье (рубрики – «Новости заграничные», «Разные известия» и др.), ведь сведения о событиях там он узнавал как агент III Отделения из первых рук.

В данной статье будет рассмотрено освещение в газете событий на Балканах накануне и во время Крымской войны. В связи с вышесказанным надо иметь в виду, что хотя их оценка «Северной пчелой» во многом совпадает с их оценкой официальными кругами, но и в официальных кругах она не была однозначной.

Накануне Крымской войны наиболее острые события на Балканах развернулись вокруг Черногории. «Северная пчела» уделяла им достаточно пристальное внимание. С искренней симпатией описывалось посещение делегацией черногорцев, возглавлявшейся митрополитом, Папы Римского в феврале 1851 г. Члены делегации пришли на аудиенцию вооруженными с головы до ног. Но когда им предложили разоружиться перед встречей с Папой, один из черногорцев заявил: «Черногорцы не иначе покидают оружие как вместе с жизнью». Охрана вынуждена была пропустить их к Папе с оружием². 31 января 1852 г. в «Некрологе замечательных лиц, скончавшихся в 1851 г.» была отмечена смерть владыки (митрополита) Черногории Петра II Петровича Негоша, в миру Радивоя, последовавшая 31 октября 1851 г. в Цетинье, на 39-м году жизни. Это сообщение было помещено на первом месте в списке важных духовных лиц, скончавшихся в 1851 г.³

Но особый интерес Черногория стала вызывать у «Северной пчелы» в 1852 г., когда между турками и черногорцами начались военные действия. Черногорско-турецкие отношения всегда находились на грани войны, стычки между турками и черногорцами были постоянным явлением. Но с начала 50-х годов XIX в. они приобрели особенно интенсивный характер в связи с начавшимися выступлениями герцеговинских крестьян, как христиан, так и мусульман, в пограничных районах с Черногорией. Центром выступлений стала область Зубцы, а возглавил их капитан, оружейник Лука Вукалович. В начале 50-х годов на захваченных повстанцами территориях были ликвидированы турецкие органы власти и создано местное самоуправление. К восставшим областям присоединились христиане области Васоевичи, протестовавшие против взимания с них дополнительных, по сравнению с мусульманским населением, налогов. Черногорцы оказывали герцеговинским повстанцам всяческую помощь. Спустя несколько лет К.Д. Петкович, служивший в генеральном русском консульстве в Дубровнике в 1857–1869 гг. сначала секретарем, а затем консулом, в донесении директору Азиатского департамента МИД России Е.П. Ковалевскому характеризовал это достаточно определенно. Указав, что герцеговинцы никогда не решились бы поднять восстание против турок, «если бы не имели всегда у черногорцев верного убежища» и не надеялись получить от них «в любое время посильную помощь», Петкович отмечал, что в рядах герцеговинцев сражалось много черногорских добровольцев, ничего не требовавших за это⁴.

К концу 1852 г. ряд пограничных областей Герцеговины отказались платить налоги туркам, а стали платить их Черногории. 12 (24) ноября 1852 г. черногорский отряд захватил у турок крепость Жабляк, имевшую важное значение на подступах к черногорской столице Цетинье. Поводом к этому, по словам «Северной пчелы», послужил якобы захват турками в пограничных районах Черногории скота. В заметке от 3 декабря 1852 г., присланной из Триеста, говорилось о большом сражении между черногорцами и турками у Подгорицы, исход которого автору был неизвестен. Правда, он отмечал, что

после сражения черногорцы послали в свои деревни «трофеи»: несколько сот турецких голов⁵. В последующих корреспонденциях в «Северной пчеле» сообщалось, что турецкий паша в Скутари собрал против черногорцев 10-тысячную армию, далее указывалось, что Спуж еще не взят черногорцами, но крепость Жабляк находится в их руках и они мужественно ее защищают. Турки назначили главою своих войск Омер-пашу, писал далее корреспондент, а 12–13 декабря произошло сражение у Подгорицы, где сначала верх одерживали турки, но в конце концов победили черногорцы⁶.

Положение осложнилось, когда 15 декабря 1852 г. Порта объявила о блокаде Черногории и направила европейским дипломатам, аккредитованным в Константинополе (Стамбуле), меморандум. В нем Черногория объявлялась частью Османской империи, мятежной ее провинцией, и вследствие этого Порты угрожала подчинить ее своей власти силой оружия. В конце декабря на Черногорию двинулись со всех сторон турецкие войска во главе с турецкими полководцами: Омер-пашой, Дервиш-пашой, Исмаил-пашой и Осман-пашой. Целью Омер-паши, являвшегося главнокомандующим, был захват Цетинья. И уже 2 января 1853 г. черногорский князь Данила сообщил русскому консулу в Дубровнике об окружении Черногории со всех сторон турецкими войсками. Хотя Данила обещал биться с врагами до конца, но силы были слишком неравными — на Черногорию двигалась 60-тысячная турецкая армия, а черногорцы могли выставить только 10 тыс. воинов, даже проведя мобилизацию всех мужчин до 80 лет⁷. Особое значение для исхода войны имела крепость Жабляк, которая с ноября находилась в руках черногорцев. В начале 1853 г. «Северная пчела» отмечала, что князь Данила укрепляет Жабляк, что под его командованием находятся 20 тыс. черногорцев (цифра, в два раза преувеличивавшая возможности Черногории. — *И. Ч.*), что сербские газеты сочувствуют черногорцам и выдвигают план создания независимого христианского сербского государства — из Черногории, пограничных с нею сербских городов и Герцеговины⁸. Однако вскоре «Северная пчела» вынуждена была оставить победоносный тон и сообщить,

что из Мостара к Черногории двигаются турецкие войска под руководством Омер-паши, что черногорцы вынуждены были оставить Жабляк, разрушив все его укрепления. Часть черногорских племен покорилась туркам, но Черногория и жители области Грахово решили сражаться до конца.

Когда русское правительство узнало о вторжении турок в пределы Черногории, поверенный России в делах в Константинополе А.П. Озеров по личному распоряжению Николая I потребовал от Порты приостановить наступление. И хотя турецкий министр иностранных дел Фуад-эфенди заявил, что отдал приказ о прекращении наступления, оно тем не менее продолжалось.

«Северная пчела» комментировала происходящие в Черногории события. Несмотря на искреннее сочувствие черногорцам, она должна была отметить, что Черногория «не в состоянии выставить более 20 000 воинов, чтобы противустоять всем силам Турецкой империи»⁹. В конце января 1853 г. газета констатировала, что Омер-паша вторгся в Черногорию и «черногорцы защищаются с отчаянным мужеством»¹⁰. Хотя «Северная пчела» писала о победах черногорцев, дела их становились все хуже. В конце января, несмотря на отчаянное сопротивление защитников области Грахово, туркам удалось их разбить. В плен попали граховский воевода Яков Вуятич и его окружение. По сведениям «Северной пчелы», около дома Вуятича, где шел наиболее жестокий бой, погибло 600 турок¹¹. Когда впоследствии произошел обмен пленными, из 54 взятых в плен граховцев в живых осталось только 15. Воевода Яков Вуятич был убит по приказу гребиньского Дервиш-паши, так и не дождавшись освобождения¹². После покорения Грахова Омер-паша начал наступление на Черногорию. Он приказал князю Даниле сложить оружие до 31 января, иначе грозил захватить Черногорию. Омер-паша издал листовку, в которой от имени султана призывал черногорцев покориться, а взамен обещал им свободу от налогов и право самим выбирать сердарей¹³.

В конце января 1853 г. «Северная пчела» стала уделять внимание отношению Австрии к черногорско-турецкому конфликту. Порта имела к ней территориальные претензии, а

именно — оспаривала ее право на владение двумя портами на Адриатике: Клеком и Суториной. Омер-паша, вторгнувшийся в Черногорию, заявлял, что после ее захвата двинет свои войска в Далмацию. Несомненно, Австрия не была заинтересована в победе Порты. Уже в конце 1852 г. состоялся обмен мнениями между министрами иностранных России К.В. Нессельроде и Австрии К. Буолем. Хотя австрийский министр подчеркнул, что Австрия признает сюзеренные права Порты на Черногорию, но австрийское правительство готово вместе с Россией выступить в ее защиту. Согласно донесению исполнявшего обязанности русского посланника в Вене Ф.П. Фонтана Нессельроде от 16 (28) января 1853 г., в ответ на заявление Николая I об особой заинтересованности России в судьбе Черногории Франц Иосиф согласился выступить совместно с Россией в ее защиту. При этом он указал, что счастлив получить одобрение русского царя относительно позиции Австрии в вопросе о Черногории¹⁴.

«Северная пчела», наряду с боями в Черногории, стала освещать и позицию Австрии в отношении черногорско-турецкого конфликта. В частности, она передавала сведения из австрийской газеты «*Österreichische Correspondenz*» о том, что Австрия не остается равнодушной к сложившемуся положению, что она разместила на границе с турецкими владениями корпус в 18 тыс. человек под руководством бана Елачица — «для наблюдения борьбы между турками и черногорцами»¹⁵.

Австрия не ограничилась только усилением своих войск на границах с Портой — она приняла участие в миссии Е.П. Ковалевского, посланного в феврале 1853 г. русским правительством в Черногорию для оказания ей помощи и для переговоров с Омер-пашой. Ковалевский, инженер и дипломат, уже бывал в Черногории. Помимо исполнения дипломатических поручений, он должен был передать черногорцам 10–12 тыс. дукатов. Когда он проезжал через Вену, к нему присоединился представитель Австрии майор Генерального штаба Калик, который вез шесть пушек и боеприпасы к ним, отпущенных черногорцам за счет австрийской казны¹⁶. В конце января 1853 г. Ковалевский и австрийский представитель прибыли в Черногорию.

Однако самым действенным шагом Австрии стала посылка в Константинополь во второй половине января 1853 г. австрийского дипломата графа Лейнингена Вестербурга для переговоров с султаном по вопросу о Черногории. Ему предписывалось действовать в согласии с русским посольством. Деятельность австрийского представителя активно освещалась «Северной пчелой». В частности, газета поместила требования, которые Лейнинген передал турецкому правительству от лица Австрии. В них подчеркивалось, что Австрия не желает усиления своего влияния в Черногории, а стремится быть посредником в улаживании конфликта. Далее выдвигались следующие требования:

- 1) Уступить Австрии часть берега у Клека и Суторины;
- 2) Прекратить войну с Черногорией;
- 3) Предоставить Австрии право покровительствовать католикам в Боснии¹⁷.

Как можно видеть, черногорский вопрос был одним из трех, два других касались непосредственно интересов самой Австрии.

Английский и французский послы посоветовали Порте отвергнуть требования Австрии. В ответ Лейнинген заявил, что 28 января он покинет Константинополь, а вслед за ним и австрийское посольство, что означало разрыв дипломатических отношений. Озеров взял на себя посредническую миссию в улаживании конфликта между Австрией и Турцией. В связи с тем, что Порта не шла на уступки, русское посольство получило распоряжение из Петербурга поддержать Австрию в вопросе о Черногории. Соответствующая депеша была отправлена Порте. Одновременно к турецкому министру иностранных дел пришел первый переводчик русского посольства, который передал требование русского правительства не только прекратить агрессию против Черногории, но и гарантировать на будущее, что она не повторится. Твердая позиция, занятая Лейнингеном и решительно поддержанная Россией, заставила Францию, а затем и Англию рекомендовать султану пойти на уступки. В сложившейся обстановке Порта вынуждена была принять требования Австрии и приказать Омер-паше оставить

территорию Черногории. Однако тот еще верил в возможность возобновления военных действий и оставался на прежних позициях. Готовился к войне и князь Данила и укреплял Цетинье. Омер-паша издал указ туркам разрушать все на своем пути, черногорцы оказывали ему яростное сопротивление¹⁸.

24 февраля 1853 г. «Северная пчела» сообщила о приказе турецкого правительства Омер-паше прекратить военные действия против черногорцев. В этом же номере была помещена заметка об Омер-паше, происходившем из граничарской семьи Латасов и некоторое время бывшем кадетом в одном из граничарских полков. В 1833 г. из-за угрозы ареста он бежал в Турцию, где принял ислам. Некоторое время Омер-паша был учителем принца Абдул-Меджида, а после восшествия последнего на престол, начал военную карьеру. Газета подчеркивала особую ненависть Омер-паши к христианам, которая проявилась во время возглавлявшихся им карательных экспедиций против друзов (арабский народ, религия – одна из сект ислама. – *И. Ч.*), болгар, боснийцев, черногорцев¹⁹.

Несмотря на приказ султана, Омер-паша продолжал военные действия. Но к тому времени положение изменилось. Приезд Ковалевского и австрийского офицера, привезших оружие и деньги, воодушевил черногорцев. Вместе с тем, турецкие войска, расположившиеся в долинах, из-за непрекращающихся дождей очутились в болоте. Среди турок начались болезни. В последующих сражениях залогом побед стал боевой дух черногорцев. Последний бой произошел 18 февраля 1853 г. По сообщению «Северной пчелы», отряд черногорцев всего в полторы тысячи человек возглавлял дядя князя Данилы Георгий Петрович. Ему удалось разбить более чем в три раза превосходящие силы турок. Селим-бег, потерявший 600 бойцов, должен был отступить²⁰.

Турки согласились полностью выполнить требования Австрии. В лагерь Омер-паши прибыли два австрийских комиссара. Было согласовано, что турки возвращают всех пленных и заложников, а черногорцы отдают все пушки, захваченные ими у турок. Омер-паша отводил свои войска с черногорских территорий и, в свою очередь, просил, чтобы черногорцы прекратили свои набеги, о чем было доложено князю Даниле²¹.

Хотя мирный договор о Черногории был подписан 16 (28) февраля 1853 г., но только в марте Омер-паша вывел свои войска из Черногории и освободил черногорских пленных. В мае 1853 г. «Северная пчела» сообщила, что князь Данила отправил письмо графу Лейнингену, в котором выразил «живейшую свою признательность» от себя и от Черногории за все, что он сделал в пользу черногорцев²².

Так благодаря энергичным действиям австрийского правительства окончился конфликт между Турцией и Черногорией, который мог иметь для последней трагические последствия. Хотя Черногория не получила всех герцеговинских территорий, на которые претендовала, но Грахово практически было присоединено к ней.

Черногорский конфликт был урегулирован. Но на повестке дня уже стояли значительно более масштабные события, которые отодвинули на задний план все другие международные противоречия. В феврале 1853 г. русский император Николай I потребовал от Порты передачи всех ее православных подданных под покровительство России. Непосредственным поводом к войне послужил спор между католиками и православными о том, в чьем ведении должен находиться Гроб Господен в Иерусалиме. Султан, поддержанный Англией и Францией, которые мечтали занять на Балканах место России, отказался удовлетворить требования России. В ответ Николай I приказал русским войскам занять вассальные от Порты княжества Молдавию и Валахию, что они и сделали в июле 1853 г. Россия отказалась по требованию турецкого правительства их вывести. Циркуляр Николая I от 20 июня (2 июля) 1853 г. был полностью опубликован в «Северной пчеле». В нем, в частности, говорилось, что войска введены из-за оскорблений, нанесенных царю турецким правительством, за нарушение им фирмана от 1852 г. и пр. Император указывал, что он не стремится завоевать Дунайские княжества и что он «не будет также преднамеренно и добровольно побуждать к какому-либо восстанию христианские племена Турции»²³.

Однако начало приготовлений России к войне с Портой было воспринято христианскими народами, находившимися

в зависимости от турок, как сигнал к началу их освобождения. Омер-паша пытался втянуть христиан в конфликт. Так, он потребовал от сербского князя послать ему вспомогательные войска. Александр Карагеоргиевич ему отказал. Опираясь на решение большинства сената, он заявил, что «сербское правительство решилось соблюдать строжайший нейтралитет в отношении к России и к Турции»²⁴.

В это время зашевелился и главный противник Александра Карагеоргиевича свергнутый князь Михаил Обренович. В одной из газет Триеста был напечатан его циркуляр, обращенный к сербским сенаторам, министрам, митрополиту и др., в котором Михаил опровергал слухи о своем желании возмутить сербов и занять сербский престол. При этом он добавлял, что «вовсе не старается достижения власти в Сербии, готов, однако же принять ее как долг, если того потребуют жители и выгоды их, с тем только, чтоб эта перемена произошла без малейшего насильства и законным порядком»²⁵. Этот циркуляр был полностью опубликован «Северной пчелой».

Положение в Сербии беспокоило и Австрию, которая на границах с ней сосредоточила свои войска, и Россию. «Северная пчела» сообщала, что в Сербию был направлен советник русской миссии в Вене Феликс Петрович Фонтон, который должен был «успокоить все партии». «И усилия этого дипломата, — продолжала газета, — придадут важнейшее значение успеху австрийских действий, доказав на месте согласие и благосклонные намерения европейских держав в отношении к Сербии». И далее задачи Фонтон формулировались следующим образом: «Объяснить сербскому правительству настоящие его выгоды и возратить доверенность и сочувствие нации к своим правителям». Фонтон сумел добиться желаемого за несколько дней, Сербия прекратила вооружаться. Он, покинув Белград, объехал другие районы Сербии. В следующих номерах «Северная пчела», на основании публикаций белградской газеты «Сербске новине», рассказывала о путешествии Фонтон по Сербии в течение шести дней, о посещении им монастырей и городов. И везде он был принят с восторгом «как многопочитаемый и дорогой гость из единоплеменной

православной России, как уважаемый чиновник царя, великодушного покровителя нашего молодого княжества». Газета указывала, что его встречали не только чиновники, но повсюду приветствовал также народ. Фонтон призывал, чтобы сербы жили в мире друг с другом, были верны и послушны своему князю, чтобы не слушали тех, кто подбивает их к мятежу²⁶. Как можно видеть, накануне и в начале Крымской войны Австрия и Россия действовали вполне согласованно и в отношении черногорско-турецкого конфликта, и в отношении попыток добиться нейтрализации Сербии.

4 (16) октября 1853 г. Порта объявила войну России. 22 октября 1853 г. «Северная пчела» напечатала Высочайший манифест от 20 октября, означавший официальное объявление войны туркам со стороны России. «Россия вызвана на брань, — говорилось в манифесте, — ей остается, возложив упование на Бога, прибегнуть к силе оружия, дабы принудить Порту к соблюдению трактатов и к удовлетворению за те оскорбления, какими отвечала она на самые умеренные наши требования и на законную заботливость нашу о защите на Востоке православной веры, исповедуемой и народом русским»²⁷. Объявление Россией войны Турции было воспринято сербами и черногорцами как сигнал к действию. Об этом регулярно писала «Северная пчела». Так, уже 23 октября из Сербии сообщали о продолжающемся вооружении народа. «Все одушевлены самыми воинственными чувствами, — писал корреспондент. — Везде укрепляют важнейшие стратегические пункты». Спустя несколько дней корреспондент из Белграда отмечал, что требование Омер-паши о проходе турецких войск через Сербию отклонено сербским правительством, которое заявило, что сумеет найти средства охранять свой нейтралитет. Одновременно с ответом Омер-паше Сербия стала укреплять свои границы с Турцией, подтянув туда пушки. Султан направил письмо сербскому князю, в котором спрашивал о позиции сербов во время войны. В ответе от 6 ноября 1853 г. князь Александр указал, что княжество «не может участвовать в борьбе между двумя покровительствующими ему державами и будет соблюдать строгий нейтралитет». А для его поддержания он объявил народу,

чтобы «все сербы, способные носить оружие, были готовы явиться на первый зов своего правительства»²⁸. Уверенность, что свой нейтралитет Сербия вынуждена будет защищать, не была напрасной: в конце ноября турецкие войска вторглись в Сербию из Боснии. Сербы отразили нападение, уничтожив 50 турок. Сербское правительство выразило протест белградскому паше, и тот письменно обещал, что «на будущее время турки будут уважать сербскую границу»²⁹. Белградский паша решил все-таки обезопасить себя от сербов, и уже 5 декабря в Белград прибыло 220 артиллеристов от Омер-паши³⁰. Вопрос о вторжении турецких войск в Сербию оставался открытым, и в декабре 1853 г. князь Александр отправился в старую сербскую столицу Крагуевац для организации там двух новых корпусов в 10 тыс. и 15 тыс. человек³¹.

Черногория тоже очень волновала турок. В ноябре 1853 г. турецкий отряд в 5000 человек отправился в Грахово. Узнав об этом, черногорцы опередили турок и послали туда 2–3 тыс. человек. Наступление на Черногорию должен был осуществить мостарский паша со своим войском одновременно с боснийцами. Очевидно после поражения турок у боснийских границ мостарский паша не решился напасть на черногорцев. 22 ноября в Черногорию прибыл агент от сербского князя для заключения наступательного союза против турок³². В начале 1854 г. корреспондент «Северной пчелы» из Котора (Каттаро) писал, что черногорцы рвутся в бой с турками, ибо «видят в русских своих единовверных братьев и горят желанием напасть на турок»³³. В феврале 1854 г. газета подчеркивала, что Черногория и Сербия «действуют заодно. Порядок и спокойствие господствуют в обоих княжествах»³⁴.

Уже 11 (23) октября 1853 г. русские пароходы были обстреляны турками. 18 (30) ноября под Синопом произошел бой между русской эскадрой под руководством контр-адмирала П.С. Нахимова и турецкой эскадрой под руководством Осман-паши. Русский флот насчитывал 8 кораблей, турецкий – 14. Турецкая эскадра была полностью уничтожена, а Осман-паша был взят в плен. Поражения турецких войск заставили Англию и Францию поспешить на помощь Порте. 15 (27) марта 1854 г.

они объявили войну России. Николай I обратился к Австрии и Пруссии с просьбой об объявлении нейтралитета. Однако вместо этого 28 марта 1854 г. Австрия и Пруссия, соратники России по Священному союзу, подписали в Вене протокол, в котором они предписывали вывести войска из Дунайских княжеств. А в мае 1854 г. Австрия по просьбе Турции ввела свои войска в Боснию и Албанию. Она считала, что выступить на стороне Англии и Франции для нее гораздо выгоднее, чем оставаться верной союзу с Россией. В декабре 1854 г. Австрия заявила о своем союзе с Францией и Англией.

В феврале 1854 г. Англия и Франция ввели свои эскадры в Дарданеллы. «Северная пчела» поместила большую статью о политике России в Восточном вопросе, написанную «посланником и дипломатическим агентом Его Величества Государя императора в чужих краях». В ней доказывалось, что Россия не виновата в войне с Турцией, а виновато турецкое правительство, которое вмешивалось во внутренние дела православной церкви. Россия же заняла княжества для того, чтобы вести переговоры об этом с Турцией. Появление в Проливах эскадр Англии и Франции вместо того, чтобы способствовать примирению России и Турции, содействует обострению конфликта между ними³⁵. Когда Англия и Франция в марте 1854 г. объявили войну России, 14 апреля 1854 г. был провозглашен Высочайший манифест, опубликованный уже на следующий день в «Северной пчеле». В нем заявлялось: «Мы не искали и не ищем завоеваний, ни преобладательного в Турции влияния сверх того, которое по существующим договорам принадлежит России». Далее в манифесте указывалось, что Англия и Франция имеют своей целью обессилить Россию, а несогласия ее с Турцией для них вопрос второстепенный. Россия «ополчилась не за мирские выгоды: она сражается за веру христианскую и защиту единоверных своих братьев, терзаемых неистовыми врагами»³⁶.

Вообще уже с начала 1854 г. регулярно публикуются статьи под общим названием «Восстания христиан на Востоке» — о положении в Сербии и Черногории, их готовности отразить нападения турок, о выступлениях греческих повстанцев, о звер-

ствах турок в отношении христианского населения Болгарии и Боснии и т.д. Одновременно во многих номерах газеты появляются списки российских жертвователей, вносивших средства для раненных солдат, для различных воинских соединений, вообще для нужд армии. Эти списки весьма любопытны. В них наряду с крупными суммами от купечества и дворянских собраний упоминаются пожертвования крестьян и рабочих. При этом пожертвования шли не только деньгами, но и вещами, продовольствием. Так, одесский купец 2-й гильдии Ващенко подарил 200 тулупов, 200 пар рукавиц, 200 пар валенок³⁷; молдавский боярин Александреско – 540 ведер вина; игумен молдавского монастыря архимандрит Кирилл – 300 четвертей ржи и 20 быков; боярин Харламбий – 1200 ведер вина³⁸.

Несмотря на вступление в войну Англии и Франции, черногорцы не потеряли надежды на разгром Турции. Согласно «Северной пчеле», князь Данила приказал черногорским капитанам собирать добровольцев для борьбы с турками. «Черногорцы вооружаются на жизнь и на смерть против врага своего рода и племени и намерены в числе двадцати тысяч человек вторгнуться в Герцеговину и Верхнюю Албанию под начальством самого князя Данила и президента [сената. – *И. Ч.*] Георгия Петровича. Первый выстрел в Низике, Пиве или Жабляке подает знак к всеобщему восстанию южных славян»³⁹. И это не были пустые слова. На Пасху 1854 г. Данила издал обращение (прокламацию) к жителям Герцеговины, которое полностью было приведено «Северной пчелой». В нем, в частности, говорилось: «Вы слышали, что император российский, отец и защитник всех христиан, ведет войну с Турцией не для своей личной выгоды, но для того, чтоб однажды навсегда свергнуть иго, угнетающее несчастных славян уже четыре столетия». Против мусульман восстали греки, готовы свергнуть его и сербы. Далее в обращении указывалось, что настала минута, когда каждый христианин должен восстать против турок. «И если вы упустите это благоприятное мгновение, вас настигнет угрызение совести и вечный стыд вас будет преследовать. Восстаньте же во имя человечества и истребите своих гонителей!» «Я готов подкрепить славные ваши усилия всеми моими средствами, —

обещал Данила, — деньгами, жизненными и боевыми припасами; я все разделю с вами братски, если вы с доверенностью и решимостью восстанете все до одного против непримиримых и гнусных врагов христианства». Данила призывал герцеговинцев сохранить в тайне его обращение и ожидать его сигнала для восстания⁴⁰. Сами черногорцы вели активные действия против турок. Так, «Северная пчела» перепечатала сообщение загребской газеты, в котором рассказывалось о набеге черногорцев на Пиву, во время которого они увели с собою кадия, сорок быков, 12 лошадей и другую добычу⁴¹.

В «Северной пчеле» освещались и события в ряде греческих областей, где против турок сражались повстанцы. В конце 1853 г. вспыхнуло восстание в Эпире. «Северная пчела» регулярно писала о нем. В феврале 1854 г. она указывала, что в восстании участвуют 8 тыс. человек, что оружие им раздается бесплатно⁴². В марте газета рассказывала о блистательных победах греков в Эпире, о сборе для повстанцев средств среди греческой диаспоры в Лондоне и Сире⁴³. Обычно сообщения о греческих волнениях перепечатывались из иностранных газет. В апреле аугсбургская газета писала о распространении восстания и на другие греческие области. Согласно славянской прессе Триеста, английские и французские газеты сеяли слухи о разъезжающих по Греции и раздающих золото русских эмиссарах. В Эпир, ставший центром греческого восстания, прибывали добровольцы из всех греческих областей, в том числе и из независимой Греции. «Северная пчела» писала и о восстании в Фессалии, куда шла помощь из Эпира и Греции. Однако вскоре греческие повстанцы стали терпеть поражения. Положение осложнялось тем, что англичане и французы требовали от греческого правительства соблюдения нейтралитета, несмотря на это оно продолжало помогать повстанцам⁴⁴. Вскоре греческое восстание было подавлено. Причиной этого «Северная пчела» называла действия французов. Так, греческий генерал Цавелла, командовавший армией повстанцев, по словам газеты, оставил войска по наущению французского консула в Янине Бертрана. Бегство Цавеллы во многом способствовало поражению восставших. В конце мая французские и англий-

ские войска захватили Грецию. Греческий король вынужден был уволить прежнее правительство и подписать декларацию о нейтралитете. По словам «Северной пчелы», французские войска, вступившие в Афины, афинские горожане встретили неприязненно. В Фессалии повстанцы еще продолжали успешно воевать с турками. Их руководитель Хаджи-Петро 5 (17) июня 1854 г. получил приказ от греческого правительства вернуться в Грецию. В письме к брату он отказался это сделать, следующим образом мотивировав свой отказ: «Греция принуждена теперь к нейтралитету, но будем вести войну и без нее. Бог благословил наше оружие. Этого благословенного свыше оружия мы не сложим, доколе не освободим отечества нашего от ига»⁴⁵.

В сентябре 1854 г. англо-французские войска высадились в Крыму. Начался новый этап войны, уже проходившей на российской территории. 13 сентября англо-французские войска начали осаду Севастополя, продолжавшуюся 349 дней. Осажденные в городе моряки и местное население сражались мужественно под руководством В.А. Корнилова и П.С. Нахимова, на 11 месяцев задержав вражеские отряды.

Во второй половине 1854 г. из газеты почти исчезают сведения о волнениях среди турецких подданных. Связано это было с победами англо-французских войск в Крыму и с затиханием антитурецких выступлений христиан. «Северная пчела» приводила высказывания немецкой газеты о том, что белградцы были опечалены успехами союзников, что вести о русских неудачах «повергли всю тамошнюю страну в глубокую печаль, ибо сербы всех сословий почитают русских защитниками своей веры и свободы». Белградский корреспондент «Северной пчелы» подчеркивал, что все эти слухи о якобы мнимых победах союзников распространяются французским консулом в Белграде Сегюром, что приближенные князя думают, что русские нарочно увлекают врагов в западню⁴⁶.

Кроме сведений о пожертвованиях «Северная пчела» уже в ноябре 1854 г. публиковала статьи о сестрах милосердия, отправлявшихся на фронт для помощи раненым. Этот институт, который впоследствии имел широкое распространение во время Первой и Второй мировых войн в воюющих

странах, зародился в период Крымской войны в России. «Северная пчела» рассказала о первом отряде медсестер. 6 ноября 1854 г. из Петербурга через Москву в Крым отправился отряд сестер попечения о раненых и больных в военных госпиталях. Эти сестры принадлежали к Общине Воздвижения Животворящего Креста, учрежденной с соизволения императора под покровительством императрицы и великой княгини Елены Павловны. Первый отряд состоял из 31 сестры и должен был работать под руководством хирурга Н.И. Пирогова. «Цель Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых и больных, — отмечала газета, — определяется самим названием оной. Сестры попечения из человеколюбивых, известных своим поведением и добросовестностью женщин, русских подданных всех свободных состояний и преимущественно имевших уже случай ходить за больными. Они принимают на себя обязанность находиться при раненых и больных и служить им во имя Христа с полным личным самоотвержением. Поступление в число сестер обязательно на один год». Через несколько дней «Северная пчела» напечатала дополнительные данные о сестрах милосердия. В статье указывалось, что большинство их принадлежит к дворянскому сословию, а их начальница — вдова русского воина Александра Петровна Стахович. «Кроме обязанности сестер облегчать страдания больных христианским утешением и молитвою, — добавлял корреспондент, — им вменяется в долг выслушивать просьбы и последние желания умирающих и доводить их немедленно до сведения главной начальницы»⁴⁷.

Положение русских войск на фронте в Крыму становилось все тяжелее. Требовались все новые солдаты для ведения военных действий. «Северная пчела» публиковала сведения о добровольцах. В частности, в конце ноября 1854 г. она поместила заметку о собраниях донских казаков. Они прошли, по словам газеты, с большим подъемом. При чтении приказов наказного атамана казаки кричали: «Идем все! Умрем за батюшку царя белого и за Русь святую! Отмстим туркам за муки единоверных братьев наших! Накажем западных хриstopродавцев!» 1 декабря 1854 г. Николай I объявил новый рекрутс-

кий набор в восточных губерниях — по 10 человек с тысячи⁴⁸. К середине декабря 1854 г. в «Северной пчеле» был опубликован новый Высочайший манифест. В нем заявлялось, что война со стороны России ведется не из-за честолюбия или желания выгод: «Мы искали единственно сохранения торжественно признанных преимуществ Православной церкви и единоверцев наших на Востоке». Царь отмечал героическую борьбу русских войск, особенно у Севастополя, еще раз подчеркивал, что не желает кровопролития и не отклонит мирных предложений, «если они будут согласны с достоинством Державы нашей и пользами любезных наших подданных»⁴⁹. Этот манифест Николая I можно рассматривать как попытку начать мирные переговоры. Переговоры о мире начали проводиться уже со второй половины 1854 г. в Вене, однако воюющие стороны так и не смогли договориться. 1 февраля 1855 г. был опубликован Высочайший манифест, в котором Николай I снова заявлял, что его целью является защита прав православных и других христианских народов на Востоке, и изъявлял согласие на переговоры. Поскольку переговоры в Вене шли туго, в этом же манифесте царь объявлял о создании всеобщего государственного ополчения. В него призывались все сословия, платящие подушную подать, кроме купцов, колонистов, евреев⁵⁰.

18 февраля 1855 г. «Северная пчела» опубликовала первый бюллетень о болезни Николая I. А спустя три дня здесь же появился Высочайший манифест нового царя Александра II, в котором сообщалось о кончине Николая I, последовавшей 18 февраля 1855 г.⁵¹

После смерти Николая I в «Северной пчеле» снова стали появляться статьи о положении в славянских землях, подвластных Порте, в новой рубрике «Турецкие дела». Так, было перепечатано из немецкой газеты письмо ее белградского корреспондента о том, что в Сербии якобы действуют русские агенты, которые хотят произвести там волнения. «Северная пчела» отвечала на это, что «сербский народ питает живейшее сочувствие к России, происходящее как по единоплеменности, так и по единоверию и, наконец, по справедливому чувству благодарности», так как все свои права и привилегии княжество по-

лучило благодаря России. Вместе с тем газета подчеркивала, что Сербия придерживается по совету России нейтралитета⁵². Спустя несколько дней в газете была помещена статья о Болгарии. В ней указывалось, что болгары, как босняки и румелийцы, свыклись со своим положением. Но они не слились с турками. Вместе с тем, по мнению автора статьи, в душе болгар «таится еще сознание прежней независимости и исторической славы, и потому в благоприятном случае этот народ может восстать поголовно». Далее, утверждал корреспондент, могут восстать и жители Герцеговины, Албании, Фессалии, Эпира и Македонии. Они проникнуты воинственным духом и нуждаются только в оружии. Но самое большое значение имеют сербы, которые очень «чувствительны» к турецкому владычеству и которые «мужественны и храбры, и едва ли найдется во всей Европе другой народ, который был бы так хорошо вооружен и так коротко знал военное ремесло, разумеется, по-своему, как сербы»⁵³. Здесь же корреспондент утверждал, что все православные народы Турции «питают величайшее сочувствие к России». Если бы Россия хотела привлечь их на свою сторону, она должна бы обратиться к сербам, а за сербами поднимутся и другие⁵⁴.

Но все эти рассуждения о готовности христианских народов Турции поднять восстание в поддержку России не могли быть приняты всерьез русским правительством. 26 февраля 1855 г. Нессельроде объявил циркуляр, который был тоже опубликован «Северной пчелой». В нем говорилось, что царь Александр II поставил перед собой две задачи, завещанные ему отцом. Первая – развитие всех сил «на защиту безопасности и чести России», вторая – заключение мира. Цель России – восстановить мир, утвердить свободу веры и благосостояния на Востоке для всех христиан, отдать придунайские княжества под общее покровительство, обеспечить свободное судоходство на Дунае. В циркуляре указывалось, что Александр II подтвердил инструкции, данные уполномоченным России для переговоров в Вене еще в декабре 1854 г. Вместе с тем в циркуляре подчеркивалось, что Россия не заключит мира, если он не будет соответствовать достоинству короны⁵⁵.

И в дальнейшем «Северная пчела» по мере возможности освещала события в Черногории, Болгарии, Сербии. Любопытна заметка о посещении французским консулом Гекаром Цетинья и его переговорах с князем Данилой. Гекар советовал князю признать зависимость Черногории от Порты. Князь отказался, заявив: «Эту независимость и свободу почитаю я высшим сокровищем для всего народа, за которое я со всеми моими подданными хочу жить и умереть»⁵⁶.

Все чаще в «Северной пчеле» помещались известия о событиях на Балканах обычного характера: о строительстве железной дороги от Стамбула до Вены через Сербию, о набегах черногорцев на Герцеговину и т.д.

27 августа 1855 г., после многомесячной героической защиты, русские отряды оставили Севастополь. Это означало поражение России, несмотря на то, что русские имели успехи на Кавказе и держали оборону на северной границе. Через несколько недель после падения Севастополя в «Северной пчеле» появилась статья некоего А. Горяйнова под многозначительным названием «Война только начинается» и с таким же многозначительным эпиграфом: «Потеря Москвы не есть потеря России. Кутузов». Написанная сразу же после захвата Севастополя англо-французскими войсками, она начиналась вопросом: «Кто сказал, что враги взяли Севастополь 27 августа и русские побеждены?» И далее автор пытался доказать, что это совсем не так. Ведь союзники вошли в покинутый всеми город только на третий день после окончания боя. «Союзники не взяли, не могли взять осажденной части крепости, защитники сами оставили ее». В статье указывалось, что взятие Севастополя стоило союзникам года времени, огромных людских потерь и больших денежных затрат. 27 августа не похоже на победу, ибо победители не смели преследовать побежденных. «Не пожару Москвы, а защите Севастополя будут теперь удивляться современники и потомство». Русские защищали свою родину, а французы и англичане нападали. Автор статьи утверждал, что в настоящее время обстоятельства для России те же, что были в 1812 году после оставления Москвы. И далее, рассматривая внешнеполитическое положение России,

он приходил к заключению, что властитель Франции Наполеон III напрасно не любит Россию, ибо Франция является ее естественным союзником. Настоящий враг России — Англия, которая «хотя и униженная, не уменьшила злобы своей против России». Англия — зверь, по определению автора статьи, теперь она привязана к французской колеснице, и Европа не захочет ее освободить, «иначе она по-прежнему примется кусать и упиваться кровию чужих народов». «России нужно только терпение, — заключал автор статьи. — Потерпи, родная, и надейся! Ты сильна, ты права, и еще не испорчена ... За нас Бог и с нами царь!»⁵⁷.

Но падение Севастополя стало не началом, а концом Крымской войны. После смерти Николая I и падения Севастополя русскому правительству пришлось быть более сговорчивым. Еще в начале января 1856 г. «Северная пчела» помещала статьи о победах России. Так, была напечатана статья корреспондента из Гамбурга. «Известие о взятии Карса, — писал он, — привело всю Сербию не только в восхищение, но и в неистовый восторг». Отмечая рост симпатий к России со стороны сербов, корреспондент одновременно указывал, что издатели полуофициальной газеты «Сербске новине» смещены властями из-за перепечатанной ими из «Северной пчелы» статьи. Сделано это было по настоянию французского представителя Сегюра. Русские газеты вообще решено запретить в Сербии, но, по словам корреспондента, на это необходимо согласие сената, «а члены его почти все ревностные славяне»⁵⁸.

Но уже в начале февраля в газете появилась специальная рубрика «Переговоры о мире». Еще в декабре 1855 г. активным посредником в переговорах выступила Австрия. Переговоры велись в Вене, Австрия год назад объявившая себя союзницей Франции и Англии, предъявила ультиматум России, который рассматривали как предварительные условия заключения мира. Правда, в декабре Россия эти условия не приняла. Но в феврале-марте 1856 г. состоялся конгресс в Париже. На нем с одной стороны выступила Россия, с другой — Османская империя, Франция, Англия, Сардиния, а также Австрия и Пруссия. В основу заключенного 18 (30) марта Парижского

трактата лег ультиматум Австрии. Согласно трактату объявлялась свобода судоходства по Дунаю, устье Дуная передавалось во владение Молдавии, Россия отказывалась от протектората над Сербией, Валахией и Молдавией, протекторат над ними переходил ко всем великим державам. Но наиболее ощутимым ударом по могуществу России было объявление о нейтрализации Черного моря. России и Турции запрещалось иметь там военный флот и военные базы. Это практически отрезало Россию от Черного и Средиземного морей.

После подписания Парижского трактата в «Северной пчеле» был опубликован Высочайший манифест Александра II о прекращении войны. В нем, в частности, говорилось: «Будущая участь и права христиан на Востоке обеспечены... Труды ваши и жертвы были не напрасны»⁵⁹.

Серия статей в «Северной пчеле», в ближайшие месяцы после заключения Парижского трактата, рассказывала о бесчинствах турок, не желавших считаться с опубликованным турецким султаном гатти-гумаюном, в Болгарии, Македонии, о постоянных стычках черногорцев с турецкими отрядами на границе. Черногория, согласно загребской газете, была недовольна тем, что ее границы не были расширены, а также, что европейскими державами не была признана ее независимость. Расширение ее границ обуславливалось признанием ее вассальной зависимости от турок⁶⁰. Недовольна была и Сербия. Согласно «Северной пчеле», она хотела представить державам следующие свои пожелания:

- 1) Дунайские княжества должны иметь постоянный нейтралитет;
- 2) Княжеская власть в Сербии должна быть наследственной;
- 3) Армию Сербии нужно увеличить с 2 тыс. до 12 тыс. человек. Средства на ее содержание должны дать налоги, которые Сербия платит Турции⁶¹.

Таким образом, материалы «Северной пчелы» довольно правдиво обрисовывали события на Балканах накануне и во время Крымской войны. Ее материалы достаточно объективно показывают, что Парижский трактат не только не

уменьшил противоречий на Балканах, но в известной степени обострил их еще больше. Они подтверждают ту оценку результатов Крымской войны, которую дал Ф. Энгельс: «Положение “больного человека”⁶² стало значительно хуже; христианское население Европейской Турции как греческое, так и славянское более, чем когда-либо, стремится сбросить с себя турецкое иго и более, чем когда-либо, видит в России своего единственного защитника»⁶³.

Примечания

¹ Глушковский П. Ф.В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. СПб, 2013. С. 81. 1. С. 132, 134.

² Северная пчела. 14.02. (№ 36). 1851.

³ Северная пчела. 31.01. (№ 26). 1852.

⁴ Хитрова Н. И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50-70-х годах XIX века. М., 1979. С.92.

⁵ Северная пчела. 3.12. (№ 271). 1852.

⁶ Северная пчела. 18.12. (№ 283); 29.12. (№ 289). 1852.

⁷ Хитрова Н. И. Черногория в национально-освободительном движении... С. 98.

⁸ Северная пчела. 2.01. (№ 1). 1853.

⁹ Северная пчела. 20.01. (№ 15). 1853.

¹⁰ Северная пчела. 22.01. (№ 17). 1853.

¹¹ Северная пчела. 28.01. (№ 22). 1853.

¹² Северная пчела. 14.04. (№ 83). 1853.

¹³ Северная пчела. 4.02, 5.02. (№№ 27, 28). 1853.

¹⁴ Хитрова Н. И. Указ. соч. С. 100, 101.

¹⁵ Северная пчела. 27.01. (№ 21). 1853.

¹⁶ Хитрова Н. И. Указ. соч. С. 102, 105.

¹⁷ Северная пчела. 31.01 (№ 25), 12.02 (№ 34). 1853.

¹⁸ Северная пчела. 19.02 (№40), 23.02 (№ 43). 1853.

¹⁹ Северная пчела. 24.02. (№ 44). 1853.

²⁰ Северная пчела. 2.03. (№ 47). 1853.

²¹ Северная пчела. 13.03. (№ 57). 1853.

²² Северная пчела. 13.05. (№ 105). 1853.

²³ Северная пчела. 24.06. (№ 139). 1853.

²⁴ Северная пчела. 24.07. (№ 162). 1853.

²⁵ Северная пчела. 5.08. (№ 172). 1853.

²⁶ Северная пчела. 25.08. (№ 186), 5.05. (№ 196), 15.10. (№ 219). 1853.

²⁷ Северная пчела. 22.10. (№ 234). 1853.

²⁸ Северная пчела. 22.10. (№ 234), 10.11. (№ 250), 18.11. (№ 255), 26.11. (№ 263). 1853.

²⁹ Северная пчела. 28.11. (№ 265), 3.12. (№ 269). 1853.

- ³⁰ Северная пчела. 17.12. (№ 281). 1853.
³¹ Северная пчела. 29.12. (№ 289). 1853.
³² Северная пчела. 3.12. (№ 269).1853.
³³ Северная пчела. 19.01. (№ 14).1854.
³⁴ Северная пчела. 24.02. (№ 44). 1854.
³⁵ Северная пчела. 20.02. (№ 42). 1854.
³⁶ Северная пчела. 15.04. (№ 83). 1854.
³⁷ Северная пчела. 22.03. (№ 66). 1854.
³⁸ Северная пчела. 19.04. (№ 86). 1854.
³⁹ Северная пчела. 24.04. (№ 91). 1854.
⁴⁰ Северная пчела. 13.05. (№ 107). 1854.
⁴¹ Северная пчела. 18.05. (№ 111). 1854.
⁴² Северная пчела. 24.02. (№ 44). 1854.
⁴³ Северная пчела. 16.03. (№ 61). 1854.
⁴⁴ Северная пчела. 16.03 (№ 51), 8.04. (№ 80), 15.04. (№ 83), 19.04. (№ 86). 1854.
⁴⁵ Северная пчела. 13.05. (№ 107), 15.05. (№ 109), 2.06. (№ 122), 7.07. (№ 149). 1854.
⁴⁶ Северная пчела. 7.10. (№ 224). 1854.
⁴⁷ Северная пчела. 15.11. (№ 257), 18.11. (№ 260). 1854.
⁴⁸ Северная пчела. 19.11. (№ 261), 4.12. (№ 275). 1854.
⁴⁹ Северная пчела. 16.12. (№ 282). 1854.
⁵⁰ Северная пчела. 1.02. (№ 25). 1855.
⁵¹ Северная пчела. 21.02. (№ 36). 1855.
⁵² Северная пчела. 7.03. (№ 51). 1855.
⁵³ Северная пчела. 16.03. (№ 59). 1855.
⁵⁴ Северная пчела. 16.03. (№ 59). 1855.
⁵⁵ Северная пчела. 2.05. (№ 94). 1855.
⁵⁶ Северная пчела. 8.07. (№ 148). 1855.
⁵⁷ Северная пчела. 7.11. (№ 245). 1855.
⁵⁸ Северная пчела. 7.01. (№ 5). 1856.
⁵⁹ Северная пчела. 21.03. (№ 65).1856.
⁶⁰ Северная пчела. 13.06. (№ 131). 1856.
⁶¹ Северная пчела. 14.09. (№ 203). 1856.
⁶² «Большим человеком» в политических и дипломатических кругах называли Османскую империю.
⁶³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 12. М., 1958. С. 637.

Людмила Павловна ЛАПТЕВА

Сотрудничество А.Ф. Гильфердинга с журналом «Русская беседа» (1856–1860 гг.)

Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872) – известный русский ученый-славист, один из талантливейших представителей русского славяноведения. Русская наука обязана ему возникновением в ней новой области знаний – истории славян. Литература об А.Ф. Гильфердинге достаточно богата. Научные сочинения его рецензировались, публицистические статьи вызывали полемику. После смерти А.Ф. Гильфердинга о нем писались воспоминания. В 1868–1874 гг. вышло в свет собрание его сочинений. Сведения об ученом имеются в справочных изданиях XIX в. В XX в., в связи с уходом в прошлое славянофильской концепции истории славян и изменениями в политической ситуации, имя Гильфердинга встречается в литературе все реже. В 60-х годах XX в. вновь появляется интерес к этому незаурядному ученому. В настоящее время существует значительное количество работ, посвященных А.Ф. Гильфердингу. Наиболее подробно его творчество проанализировано в «Истории славяноведения в России в XIX в.»¹, где приведена и подробная библиография об ученом. Как известно, А.Ф. Гильфердинг являлся ярким представителем славянофильского направления в изучении истории зарубежных славян. Более того, он был основоположником этого направления. Его исследования базировались на основах, сформулированных кружком русских ученых и мыслителей-славянофилов 40–50-х годов XIX в. Их точку зрения А.Ф. Гильфердинг применил в подходе к истории зарубежного славянства.

В 1856 г. в Москве стал издаваться журнал «Русская беседа»² (далее — «Р. б.»). Это был орган исключительно славянофильского направления. Один из инициаторов издания и теоретиков славянофильства — К.С. Аксаков писал: «Мы должны думать о том, чтобы все статьи были вполне соответствующими нашему направлению ... Не нужно нам ни Тургенева, ни Григоровича, ни других подобных»³. Журнал просуществовал с 1856 г. по 1860 г. За это время вышло 20 выпусков с интересным и разнообразным содержанием.

В «Р. б.» печаталось много исторического материала, а также произведения поэтов и прозаиков, обозрения современной литературы. Интересны были филологические и фольклорные материалы. В статьях авторов обсуждались актуальные вопросы, например, о крестьянской общине, ее поземельной собственности, судебной реформе и т.д.

В целом в «Р. б.» публиковались материалы «высокого интереса», как говорил А.С. Хомяков, т.е. недоступного широкому читательскому кругу. Таким образом, «Р. б.» имела элитарный характер, так как образованных читателей в России, способных оценить вершины интеллекта, было «человек по 300 в столицах, в провинции — единицы»⁴. Журнал не был популярен, имел мало подписчиков и кроме того подвергся активной атаке со стороны антиславянофильских изданий, которые по своему научно-популярному характеру были чрезвычайно успешными. Но «Р. б.» являлась единственным журналом в России, где систематически печатали сведения о славянах и славянских авторов, если их статьи были нейтральными, с точки зрения славянофилов, но ценными в научном или информационном смысле. Поэтому «Р. б.» весьма способствовала развитию славяноведения в России. Журналистика западного или нейтрального направлений особого интереса к славянам не проявляла. Славянский вопрос стал предметом обсуждения позднее, в связи с событиями у самих зарубежных славян. А в 50-х годах, например, журнал «Отечественные записки» писал с насмешкой о первой русской работе «История балтийских славян» А.Ф. Гильфердинга. В неприязненной рецензии неизвестный автор иронизировал, что спор «ни к чему

не приведет, кроме наполнения некоторых славянских журналов, которым мы и уступаем все широкое поле от устьев Лабы до Моравы и, пожалуй, даже до дальней Савы, где так широко разыгралась фантазия г. Гильфердинга»⁵.

За 5 лет существования в «Русской беседе» было опубликовано 52 названия статей, сообщений, исследований, рецензий и т.д., посвященных южным и западным славянам⁶; 28 из них принадлежат перу А.Ф. Гильфердинга⁷. Они касаются истории южных и западных славян; уже в этом раннем периоде творчества ученого проявлялась его славянофильская методология – видеть единство всего «славянского племени». Статьи А.Ф. Гильфердинга в «Р. б.» появились в первой книге журнала за 1856 г. и публиковались практически в течение всего периода его существования. Последняя работа была напечатана в 1860 г. и повествовала о филологической деятельности А.С. Хомякова. Это – текст сообщения Гильфердинга от 6 ноября 1860 г. в Обществе любителей российской словесности, посвященного памяти скончавшегося знаменитого славянофила А.С. Хомякова⁸.

Все материалы, напечатанные А.Ф. Гильфердингом в «Русской беседе», по их содержанию и жанру условно можно разделить на три группы. К первой из них относятся крупные исторические исследования по истории славян. Это «Босния. Путевые заметки», публиковавшаяся в нескольких номерах (книгах), «Письма об истории сербов и болгар», а также «Западные славяне»⁹ и «Народное возрождение сербов-лужичан». По форме эти произведения представлялись как письма к единомышленникам, редактору и авторам – участникам «Русской беседы». Так, «Босния» помечалась как «Письма к А.С. Хомякову»¹⁰, «Письма об истории сербов и болгар»¹¹, «Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии. Письмо к А.И. Кошелеву»¹², «О русской литературной деятельности в Галиции в 1855 г.» – также «Письмо к А.И. Кошелеву»¹³. Как известно, такая форма изложения содержания сочинения была принята гуманистами в период европейского Ренессанса и просуществовала в литературе почти до конца XIX в. С эпистолярным наследием ученых более позднего времени она не имеет ничего общего.

Важное научное значение имела публикация Гильфердингом источников по истории и культуре славян. Как правило, они представляли собой находки самого автора и были не известны науке. А.Ф. Гильфердинг публиковал их текст с собственными содержательными примечаниями и переводом на русский с латинского, сербского и др. языков. Так, ученый обнаружил «Неизданное свидетельство современника о Владимире Святом и Болеславе Храбром»¹⁴, т. е. «Послание Бруно к Генриху II», осуществив его с публикации на латинском языке, и перевел на русский. Три документа обогатили источниковую базу по кирилло-мефодиевской проблематике: «Предисловие св. Кирилла к переводу Евангелия» с публикацией по сербской рукописи XIII в.¹⁵, «Греческая служба св. первоучителям словенским» и «Житие св. Наума Болгарского»¹⁶.

В 1858 г. А.Ф. Гильфердинг перевел с сербского языка, снабдил примечаниями и опубликовал «Летопись Герцеговины 1831–1857» иеромонаха Прокопия (Чокорило) и составил очерк об авторе¹⁷. В конце крупных сочинений А.Ф. Гильфердинг часто публиковал образцы славянского фольклора. Так, в приложении к «Путевым заметкам из Боснии в 1858 г.» он напечатал в оригинале и прозаическом переводе на русский язык сербскую народную песню «Вино пие србски цар Стефане»¹⁸, а к последней части «Путевых заметок» приложил прозаический пересказ двух народных сказаний о Косовской битве¹⁹. К обзору о народном возрождении сербов-лужичан в Саксонии ученый приложил текст верхнелужицких народных песен и опубликовал их на языке оригинала с параллельным переводом²⁰.

А.Ф. Гильфердинг помогал «Русской беседе» переводами произведений славянских писателей. Так, он перевел с сербского статью священника И. Памучины «Суд над христианской девушкой в Мостаре в 1841 г.»²¹, а также «Рассказ францисканца о введении Танзимата в Боснии (1850–1851) монаха Франо Й. Юкича» и написал предисловие к публикации²².

В 50–60-е годы XIX в. в России было мало литературы по истории славян, некоторые аспекты славянского прошлого вообще не были известны. Поэтому все опубликованные в «Русской беседе» работы Гильфердинга имели большое значение

для дальнейшего развития исторической славистики. Первой крупной публикацией ученого в «Русской беседе» была статья «Народное возрождение сербов-лужицан в Саксонии»²³. Она появилась в результате пребывания автора в Лужице в 1855 г. в связи с исследованиями по истории балтийских славян. Первая его работа о балтийских славянах вышла в 1854 г., но для дальнейшего изучения вопроса А.Ф. Гильфердинг считал нужным посетить земли, где жили балтийские славяне и где еще сохранился остаток полабских славян — лужицкие сербы. Посетив территорию их расселения и познакомившись с основными культурными деятелями народа, ученый после возвращения из заграничного путешествия в 1855 г. по самым свежим впечатлениям написал для «Русской беседы» указанную статью. Для работы над ней Гильфердинг использовал подробные беседы с «умственными» деятелями лужицких сербов, главным образом, Я. Смолером, а также изучил письменные материалы. Статья характеризует развитие литературы лужицких сербов начиная с 40-х годов XIX в. Работа уникальна, ибо не только в России, но и у других славян такого подробного обзора не существовало. Имелась лишь статья И.И. Срезневского, опубликованная еще в 1844 г.²⁴

Свое изложение Гильфердинг начинает указанием на численность серболужицан — 100 тыс. человек. Говорит о границах их расселения, религиозной принадлежности, площади занимаемой ими территории. Автор констатирует: «Пространство всей земли сербо-лужицкой не более одного уезда в российской губернии ... целый народ сербов-лужицан не превышает числом населения какого-либо второстепенного города, как Варшава или Гамбург»²⁵. Далее в статье характеризуется начало возрождения национальной жизни, которое Гильфердинг относит к середине 20-х годов XIX в. Он указывает на образование серболужицкого общества при Будишинской гимназии, возникновение «Славянского общества» при Лейпцигском университете, характеризует деятелей сербского пробуждения к национальной жизни. Гильфердинг не называет причин этого внезапного «пробуждения» почти онемеченного народа, который «прежде спал глубоким сном», и

вообще в своей статье он проявляет мало интереса к причинам описываемых явлений, ограничиваясь констатацией фактов. Среди других культурных событий автор отмечает издание в 1842 г. сербской газеты «Тыдженска Новина», выделяет создание Сербской Матицы в 1847 г., говорит об ее устройстве и членах, о журнале «Часопис Матице Сербске». Наряду с главными чертами сербского национального движения, которое характеризуется подробно, Гильфердинг приводит сведения о социально-экономическом положении саксонских сербов. Благоприятное впечатление произвели на него сербские селения и порядки в них. Со слов Я. Смолера, Гильфердинг сообщает о развитии сельского хозяйства и передовых методах его ведения. По заключению автора статьи, у лужицких сербов имела место некая социальная и экономическая идиллия. Что касается лужицких сербов в прусских владениях, то Гильфердинг указывает, что они беднее саксонских по причине меньшей плодородности почв в их краях.

В сочинении русского ученого о лужицких сербах содержится указание на некоторые успехи науки в разработке проблем серболужицкого языка в Верхней Лужице, но с другой стороны – на германизацию сербов Нижней Лужицы и об угасании там сербского языка. В конце статьи приведена краткая характеристика языка верхнелужицких сербов и даны образцы текстов сербских песен.

«Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии» было самым крупным произведением Гильфердинга на рассматриваемую им тему. В дальнейшем ученый уже не обращался к серболужицким сюжетам столь основательно. И только в IV книжку «Русской беседы» за 1856 г. он прислал из Парижа «Известие из Нижних Лужиц», содержащее фрагмент письма Я. Смолера, который сообщал о некотором оживлении национальной жизни в Нижней Лужице²⁶.

В целом труд Гильфердинга представил подробную информацию о жизни лужицких сербов в Саксонии. Но интерпретация фактов, в ней упомянутых, содержит значительную долю идеализации в соответствии с романтическими увлечениями славянофилов. Тем не менее, русская историогра-

фия опиралась на данные Гильфердинга не только в середине XIX в., но еще и многие десятилетия спустя, причем из сочинения заимствовались как факты, так и оценки.

После Крымской войны Гильфердинг, который служил в министерстве иностранных дел Российской империи, был назначен русским консулом в Боснию. Он занимал эту должность с 1856 г. по 1859 г. и использовал ее также в научных целях. Он вступил в контакт со славянскими учеными, лично знакомился с жизнью населения, с историческими памятниками, совершал путешествия. Результатом личного знакомства Гильфердинга с Боснией стало его сочинение в форме писем к А.С. Хомякову с пометкой «Путевые заметки», опубликованное в «Русской беседе» в 1858–1859 гг. Впоследствии переработанный материал этих писем вошел в статью ученого под названием «Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии»²⁷, а затем появилась книга «Босния, Герцеговина и Старая Сербия»²⁸. Гильфердинг описал все местности, связанные с историческими воспоминаниями и преданиями, важнейшие города и села, центры образования, монастыри, древние надписи. В работе имеются сведения о найденных и вообще существующих рукописях, приведены описания обычаев местных жителей, черты быта и взаимоотношений между разными слоями населения – православными, католиками и мусульманами. Сведения не только интересны, но и обладают высокой степенью достоверности, так как Гильфердинг со всеми фактами и явлениями знакомился лично, умел наблюдать, обобщать и делать выводы. Много сведений приведено им о современном положении южных славян. Специальная статья о Боснии в 1858 г. была им опубликована в «Вестнике Русского Географического общества» (РГО) и из этого издания также перепечатана в «Русской беседе»²⁹. Особое место в путевых заметках Гильфердинга о Боснии отводится отношениям славян к Турции, притеснению босняков турецкими властями. По мнению Гильфердинга, главные гонения были направлены на религию, так как свою национальность народ неразрывно связывал с вероисповеданием. Несмотря на сочувствие православным, автор стремится ситуацию в целом

оценить объективно. Он подчеркивает, что боснийское православное духовенство плохо образованно, но зато оказывает народу большую нравственную поддержку. Католическое духовенство состоит исключительно из францисканцев и имеет превосходство перед православным по образованности и действенной помощи населению против притеснения со стороны турок. Но народ, по констатации Гильфердинга, и в католичестве остается малоразвитым, как и в православии, ибо католическим священникам выгоднее иметь в своих приходах «совершенно грубую массу», которая легче поддается всякому влиянию церкви. Поэтому поддерживаются и суеверия, и предрассудки. Если католическая церковь сумеет связать свое дело с делом народности и освобождения от турецкого гнета, то в боснийском вопросе может произойти поворот, весьма невыгодный для православной церкви, считает Гильфердинг. Разрабатывая далее первоначальные сведения в вышедшей впоследствии книге³⁰, Гильфердинг приводит статистические и этнологические данные, сделанные по его просьбе местными интеллектуалами. Так, повествование о положении Боснии за последние 50 лет написано, по предложению Гильфердинга, Стакой Скендеровой, частично в прозе, но в основном в стихах³¹. Архимандритом Иоанникием Памучиной написана историческая статья «Жизнь Али-паши Ризванбеговича»³². Герцеговинский иеромонах Никифор Дучич составил описание монастырей Дужи и Твардош в Герцеговине³³, а также создал «Опыт статистического описания Требинского, Препольского и Невесиньского округов в Герцеговине»³⁴. Все перечисленные работы были переведены Гильфердингом на русский язык. Как описания поездок, так и приложения к ним долго служили источниками сведений для сочинений о Боснии и связанных с нею проблемах.

Труд Гильфердинга был встречен в России благожелательно. Критика отмечала, что все, что до работ Гильфердинга было написано о Боснии и Герцеговине, представляло лишь отрывочные сведения. В сочинении Гильфердинга содержались сведения и наблюдения, которые ранее были не известными. Таким образом, А.Ф. Гильфердинг явился основателем

изучения истории южных славян не только в русской историографии, но и в науке других славянских народов. Начало же публикации этого исследования Гильфердингом было положено журналом «Русская беседа», регулярно печатавшим его впечатления и заключения³⁵.

Ценным вкладом А.Ф. Гильфердинга в славяноведение являются «Письма об истории сербов и болгар», которые также публиковались в «Русской беседе»³⁶. Первая часть этих «Писем» была помещена в «Московских ведомостях» в 1854–1855 гг. В «Русской беседе» они печатались в двух книгах 1859 г.³⁷ Здесь автор излагал древнюю историю упомянутых народов: заселение южными славянами Балканского полуострова, создание государств, принятие христианства, отношения с Византией и др. Источниками Гильфердингу служили византийские хроники и сочинения, славянские летописи и жития, известные к тому времени дипломатические документы и официальная переписка. Автор использовал латинские хроники и памятники южнославянской письменности. Сочинение было новым вкладом в науку по рассматриваемой в нем теме и представляло собой исключительное явление в литературе того времени. Гильфердинг разрабатывал древнюю историю сербов и болгар в течение ряда лет. Он накапливал материал, изменяя форму изложения, дополнял его новыми данными. Так, в письме И. Кукулевичу-Сакцинскому, известному хорватскому ученому, он писал в начале 1858 г.: «Я окончил в Сараеве вторую эпоху истории сербов и болгар (976–1019) и буду печатать тотчас по возвращении в Россию». Как видно, эта часть и появилась в «Русской беседе». «Теперь обрабатываю третью эпоху (1019–1159)»³⁸, – сообщал русский ученый своему коллеге. Впоследствии работа была опубликована отдельным изданием, а в собрание сочинений А.Ф. Гильфердинга она вошла под названием «История сербов и болгар»³⁹ и вызвала активные отклики. Среди них были и критические рецензии, к тому же высказанные в глумливой форме, не стесняясь в выражениях⁴⁰. Автору не понравилась славянофильская концепция освещения Гильфердингом фактов южнославянской истории. Сами же факты стали рецензенту известны из сочи-

нения Гильфердинга, так как ничего подобного ни в русской, ни в славянской историографии в то время не было. Критика происходила из противоположного славянофилам идейного лагеря и по существу не могла быть квалифицированной. Иное мнение высказал о труде А.Ф. Гильфердинга И.И. Срезневский, который не принадлежал к лагерю славянофилов, но был известным знатоком славян, славистом-профессионалом. Он писал, что в сочинении А.Ф. Гильфердинга «читатель найдет самостоятельные исследования о судьбах сербов и болгар в древнейшее время по источникам, частично даже – данные, оставшиеся неизвестными или незамеченными. Как приложение к ним издано – при этом выпуске – (вероятно, имеется в виду IV книга «Русской беседы»⁴¹. – *Л. Л.*) – обозрение славянских поселений в греческих областях – Эпире, Элладе, Пирее, чрезвычайно богатое данными. Другого такого сочинения, как эти Письма, для древней истории сербов и болгар пока еще нет: одни (как главы в «Древностях» Шафарика) гораздо короче и менее осмысленны, другие (как книга Энгеля) отстали от современного состояния науки, третьи (как «История Сербии» Медаковича) вовсе ненаучны»⁴².

Можно констатировать, что при всех славянофильских издержках работа Гильфердинга об истории сербов и болгар явилась началом изучения этой проблемы и получила высокую оценку у славян, особенно после ее перевода на немецкий язык⁴³.

Кроме крупных работ А.Ф. Гильфердинг публиковал в «Русской беседе» статьи, которые подходили к концепции журнала. К ним относится рассуждение автора «Чем поддерживается православная вера у южных славян?»⁴⁴, где автор подчеркивает славянофильскую теорию о том, что главная черта общности славян – в православии, и что православная религия единственно приемлемая форма христианства для всех славян. Некоторые мелкие статьи представляли собой сообщения о литературных фактах и явлениях. Уже в первой книге журнала за 1856 г. было рассказано о «литературной деятельности в Галиции в 1855 г.»⁴⁵, о «всеславянском словаре г. Шумавского», вышедшем в Праге⁴⁶. В 1857 г. были опубли-

кованы письма к Гильфердингу чешского ученого Карла Яромира Эрбена «О славянской мифологии»⁴⁷, в 1858 г. — статья «Западные славяне»⁴⁸.

А.Ф. Гильфердинг также напечатал в «Русской беседе» несколько рецензий на вышедшие за границей книги, малодоступные русскому читателю. В первую очередь это, конечно, были книги о славянах. К ним относятся сочинение Леузона ле Дюка⁴⁹ об историческом праве хорватов, «Дух народа сербского» Йована Хаджича⁵⁰ и некоторые другие⁵¹.

Проанализировав материал, который А.Ф. Гильфердинг опубликовал в «Русской беседе», можно определенно констатировать, что сотрудничество этого ученого и указанного журнала было чрезвычайно важно и полезно обеим сторонам. На страницах «Р. б.» появилось много толкового и замечательного материала. Здесь печатались прозаики и поэты, чьи произведения были бы украшением любого издания. Печатались критические статьи высокого профессионального уровня, сочинения по искусству и эстетике, обзоры современной литературы, фольклорные публикации, много исторических материалов. Ни один из современных журналов не помещал такое количество сведений о славянах. Словом, это было высокоинтеллектуальное издание из тех, которые скучны и непонятны для людей, не имеющих достаточного образования и подготовки. Такая атмосфера журнала стимулировала активную работу Гильфердинга, способствовала его созреванию как ученого. С другой стороны, материалы Гильфердинга являлись составной и неотъемлемой частью «Русской беседы», без которой журнал утратил бы свое значение в культурном процессе русского общества середины XIX в., а русское славяноведение понесло бы серьезный урон в своем развитии.

Примечания

¹ Лаптева Л. П. История славяноведения в России XIX в. М., 2005. С. 256–299.

² О «Русской беседе» существует значительная литература. Укажем лишь самое последнее издание: «Русская беседа»: история славянофильского журнала. Исследования. Материалы. Постатейная роспись. Пушкинский дом. СПб, 2011. 566 стр.

³ Записка К.С. Аксакова (1856 г.) // Указ. изд. С. 251.

- ⁴ Пирожкова Т. Ф. А.И. Кошелев – «Главный распорядитель» журнала «Русская беседа» // Указ. изд. С. 41.
- ⁵ См. указ. изд. С. 277.
- ⁶ Егоров Б. Ф. Последний год «Русской беседы» // Указ. изд. С. 240.
- ⁷ Подсчеты проведены автором настоящей статьи.
- ⁸ Гильфердинг А. Ф. О филологической деятельности покойного А.С. Хомякова // Русская беседа. Кн. II (XX). М., 1860. С. 47–54.
- ⁹ Гильфердинг А. Ф. Западные славяне // Русская беседа. 1858. Кн. IV (XII). Отдел IV. Обзорение. С. 1–64. Впервые издано в виде брошюры на французском языке: *Les slaves occidentaux*. Paris, 1857. Впоследствии переиздано под названием «Развитие народности у западных славян». Вошло в: *Гильфердинг А. Ф. Собр. соч.* (в 4-х томах). Т. II.
- ¹⁰ Гильфердинг А. Ф. Босния. Путевые заметки: [Письмо к А.С. Хомякову (I-II)] // Русская беседа. 1858. Кн. I (IX). Отдел V. С. 54–76; Кн. II (X). Отдел V. С. 65–92; Кн. III (XI). Отдел V. С. 64–97; в «Приложении» опуб.: Гильфердинг А. Ф. Босния в начале 1858 года – из «Вестника имп. Русского Геогр. общества». СПб, 1858. Т. XXIII. Отд. II. С. 1–58; Кн. IV (XII). Отдел V. С. 51–80; 1859. Кн. I (XIII). Отдел V. С. 99–138; Кн. II. Отдел V. С. 57–104.
- ¹¹ Гильфердинг А. Ф. Письма об истории сербов и болгар. Период второй (976–1019) // Русская беседа. 1859. Кн. III (XV). Отд. II. С. 105–160; Кн. IV (XVI). Отд. II. С. 113–186; Приложение: Гильфердинг А. Ф. Старинные поселения славян на греческой земле. Без подписи. С. 187–210.
- ¹² Гильфердинг А. Ф. Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии (Письмо А.И. Кошелеву) // Русская беседа. 1856. Кн. I. Отдел V. С. 1–35.
- ¹³ Гильфердинг А. Ф. О русской литературной деятельности в Галиции в 1855 г. (Письмо А.И. Кошелеву) // Русская беседа. 1856. Кн. I. Отдел V. С. 36–41.
- ¹⁴ Гильфердинг А. Ф. Неизданное свидетельство современника о Владимире Святном и Болеславе Храбром // Русская беседа. 1856. Кн. I. Отд. II. С. 1–34. Перевод; С. 8–33.
- ¹⁵ Гильфердинг А. Ф. Предисловие св. Кирилла, просветителя славянского, к переводу Евангелия // Русская беседа. 1858. Кн. I (IX). Отд. II. С. 108–116. На с. 111–115 публикация: «Блаженного учителя нашего Константина Философа слов» по сербской рукописи XIII в.
- ¹⁶ Гильфердинг А. Ф. Греческая служба св. первоучителям словенским и Житие св. Наума Болгарского // Русская беседа. 1859. Кн. I (XIII). Отд. II. С. 127–144. Названные произведения представлены на языке оригинала с переводом на русский язык. С. 129–144.
- ¹⁷ Прокопий (Чокорило), иеромонах. Летопись Герцеговины 1831–1857 // Русская беседа. 1858. Кн. II. Отдел V. С. 93–121. Впоследствии этот материал вошел в: *Гильфердинг А. Ф. Собр. соч.* Т. III. СПб, 1873. С. 499–521.
- ¹⁸ Русская беседа. 1858. Кн. II. Отдел V. С. 84–87.
- ¹⁹ Русская беседа. 1859. Кн. I. Отдел V. С. 125–132.
- ²⁰ Русская беседа. 1856. Кн. I. Отдел V. С. 30.
- ²¹ Русская беседа. 1856. Кн. II. Отдел V. С. 34–46.
- ²² Русская беседа. 1856. Кн. II. Отдел V. С. 47–55.
- ²³ Русская беседа. 1856. Кн. I. Отдел V. С. 1–35.
- ²⁴ Срезневский И. И. Исторический очерк серболужицкой литературы // Журнал министерства народного просвещения. 1844. № 7.
- ²⁵ Русская беседа. 1856. Кн. I. С. 19–20.
- ²⁶ Гильфердинг А. Ф. Известие из Нижних Лужиц // Русская беседа. 1860. Кн. IV. Смесь. С. 127–128.

- ²⁷ *Гильфердинг А.Ф.* Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии // Записки РГО. Т. 13. СПб, 1859/60.
- ²⁸ *Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб, 1859; *Гильфердинг А.Ф.* Собр. соч. Т. 3. СПб, 1873.
- ²⁹ Русская беседа. 1858. Кн. II. Приложение. С. 1–58. Из «Вестника РГО».
- ³⁰ *Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб, 1859; *Гильфердинг А.Ф.* Собр. соч. Т. 3. СПб, 1873.
- ³¹ *Скендерова С.* Летопись Боснии 1825–1856. Предисловие и прозаический перевод стихотворного текста А. Гильфердинга // *Гильфердинг А.Ф.* Собр. соч. Т. 3. СПб, 1873. С. 379–465.
- ³² Там же. С. 329–377.
- ³³ Там же. С. 467–481.
- ³⁴ Там же. С. 483–497.
- ³⁵ Русская беседа. 1858. Кн. I, II, IV; 1859. Кн. I, II.
- ³⁶ Русская беседа. 1859. Кн. III, IV.
- ³⁷ Русская беседа. 1859. Кн. III. Отд. II. *Гильфердинг А.Ф.* Письма об истории сербов и болгар. Период второй (976–1019) (I–III). С. 105–160; Кн. IV. *Гильфердинг А.Ф.* Письма об истории сербов и болгар. Период второй (976–1019) (IV–VI). Отд. II. С. 113–186.
- ³⁸ А.Ф. Гильфердинг – И. Кукулевичу-Сакцинскому 16 (28) января 1858 г. из Сарая // Живая старина. 1894. Вып. II. С. 184.
- ³⁹ *Гильфердинг А.Ф.* Собр. соч. Т. I. СПб, 1868.
- ⁴⁰ Неделя. 1868. № 49. С. 1734–1736; № 50. С. 1765–1771.
- ⁴¹ Русская беседа. 1859. Кн. IV. Отд. II. *Гильфердинг А.Ф.* Старинные поселения славян на греческой земле (Без подписи). С. 187–210; Приложение.
- ⁴² Протоколы ОРЯС за октябрь – декабрь 1869 г. // Записки имп. Академии наук. Т. 16. СПб, 1870. С. 188 – отзыв И.И. Срезневского о трудах члена-корреспондента Академии А.Ф. Гильфердинга.
- ⁴³ *Hilferding A. Th.* Geschichte der Serven und Bulgaren. Bautzen, 1856.
- ⁴⁴ Русская беседа. 1860. Кн. I. Отд. V. С. 1–28.
- ⁴⁵ Русская беседа. 1856. Кн. I. Отд. V. С. 36–41.
- ⁴⁶ Русская беседа. 1857. Кн. I. Отд. V. С. 94–96.
- ⁴⁷ Русская беседа. 1857. Кн. IV. Отд. II. С. 71–128. Перевод с чешского П.И. Бартенева. Примечания А.Ф. Гильфердинга.
- ⁴⁸ Русская беседа. 1858. Кн. IV. Отд. обозрение. С. 1–64.
- ⁴⁹ *Гильфердинг А.Ф.* Историческое право хорватского народа (Рец. на кн.): La Croatie et la confédération Italienne, précédé de la Hongrie, son génie et sa mission: Etude historique par Charles Louis Chassin. Paris, 1859 // Русская беседа. 1860. Кн. I. Отд. V. С. 1–14.
- ⁵⁰ *Гильфердинг А.Ф.* Рец. на кн.: Дух народа сръбског от Йована Хаџића. У Карловцы, 1858 // Русская беседа. 1859. Кн. V. Отд. III. С. 1–10.
- ⁵¹ См., например: *Гильфердинг А.Ф.* Венгрия и славяне (Рец. на кн.): Jean de Hunyad, récit du XV-e siècle, précédé de la Hongrie, son génie et sa mission: Etude historique par Charles Louis Chassin. Deuxième édition. Paris, 1859 // Русская беседа. 1860. Кн. II. Отд. III. С. 1–42.

Ирина Феликсовна МАКАРОВА

«Журнал Министерства государственных имуществ» как источник по переселениям с Балкан в Россию в начале 60-х годов XIX в.

В списке российских периодических изданий XIX века «Журналу Министерства государственных имуществ» (далее ЖМГИ. — *Авт.*) принадлежит особое место. Благодаря своей ведомственной принадлежности он пользуется большой популярностью у историков, занимающихся проблемами социально-экономической направленности. Основанный в 1841 г. вскоре после учреждения в 1837 г. Министерства государственных имуществ, ЖМГИ стал его публичным печатным органом. В круг задач этого журнала входило освещение основных направлений деятельности своего министерства, а именно: проблем, связанных с управлением казенными землями, лесным хозяйством, кустарными промыслами, государственными крестьянами и, что особенно важно в данном случае, иностранными поселенцами¹. Особую ценность ЖМГИ как историческому источнику придает присутствие на его страницах служебной документации и официальной статистики Министерства государственных имуществ.

ЖМГИ стабильно издавался с 1841 г. по 1918 г. В 1865 г. он сменил заголовок и стал называться «Сельское хозяйство и лесоводство», что соответствовало двум основным департаментам Министерства государственных имуществ — сельского хозяйства и лесоводства. До 1843 г. ЖМГИ выходил один раз в два месяца, затем ежемесячно и состоял из двух основных блоков. В первом печатались исключительно официальные постановления, приказы, циркулярные предписания, распоряжения и

объявления, касающиеся курируемых министерством сфер деятельности; во втором — материалы, посвященные практическим вопросам, связанным с экономикой, ведением сельского хозяйства, лесоводства, коневодства, а также данные официальной статистики, в том числе по миграции населения.

Необходимо отметить сразу, — ЖМГИ не имел никакого отношения к отечественной публицистике своей эпохи. В 40—60-е годы XIX в. он выделялся среди прочих периодических изданий именно подчеркнуто профессиональным жанром. В количественном отношении на его страницах преобладали редакционные материалы, составленные на основе внутриведомственных отчетов, например, «Отчет экспедиции для исследования рыбного и звериного промысла на Белом море». При этом стоит отметить чрезвычайно характерную для данного издания деталь: фамилия чиновника, на основе отчета которого готовилась та или иная публикация, далеко не всегда указывалась не только в заголовке, но даже в примечаниях.

Хотя объемные авторские статьи все же регулярно появлялись, причем, с течением времени все в большем количестве, однако от публицистики они подчеркнуто дистанцировались. Принадлежали статьи обычно перу профессионалов, избравших для изложения жанр тематических обзоров. В качестве характерного примера такого рода можно назвать «Очерки современного европейского лесоводства» профессионального лесовода А.Ф. Рудзского или «Обычаи наследования у государственных крестьян» известного правоведа Ф.Л. Барыкова. Но чаще всего ЖМГИ ограничивался редакционными очерками сугубо прикладного характера, например, «О мерах к истреблению саранчи» или «Руководство по молочному хозяйству».

Необходимо подчеркнуть особо, качество ЖМГИ как источника по проблемам социологической направленности было далеко не одинаковым на разных этапах его существования. В значительной степени оно зависело от масштаба и характера личности главного редактора. Расцвет ЖМГИ пришелся на 40-е — начало 60-х годов XIX в. В период с 1841 по 1858 гг. во главе его стоял Андрей Парфеньевич Заблоцкий-Десятовский (1808—1881) — ближайший сподвижник министра госу-

дарственных имуществ, реформатора графа П.Д. Киселева. А.П. Заблоцкий-Десятовский был крупным экономистом, сторонником освобождения крестьян, активным членом Русского Географического общества, членом-корреспондентом Петербургской Академии наук (с 1856 г.), одним из основоположников отечественной статистики как науки. После его перехода на должность статс-секретаря департамента законов Государственного совета, во главе ЖМГИ встал его заместитель — Константин Степанович Веселовский (1819–1901), известный экономист-демограф, академик Петербургской Академии наук (с 1859 г.), занимавшийся, в частности, проблемами миграции населения. Именно профессиональному интересу этих двух незаурядных личностей к вопросам демографии ЖМГИ и обязан, скорее всего, традиции обращения к теме переселенцев. С приходом же в 1861 г. на должность главного редактора Федора Александровича Баталина (1823–1895), бывшего преподавателя географии и статистики в Московской земледельческой школе, внимание редакции к социологии постепенно угасает, а после 1865 г. содержание журнала действительно начинает соответствовать новому названию — «Сельское хозяйство и лесоводство».

До 1860 г. среди материалов, посвященных иностранным поселенцам, в количественном отношении абсолютно доминировала тема не балканских, а немецких колонистов. В 40–50-е годы XIX в. выходцам с Балкан были посвящены всего несколько развернутых публикаций. В 1843 г. появились две заметки знаменитого садовода, основателя и первого директора Никитского ботанического сада Х.Х. Стевена — «Состояние разных отраслей сельского хозяйства в болгарских и немецких колониях Бессарабии» и «Хозяйство греческих колонистов Мариупольского округа Екатеринославской губернии». Тема выходцев с Балкан нашла также отражение в серии очерков, печатавшихся в ЖМГИ в 1854–1855 гг. под общим заголовком «История и статистика колоний иностранных поселенцев в России». Эти очерки были структурированы по региональному принципу — Приволжские колонии, Бессарабские колонии, колонии Таврической губернии, колонии Екатеринославской

губернии, колонии Кавказского края. Однако, в качестве источника по истории балканских переселенцев ценность этих очерков не слишком велика из-за акцентирования внимания составителей текстов на вопросах хозяйственно-регионального, а не этнического содержания.

Пожалуй, единственным периодом, когда тема балканских мигрантов заняла на страницах ЖМГИ действительно значительное место, было начало 60-х годов XIX в. Тогда всего лишь за четыре года (с 1860 г. по 1863 г.) появились более 20 публикаций, в которых так или иначе затрагивались вопросы, посвященные переселенцам с Балкан. Часть материалов представляла собой официальную статистику, регулярно печатавшуюся журналом в тот период, другая — очерки. Что касается причины столь резкого всплеска интереса редакции ЖМГИ к данной тематике, то она крылась в непосредственной причастности Министерства государственных имуществ к решению государственной задачи по массовому заселению Таврической губернии после исхода из нее в Турцию (1860 г.) татар и ногайцев.

В новейшей историографии тезис о причастности русского правительства к выселению мусульман из приграничных районов северного Причерноморья, последовавшему вскоре после окончания Крымской войны (1853–1856), особых споров не вызывает². Судя по официальной статистике Министерства государственных имуществ, обнародованной на страницах ЖМГИ, а также ряду других источников, весной—летом 1860 г. из Крыма и прилегающих к нему областей выехали более 60% татар и почти все ногайцы, опустели 784 деревни и аула, 1 098531 десятина земли оказались заброшенными³, а общее количество мигрантов составило, по разным оценкам, от 135 545 до 192 360 человек⁴.

Уже к сентябрю 1860 г. ситуация в сельском хозяйстве региона сложилась исключительно серьезная. Как писал в докладе на имя министра внутренних дел исполняющий обязанности таврического губернатора, симферопольский уездный предводитель дворянства Ревелиоти, «едва ли самая кровопролитная война, общий голод и моровая язва могли бы в

столь короткое время обезлюдить край, как его опустошило самой администрацией ускоренное выселение татар ... окончательное разорение землевладельцев неизбежно»⁵. Судя по постановлению делегатов уездных съездов землевладельцев, ситуация в аграрном секторе сложилась настолько серьезная, что требовала срочного привлечения переселенцев с предоставлением самых широких льгот не только из центральных губерний России, но и из-за рубежа⁶. Согласно информации, которую публиковал или перепечатывал со ссылкой на газеты Таврической губернии в 1861—1862 г. ЖМГИ, местные помещики готовы были с радостью принимать ради спасения своих хозяйств любых переселенцев, в том числе иностранных.

Необходимость срочного заселения опустевших земель требовала от российского правительства принятия неординарных административных мер. В «Обозрении деятельности Министерства государственных имуществ с 1857 г. по 1861 г.», напечатанном за подписью министра М.Н. Муравьева в январе 1862 г.⁷, сообщалось, в частности, о решении правительства способствовать притоку в Таврическую губернию иностранных поселенцев. Речь шла о молдавских болгарях (из числа бывших российских колонистов с территорий, отошедших от России по Парижскому трактату 1856 г.), черногорцах и других православных славянах Турции, константинопольских греках, а также русских и украинцах, проживавших в южной части Бессарабии и Добрудже (Измаил, Кагул, Тульча, Исакча). На практике, однако, одними православными народами дело не ограничилось. На страницах ЖМГИ за 1862 г. можно встретить упоминания о переселенцах из числа немцев, австрийских чехов, выходцев из Лифляндии, славян-католиков из Истрии и Славонии⁸.

Приток поселенцев из стран Центральной и Восточной Европы был напрямую связан с обнародованием 18 декабря 1861 г. высочайшего повеления «О правилах для найма землевладельцами иностранных рабочих и водворения сих последних в России», принятого в соответствии с постановлением Государственного совета по представлению министра внутренних дел. Судя по тексту, напечатанному в ЖМГИ⁹, этот

уникальный для России по степени либерализма документ предоставлял землевладельцам право самостоятельно (без посредничества государства) заключать с иностранными рабочими нотариально заверенные договоры найма с последующей выдачей временных паспортов. Переселенцам, согласным взять российское подданство, гарантировались приписка к свободному сословию, свобода вероисповедания, освобождение от рекрутской повинности (вместе с наличествующими сыновьями), льготы от платежа казенных податей и повинностей на 10 лет (для водворившихся в период 1861–1865 гг., в последующем – на 5 лет).

Появление этого документа было в значительной степени вызвано обстоятельствами вынужденного характера, связанными с очевидным провалом кампании по массовому водворению в 1861 г. в России турецких болгар. В историографии проблема причастности русского правительства и Министерства иностранных дел к организации летом 1861 г. переселений болгар относится к числу дискуссионных. В новейшей болгарской историографии вновь приобрел популярность распространенный в XIX в. тезис о том, что болгары стали жертвой русской пропаганды и спланированной акции, осуществленной Петербургом по согласованию с османским правительством¹⁰. В отечественной историографии, включая последние исследования¹¹, радикализм этого тезиса оспаривается. Тем не менее, ряд дипломатических документов прямо свидетельствуют о существовании договоренностей такого рода. В частности, уже 11 января 1861 г. российский посланник в Стамбуле А.Б. Лобанов-Ростовский получил от министра иностранных дел А.М. Горчакова прямое указание войти в сношение с османским правительством на предмет согласования позиций относительно организации переселения турецких славян¹². Как следует из докладов А.Б. Лобанова-Ростовского, после его переговоров с министром иностранных дел Али-пашой вопрос о выезде из страны болгар был поставлен на рассмотрение турецкого кабинета министров и решен положительно. 22 февраля А.Б. Лобанов-Ростовский сообщил в Петербург, что Порта «не оспаривает неотъемлемое право каждого оставлять свой

край и переселяться в другое государство и потому соглашается представить сие право болгарам, желающим переселиться в Россию. Порта предписала даже всем зависящим начальствам не сопротивляться выселению болгар из Румелии и не делать никакого затруднения относительно продажи имущества»¹³.

К концу 1860 г. русским властям действительно казалось, что для выбора именно болгар в качестве основной категории массовых переселенцев имеются все объективные основания: турецкие болгары были недовольны ситуацией вокруг размещения на их землях крымских татар, а молдавские (из числа бывших колонистов) — конфликтом вокруг набора рекрутов. Болгарским переселенцам были предложены широкие льготы: колонистам — восстановление прежних привилегий и наделение землей в размере 50 десятин на семью; всем прочим — восьмилетняя льгота от денежных и натуральных податей, шестилетняя — от воинского постоя, пожизненное освобождение от рекрутства (с наличными детьми); наделение землей в Херсонской и Екатеринославской губерниях по 8 десятин на душу, в северных уездах Таврической губернии — по 9 десятин, в Крыму — по 12 десятин; обеспечение пособия на переселение, одинаковым с колонистами, — 125 рублей на семью, а для Крыма — 170 рублей; гарантии местного самоуправления в соответствии с традициями и обычаями¹⁴. Параллельно с болгарами и на тех же льготных условиях приглашались к переселению и водворению в Новороссийском крае русские и украинцы, проживавшие на территории Турции и юге Бессарабии¹⁵.

Решение технических задач по организации переезда российский МИД возложил на консулов. Летом 1861 г. основным центром сбора для турецких болгар стал Видин, в районе Адрианополя мероприятия носили подготовительный характер, процедура издания фирмана для потенциальных мигрантов из Варненского и Тырновского округов находилась в стадии согласования¹⁶. В конце переселенческого сезона (29 октября 1861 г.) российский консул в Видине М.А. Байков отчитался о проделанной работе: из Видинского края им было отправлено в Россию 10 990 болгар обоого пола или 1 560 семей¹⁷.

Для турецких болгар именно 1861 год стал пиком их переселенческого движения в Россию. Соответственно, именно этот год был отмечен для ЖМГИ наибольшим количеством статей на эту тему. Вот лишь некоторые из названий публикаций, появившихся тогда на его страницах, — «Предложение крымским землевладельцам поселять на своих землях болгар», «Переселение болгар в Россию», «Болгарские священники и колонисты», «Переселенцы из Турции и Молдавии», «Заграничные переселенцы в южную Россию» и др.

Говоря о повышенном внимании редакции ЖМГИ к балканской тематике, следует все же отметить, что даже в 1861–1863 гг. информация об этой категории переселенцев публиковалась чаще всего в общем контексте с материалами о заселении Новороссийского края, т. е. с материалами по водворению в регионе государственных крестьян из центральных губерний России. В количественном отношении резко доминировали официальные информационно-статистические сводки. Обычно они публиковались под стандартными, однообразными заголовками — «Заселение земель Таврической губернии в 1861 г.», «Переселение в Таврическую губернию в 1862 г.», «Материалы по истории нового заселения Крыма», «О ходе переселения в Новороссийский край» и т. д.

В значительной степени благодаря именно этим информационно-статистическим сводкам ЖМГИ и пользуется особым вниманием исследователей, занимающихся историей болгарской миграции в Россию. Предоставляемые ЖМГИ данные в целом не противоречат сведениям других источников. Например, согласно материалам сводной статистики, наиболее часто фигурирующей в научной литературе¹⁸ и подтверждаемой данными российского МИД¹⁹, количество турецких болгар-переселенцев лета—осени 1861 г. обычно оценивается в 11 тыс. человек (впрочем, некоторые авторы склонны называть иную цифру, вплоть до 17 тысяч²⁰). Принято считать, что из этих 11 тысяч порядка 7 600 возвратились в Турцию, около 2 500 умерли, а 800 остались в России²¹. Сходные цифры предоставляют и материалы османского консульства в Одессе, обнаруженные американским историком турецкого происхожде-

ния К. Карпатом. Согласно этим документам, из прибывших в Россию 10 450 турецких болгар в июне–июле 1862 г. вернулись на родину 8 130 человек, умерли — 1 820, остались в России — 500 человек²². По поводу количества переселившихся в Россию молдавских болгар данные сводной статистики и мнения историков серьезно расходятся. Часть исследователей оценивает число этой категории переселенцев в 17 460 человек²³, другая настаивает на цифре 21 500²⁴, а некоторые на 23 тысячах²⁵.

Статистика ЖМГИ в целом соответствует наиболее распространенной в историографии количественной оценке. Согласно имевшимся в распоряжении редакции официальным данным, общее количество выходцев из-за границы составило к декабрю 1861 г. 24 681 человек, из которых на долю так наз. видинских болгар приходилось 10 990 душ (1 560 семей), число молдавских болгар-колонистов составляло 7 156 душ (1 514 семей), количество русских и украинцев оценивалось в 6 535 душ (1 389 семей)²⁶. Из этой статистической выкладки следует, что абсолютно все иностранные переселенцы 1861 года в количестве 24 681 человек были выходцами с Балкан, а именно болгарами, русскими и украинцами. Что касается собственно болгар (как турецких, так и молдавских), то в январе 1862 г. министр М.Н. Муравьев подвел окончательный итог, назвав их общее количество — 18 353²⁷, т. е. на 207 человек больше, чем было заявлено в декабре. Водворение молдавских болгар осуществлялось в основном на землях Бердянского уезда, а видинских — на территории Феодосийского и Перекопского уездов²⁸.

Некоторые материалы оперативного характера, публиковавшиеся ЖМГИ в ходе подготовки к переселению болгар из Турции, подтверждаются перекрестными источниками российского МИД. Например, в июне 1861 г. ЖМГИ сообщил о первой группе видинских болгар, готовящейся к отправке на речных судах по Дунаю до Сулины²⁹. Эта информация подтверждается донесениями российского консула в Видине М.А. Байкова³⁰. В мае 1861 г. ЖМГИ анонсировал подготовку к переселению большого количества болгар из окрестностей Адрианополя³¹, что соответствует сведениям, изложенным в

докладе генерального консула в Адрианополе Н.П. Шишкина директору Азиатского департамента Е.П. Ковалевскому³².

Однако анонсированный и действительно готовящийся на 1862 г. переезд дополнительных партий турецких болгар так и не состоялся. Одной из основных причин стал провал кампании по их водворению. Обратный отток в Турцию наметился уже в конце 1861 г., а в сентябре 1862 г. ЖМГИ был вынужден сухо сообщить, что к середине июля основная часть видинских болгар в составе 7 268 человек возвратилась морем на родину, причем, все издержки, связанные с их перевозкой, взяла на себя Порта³³. Свое решение вернуться под турецкое иго незадачливые мигранты объясняли неблагоприятным климатом, тяжелой зимовкой, отсутствием гор и проточных вод. Российскому правительству оставалось лишь сожалеть о бездарно потраченных бюджетных средствах. 4 января 1862 г. русским консулам европейской части Турции было разослано циркулярное письмо Азиатского департамента МИД, предписывающее отклонять в дальнейшем просьбы турецких болгар о переселении³⁴. И, действительно, судя по статистике, предоставляемой ЖМГИ, в дальнейшем фактов их массового переезда в пределы Российской империи не наблюдалось.

Объявленный запрет не распространялся, однако, на представителей российской и украинской диаспоры Турции, отличавшейся более высокой степенью адаптации к природным, климатическим и социальным условиям своей исторической родины. В циркуляре Азиатского департамента особо оговаривалось, что запрет не касается русских и украинских жителей Добруджи (из числа православных), «которые по каким-либо обстоятельствам не успели в сем году прибыть в наши пределы, а будущей весной пожелали бы присоединиться к переселившимся уже своим односельчанам»³⁵.

При упоминании о мерах по стимулированию возврата бывших соотечественников в Россию, следует, однако, обратить внимание на заявленное Азиатским департаментом ограничение, обозначенное термином «православные». Данное ограничение было обусловлено сложным конфессиональным составом российской диаспоры Турции в целом и Добруджи

в частности. Кроме крымских татар, веками оседавших на северо-востоке Балкан, здесь находили себе приют не только многочисленные беглые крестьяне из южных губерний Российской империи, но и убежденные противники ее правительства — кубанские казаки-некрасовцы, запорожские казаки, а также старообрядцы самых различных толков³⁶. С формальной точки зрения старообрядцы к православию отношения не имели. Кроме того, значительной их части (скопцам, хлыстам, молоканам, духоборам и др.) официальный въезд на территорию исторической родины был запрещен. Заявляя данное ограничение, российский МИД пытался, скорее всего, снять с себя ответственность за конфессиональный состав переселенцев, однако практика 1861 года свидетельствует, что в реальности процедура фильтрации по религиозному признаку при приеме переселенцев не осуществлялась³⁷.

Судя по материалам, предоставляемым ЖМГИ, переезд данной категории выходцев с Балкан состоялся в рамках акции, организованной российскими властями в августе-сентябре 1861 г. Тогда, согласно отчету Министерства государственных имуществ, из состава русской и украинской диаспоры Добруджи было перевезено морем в Одессу 387 семей и 500 бурлаков (одиначек)³⁸. Часть мигрантов из Добруджи предпочла осуществить путешествие в Россию через территорию Дунайских княжеств³⁹. Однако определить их точное количество по материалам ЖМГИ не представляется возможным, поскольку предоставляемая статистика зачастую игнорировала различия между четырьмя обособленными ветвями этого миграционного потока — добруджанскими старообрядцами, добруджанскими малороссами, молдавскими старообрядцами и молдавскими малороссами.

Этот технический изъян, порождая путаницу и значительный разброс в цифрах, серьезно затрудняет реконструкцию общей картины реэмиграции. Например, если в декабре 1861 г. ЖМГИ сообщал о прибытии 6 535 русских и малороссов⁴⁰, то в мае 1862 г. эта цифра определялась уже в 19 749 человек (8 900 водворенных и 10 849 зимовавших в России и готовых к водворению)⁴¹. В частности, согласно обнародованным

данным, в Мелитопольском уезде были водворены 1 155 душ обоего пола (562 семьи), в Днепровском — 1 686 душ (578 семей), в Бердянском — 5 540 душ (1 022 семьи), в Крыму — 519 душ (230 семей), 10 849 человек (2 161 семья) ожидали своей очереди в местах временного размещения⁴².

Кроме сухих статистических сводок, ЖМГИ опубликовал в 1862—1863 гг. два очерка, в которых тема переселенцев с Балкан была освещена относительно подробно. Первый из них, называвшийся «Переселение славян из Турции и Молдавии в Таврическую губернию в 1861 г.», был напечатан в мартовской и апрельской книжках за 1862 г.⁴³ и составлен на основе ведомственного отчета, заказанного Министерством государственных имуществ П.Н. Стремоухову, на тот момент вице-директору Азиатского департамента. Это был, возможно, самый профессиональный с точки зрения балканистики материал, из всех появлявшихся когда-либо на страницах ЖМГИ. Формально в центр повествования автором были поставлены события 1861 г., однако фактически очерк представлял собой исторический экскурс, призванный дать общее представление об этапах и особенностях переселения болгар, условиях их водворения в России.

Значительное место П.Н. Стремоухов уделил также русским и украинским переселенцам из Добруджи. В частности, он обнарудовал весьма важные для понимания российской миграционной политики подробности, указывающие на прямую причастность министерских структур к организации массового исхода турецких славян в Россию. Обнаруженная П.Н. Стремоуховым информация относится к истории перевозки мигрантов из Добруджи в Одессу и содержит столь интересные детали, что заслуживает подробного цитирования. «Поскольку в Тульче и Исаке нет русского дипломатического агента, — сообщил П.Н. Стремоухов, — то командиру парохода «Митридат» Русского общества пароходства и торговли было разрешено при еженедельных рейсах из Одессы в Галац брать на пути жителей Добруджи и доставлять в Одессу, где за перевоз платилась сумма из предназначенного для переселенцев пособия... Из Одессы

они были отправлены в Евпаторию на командированной для этого морским начальством шхуне «Эльбрус», за исключением партии в 120 семей, которые за неимением свободного военного судна были отправлены 12 августа на «Митридаде». 62 семьи по случаю позднего прибытия из-за границы и неимением свободных судов отправлены на зимовку в колонии Херсонской губернии. Из Евпатории добруджане были отправлены в сопровождении чиновников к избранным им местам Крыма на обывательских подводах»⁴⁴.

В этом отрывке обращают на себя внимание сразу несколько моментов, указывающих на высокий уровень межведомственной координации проведенной акции. Во-первых, при приеме переселенцев из-за границы была полностью проигнорирована стандартная процедура консульского оформления документов по линии МИД. Во-вторых, операция осуществлялась с привлечением военных судов, т. е. по согласованию с военным ведомством. В-третьих, переселенцы заботливо опекались чиновниками Министерства государственных имуществ, работавших, вероятнее всего, в тесном контакте с местной администрацией. В-четвертых, организаторы акции постарались проигнорировать проблему конфессионального и социального состава мигрантов. Последнее представляется особенно удивительным, учитывая хорошо известный российским дипломатам и чиновникам Министерства внутренних дел факт проживания в Добрудже большого количества старообрядцев, откровенных сектантов, а также беглого, порой откровенно уголовного элемента⁴⁵. Однако, судя по специфике организации переселения, ситуация в 1861 г. была настолько серьезной, что не оставляла российскому правительству выбора. Не удивительно, что тот год остался в памяти сторожиллов Добруджи как год «великой выходки» в Россию, практически полностью опустошивший многие из русских и малороссийских сел региона – Жежину, Цыганку, Таицу и др.⁴⁶

Второй очерк, называвшийся «Заселение Новороссийского края в 1862 г.»⁴⁷, имел обзорный характер. Он представлял собой пересказ служебного отчета по итогам командировки, предпринятой в конце зимы 1862 г. чиновником

Министерства государственных имуществ, действительным статским советником А.Ф. Гойницген-Гюне. Этого чиновника, в отличие от П.Н. Стремоухова, интересовали в первую очередь именно материалы статистики и проблемы водворения, однако использование их в качестве источника по балканским переселенцам порой затруднительно. И в данной связи стоит остановиться на некоторых проблемах, возникающих при обращении к публикациям ЖМГИ.

Основная проблема состоит в весьма смутных представлениях авторов ЖМГИ (за исключением П.Н. Стремоухова) и редколлегии журнала о Балканах, их этнической карте и даже политических границах в регионе. Скорее всего, именно этим обстоятельством объясняется та путаница и неразбериха, которая встречается на страницах журнала. Порой обнаруживаются откровенные казусы. Например, историческим «открытием» ЖМГИ и лично А.Ф. Гойницген-Гюне можно считать факт существования «анатолийских болгар», якобы переселившихся в Россию⁴⁸. Однако при ближайшем рассмотрении, а точнее, благодаря материалам П.Н. Стремоухова, выясняется, что речь идет, скорее всего, все же о малоазийских греках⁴⁹.

Представления относительно политических границ также не отличались точностью. В частности, не только А.Ф. Гойницген-Гюне, но и составители других публикаций были склонны считать Добруджу (включая Тульчу и Исакчу) территорией Дунайских княжеств, для выезда с которой требуется разрешение молдавских властей⁵⁰. Путаница такого рода имела весьма печальные последствия для степени презентабельности публикуемой статистики. Как уже отмечалось, для материалов ЖМГИ типичны ошибки, связанные со сведением воедино данных с территории разных государств (Дунайских княжеств и Турции) и четырех обособленных миграционных потоков.

Еще один недостаток ЖМГИ в качестве исторического источника непосредственно связан с его ведомственной принадлежностью. В качестве официального печатного органа профильного министерства журнал всячески старался рекламировать успехи своего ведомства. Поэтому наиболее востребованной оказывалась победная статистика самого обще-

го плана. Рвением чиновников объясняются, скорее всего, и неоправданно оптимистические прогнозы, которые нередко можно встретить в редакционных материалах и очерках. Например, весной 1862 г. ЖМГИ анонсировал, что до 1000 семей греков из окрестностей Константинополя и несколько сотен семей из Малой Азии запросили разрешение на переселение в Россию⁵¹, однако, как выяснилось из итоговой отчетности 1863 года, дело ограничилось 16 семьями из Анатолии и 19 из Константинополя⁵². Этим же фактором объясняется, по всей видимости, и сумбурный, завышенный характер текущей статистики, далеко не всегда совпадающей с годовыми показателями.

Что касается технических недочетов, осложняющих работу историков с ЖМГИ, то к ним необходимо отнести крайне запутанную и неудобную внутреннюю рубрикацию журнала, каждый из разделов которого имеет свою отдельную, сквозную (т. е. продолжающуюся из книги в книгу) нумерацию страниц.

В целом же можно констатировать, что использование ЖМГИ в качестве источника по переселениям с Балкан в Россию вполне оправданно, особенно при наличии перекрестных материалов, связанных своим происхождением с другими ведомствами, желательно, не только российскими.

Примечания

¹ Подробно о деятельности Министерства государственных имуществ см.: *Воронов И. И.* Министерство земледелия Российской империи. XIX – начало XX в. Красноярск, 2013.

² Подробную библиографию см.: *Возгрин В. Е.* Исторические судьбы крымских татар. М., 1992; *Кабузан В. М.* Эмиграция и реэмиграция в России. XVIII–XX вв. М., 1998; *Pinson M.* Russian Policy and the Emigration of the Crimean Tatars to the Ottoman Empire, 1854–1862 // *Güney-Doğu Avrupa Araştırmaları Dergisi*. 1972. № 1; *Williams B. G.* Hijra and Forced Migration from Nineteenth-Century from Russia to the Ottoman Empire. A Critical Analysis of the Great Crimean Tatar Emigration of 1860–1861 // *Cahiers du Mond russe*. 2010. Vol. 41. № 1.

³ Журнал министерства государственных имуществ (далее – ЖМГИ). 1861. № 4. С. 145; *Маркевич А. Н.* Переселение татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму // *Известия АН СССР. Отд. Гуманитарных наук*. 7 ряд. Л., 1928. С. 403; *Вольфсон Б. М.* Эмиграция крымских татар в 1860 г. // *Исторические записки*. 1940. № 9. С. 192.

⁴ Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20–70 гг. XIX в.). Сборник архивных документов. Нальчик, 2001. С. 85–86.

⁵ *Маркевич А. Н.* Переселение татар в Турцию. С. 403; ЖМГИ. 1861. № 4. С. 145.

⁶ *Тотлебен Э. И.* О выселении татар из Крыма в 1860 году. Записки генерал-адъютанта Э. И. Тотлебена // Русская старина. 1893. № 6. С. 543.

⁷ Там же. С. 543–544.

⁸ ЖМГИ. 1862. № 1. С. 22–23.

⁹ Там же. 1862. №2. С. 146; №3. С. 29–30, 241–242.

¹⁰ Там же. 1862. № 2. С. 90–94.

¹¹ Подробно см.: *Тодев И.* О балканской политике России в начале 60-х гг. XIX в. // Bulgarian Historical Review. 1988. № 3. С. 12–25; *Дойнов Ст.* Последното масово преселение в Южна Русия (1861–1862) // Исторически преглед. 1992. № 11/12. С. 18–39.

¹² Подробно см.: *Фролова М. М.* Русское консульство в Видине и переселение болгар в Россию (1861 г.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 2010.

¹³ Русия и българското национално-освободително движение. Документи и материали. Т. 1. Ч. 2. София, 1987. Док. № 261. С. 53.

¹⁴ Там же. С. 53–54.

¹⁵ ЖМГИ. 1862. № 3. С. 242–243.

¹⁶ Там же. 1861. № 8. С. 96–97.

¹⁷ Русия и българското национално-освободително движение. Док. № 290. С. 121–122; Док. № 310. С. 163; Док. № 311. С. 165.

¹⁸ Там же. Док. № 314. С. 171–172.

¹⁹ *Дойнов Ст.* Последното масово преселение в южна Русия. С. 18–39; *Плетньов Г.* Руските консули и преселването на българи в Русия през 1860–1862 година // Военноисторически сборник. 1992. № 4. С. 63–84.

²⁰ Русия и българското национално-освободително движение. Док. № 314. С. 171–172.

²¹ *Хаджиниколова Е.* Някои въпроси по преселването на българи в Русия през 1861 г. // Исторически преглед. 1976. № 6. С. 45–61; *Хаджиниколова Е.* Българските преселници в южните области на Русия (1856–1877). София, 1987. С. 43.

²² *Плетньов Г.* Руските консули и преселването на българи в Русия. С. 79; *Хаджиниколова Е.* Българските преселници в южните области на Русия. С. 42.

²³ *Karpat K.* Ottoman Population 1830–1914. Demographic and Social Characteristic. London, 1985. P. 65.

²⁴ *Грек И., Червенков Н.* Българите от Украйна и Молдова. Минало и настояще. София, 1993. С. 32; *Челак Е.* Училищното дело и културно-просветният живот на българските преселници в Бесарабия (1856–1878). София, 1999. С. 38; *Пеев В.* Преселението на българите в Русия от 1861 г. и Добродетелната дружина // Университетски четения и изследвания по българска история. София, 2008. С. 216.

²⁵ *Титоров Й.* Българите в Бесарабия, 1903. С. 163; *Дойнов Ст.* Българите в Украйна и Молдова през Възраждането. София, 2005. С. 136.

²⁶ *Хаджиниколова Е.* Някои въпроси по преселването на българи в Русия през 1861 г. С. 45.

²⁷ ЖМГИ. 1861. № 12. С. 94–95.

²⁸ Там же. 1862. № 1. С. 23.

²⁹ Там же. 1862. №4. С. 314–322.

³⁰ Там же. 1861. № 6. С. 49.

³¹ Русия и българското национално-освободително движение. Док. № 314. С. 171–172.

³² ЖМГИ. 1861. № 5. С. 28.

- ³³ Русия и българското национално-освободително движение. Док. № 290. С. 121–122.
- ³⁴ ЖМГИ. 1862. № 5. С. 15–16; № 9. С. 6–7.
- ³⁵ Русия и българското национално-освободително движение. Док. № 324. С. 195–196.
- ³⁶ Там же. Док. № 324. С. 195.
- ³⁷ Подробно см.: *Макарова И.Ф.* Российские диаспоры в этнодемографической карте Дунайского вилайета (60-е гг. XIX в.) // *Славянский мир в третьем тысячелетии: к 1150-летию славянской письменности*. Кн. I. М., 2013. С. 229–248.
- ³⁸ Подробно см.: *Макарова И.Ф.* Между Балканами и Россией: задунайские молokane в миграционных потоках 60-х гг. XIX в. // *Славяноведение*. 2013. № 4. С. 25–39.
- ³⁹ ЖМГИ. 1862. № 3. С. 250–251.
- ⁴⁰ Там же. 1862. № 2. С. 318.
- ⁴¹ Там же. 1861. № 12. С. 95.
- ⁴² Там же. 1862. № 5. С. 18.
- ⁴³ Там же. 1862. № 5. С. 17–18.
- ⁴⁴ Там же. 1862. № 3. С. 230–254; № 4. С. 314–322.
- ⁴⁵ Там же. 1862. № 3. С. 250–251.
- ⁴⁶ Подробно см.: *Макарова И.Ф.* Русские подданные турецкого султана // *Славяноведение*. 2003. № 1; *Макарова И.Ф.* Очевидцы о русском расколе в нижнем Подунавье (середина XIX в..) // *Россия и Болгария: векторы взаимопонимания*. XVIII–XXI вв. Российско-болгарские научные дискуссии. М., 2010; *Пригарин А.А.* Русские старообрядцы на Дунае. Формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX вв. Одесса–Измаил–Москва, 2010.
- ⁴⁷ *Лупулеску И.* Русские колонии в Добрудже // *Киевская старина*. 1889. № 1. С. 315.
- ⁴⁸ ЖМГИ. 1863. № 4. С. 459–468.
- ⁴⁹ Там же. С. 465.
- ⁵⁰ Там же. 1862. № 3. С. 242.
- ⁵¹ Там же. 1861. № 5. С. 48–49; 1863. № 4. С. 465.
- ⁵² Там же. 1862. № 3. С. 242.
- ⁵³ Там же. 1863. № 4. С. 465.

Марина Михайловна ФРОЛОВА

Македония в публицистике Р. Жинзифова (1860-е годы)

Райко (Ксенофонт) Иванов Жинзифов (1839–1877) – известный в Болгарии и Македонии поэт, переводчик, писатель, публицист, творивший в период национального болгарского возрождения. Его жизненный путь достаточно хорошо изучен благодаря исследованиям болгарских и российских ученых – С.С. Бобчева, П. Орешкова, И. Конева, Д. Лекова, Л. Минковой, А.А. Улуяна, М.Г. Смольяниновой и др.

Райко Жинзифов родился в г. Велес (Македония), в семье учителя. Он получил образование в греческом училище, где преподавание велось на греческом языке¹. И имя его было вполне греческое – Ксенофонт. Молодой человек желал учиться дальше, но домашние обстоятельства не позволили ему поступить в Афинский университет, где обучалось большинство его сверстников из Македонии. В 16 лет Жинзифов начал работать младшим учителем в училище в Прилепе, где место старшего учителя занимал Димитр Миладинов*, «горячий защитник славянства»², как позднее о нем писал Жинзифов. Он «отвратил» своего младшего коллегу от эллинофильства, раскрыл красоту болгарских песен, к собиранию которых подключился и Жинзифов. Именно Миладинов стал звать его болгарским именем Райко.

В конце 1857 г. Миладинов отправил Жинзифова учительствовать в македонский городок Кукуш. Об этом времени Жинзифов сообщал в своей биографии (написанной им от третьего лица) следующее: «С переездом его в этот небольшой городок, населенный исключительно болгарами, в нем впервые был введен болгарский язык и болгарская грамота; до это-

* Димитр (ок. 1810–1862) и Константин (ок. 1830–1862) Миладиновы – братья, деятели болгарского национального возрождения, фольклористы и просветители в Македонии.

го времени как в церкви, так и в училище господствовал исключительно один греческий язык, хотя преподаватели были природные болгары. У Жинзифова стали учиться болгарскому языку не только мальчики, но и взрослые, юноши, люди женатые и даже священники, ибо в церквях надлежало заменить греческое богослужение славянским»³. Данный пассаж ярко демонстрирует состояние национального просвещения в южной Македонии и рвение молодого учителя.

В июле 1858 г. в числе восьми болгаро-македонцев, которых направил на учебу в Россию Димитр Миладинов, при содействии русского общественного деятеля А.В. Рачинского (впоследствии, в 1861–1862 гг., русский консул в Варне), Жинзифов приехал в Одессу. Он привез письма Миладинова известному деятелю болгарского национально-освободительного движения Г.С. Раковскому (1821–1867), который произвел на молодого человека столь огромное впечатление, что Ксенофонт Жинзифов только теперь решил сменить свое греческое имя на болгарское и выбрал себе имя Райко, – именно так к нему обращался в свое время Д. Миладинов⁴. Однако следует сказать, что официальные бумаги, публикации в русских газетах, свои письма к русским адресатам он неизменно подписывал не Райко, а Ксенофонт. Но для болгар он был Райко.

Жинзифов был принят в Херсонскую семинарию. Однако младший брат Д. Миладинова, Константин, учившийся на историко-филологическом факультете Московского университета, вызвал Жинзифова в Москву. В конце 1858 г. он был зачислен воспитанником Славянского благотворительного комитета, а в 1860 г., сдав экзамены, стал студентом Московского университета. Жинзифов, как и все стипендиаты Славянского комитета, получал стипендию в 20 руб. серебром ежемесячно. Для бюджета русского студента это была приличная сумма, но болгарину, которого московский климат заставлял тратить на теплую одежду и иметь другие дополнительные расходы, этих денег было недостаточно. Без сомнения, нужды славянских учащихся хорошо знали, старались не отказывать им в помощи, но финансовое положение Комитета, созданного в 1858 г., в эти годы было тяжелым, так как его капитал соби-

рался из частных пожертвований, которые поступали весьма нерегулярно и в недостаточном объеме⁵. К тому же, не следует забывать, что в пореформенные годы доходы помещиков, которые составляли большую часть Комитета, значительно сократились. «Денег нет ни у кого. Дороговизна такая, какой в Европе нигде нет»⁶, – писал секретарь и казначей правления Московского славянского комитета И.С. Аксаков в июле 1861 г. Соглашаясь принять в число воспитанников Комитета Васу Пелагича (1838–1899), в будущем известного деятеля национально-освободительного движения Сербии, Боснии и Герцеговины, по ходатайству сербского митрополита Михаила, Аксаков предупреждал о скромном размере пособия: «С этим можно, конечно, жить, но жить тесновато. Не более этого мы выдаем и болгарским студентам (о которых вообще надобно сказать, что они учатся отлично)»⁷.

В 1864 г. Жинзифов закончил курс обучения по историко-филологическому факультету со степенью кандидата. Вставал вопрос о возвращении его в пределы Османской империи. Известный историк болгарской литературы Б. Пенев писал о том, что ему не известно, «по каким причинам Жинзифов не вернулся на родину», но предположил, что, вероятно, он «боялся преследований и опасностей»⁸. Ответ содержится в письме от 10 июня 1864 г. к П.И. Бартеневу (1829–1912), библиотекарю Чертковской библиотеки, первой бесплатной частной общедоступной библиотеки в Москве, и издателю журнала «Русский архив», в котором Жинзифов признавался, что ему «какой-то таинственный голос», «голос совести и долга», все твердил, что «надо ехать на родину», однако он наперед знал свою «будущую жизнь в Болгарии или в Македонии, потому что болгарская земля вся черна и вся наполнена “вязкою мерзостью” – плод долговокового ига»⁹. В 1865 г. Жинзифов не принял и приглашения В. Берона, директора болгарского центрального училища в г. Болграде*, занять кафедру болгарской

* Болград – административный центр болгарских колоний в Бессарабии, которая была включена в состав России после русско-турецкой войны 1806–1812 гг., получил статус города в 1821 г. По Парижскому мирному договору 1856 г. 4 уезда южной Бессарабии, и Болград в том числе, вошли в состав Молдавского княжества, которое в 1861 г. вместе с Валахией образовало новое государство – Румынию. По Берлинскому договору 1878 г. Болград вновь стал частью Российской империи.

словесности¹⁰. Это училище было создано в 1858 г. и превратилось в один из главных центров обучения болгарской молодежи до 1878 г.

Жинзифов предпочел остаться в Москве, где работал внештатным преподавателем греческого языка в Лазаревском институте восточных языков и в Чертковской библиотеке — помощником П.И. Бартенева. Болгарским исследователям, собиравшим по крупицам эпистолярное наследие Жинзифова, осталась неизвестной обнаруженная нами его записочка без точной даты («среда, 12 час. утра») от того периода, когда он работал в Чертковской библиотеке. Она адресовалась Бартеневу: «В библиотеке все благополучно. Для успокоения своей совести вчера, т.е. во вторник, заходил в библиотеку посмотреть на солдат, как они ведут себя в масляные дни, и нашел их в исправности. В настоящую минуту занимающихся 5 человек, в числе их Безсонов. Часов в 10^{ти} приходил воронежский книготорговец Лашкин и подписался на «Архив»* с уступкою 10%»¹¹. Впоследствии Жинзифов работал учителем греческого языка в 1-й и 2-й московских гимназиях, в Лицее цесаревича Николая. В 1875 г. он получил чин коллежского асессора (VIII класс)¹², который соответствовал чину майора и давал право на личное дворянство. Накануне русско-турецкой войны 1877—1878 гг. по просьбе И.С. Аксакова Жинзифов начал составлять «Путеводитель по Македонии». Но работа не была завершена: Райко (Ксенофонт) Иванов Жинзифов умер в свой день рождения 15 февраля 1877 г. в возрасте 38 лет.

В начале 1860-х годов в Москве учились многие уроженцы Османской империи¹³, впоследствии внесшие значительный вклад в национально-культурное возрождение Болгарии: Нешо Бончев, Марин Дринов, Любен Каравелов, Константин Миладинов, Никола Михайловский, Васил Попович, Илларион Стоянов, Савва Филаретов и многие другие¹⁴. Они образовали Московскую болгарскую дружину, поставившую цель знакомить русских с жизнью турецких славян, содействовать развитию болгарской литературы, призывать болгарскую молодежь в Россию для совершенствования в науке¹⁵.

* «Русский архив» — журнал, который издавал П.И. Бартенов с 1863 г.

Первые литературные опыты Жинзифова появились на страницах издаваемого Дружиной журнала «Братский труд». Его перу принадлежат переводы на болгарский язык «Слова о полку Игореве», «Краледворской рукописи», стихотворений Тараса Шевченко, М.Ю. Лермонтова и других русских поэтов, а также несколько оригинальных произведений, например, поэма «Кровавая рубашка». Свои поэтические произведения на болгарском языке Жинзифов посылал в болгарские периодические издания: «Дунавска зора», «Българска пчела», «Народност», «Македония» и др. Жинзифов стал первым историком болгарской литературы, написав для сборника «Поэзия славян» статью «Болгарская литература», где было прослежено развитие болгарской словесности, начиная с Паисия Хилендарского и до 1871 г., когда вышел в свет этот сборник, изданный русским поэтом, переводчиком и библиографом Н.В. Гербелем.

Жинзифов много печатался в русской периодике, информируя русского читателя о событиях, имевших место у западных и южных славян. Он вел раздел «Славянское обозрение» в газете «День», «Славянская хроника» в газете «Современная летопись», его статьи также публиковались в газетах «Москва», «Москвич», «Московские ведомости», в журналах «Православное обозрение», «Русский архив». Свои статьи Жинзифов часто оставлял без подписи или скрывался под псевдонимами Велешанин, Велесов, под инициалами К.С., Ж., Х. и ZZZ¹⁶. Многие болгарские и российские ученые занимались выявлением в русской прессе публицистических работ Жинзифова; среди них – В. Руменов и Е. Спростанов, П. Орешков, С.А. Никитин, Н.Н. Пономарева, А.А. Ровняков, Д. Леков, Ц. Унжиева и др.¹⁷. Благодаря их трудам научный мир имеет в своем распоряжении 2 тома публицистики Жинзифова.

Первая статья Жинзифова – «Письмо одного из учащих-ся в Москве болгар к редактору» газеты «День» от 28 октября 1861 г., где поднимался вопрос о взаимоотношениях русских и болгар, нашла живой отклик у читателей. У них «сжималось сердце», когда они читали, что в Македонии, Болгарии и Фракии «весь болгарский народ» имел «более или менее ясное по-

нятие о русских», которых все славянские племена «считали и еще считают за будущих освободителей своих от чужого ига», а «русский народ не имеет ни малейшего понятия о болгарях»¹⁸. И.С. Аксаков, главный редактор «Дня», посчитал нужным немедленно прокомментировать слова автора письма, признав его упреки вполне справедливыми: «Мы, как русские, должны были бы свято помнить и сознавать свой нравственный долг, свои обязанности относительно наших страждущих младших братий, повинность, налагаемую на нас историей. Но мы неверны своему призванию!». Редакция находила объяснение этому факту также в том, что славяне нуждались в русских, а русские в них нет, «они чают от нас духовную и материальную помощь и освобождение от турецкого, греческого или немецкого ига, а русский народ для решения своих внутренних вопросов обойдется и без их содействия»¹⁹.

Газета «День» затем напечатала две статьи, которые явились откликом на публикацию болгарского студента. Автором первой — «Несколько слов по поводу болгарского вопроса. Письмо к редактору» (1861. № 6) — являлся М.О. Коялович, историк, преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии. Вторая статья — «О заслугах болгар для русского просвещения» — была подписана инициалами Н. М-въ (1862. № 14). Коялович подчеркивал, что он не мог не «почувствовать всей горечи от этого неуместного, непростительного невежества» русских по отношению к Болгарии, и он призывал «раскапывать, раскрывать» исторические факты, чтобы сколько-нибудь «уменьшить это невежество». В своей статье он доказывал, что первоначальным принятием, познанием и усвоением христианства Русь была более обязана древней христианской Болгарии, чем всем усилиям греков²⁰. Автор Н. М-въ, прочитавший с «чувством глубокой скорби» «печальные известия» «о настоящем бедственном положении» болгар, продолжил в своей статье рассмотрение культурных русско-болгарских связей²¹.

Разумеется, неосведомленность русского общества в отношении болгарского народа, дискуссия о которой была возвращена в газете «День», была явно и искусственно преувеличена. Недавно закончилась Крымская война 1853–1856 гг.,

в которой победы России ждали все славянские народы на Балканах, чтобы с помощью русского оружия обрести свою независимость. В Высочайшем манифесте от 11 апреля 1854 г. было провозглашено, что Россия «ополчилась не за мирские выгоды; она сражается за Веру Христианскую и защиту единовверных своих братьев, терзаемых неистовыми врагами»²². В унисон зазвучали речи на различных общественных собраниях при сборе материальных средств, предназначенных для поддержки правительства в его чрезвычайных военных расходах. Например, на собрании предводителей и депутатов московского дворянства, состоявшемся 2 мая 1854 г., губернский предводитель А.Д. Чертков, известный в историографии своими работами по истории Болгарии, в частности, сказал: «Если 1812 год был знаменит в летописях нашей истории пожертвованиями и беспредельной верноподданнической преданностью в Бозе почивающему блаженной памяти императору Александру Павловичу, то эпоха, которой мы теперь свидетели, еще знаменательнее и важнее 1812 года. Тогда мы защищали престол и отечество, теперь, к этим священным словам для каждого из нас, присоединяется еще третье, не менее священное. Это защита нашей православной веры и освобождение 10 миллионов нам единокровных и единовверных христиан, страдающих более четырех веков под нестерпимым игом изуверов-магометан»²³.

Крымская война также вызвала очередную волну публикаций в прессе о предыдущих русско-турецких войнах и, в том числе, воспоминаний и записок русских офицеров о русско-турецкой войне 1828–1829 гг. В них много внимания уделялось описанию городов Европейской Турции, ее природы и населения – турок, болгар и греков. В начале 1860-х годов были еще живы многие участники Забалканского похода русской армии в 1829 г., в результате которого они познакомились с болгарским населением Румелии. Не стоит забывать и о достижениях русского славяноведения, хотя следует признать, что научные исследования по истории и культуре Болгарии были более интересны узкому кругу специалистов, чем широкой читающей аудитории.

Поражение в Крымской войне заставило русское общество сосредоточиться на своих внутренних проблемах, а громадной важности крестьянский вопрос заслонил собой все другие проблемы, в данном случае, славянские дела. Тем не менее, в русской прессе конца 1850-х — начала 1860-х годов печатались статьи, посвященные славянам, проживавшим в Турции, и, в частности, начавшейся греко-болгарской церковной борьбе²⁴. Кроме того, внешняя политика России на Балканах после Парижского мира 1856 г., направленная на восстановление ее престижа на Востоке и среди славянского населения и поэтому потребовавшая расширения здесь консульской сети, заставляла министерство иностранных дел ставить вопрос об информировании русского общества о славянских делах. В 1859 г. директор Азиатского департамента МИД России Е.П. Ковалевский (1856—1861) предложил создать особый отдел «Славянские земли» в газете «Санкт-Петербургские ведомости», которую издавал А.А. Краевский. В этой газете и прежде появлялись сведения о славянах, но они являлись перепечаткой из иностранных изданий. Теперь же было решено передавать в редакцию газеты материалы из донесений российских консулов. Однако «Санкт-Петербургские ведомости» так и не стали центральным славянским органом и никого не объединили, на что обращал внимание видный советский ученый С.А. Никитин, поскольку статьи были «сухи, как всякое официальное донесение, а фактические сведения не находили никакого истолкования»²⁵. А в «Московских ведомостях» Славянский отдел «не состоялся за недостатком славяниста, несмотря на предложение, сделанное редакции министерством иностранных дел»²⁶, — сообщал И.С. Аксаков 5 июля 1859 г.

Исключительное внимание к судьбе славян, прежде всего, единоверных и единоплеменных болгар и сербов, проявлял журнал «Русская беседа». И.С. Аксаков, ставший редактором журнала с августа 1858 г., открыл в нем Славянский отдел, чтобы сделать славянский вопрос популярным в России, близким купечеству и «вообще грамотному простому люду»²⁷. Следует подчеркнуть, что при его ведении Аксаков столкнулся с многими трудностями, например, приходилось

постоянно преодолевать информационный голод, поскольку в списке иностранных газет, которые в то время можно было выписывать через почтамт, не значилось ни одно славянское или новогреческое издание. Редакция получала славянские газеты через настоятеля русской посольской церкви в Вене протоиерея М.Ф. Раевского (1811–1884).

Не было и сети корреспондентов в славянских землях Западной Европы, и Аксаков обращался к Раевскому, чтобы тот помог ему в этом вопросе: «Нужно живых, живых, горячих писем, пусть будут они хоть и коротенькие»²⁸. Аксаков готов был платить Раевскому за печатный лист сведений по 50 руб. серебром – «высшую в России цену»²⁹. Но наладить регулярное получение необходимых материалов тогда так и не удалось.

Кроме того, Аксаков долго подыскивал человека, который бы знал славянские языки и мог переводить письма, «получаемые от чехов и сербов (включая хорватов), русинов, словенцев и проч. (для болгар – у нас есть переводчики и для поляков тоже)»³⁰. Вместе с жалованьем в 400 руб. сер., которое предлагал Аксаков своему помощнику, и приличной оплатой переводов больших славянских статей (15 руб. сер. с печатного листа), «составление статей», «т. е. извлечений из славянских газет, из писем и проч.» (20 руб. сер. за лист), и «самостоятельного сочинения» (50 руб. сер. за лист) выходила весьма значительная сумма в 600 руб. сер. в год. «Это жалованье, я полагаю, выше академического, да и занятия живее, приятнее», – сообщал свои условия Аксаков в письме от 4 сентября 1858 г. доброму знакомому Б.И. Ордынскому (1823–1861), писателю и переводчику с греческого языка, прежде преподававшему греческий язык в 3-й московской гимназии, а в 1853 г. переехавшему в Казань. В Казанском университете он стал преподавателем греческой словесности (впоследствии профессором греческой и римской словесности Казанского и Харьковского университетов). Редактор «Русской беседы» обратился к Ордынскому с просьбой помочь ему найти нужного сотрудника среди учеников В.И. Григоровича. Аксаков выяснял также, нет ли такого человека в Петербурге среди студентов И.И. Срезневского. «Вообразите, что здесь, в Москве, вовсе нет людей, способных

занять это место. У Бодянского учеников нет вовсе»³¹, — писал Аксаков с огорчением.

Предложение Аксакова принял М.Л. Петровский (1833—1912), славист, ученик Григоровича, впоследствии профессор Казанского университета. Он прибыл в Москву во второй половине декабря 1858 г., но в мае следующего года уже вернулся в Казань, поскольку должна была состояться его свадьба. Аксакову поэтому теперь требовалось посылать славянские письма и статьи в Казань. Он жаловался Раевскому, что в 1859 г. славянские газеты пролежали «без всякой пользы» по причине отсутствия переводчиков со славянских языков³².

Тем не менее, в журнале «Русская беседа» было опубликовано, как указывал С.А. Никитин, 42 статьи³³, а Л.И. Ровнякова выявила 53 статьи, которые так или иначе касались южных славян, греков и Восточного вопроса³⁴. «Нам удалось вывести славянский вопрос из области археологического интереса в область живого, деятельного сочувствия и оживить умственное движение в кругу наших литературных собратьев»³⁵, — подчеркивалось в одной из редакционных статей. Но в целом, «Русская беседа» имела элитарный характер: «ученый и литературный журнал, он был рассчитан на очень образованного серьезного читателя»³⁶. Журнал выходил немногим более 5 лет (1856—1860), терпя значительные материальные убытки (издатель и первый редактор А.И. Кошелев потратил на него более 40 тыс. руб. серебром). «Русская беседа» «ушла из литературной жизни тихо и незаметно»³⁷. Впрочем, возможность через свой журнал высказаться перед публикой позволила славянофилам изменить к ним отношение правительственных кругов, которые «смогли по-новому оценить данное направление и в некоторых случаях увидеть в нем потенциального союзника»³⁸.

В 1861 г. И.С. Аксаков вернулся из поездки «по чужим краям», где он желал приобрести «не ученое, но живое знание славянских наречий»³⁹. Н.И. Цимбаев, исследователь жизни и деятельности И.С. Аксакова, отмечал, что он не знал славянских языков и не мог прочесть ни одной из получаемых им славянских газет⁴⁰. В 1861 г. ему разрешили издавать еженедельную газету «День». По инициативе Е.П. Ковалевского Славянский отдел

газеты «Санкт-Петербургские ведомости» передавался московской газете. Об этом было доложено Александру II, и он дал на это свое согласие. Ковалевский позаботился также обеспечить редактора «Дня» сотрудниками. 28 сентября 1861 г. он пригласил В.И. Ламанского (1833–1914), ученика И.И. Срезневского, который после окончания Петербургского университета служил в архиве министерства иностранных дел. Ковалевский познакомил его с новым директором Азиатского департамента Н.П. Игнатьевым, назначенным на эту должность в августе 1861 г. Тот обещал доставлять Ламанскому газеты, присылаемые Раевским. А.Ф. Гильфердинг (1831–1872), прошедший курс обучения в Московском университете под руководством О.М. Бодянского, магистр славянской филологии, состоявший на службе в Азиатском департаменте МИД, был также «не прочь писать славянские известия». Сообщая эти приятные для Аксакова новости, Ламанский отмечал, что в Азиатском департаменте имелся всего лишь один чиновник – В.В. Макушев (1837–1883), кандидат Петербургского университета, ученик И.И. Срезневского, который «что-то знал о славянах»⁴¹.

13 октября 1861 г. Ламанский специально заходил к Игнатьеву и «просил его депеши». Директор Азиатского департамента обещал «выдавать их постоянно, начиная со следующей почты»⁴². 28 октября 1861 г. Ламанский известил Аксакова о том, что для номеров 4 и 5 они подготовили несколько статей, которые были отданы в цензуру. Несколько донесений управлявшего императорским российским консульством в г. Битола М.А. Хитрово (1837–1896), в которых он описывал сам город и свою поездку по Македонии, были переработаны в целую статью. Ламанский ее очень рекомендовал Аксакову, подчеркивая: «Статья прекрасная и непременно следует поместить»⁴³. Однако на страницах газеты «День» она так и не появилась. Позднее публиковались другие материалы, поступавшие из очередных донесений Хитрово, например, в № 13 от 6 января 1862 г. сообщалось о тяжелой криминальной обстановке в Битольском эялете.

Из переписки Аксакова и Ламанского становится ясно, что информацию из Петербурга газета «День» получала бесплатно, поскольку в архиве МИД работал постоянный писарь, который

по указанию Ламанского переписывал нужные материалы⁴⁴. Но Аксаков не упускал возможность приглашать корреспондентов из славянских земель: «Пусть каждый Славянин пишет, что имеет сказать в пользу своей народности. Я даю всем им доступ в моей газете»⁴⁵. Публицистические статьи Жинзифова, наделенного несомненным литературным талантом и горячим сердцем патриота, стали поэтому востребованными на страницах газеты «День». И тема Македонии, родины журналиста, проходит через все его публицистическое творчество, хотя статей, всецело посвященных этому региону Балкан, не так много.

Первой в этом списке стоит обширная статья «Дмитрий и Константин Миладиновы», опубликованная в двух номерах газеты «День» (№ 46 от 17 ноября и № 48 от 1 декабря 1862 г.). Тревожная информация о болгарском студенте Московского университета Константине Миладинове, который был отрекомендован читателям «Дня» его редактором как «хороший наш знакомый», впервые появилась в № 3 от 28 октября 1861 г., когда было сообщено, что К. Миладинов был схвачен турками и брошен в тюрьму, как только приехал в Константинополь. «К несчастью, — писала газета, — он турецкоподданный», «но русское посольство в Царьграде хлопочет об его освобождении»⁴⁶. Благодаря сохранившемуся письму И.С. Аксакова от 22 сентября 1861 г., адресованному графине А.Д. Блудовой, дочери влиятельного сановника Д.Н. Блудова, председателя Комитета министров (1861), стало известно, что он сам уже обращался к графине, имевшей обширные связи. Аксаков писал, что Константин Миладинов, «очень близко мне знакомый», был посажен вместе со своим братом, бывшим учителем в Кукуше, «в крепость в Константинополе или в темницу — я хотел сказать, — такую, из которой живыми не выходят». «Нельзя ли его оттуда выручить?»⁴⁷ — спрашивал у графини Иван Сергеевич.

О Димитре и Константине Миладиновых рассказал со страниц газеты «День» А.В. Рачинский в статье «Печальные известия о Македонии», опубликованной 3 марта 1862 г. (№ 21). В судьбе Константина Миладинова, который в 1856 г. приехал учиться в Россию, Рачинский принял самое сердечное участие: болгарский юноша подолгу гостил у него в смоленском

имении. Но весной 1860 г., после продолжительной болезни, К. Миладинов решил вернуться на родину, чтобы поправить свое здоровье. Со старшим братом Константина Миладинова, Димитром, Рачинский познакомился в 1858 г. в Кукуше. За все время своего путешествия по Македонии он увидел, по его словам, в Димитре «впервые народного деятеля», который выбрал не почет и выгоду, а скромное место учителя: «живет и учит, и говорит, и убеждает, и пишет» в пользу изучения родного болгарского языка. Д. Миладинов, «отбив в Кукуше наступление лазариста Боре, спасши свою родину от опасностей унии, не мог оставаться на месте». Рачинский сообщил о том, что, выполняя поручение болгарской общины в Константинополе по сбору средств для постройки церкви в Галате, Миладинов отправился в дорогу. «Демосфеновские его уста, верно, не могли воздержаться на пути от осуждения — от убеждения народа стоять за веру, за народность». Он был арестован в своем родном городе Струге, переведен в тюрьму г. Битола, а затем в Салоники и Константинополь. Константин Миладинов «в сопровождении двух сестер милосердия и лазаристов» дважды приходил к старшему брату в тюрьму, а придя в третий раз, сам уже из ее стен не вышел. 6 февраля 1862 г. в Москве было получено печальное сообщение о смерти обоих братьев в турецкой тюрьме. «Думают, что их отравили»⁴⁸, — писал Рачинский.

Из корреспонденции, поступившей в редакцию «Дня» из Константинополя и опубликованной в № 22 от 10 марта 1862 г., стали известны важные подробности о пребывании братьев Миладиновых в турецкой тюрьме, а также выявилась та весьма сложная ситуация, в которой они оказались. «Греческие пастыри слишком дурно их зарекомендовали перед турецким правительством. Последнее считало их государственными преступниками, никого не допускало к ним». У братьев было изъято множество писем, у Константина — 800 писем, которые «компрометировали их». Анонимный автор данной информации, вероятно, состоявший на дипломатической службе России, по приезде в столицу Османской империи первым делом попытался «позаботиться вместе с прочими болгарями» об освобождении Миладиновых. Однако он скоро понял, что

«малейшее участие русского посольства могло бы еще хуже скомпрометировать их». «Смерть, мученически перенесенная во имя Христовой веры и угнетенной народности!»⁴⁹ – такими словами заканчивалась эта статья.

Жинзифов, который очень хорошо знал и Димитра, и Константина Миладиновых, не сразу откликнулся на данную весть статей: необходимо было время, чтобы пережить эту горе. Из всех славян, которые проживали в Москве, он дольше всех был знаком с обоими братьями, их связывали общая родина, деятельность, убеждения. Жинзифов избрал жанр биографического очерка, в котором им были воссозданы жизненный путь и просветительская деятельность Димитра Миладинова, а также короткая, но яркая судьба его младшего брата. Это, по существу, были их первые биографии, причем составленные человеком, близко их знавшим. Жинзифов указал, что Димитр начал трудиться «в пользу своего народа положительно и сознательно» только с 1856 г.: вводил в церквях и училищах тех городов, где работал учителем (Прилепе, Кукуше, Струге, Охриде), церковнославянский язык, заставляя учиться «славянским наречиям не только детей, но и людей женатых и седоволосых стариков». Сам Миладинов только с 1857 г. начал писать по-болгарски, но не так свободно, как по-гречески. Жинзифов свидетельствовал, что Миладинов был наделен даром слова, что он преподавал болгарскую историю и болгарский язык не по книгам. Рассказывая о Миладиновых, Жинзифов замечательно описал Стругу, Охрид, Охридское озеро и особенно Прилеп и его окрестности.

Миладинова, как указывал Жинзифов, постоянно тревожила мысль о необходимости открыть в Охриде болгарское училище. Он без усталости возбуждал «сонные умы болгар, особенно молодых людей, которые с жадностью слушали его беседы о славянстве». Он очень верно заметил, писал Жинзифов, «что в Македонии города, лежавшие по обеим сторонам дороги, ведущей к Сербии и к шопам*, не так нуждались в помощи, в деле нравственного развития, как города, лежавшие

* Шопы – болгарская этнографическая группа, говорившая на западно-болгарских диалектах и проживавшая на территории, которая в настоящее время разделена между тремя государствами – Болгарией, Сербией и Македонией.

по обеим сторонам солунской дороги, что в Восточной Македонии особенно сильно влияние грецизма»⁵⁰. Под грецизмом Миладинов понимал обычай «посылать детей в Афины, откуда они, возвращаясь, становились учителями греческого языка и распространителями греческих идей, стыдясь назвать себя болгарами, несмотря на то, что их родные не знают ни одного греческого слова»⁵¹. Будучи человеком уже немолодым, он возлагал свои надежды на Константина, как продолжателя его дела, но тот разделил горькую участь старшего брата, заключенного в стамбульскую тюрьму. Жинзифов подчеркивал, что они могли быть спасены, если бы изменили вере своего народа и приняли католичество, но они предпочли смерть. «Миладиновы пали жертвою клеветы и предательства!»⁵² – писал он. Очерк Жинзифова представил не только биографии двух просветителей из Македонии, но и показал острую необходимость для болгар противостоять процессу эллинизации.

С самых первых своих выступлений на страницах московской прессы Жинзифов стремился убедить русского читателя в том, что Македония, древняя Славиния, область в Турецкой империи, – одна из славянских областей, что славянская народность здесь по численности значительно превышала всякую другую народность неславянскую: будь она турецкая, греческая или валашская. Македония – не греческая страна, непрестанно повторял Жинзифов в своих работах.

Проблема эллинизации славян Македонии была поэтому одной из наиболее актуальных тем для Жинзифова-публициста. Ей специально было посвящено несколько его статей. Основываясь на материалах болгарских газет «Советник» и «Болгарская пчела» (№ 39. 28 сентября 1863 г.), он сообщил, например, о том, что министр народного просвещения Греции Никопулос пригласил известных профессоров Афинского университета составить комиссию, в которой был бы обсужден вопрос о распространении эллинизма вне границ Греческого королевства, особенно в Македонии. Инициатива министра встретила в греческих газетах восторженное сочувствие. Жинзифов, знакомя русского читателя с замыслами претворения Мегали идея в жизнь, подчеркивал, что они «могут помешать

успешному ходу образования и развития болгар и способны до огромного размера развить ненависть и международную вражду болгар и греков»⁵³. Со своей стороны Аксаков как редактор не удержался, чтобы не прокомментировать слова своего сотрудника, подчеркнув, что «этот враг опаснее турок». «Но ни унывать, ни уступать не надо, а бороться и несокрушимо верить в неперемнное будущее торжество “ненавидимых и гонимых истины ради”»⁵⁴, — заявлял редактор «Дня».

Через год в статье «Эллинский оратор в народном собрании эллинов» (№ 36. 5 сентября 1864 г.) Жинзифов возвратился к теме просветительного эллинизма, которая вновь обсуждалась в Народном собрании в Афинах, о чем сообщала газета «Советник». Греки проявляли беспокойство в связи с тем, что во многих городах Балкан эллинский язык был изгнан и замещен варварским языком, т. е. болгарским, что в самих Салониках и в Константинополе эллинская церковь, эллинский язык и эллинская народность стали «предметом ругательства и презрения». Собрание потребовало от министра просвещения отчета о тех мерах, какие он намерен предпринять для распространения эллинизма на Балканах и подавления варварского языка⁵⁵.

Конкретное проявление этой политики в Македонии было показано, например, в статье «Еще несколько слов о действиях фанариотов в Болгарии» [№ 5. 1 февраля 1864 г. газета «День» по материалам газеты «Советник» (от 6 января 1864 г.)]. В Охриде в декабре 1863 г. по доносу местного фанариота было арестовано более двух десятков влиятельных жителей города, поскольку они осмелились открыть в городе болгарское училище и ввести в церкви церковнославянский язык. Во время поездки битольского генерал-губернатора, которого сопровождал в качестве переводчика Жоржаки, прежде бывший английским консулом в Корче, местный фанариот обратился к Жоржаки с донесением об этом «преступном» деле болгар. Были также арестованы учитель и его отец, основавший это училище, изъяты все славянские книги, учебные и церковные. Арестованным пришлось откупаться: 95 турецких лир, т. е. около 600 руб. сер. дали 8 человек за свое освобождение из тюрьмы. Книги остались у фанариота, а училище было закрыто⁵⁶.

11 апреля 1864 г. (№ 15) в статье «Еще слово о фанариотах в Болгарии. В ответ г. В. Неклюдову» Жинзифов раскритиковал позицию Неклюдова*, который защищал греков-фанариотов и выступал против борьбы болгар за свою церковную самостоятельность. Неклюдов, в частности, утверждал, что на острове Халки он осмотрел типографию и видел, что в ней печатались богослужебные книги на славянском и арабском языках. Жинзифов отвечал, что он тоже бывал в Константинополе, знает, какие книги печатались на славянском языке, но он вырос и долгое время жил в Македонии, много путешествовал, был в Салониках, Кукуше, Полянине, Струмнице, Штипе, Велесе, Битоле, Прилепе и др. городах, однако в церквях и училищах не встретил ни одной славянской книги, которая была бы напечатана в патриаршей типографии. Жинзифов лишь в трех городах видел церковные книги русской печати времен императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II. Такое положение дел существовало вплоть до конца 1859 г. В статье было также приведено свидетельство Д. Миладинова о том, что греки-фанариоты сожгли пергаментные славянские книги в монастырях Св. Наума (Охрид), Богородицы Пречистой (Кичево), Преспы и др. местах⁵⁷. Полемизируя с Неклюдовым, Жинзифов писал, что низшее духовенство живет очень бедно, не то что высшее, архиереи, посылаемые из Фанара к славянам. Он рассказывал о том, как простой болгарский священник с ранней зари, когда у него нет церковных обязанностей, отправляется пахать свое поле или в чужую мастерскую шить сапоги и башмаки, чтобы уплатить «владычину», и только потом может думать о себе и своей семье. «Как часто случалось нам видеть бедного болгарского священника в владыческой тюрьме с железами** на ногах за то, что он не успел вовремя внести архиерею “владычину” или за другое тому подобное!» Жинзифов был убежден, что «греческое высшее духовенство своим положением и силою могло бы помочь» болгарам в развитии своего народа, «могло бы утешить их в трудные, долговременные, несчастные

* Вероятно, речь идет о Василии Сергеевиче Неклюдове (1818–1880), первом секретаре русского посольства в Греции, камергере, писателе.

** Т.е. в кандалах.

и черные для болгар дни и години», но оно «никогда этого не сделало и не сделает никогда и вперед!»⁵⁸.

Злободневной темой для Македонии была деятельность католических миссионеров. В статье «Западная пропаганда в Македонии» (№ 3. 16 января 1865 г.) сообщалось, что католическая пропаганда действует по-прежнему, но не так открыто, «тихомолком», избрав себе путь образования, который, по мнению Жинзифова, «гораздо вернее ее прежнего пути». В Македонии, земле славян, работали уже два униатских училища – в Битоле и Энидже (Пазар). Журналист располагал достоверными сведениями об униатско-католическом училище Битолы, которое основала миссия лазаристов во главе с аббатом Лепавекком. В 1865 г. здесь бесплатно учились около 50 детей. Их хорошо кормили и одевали «даже роскошно». Преподавание шло на болгарском языке под руководством известного учителя Йордана Константинова. В 1859 г. он был представлен фанариотом-епископом г. Скопье «как человек опаснейший для турецкого правительства, находящийся в сношениях с сербским и русским правительствами», за что турецкими властями был заключен в тюрьму в Малой Азии на 3 года. Вернувшись в Македонию, Й. Константинов, во избежание повторения подобной участи, поступил на службу к аббату Лепавеку. Жинзифов был убежден также, что распространению унии способствовал битольский митрополит Венедикт, поскольку он запретил открытие славянского училища и употребление славянского языка в церкви⁵⁹.

В письме из Битолы Жинзифову сообщили весьма важные сведения, например, о том, что митрополит Венедикт пообещал болгарам славянское богослужение в новой церкви, которую они с воодушевлением построили на свои средства. Но в день ее освящения звучал только греческий язык, а приглашенного учителя болгарского языка из Прилепа Венедикт выгнал из города. На вопросы болгар он ответил: «Здесь не Россия и не Сербия, здесь не Босна и не Черная гора, не Болгария, страна эта называется Македонией, в которой обитают греки; если вы еще раз станете просить о болгарском училище и славянском языке, то я вас на другой же день отправлю в заточение»⁶⁰. В следующий раз Венедикт отвечал, что пока не получит разре-

шения от Синода из Константинополя, до тех пор он не может позволить им открыть болгарское училище и ввести славянский язык в церкви. В отсутствие митрополита, который уехал лечиться в Вену, болгары Битола наняли другого учителя. 19 июля 1864 г. он стал петь в церкви по-славянски. Завязалась драка, конец которой положили подоспевшие турецкие жандармы. Митрополит поспешил вернуться в город, и дела обрели прежний порядок. Жинзифов сообщил также и о переходе в ислам Григория, дьякона охридского митрополита Мелетия. К этому дьякона вынудил его начальник, угрожавший тюрьмой и ссылкой «за какие-то денежные растраты и непослушание». Когда на турецком меджлисе г. Битола, в присутствии паши, а также битольского и охридского митрополитов, Григорию было позволено принять ислам, он, сняв с головы свой клобук, бросил его в сторону митрополитов и сказал: «Пусть Бог рассудит меня и вас; вы меня заставили совершить этот грех»⁶¹. Сообщая русскому читателю эти вопиющие факты из деятельности греческих иерархов Битола и Скопье, Жинзифов приходил к заключению о том, что не стоит удивляться тому, что «западная пропаганда могла свить себе гнездо в центре Македонии»⁶².

В 1866 г. в жизни Жинзифова произошло значимое событие: он отправился в Болгарию для сбора этнографического и статистического материала, а также посетил Македонию, свою родину, где не был 10 лет. По возвращении в Москву он принял российское подданство. Результатом этой двухмесячной поездки (июнь-июль) стал обширный и очень информативный очерк «Из заметок путешественника по Македонии», опубликованный в пяти номерах газеты «Современная летопись» (№ 32, 33, 34, 36, 40; 18 и 25 сентября, 9 и 30 октября, 27 ноября 1866 г.).

В первой заметке Жинзифов рассказал о взаимоотношениях болгар и турок, подчеркнув, что «знаменитый хатт-и хумаюн* есть не что иное как мертвая буква». Турки остались

* Хатт-и хумаюн – рескрипт султана Абдул-Меджида I (1839–1861) от 18 февраля 1856 г., в котором были повторены основные положения Гюльханейского хатт-и шерифа («священного указа») 1839 г. – обеспечение безопасности жизни, чести и имущества для всех подданных империи вне зависимости от религиозной принадлежности; правильное распределение и взимание налогов; упорядочение рекрутского набора и сокращение срока военной службы. Хатт-и шериф содержал обещания развивать экономику страны и использовать для этой цели «опыт и капиталы Европы».

турками, и для них христианин был гяуром, неправоверным. Участь болгар, босняков, герцеговинцев (сербов) нисколько не была облегчена, сравнительно с прежней их участью и положением. Жизнь христианина была не защищена, разбой и убийства христиан в Македонии были обычным явлением, а суды действовали не в их пользу. Жинзифов приводил примеры криминальных случаев, из которых турки, совершившие преступления, выходили без наказания. Прожив неделю в Битоле, путешественник имел возможность расспросить жителей из разных городов и поселений Македонии, приходивших в административный центр этого края по своим делам. Ответы были очень печальны. Но утешить их надеждой и добрыми вестями из земли Московской он тоже не мог⁶³.

Жинзифов затронул также проблему налогов. Из-за краткости своего пребывания он не изучил досконально систему взимания податей, но вынес следующее – христиане стали значительно больше платить налогов, наказания за недоимки были жесткие, и крестьяне разорялись.

Летом 1866 г. турецкую администрацию Битолы встревожили слухи о высадке Дж. Гарибальди на Балканах. В связи с этим были предприняты меры к отражению любого вторжения – турецкие войска были сосредоточены в Болгарии, Боснии, Герцеговине и Фессалии, а в Македонии их почти не осталось. Махмуд-паша, военный начальник в Битоле, получил приказ из Стамбула собрать 20 тыс. башибузуков для охраны границ с Грецией. В Македонию были присланы войска из Египта, их временно расквартировали в Битоле. Жинзифов видел этих арабов, которые нисколько не отличались от турок и «такими же кровожадными глазами смотрели на христиан»⁶⁴.

Второй рассказ о Македонии продолжил тему турецкого произвола. От местных жителей журналист много слышал о жестокости правления битольского вали Хюсни-паши, «отъявленного ненавистника христиан». По словам Жинзифова, паша был удален от должности лишь благодаря хлопотам одного европейского посланника, который обратил внимание на жалкое и бедственное положение христиан⁶⁵. Жинзифов заметил, что лучшими друзьями и постоянными советниками

турок являлись англичане и французы. Как правило, европейцы, приезжавшие в Турцию, не только не изъявляли никакого сочувствия к христианам, но еще и утверждали, что «не следует избавлять христиан от ненавистного им ига». Пропагандисты Запада, наводнявшие Болгарию, Фракию и Македонию, старались «заподозрить болгар перед турецким правительством в тайных сношениях с Россией и Сербией и внушить туркам, что как болгары, так и сербы, самые опасные их враги». Один французский консул прямо заявил в разговоре с Жинзифовым, что участь и положение болгар улучшатся только тогда, когда они откажутся от православия и примут католичество: «пока вы исповедуете одну веру с русскими — вы для нас русские»⁶⁶. Жинзифова, несмотря на его документы, и турки, и европейцы однозначно принимали за русского агента, а не за путешественника, имевшего научные цели⁶⁷.

В этом же очерке Жинзифов остановился на политике министра иностранных дел Турции Али-паши, который «сильно» хлопотал, чтобы поднять «национальный дух турецкого народа», чтобы «турки, будучи народом властвующим, сделались вместе с тем и народом первенствующим между другими народностями, подвластными ему». Министру была очень по душе деморализация славян, все его внимание было направлено на то, чтобы раздробить болгарский народ на несколько враждебных одна другой частей: католиков, протестантов и православных⁶⁸.

Третья статья Жинзифова была посвящена подробному изложению проекта Мидхат-паши, вали Дунайского вилайета, «по превращению училищ из болгарских в турецкие». Распространить туркофильство среди подвластных болгар и сербов министры султана полагали через посредство турецкого языка, который должен был быть введен в школьную программу. Жинзифов передал мнение болгар, недовольство которых было уже замечено турецкими властями, что в конечном итоге от этого проекта должны отказаться, потому что турки сами не пожелают, чтобы «их дети учились вместе с детьми гяуров»⁶⁹.

От рассмотрения отношений между турками и славянами, Жинзифов перешел затем к раскрытию взаимоотношений бол-

гар с другими христианскими, но неславянскими народами, в первую очередь, с куцо-влахами или «хромыми волохами», «которые рассеяны по разным городам Македонии, Фракии и Болгарии и которые нигде не составляют сплошной массы». По словам журналиста, они были потомками древних римлян, переселившихся из Дакии в славянские области, с течением времени переняли от греков и болгар множество слов, «оттого и дано им греками названия куцо-влахов, хромых волохов, то есть не умеющих говорить на своем природном языке». Название влах или волох было дано им болгарами из-за их кочевой жизни, поскольку они переходили с места на место со своими стадами. Осевшие в городах влахи занимались торговлей и были «более образованны и развиты, чем болгары». Эти волохи являлись «теми мнимыми греками», которыми, по мнению некоторых писателей, населена Македония⁷⁰. «Вражда и ненависть до такой степени развита между болгарами и волохами, что если б им дана была возможность, они истребили бы друг друга»⁷¹, – писал Жинзифов.

Еще более непримиримую вражду болгары питали к своему высшему греческому духовенству, из-за чего их ненависть обратилась против всех греков, живших в пределах Турции. Эта тема, затронутая в третьей статье Жинзифова, была далее развита им в четвертой части, где были приведены разнообразные примеры проявления этой жгучей ненависти с обеих сторон. Жинзифов утверждал, что погасить существующую вражду может только одно удовлетворительное решение церковного вопроса.

Он отмечал, что в 1866 г. области, носившие название Болгарии и Фракии, «в нравственном отношении избавились от того, что болгары называют фанариотским игом: там уже больше не боятся преследования славянского языка в церквах со стороны архиереев из греков»; болгары здесь «могут без боязни фанариотов открывать болгарские училища, в которых преподавание предметов идет на болгарском языке, и греки потеряли всякую надежду видеть когда-нибудь эту славянскую страну огреченной»⁷². Но в Македонии «преследование церковнославянского языка все еще продолжается, и фана-

риоты все еще действуют против него самыми энергическими и крутыми мерами: закрытие вновь устраиваемых болгарских училищ идет своим чередом, а учителя болгарского языка или изгоняются совсем из городов, или же предаются в руки турецких властей как люди подозрительные и опасные для турецкого правительства»⁷³. Жинзифов был удивлен, узнав, что «в Македонии есть еще местности, в которых вовсе не знают о существовании славянской азбуки и, не зная ни слова по-гречески, пишут по-болгарски греческими буквами»⁷⁴. Он приводил факты из борьбы болгар Неврокопа, столицы Драмской епархии, с епископом Агафангелом за существование болгарского училища и церкви. Драмский епископ считал, что в эллинском городе присутствие болгарской церкви и училища «не может быть терпимо». Не имея возможности справиться со своей болгарской паствой, он постоянно прибегал к содействию турецкой администрации, например, очередной сбор владычины был произведен с помощью жандармов, поскольку болгары не хотели ему ее платить»⁷⁵.

В Битоле Р. Жинзифов пробыл целую неделю, так как здесь работал учителем его отец, поэтому положение вещей в этом городе им было освещено достаточно подробно. Болгары хлопотали уже более 4 лет, чтобы митрополит Венедикт позволил им ввести славянское богослужение в церкви Св. Недели (Св. Воскресения). Русского читателя должна была до глубины души задеть беседа автора с болгарами после окончания литургии в церкви Св. Недели, куда на храмовый праздник 7 июля 1866 г. он пришел вместе с русским консулом в Битоле Н.Ф. Якубовским (1865-1873). Служба проходила на греческом языке, но была спета одна молитва, чтобы показать консулу, что славянское пение не запрещается. Болгары обратились к гостям, выражая им свое желание в том, чтобы служба совершалась по-болгарски. В ответ Жинзифов сказал: «Вас здесь будет тысяч пять, если не больше, и вы не можете устоять против ничтожной горсти волохов?». «Да что же делать, когда владыка строго запретил? Ведь все мы здесь белые невольники!». Этот ответ потряс Жинзифова. Вместе с консулом они оставили церковь «с сердцем, полным грусти»⁷⁶.

Заключительная заметка была посвящена католической и протестантской пропагандам, которые были пагубны для болгарского народа, но действовали они различными путями, подчеркивал Жинзифов. Он считал, что можно было легко заставить пропагандистов отказаться от своей цели, нужно было только предоставить болгарам «свободу давать своим детям первоначальное образование на их родном языке», не преследуя болгарских учителей и не закрывая училищ, позволять везде, где есть болгарское население, совершать божественную службу на славянском языке. Неопровержимым доказательством тому служила Кукушская епархия.

Жинзифов много и подробно писал о школе лазаристов в Битоле. Она была расположена на самой красивой улице города, для нее был куплен живописный сад, который служил местом вечерних прогулок по окончании занятий и для бесед учителей со своими учениками. Учителями были болгары, но непременно те, «которых гонят и преследуют фанариотские архиереи». Им приходилось поступать к Лепавеку из-за крайней нужды, а не по убеждению, из-за безысходности, поскольку нельзя было найти место учителя болгарского языка в епархии, где правил митрополит Венедикт⁷⁷. Болгарское училище, которое было недавно открыто в Битоле, «нельзя и сравнить с католическим». Старик-учитель (отец Р. Жинзифова), получая 8 руб. в месяц, учил 75 мальчиков чтению, письму, краткой священной истории и начальной арифметике. Жинзифов обращал внимание русских читателей на то, что преподавание болгарской истории ни под каким видом в училище не позволялось.

Одна из главных задач латинской пропаганды, по мнению публициста, состояла в том, чтобы «клеить и позорить Россию и ее народ», возбуждать против нее ненависть, утверждая, что «Россия – виновница всех их бед и страданий», что «для болгар нет и не будет лучшей будущности до тех пор, пока они совершенно не станут явными врагами России»⁷⁸. Новый глава униатской церкви Рафаил Попов, возведенный в сан архиерея Папой Римским в 1865 г., издал брошюру «Окружное письмо преосвященного господина Рафаила к соединенным болгарам». В ней также сообщалось о судьбе бывшего униатского еписко-

па Сокольского, которого в России якобы «держали как арестанта». Жинзифов на обратном пути из Македонии в Москву специально заехал в Киев, где встретился с самим Сокольским. Прочитав о себе статью, старец пришел в негодование и обещал «описать все виденное им во все время его пребывания у католических миссионеров». Жинзифов обращался к болгарским студентам, обучавшимся в Киеве, с просьбой помочь Сокольскому, поскольку он с трудом умел писать по-болгарски⁷⁹.

Работа Жинзифова «Из заметок путешественника по Македонии» имеет непреходящую ценность для изучения истории Македонии благодаря своей информативной насыщенности. В ней были вновь подняты уже на новых примерах те проблемы, которые раскрывались в прежних публикациях и которые не исчезали из жизни славян этого региона. В обзорах, сделанных по материалам болгарской прессы, Жинзифов не скрывал имен тех людей, о которых он сообщал, поскольку эти сведения уже стали достоянием гласности. В заметках о своих впечатлениях, вынесенных из путешествия по Македонии в 1866 г., Жинзифов не указывал ни одного имени болгарина, вероятно, из предосторожности и желания не навредить, поскольку доносы были обычной практикой в реалиях османской повседневности.

С 1867 г. по 1874 г. главной темой выступлений Жинзифова в русской прессе стало освещение по материалам болгарских изданий церковного греко-болгарского вопроса, в котором гордиевым узлом являлась будущая принадлежность смешанных епархий в Македонии. Жинзифов рассказывал о сложном и трудном процессе создания болгарского экзархата, о выражении желания болгарских представителей отдельных епархий в Македонии присоединиться к нему.

В заключение хотелось бы остановиться на двух статьях, опубликованных в «Славянском отделе» газеты «День» (№ 12 от 23 марта 1863 г. и № 15 от 15 апреля 1863 г.). Они помещены в первом томе «Публицистики» Жинзифова под звездочкой, что свидетельствует о сомнениях в его безусловном авторстве. В первой статье сообщаются известия из Рагузы, Варны, Битолы и Мостара. П. Орешков допускал, что Жинзифов являлся

автором только сведений из Битола, датированных 15 февраля 1863 г. Однако составители первого тома «Публицистики» были уверены, что все четыре сообщения принадлежали одному автору, т.е. Жинзифову. Благодаря исследовательской работе в Архиве внешней политики Российской империи мы располагаем комплексом консульских донесений из г. Битола, что позволило провести сопоставление сведений из упомянутых статей с текстом документов, хранящихся в фонде «Посольство в Константинополе».

В заметке о событиях в Битоле сообщалось о закрытии двух книжных лавок, владельцы которых были посажены в битольскую тюрьму. Обыск был произведен в доме книготорговцев, а также в школах. Учителю Стратигопуло было приказано прекратить чтение истории Македонского царства. В городе утверждали, что это были происки католических пропагандистов, старавшихся противодействовать как эллинизации, так и распространению общеславянских идей. Иностранные консулы протестовали против действий турецких властей⁸⁰. Следует сказать, что заметка из Битола – это не что иное как перепечатанный отрывок из обширного донесения Е.М. Тимаева, секретаря русского консульства в Битоле, который управлял его делами в отсутствие М.А. Хитрово. Сличение этого донесения от 30 января 1863 г. и заметки в газете обнаруживает полное совпадение текстов двух абзацев, местами пропущены некоторые слова и выражения, в последнем абзаце несколько предложений пересказаны близко к тексту. Важно отметить, что это весьма обстоятельное донесение Тимаева носит гриф «Секретно» и помимо напечатанного в газете материала содержит важные сведения о католической миссии в г. Битола, о ее покровителе Джорджевиче, драгомане паши, и о некоторых других событиях⁸¹.

Во второй заметке из Битола от 13 марта 1863 г. сообщалось о мероприятиях, которые военные власти Османской империи предпринимали в Битольском вилайете: с февраля в Ниш стягивались войска, подвозились вооружение и припасы. Битольский гарнизон числом в 3 тыс. человек также направлялся к сербской границе. Турецкие власти запретили выдачу

паспортов всем желавшим выехать в Сербию. Все эти обстоятельства породили стойкие слухи о подготовке Порты к войне с Сербией или Валахией. Эта информация – почти дословный пересказ донесения Тимаева от 28 февраля 1863 г.⁸² Таким образом, сомнения Лекова и Унжиевой, составителей первого тома «Публицистики», относительно этих двух статей «Славянского отдела» газеты «День» были не беспочвенны, и их следует исключить из публицистического наследия Жинзифова.

В целом, публицистическое творчество Жинзифова в определенной степени зависело от тех материалов, которые поступали из зарубежной прессы и которые ему необходимо было комментировать. Македония в тот период не находилась в центре внимания журналистов, самый важный греко-болгарский церковный вопрос решался не здесь, но Жинзифов сумел посвятить своей родине две самые значительные и замечательные работы – «Димитрий и Константин Миладиновы» и «Из заметок путешественника по Македонии».

Для русского читателя 1860-х годов статьи Жинзифова о Македонии явились открытием малоизвестного региона Балканского полуострова. Жинзифов как болгарский публицист выполнил свою задачу по созданию в русском обществе образа страдающего болгарского народа, ждущего помощи от России – как в решении церковного вопроса, так и в освобождении от турецкого ига.

Примечания

¹ Конев И. Райко Жинзифов // Известия на Института за българската литература. Кн. VII. София, 1958. С. 153.

² Жинзифов Р. Публицистика. Т. 2. София, 1964. С. 218.

³ Там же.

⁴ Архив Г.С. Раковски. Т. 2. София, 1957. С. 410.

⁵ Подробнее см.: Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 40–45.

⁶ И.С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. СПб, 1888. С. 58.

⁷ Там же. С. 81–82 (письмо от 1 апреля 1863 г.).

⁸ Пенев Б. История на новата българска литература. Т. 3. София, 1977. С. 476.

⁹ Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 2. София, 1990. С. 62.

¹⁰ Там же. С. 207.

¹¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 46. Оп. 1. Д. 558. Л. 169.

- ¹² Певев Б. Указ. соч. С. 476.
- ¹³ В 1861 г. на содержание 17 болгар, обучавшихся в Московском университете, поступило 1500 руб. См.: Русия и българското национално-освободително движение. Т. 1. Ч. 2. София, 1987. С. 220–221.
- ¹⁴ Смольянинова М. Г. Райко Жинзифов в России // Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 100.
- ¹⁵ Билунов Б. Н. К истории «Болгарской дружины» – организации болгарских студентов в Московском университете // Билунов Б. Н. Болгария и Россия. М., 1996. С. 193.
- ¹⁶ Унжиева Ц., Леков Д. Предговор // Жинзифов Р. Публицистика. Т. 1. София, 1964. С. 10–11.
- ¹⁷ Там же. С. 10–12.
- ¹⁸ Жинзифов Р. Публицистика. Т. 1. С. 32, 34, 35.
- ¹⁹ Там же. С. 377.
- ²⁰ Коялович М. Несколько слов по поводу болгарского вопроса. Письмо к редактору // День. 1861. № 6. С. 10.
- ²¹ Н. М-въ. О заслугах болгар для русского просвещения // День. 1862. № 14. С. 14.
- ²² Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 г. Приложения. Т. 2. СПб, 2002. С. 621.
- ²³ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 970. Оп. 1. Д. 1096. Л. 1 и об.
- ²⁴ См.: Никитин С. А. Национальное движение на Балканах в 60-е годы XIX в. в освещении современной русской периодической печати // Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70-е годы XIX в. М., 1970. С. 260–306.
- ²⁵ Никитин С. А. Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX века // Ученые записки Института славяноведения. Т. 6. М., 1952. С. 99.
- ²⁶ «...Вы очень мне нужны здесь, нужны, т.е. “Русской беседе”» (Переписка И. С. Аксакова с М. П. Петровским. 1858–1866) // «Русская беседа»: история славянофильского журнала. Исследования. Материалы. Постатейная роспись. СПб, 2011. С. 420.
- ²⁷ И. С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. С. 2.
- ²⁸ Там же. С. 3.
- ²⁹ Там же. С. 4.
- ³⁰ «Мне необходим ... человек, знакомый со славянскими наречиями» (Переписка И. С. Аксакова с Б. И. Ордынским (1858)) // «Русская беседа»: история славянофильского журнала. С. 372.
- ³¹ Там же. С. 373.
- ³² И. С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. С. 27.
- ³³ Никитин С. А. Южнославянские связи русской периодической печати... С. 91.
- ³⁴ Ровнякова Л. И. Южнославянские сюжеты в журнале «Русская беседа» (1856–1860) // Эпоха реализма. Л., 1982. С. 203.
- ³⁵ Русская беседа. 1859. Кн. VI. С. VI.
- ³⁶ Пирожкова Т. Ф. Славянофильская журналистика. М., 1997. С. 153.
- ³⁷ Ровнякова Л. И. Указ. соч. С. 223.
- ³⁸ Тесля А. А. Предыстория издания журнала «Русская беседа» (1855–1856 гг.) // hrono.info/organ/rossiya/russ_bes1956.php
- ³⁹ И. С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. С. 27.
- ⁴⁰ Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 78.
- ⁴¹ Переписка двух славянофилов. И. С. Аксаков и В. И. Ламанский // Русская мысль. 1916. Кн. 12. С. 93.

- 42 Там же. С. 96.
 43 Там же. С. 106.
 44 Там же. С. 108.
 45 И. С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. С. 66.
 46 *Жинзифов Р.* Публицистика. Т. 1. С. 32.
 47 И. С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. С. 188–189.
 48 *День.* 1862. 3 марта. № 21. С. 13–15.
 49 *День.* 1862. 10 марта. № 22. С. 16.
 50 *Жинзифов Р.* Публицистика. Т. 1. С. 47.
 51 Там же. С. 47–48.
 52 Там же. С. 41–58.
 53 Там же. С. 132–133.
 54 Там же. С. 133.
 55 Там же. С. 165–166.
 56 Там же. С. 146–147.
 57 Там же. С. 153–154.
 58 Там же. С. 154–155.
 59 Там же. С. 184–185.
 60 Там же. С. 186.
 61 Там же. С. 184–187.
 62 Там же. С. 187.
 63 Там же. С. 243.
 64 Там же. С. 246.
 65 Там же. С. 247.
 66 Там же. С. 248.
 67 Там же. С. 249.
 68 Там же. С. 250.
 69 Там же. С. 251–253.
 70 Там же. С. 254.
 71 Там же. С. 256.
 72 Там же. С. 259.
 73 Там же. С. 259.
 74 Там же. С. 260.
 75 Там же. С. 260–261.
 76 Там же. С. 262.
 77 Там же. С. 264.
 78 Там же. С. 266.
 79 Там же. С. 268.
 80 Там же. С. 226–227.
 81 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1417. Л. 25–28 и об.
 82 Там же. Л. 33–34.

Светлана Ивановна ДАНЧЕНКО

К вопросу о публицистической деятельности П. А. Кулаковского

Российский славист Платон Андреевич Кулаковский (1848–1913) известен, прежде всего, как автор двух фундаментальных монографий: «Вук Караджич, его деятельность и значение в сербской литературе» (М., 1882, его кандидатская диссертация) и «Иллиризм» (Варшава, 1894, его докторская диссертация). Однако наряду с этими и другими научными трудами ему принадлежит богатое публицистическое наследие. Сотрудничество ученого в периодической печати — весьма интересный и важный, на наш взгляд, аспект его многогранной деятельности, мимо которого не может пройти исследователь его жизни и творчества.

В данной статье мы обратимся к начальному периоду публицистической деятельности П. А. Кулаковского, который протекал в независимой Сербии в 1879–1882 гг.

Кулаковский появился в Сербском княжестве сразу после окончания Восточного кризиса 1875–1878 гг. По инициативе сербского либерального правительства в белградской Великой школе (будущем Университете) была создана кафедра русского языка и истории русской литературы, на которую он был приглашен в качестве профессора.

Педагогическая деятельность Платона Андреевича, начиная с октября 1878 г. по июль 1882 г., в целом протекала довольно успешно. О ней он подробно рассказывал в своих многочисленных письмах в Россию — к И. С. Аксакову, В. И. Ламанскому, В. В. Макушеву, Н. А. Попову и др., а также в отчетах, ежегодно посылаемых им в МИД России, так как был командирован в Сербию официально¹.

Существует очень ценный для освещения темы статьи документ — дневник Кулаковского, который он вел в Сербии (хранится в личном фонде ученого в Институте русской литературы /Пушкинский дом/ в Петербурге). В дневнике он скрупулезно записал все свои публикации в российских и сербских изданиях с 1876 по 1885 гг. Всего в списке 284 позиции, в том числе за 1879—1882 гг. (белградский период) — 104. Для исследователя этот документ просто бесценен, так как большинство публицистических произведений Кулаковского не имеет полной подписи — обычно он подписывался К., П. К., иногда П. Д., латинскими буквами N, Z, P.

Первая корреспонденция Кулаковского из Белграда относится к 27 января 1879 г. Она появилась в российской газете «Русский мир» и посвящалась празднованию дня св. Саввы в Сербии. Однако это была единичная публикация в этом издании, а главными стали его материалы, регулярно печатавшиеся в весьма авторитетных и широко распространяемых российских периодических изданиях — газетах «Московские ведомости» (изд. М. Н. Катков), «Новое время» (изд. А. С. Суворин) и «Русь» (изд. И. С. Аксаков), а также в журналах — «Русский вестник» (изд. М. Н. Катков) и «Журнал министерства народного просвещения» («ЖМНП»). Кулаковский стал их главным «сербским» корреспондентом.

Вышеупомянутые издатели были весьма заинтересованы в регулярном получении информации не из иностранных газет, а из «первых рук» и хорошо оплачивали труд своих собственных корреспондентов. Для Кулаковского, получавшего небольшое жалование от сербского правительства и петербургского министерства, уже имевшего семью и, по его словам, едва сводившего концы с концами, гонорары за публикации были весьма кстати. Но, полагаю, дело было не только в деньгах. Думается, что в преподавательско-воспитательной и кабинетно-научной работе многогранная, очень активная натура Кулаковского не реализовывалась полностью, поэтому он и «устремился» в журналистику, которая позволила ему проявить свое несомненное публицистическое дарование. Во всяком случае, почти до конца своих дней он не расставался

с журналистикой и был не только автором, но и редактором ряда изданий – «Варшавский дневник», «Правительственный вестник», «Окраины России». Эта особенность его личности отмечалась и его современниками – коллегами и друзьями. Так, А. Сиротинин в своих воспоминаниях о нем писал: «...в Кулаковском жило два человека, один – объективный ученый, беспристрастно вскрывающий прошлое, другой – практический деятель, боевой публицист с несомненным темпераментом, живой, горячий, отстаивающий шаг за шагом свои идеи. Эти два человека не покрывали один другого. Живая публицистическая жилка не мешала ученому объективизму Кулаковского, помогала, ему в выборе тем, всегда жизненных и интересных, против чего в большинстве случаев грешат наши слависты. Но объективизм ученых трудов не уберег его от увлечений в публицистических выступлениях»².

Больше всего корреспонденций, статей и заметок о «сербских делах» Кулаковский опубликовал в газете «Московские ведомости» (10 – за 1879 г., 18 – за 1880 г., 15 – за 1881 г., 7 – за 1882 г. Всего – 50). Так, в письме к И. С. Аксакову от 14 февраля 1880 г. он сообщал: «Из Белграда в “Моск[овских] вед[омостях]” письма все мои, хотя бы и с подписью N»³.

Публикации Кулаковского, весьма информативные, написанные прекрасным языком, со знанием истории сербского народа, прежде всего, свидетельствовали о его живом интересе ко всему, что происходило в Сербии. Его «зоркий русский глаз», по выражению А.Л. Шемякина, и, добавим, неравнодушный, заглядывал за «фасад европейских новаций в виде конституций, парламентаризма, многопартийности и т.д.», наблюдал не издалека, а вблизи за попытками князя Милана Обреновича, связавшего судьбу своей страны и династии с Австро-Венгрией, и правительства «прогрессистов» (напредняков) совершить «прыжок из балканского мрака на европейский свет»⁴. Этим новым явлениям в жизни Сербского государства Кулаковский давал свою оценку, часто нелицеприятную для сербской политической элиты, совершавшей, по его мнению, политические ошибки, отрицательным образом влияющие на развитие страны.

В связи с усилением влияния Австро-Венгрии на экономическую и политическую жизнь Сербского княжества, наиболее характерными среди публикуемых материалов были статьи, направленные против «пагубных», агрессивных устремлений монархии Габсбургов в отношении Сербии. Так, в «Московских ведомостях» Кулаковский сообщал, что после Берлинского конгресса 1878 г. началось урегулирование отношений между великими державами и Сербией. Были заключены временные торговые договоры, отменено право консульской юрисдикции и т. д. «Но всякого поразит факт, что отношения между молодым независимым княжеством и его ближайшим соседом, старую Габсбургскую монархию, нисколько не изменили своих форм... Где причина? Причина старая – стремление Австрии стать господином на Балканах». По мнению Кулаковского, состояние сербо-австрийских отношений в настоящее время таково, что «Австрия... только ждет удобного момента, чтобы изъять притязание на окончательное включение Сербии в круг своих интересов»⁵.

Кулаковский откликался на все значимые события в жизни независимой Сербии. Поэтому, прежде всего, следует отметить именно информативную составляющую его публицистики. Так, несколько его корреспонденций в «Московских ведомостях» были посвящены переговорам Австро-Венгрии и Сербии по «железнодорожному вопросу»⁶. 8 июля 1878 г. глава сербского правительства подписал конвенцию, которая предоставила Австро-Венгрии право строительства сербской железной дороги, отвергнув предложения российских компаний. На первом этапе предполагалось построить линию Белград–Ниш–Вране, соединив ее с системой венгерских железных дорог через Савский мост и Землин (Земун). Дипломатический представитель Великобритании в Белграде охарактеризовал подписание конвенции как «первый шаг Австро-Венгрии к аннексии Сербии»⁷. Кулаковский в своей корреспонденции по этому вопросу высказался более осторожно, но совершенно определенно: «...железная дорога должна произвести экономический переворот в стране и может даже нанести глубокую рану Сербскому княжеству, если явится орудием чужой поли-

тики, имеющей вождение относительно богатой сербской земли»⁸. И впоследствии Кулаковский не раз возвращался к этому вопросу и в одной из корреспонденций подчеркнул, что железная дорога может довести Сербию «до крайне бедственного положения», так как способна стать средством ее экономического завоевания⁹.

В октябре 1880 г. ушло в отставку сербское либеральное правительство во главе с Й. Ристичем. Новый сербский кабинет возглавил Милутин Гарашанин (1843–1898). К власти пришли напредняки, либералы-прогрессисты, получившие образование в Европе, приверженцы «западных ценностей», которые взяли курс на «европеизацию» и «модернизацию» Сербии.

24 апреля 1881 г. правительство заключило торговый договор с Австро-Венгрией, который устанавливал такие низкие таможенные ставки, что можно было говорить о таможенной унии двух государств. По этому договору сербская сельскохозяйственная продукция получила свободный доступ на австрийские рынки, что было весьма выгодно для сербского крестьянства, составлявшего большинство населения Сербии. С другой стороны, на уничтожение в зародыше была обречена промышленность княжества, не способная в таких условиях выдержать конкуренцию дешевых австрийских товаров.

Оценивая заключение торгового договора между Сербией и Австро-Венгрией, Кулаковский сообщал своим читателям, что договор давал все преимущества австрийцам и поэтому подвергся в сербской народной скупщине резкой критике оппозиции, утверждавшей, что он приведет к «полному экономическому рабству Сербии». Соглашаясь в основном с аргументами оппозиции, Кулаковский вместе с тем признавал, что сербскому правительству, в сущности, не оставалось иного выхода, как или принять условия договора с Австро-Венгрией, или вступить с ней в «экономическую войну», что крайне нежелательно, так как Сербское государство в настоящий момент к такому развитию событий не готово¹⁰.

Во второй половине 1881 г. в русской периодике активно обсуждался вопрос о смещении сербского митрополита Михаила с митрополичьего престола (18 октября 1881 г.). Сообщая

о тех гонениях, которым подвергся этот видный церковный и общественный деятель Сербии, всегда стремившийся «содействовать укреплению дружественных отношений к России», Кулаковский назвал действия правительства напредняков «делом возмутительной неправды»¹¹. Он не сомневался, что это было сделано в угоду Австро-Венгрии, стремившейся утвердить свое экономическое и политическое преобладание в Сербии и покончить с влиянием России.

Точка зрения Кулаковского вполне совпадала с позицией правящих кругов России, поддерживавших опального митрополита. После его смещения российскому министру-резиденту в Белграде А. И. Персиани было поручено сообщить сербскому князю о том неблагоприятном впечатлении, которое произвело это событие на Александра III¹². Затем был предпринят ряд дипломатических мер¹³, которые, впрочем, в тот момент оказались безрезультатными, после чего Михаилу было предоставлено убежище в России и он получал помощь от русского правительства. И в последующий период Россия неоднократно выступала в защиту его прав¹⁴.

В феврале-марте 1881 г. в русской печати появились первые отрицательные высказывания о правительстве напредняков. Следует отметить, что осенью 1880 г., когда напредняки пришли к власти, тон сообщений о них Кулаковского был довольно миролюбивым. Так, он сообщил читателям «Московских ведомостей» некоторые сведения о новых сербских министрах — М. Пирочанце, М. Гарашанине, Ч. Миятовиче и др.¹⁵, а в письме из Белграда, опубликованном в аксаковской «Руси», подчеркнул, что нет пока оснований думать, что новое сербское правительство «поведет свою землю по ложному пути или воспользуется властью для эгоистических видов своей партии»¹⁶.

«Критическая» позиция по отношению к напреднякам с начала 1881 г., совпадавшая опять-таки с мнением российских официальных кругов, с особой определенностью проявилась в публикациях «Московских ведомостей» и «Нового времени», автором которых являлся Кулаковский. Он считал их проавстрийский курс «извращением сербской народной политики, которая должна быть связана с православною Россией»¹⁷.

Одним из наиболее интересных вопросов, ставшим предметом обсуждения в русской периодике в 1881–1882 гг., был вопрос о сербских политических партиях. Тот же Кулаковский посвятил ему большую статью «Партии в Сербии», опубликованную 6–7 ноября 1881 г. в «Московских ведомостях», и ряд корреспонденций. Он отмечал, что «новое министерство Пирочанца-Гарашанина выдвинуло и новую партию в Сербии, которая отчасти сохранила связи с консерваторами партии Мариновича, а отчасти изменила их программу». Сначала вокруг нее объединились все силы оппозиции правительству Й. Ристича, но затем «одни вернулись в прежний свой лагерь», «другие сконцентрировались, образовав партию радикальную и издав особую программу; третьи..., оставшись верными правительству, сгруппировались в одно целое и назвали себя напредняками, т.е. прогрессистами». Характеризуя Напредняцкую партию, Кулаковский замечал, что сначала она была слаба, но «сумела и увеличить число своих членов, и усилить свое влияние, так что впоследствии... оказалась самую сильною». Довольно высоко оценивал он деятельность Либеральной партии, возглавляемой Й. Ристичем: «Она имеет много заслуг в стране: все важнейшие задачи Сербии и внутри и вне в течение последних 15 лет были исполнены этою партией». Говоря о внешней политике партии, Кулаковский поставил ей в заслугу то, что она «всегда искала опоры и поддержки в России»¹⁸.

О Радикальной партии он писал следующее: «Несмотря на некоторые пункты, в которых эта партия выражала свои радикальные желания, программа ее в сущности очень умеренна, требует коренных реформ в стране и указывает правильный путь внешней политике Сербии... Если исключить некоторые пункты из этой радикальной программы, как, например, пункт об уменьшении постоянной армии до крайнего минимума, то она не представляет в себе ничего крайнего или разрушительного, как обыкновенно подразумевают при имени *радикальная партия*»¹⁹. Кстати, к письму от 14 января 1881 г., адресованному И. С. Аксакову, Кулаковский приложил программу сербской Радикальной партии. «Из нее Вы увидите, — писал он, — что в сущности это своеобразные либе-

ралы-прогрессисты с оттенком фантастическим, но никак не коммунары и не наши нигилисты»²⁰. Говоря о сербских радикалах, Кулаковский неоднократно подчеркивал, что они являются сторонниками укрепления дружественных отношений с Россией. В письме к тому же Аксакову от 21–27 мая 1882 г. он подчеркивал, что радикалы «представляют здоровый элемент народности и из всех сил проповедуют о спасении сербской народности от Австрии»²¹. Следует также отметить, что Кулаковский лично знал вождей радикалов – Н. Пашича, Р. Милошевича и др. – и после отъезда из Сербии вел с ними на протяжении ряда лет переписку. Так, в письме от 15 октября 1883 г. Милошевич прислал ему проект конституции, разработанный Главным комитетом Радикальной партии²².

Учитывая то, что свои мысли о радикалах, их деятельности в скупщине и среди широких народных масс, их программных требованиях Кулаковский высказывал не только в прессе, но делился ими с российским министром-резидентом в Белграде А. И. Персиани во время их нередких встреч, думается, что это отражалось в тех донесениях, которые последний регулярно посылал в МИД России.

Особенностью российско-сербских отношений в царствование Александра III являлось то, что правящие круги России должны были в своей политике в Сербии опираться не на законного монарха, вследствие крайне негативного отношения к его личности, а на те политические силы, которые были достаточно влиятельны и могли способствовать стабилизации политической жизни. Разумеется, при этом учитывалась их внешнеполитическая ориентация.

Напредняки, связанные торговыми и промышленными интересами с Веной, взявшие курс на «модернизацию» и «европеизацию» страны, в которых, по выражению Персиани, Габсбурги нашли «послушный инструмент своей политики»²³, не вызывали доверия в Петербурге, вплоть до середины 1890-х годов. Либералы во главе с Й. Ристичем в рассматриваемый период не имели почти никакого влияния в политической жизни Сербии. Вместе с тем «умеренность и постепенность» Ристича в ведении государственных дел, его мудрость и огром-

ный опыт государственного и политического деятеля делали его в глазах Петербурга одной из главных фигур сербской политики, не считаться с которой было нельзя.

Что же касается Радикальной партии, то здесь мы имеем дело с типичным примером «подвижки», под влиянием политических реалий, в отношении официальной России к так наз. «революционной» партии. Открытые в отечественных архивах документы свидетельствуют о том, что вначале оно было настороженным и даже негативным. Опасения вызывали якобы «нигилистическое» прошлое ее вождей – последователей Светозара Марковича и друзей русских революционеров, а также «революционный» дух их программы. Отношение к радикалам менялось постепенно, по мере поступления из Белграда информации о деятельности их партии. Постепенно, но достаточно быстро, так как уже в начале 1880-х годов Александр III, судя по некоторым его резолюциям на полях донесений Персиани, довольно благожелательно высказывался о радикалах и был явно настроен в их пользу. Так, на сообщении из Белграда от 21 января 1882 г. о том, что «оппозиция [радикальная. – С. Д.] хотя и в меньшинстве в скупшине, но ведет энергичную борьбу с министерством», «отказалась подписаться на ответном адресе на тронную речь и даже не явилась во дворец», российский император начертил: «Утешительно»²⁴. А на секретной телеграмме, посланной Персиани из Белграда в МИД 3(15) июня 1882 г. с сообщением о том, что, несмотря на все попытки напредняков путем внеочередных выборов изменить состав скупщины, в нее постоянно избиралось «все возрастающее число оппозиционеров», имеется одобрительная помета Александра III: «Прекрасно»²⁵.

В донесениях Персиани называл радикалов «крайней либеральной партией в Сербии», которая «ничего общего не имеет ни с так называемым русским нигилизмом, ни даже с духом крайних либеральных партий Запада». Ему же принадлежат пророческие слова (1887 г.) о том, что «будущность принадлежит этой партии». Несомненно, такая позиция Персиани способствовала тому, что отношение официальной России к Радикальной партии довольно быстро изменилось – они ста-

ли признаваться «сербскими патриотами», антимилановская и антиавстрийская направленность деятельности которых импонировала русской правящей элите и лично императору Александру III.

Наряду с активным сотрудничеством в «Московских ведомостях», Кулаковский опубликовал в 1879—1882 г. целый ряд интересных материалов в других изданиях. Среди них следует, например, отметить публикации в «Новом времени» (1 августа 1879 г.) и «ЖМНП» (май 1880 г.) — о распространении и преподавании русского языка в Сербии. Эти статьи были написаны на основе его отчетов о преподавательской деятельности в Сербии, которые он отправлял в Петербург²⁶. Несколько информативных статей Кулаковский опубликовал в «Руси» и «Новом времени» — о современной политической ситуации в Сербии, а также рецензии на ряд сербских изданий — в «Русском филологическом вестнике» (Варшава) и «Филологических записках» (Воронеж).

Наряду с этим в белградский период своей жизни Кулаковский способствовал распространению среди сербов знаний о жизни русского народа, развитии науки и литературы в России. В 1880—1881 гг. на страницах белградского журнала «Отаџбина» («Родина») появилось пять его «Писем о современной русской литературе» (общим объемом около 3 п.л.). В первом из них он познакомил читателей с историей русской периодической печати и кратко охарактеризовал главные ежемесячные журналы литературно-исторического содержания: «Вестник Европы», «Русская мысль» и «Русская речь». Во втором «Письме» Кулаковский описал открытие в Москве 6 июня 1880 г. памятника А. С. Пушкину; в третьем дал критический обзор главных сочинений в области славяноведения, вышедших в России за предшествовавшие два года; в четвертом сообщал о смерти двух русских писателей — Ф. М. Достоевского и А. Т. Писемского. И, наконец, в пятом «Письме» ученый рассказал сербским читателям о русских газетах, уделив особое внимание газете «Русь»; о семье Аксаковых и их роли в общественной и культурной жизни России, а также изложил основы учения славянофилов.

«Письма» Кулаковского не давали всестороннего анализа современной ему литературы и журналистики, борьбы в них различных течений. Тем не менее, они являлись ценным вспомогательным материалом для тех, кто хотел познакомиться с новыми русскими книгами, содержанием периодики. Об этом он писал В. И. Ламанскому в Петербург 18 марта 1881 г.: «Иные из моих “Писем” перепечатывались в газетах и в Сербии, и вне Сербии. Многие выписывают книги и журналы, указанные мною в этих “Письмах”»²⁷.

Следует отметить следующий момент: Кулаковский, несмотря на свою близость к славянофилам, отнюдь не идеализировал сербов и не смотрел на события в Сербии и их участников сквозь «розовые очки» — об этом мы находим не одно высказывание в его письмах и «белградском» дневнике. В этой связи весьма интересны мысли, высказанные им в письме к А. А. Майкову от 18 октября 1880 г. «Патриотизм сербский, — пишет Кулаковский, — конечно, сам по себе похвален, но исключительность сербская, самодовольство и узость воззрений приводят сербов Княжества к тому, что они теряют значение как зерно, около которого соберется все сербское племя... я теперь все больше и больше убеждаюсь, что они никогда не создадут цельного государства, и что не им собрать клочки многострадального сербского племени под свое знамя»²⁸.

Этот же критический тон звучит и в корреспонденциях и статьях Кулаковского. Он понимал, что многим сербам, и особенно правящей элите, не по нраву его публицистика, но истина была ему дороже их симпатий и благоволения. 20 июня 1881 г. он записал в своем дневнике, что, конечно, за его деятельность в Сербии ордена ему сербы не дадут, потому что «недовольны тем, что я пишу в газетах русских. Пусть их. Я никогда не искал ордена и искать не буду...». И далее: «Я писал лишь горькую и больную правду о Сербии, писал с болью сердца и любовью к этому народу, государству и стране... Я считаю и считал моральной своей обязанностью писать правду отсюда, — а то слишком много лгали сербы о себе у нас и слишком много обманывали нас. Пора перестать!»²⁹.

Сербы ордена Кулаковскому действительно не дали, но в России он награду за свою деятельность в Белграде получил — 14 декабря 1882 г. высочайшим указом он был награжден орденом св. Станислава II-й степени.

Смею утверждать, что как публицист Кулаковский сформировался именно в Белграде. Впоследствии, уже в России, этот его дар значительно развился. Уже не удовлетворяясь обычными сообщениями о каких-либо событиях и корреспонденциями, он пишет и аналитические статьи по сербской тематике. Среди них, в первую очередь, следует отметить следующие: «Сербия в последние годы» («Русский вестник», март-апрель 1883 г.), «Церковные дела в Сербии» («Православное обозрение», июнь 1883 г.), «Россия и югославянская интеллигенция» («Новое время», 18 декабря 1883 г.), «Сербия и ее династический вопрос» («Новое время», 14 и 21 сентября 1883 г.) и др. Основа же для написания этих статей была, без сомнения, заложена в Сербии.

В заключение следует отметить, что читатели ведущих российских изданий конца 70-х — начала 80-х годов XIX в. постигали современную им ситуацию в Сербии через публицистические творения П. А. Кулаковского. Как справедливо отметила Л. П. Лаптева, в своих трудах и публицистике он «защищал взгляд на славянство, характерный для определенного круга русского общества двух последних десятилетий XIX и начала XX в. и выражавшийся прессой... умеренного и консервативного направлений»³⁰. Но это не мешало ему смотреть на славян и, в частности, на сербов без «славянофильского восторга» и утвердившихся в российском обществе штампов, в значительной мере объективно анализировать события, происходившие в Сербском княжестве, и критически высказываться по поводу политики сербского правительства и князя Милана Обреновича. В целом можно сказать, что публицистическая деятельность П. А. Кулаковского в указанный период оказала влияние на формирование общественного мнения в России в отношении Сербии, ее народа и правящей элиты.

Примечания

- ¹ О преподавательской деятельности П. А. Кулаковского в Сербии см. наши работы: П. А. Кулаковский в белградской Великой школе // Сборник Матице Српске за славистику. Св. 16. Нови Сад, 1979; Деятельность П. А. Кулаковского в Сербии // Балканские исследования. Вып. 6. М., 1980; Руски научници у Србији од 1878 до 1885. године // Историјски часопис. Београд, 1981; Русско-сербские общественные связи (70–80-е годы XIX в.) М., 1989; Деятельность П. А. Кулаковского в белградской Великой школе в 1878–1882 гг. (К 100-летию со дня кончины русского ученого) // Славянский мир в третьем тысячелетии. К 1150-летию славянской письменности. Книга 1. М., 2013.
- ² *Сиротинин А.* Из воспоминаний о П. А. Кулаковском // Славянский обозрение. СПб, 1914. № 1. С. 4–5.
- ³ Отдел рукописей Института русской литературы (далее – ОР ИРЛИ). Ф. 572. Д. 44. Л. 4 об.
- ⁴ См. *Шемякин А. Л.* Русские очевидцы о специфике политического процесса в независимой Сербии (1878–1914) // Человек на Балканах глазами русских. СПб, 2011. С. 67, 73.
- ⁵ Московские ведомости. 19 января 1880 г.
- ⁶ Московские ведомости. 5 апреля, 13 мая 1880 г. и др.
- ⁷ Цит. по: *Шемякин А. Л.* Идеология Николая Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998. С. 168.
- ⁸ Московские ведомости. 15 июня 1880 г.
- ⁹ Московские ведомости. 5 марта 1881 г.
- ¹⁰ Московские ведомости. 29 мая 1881 г.
- ¹¹ Московские ведомости. 25, 27 октября 1881 г.
- ¹² Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Славянский стол. Д. 3812. Л. 37.
- ¹³ Там же. Л. 7–7 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 311 об.; АВПРИ. Ф. Политархив. 1883 г. Д. 424. Л. 89 об.
- ¹⁵ Московские ведомости. 12 ноября 1880 г.
- ¹⁶ Русь. 20 декабря 1880 г.
- ¹⁷ Московские ведомости. 23 июля 1881 г.
- ¹⁸ Московские ведомости. 6, 7 ноября 1881 г.
- ¹⁹ Московские ведомости. 6 ноября 1881 г.
- ²⁰ ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 44. Л. 14.
- ²¹ Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф. 14. Д. 191. Л. 2 об.
- ²² ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 175. Л. 4 об.
- ²³ АВПРИ. Ф. Политархив. 1882 г. Д. 419. Л. 137 об.
- ²⁴ Там же. Д. 420. Л. 2.
- ²⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1882 г. Д. 10. Л. 37.
- ²⁶ Об этом подробнее см.: *Данченко С. И.* Русско-сербские общественные связи (70–80-е годы XIX в.). М., 1989. С. 74–84; она же. Деятельность П. А. Кулаковского в белградской Великой школе в 1878–1882 гг. (К 100-летию со дня кончины русского ученого) // Славянский мир в третьем тысячелетии. К 1150-летию славянской письменности. Книга 1. М., 2013. С. 80–84.
- ²⁷ Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 35. Оп. 1. Д. 772. Л. 11.
- ²⁸ Цит. по: *Шемякин А. Л.* Московский профессор о независимой Сербии. Платон Андреевич Кулаковский в Белграде (1878–1882) // Родина. 2013. № 12. С. 52.
- ²⁹ Цит. по: Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Том 3. Общественно-политические и культурные связи. 1878–1917 гг. М., 2013. С. 77.
- ³⁰ *Лаптева Л. П.* Славянский вопрос в мировоззрении П. А. Кулаковского (по архивным материалам) // Славянская идея: История и современность. М., 1998. С. 111.

Английские корреспонденты в гуще событий: Крит, 1897 г.

Почти весь XIX век вопрос о присоединении острова Крит к Греции находился, наряду с другими важнейшими международными вопросами, в центре европейской внешней политики. Христианское население Крита требовало присоединения острова, как исконно греческой территории, к матери-Греции, т. е. Греческому королевству, созданному при поддержке великих европейских держав-покровительниц еще в начале XIX в. Крит, находившийся на перекрестке морских путей и имевший крайне важное стратегическое значение, оказался вновь в центре внимания Европы зимой 1896—1897 гг., когда на нем с небывалой силой столкнулись интересы христианского и мусульманского населения¹.

Великие европейские державы — Австро-Венгрия, Великобритания, Германия, Италия, Россия и Франция² — не только послали свои эскадры в критские воды и высадили «смешанный морской десант», как тогда говорили, для спасения мирного населения (как христиан, так и турок) от резни, но постепенно установили блокаду, создали «совет адмиралов», который взял на себя временное управление островом. Зимой 1897 г. на кораблях великих держав на Крит прибыли опытные дипломаты, военные и представители европейской прессы. Среди них были такие выдающиеся личности как Эмилий Джозеф Диллон³ и Эрнест Натаниэль Беннетт⁴, которые, вероятнее всего, одновременно были представителями английской разведки, которая еще с 70-х годов XIX в. превратила Балканы в зону своей деятельности.

Два слова об этих людях. К прибытию на Крит 45-летний Э. Диллон считался самым известным специальным коррес-

пондентом ведущей лондонской газеты «The Daily Telegraph» («Дейли Телеграф»), журнала «Contemporary Review» и других крупных журналов и газет Великобритании. Он также был доктором философии Лейпцигского университета, доктором восточных языков и литературы Университета в Ливене (Leuven), владевшим 26 языками, в том числе санскритом, древнеармянским, греческим, а также всеми европейскими языками; доктором языкознания и профессором классического отделения Харьковского университета. Э. Диллон был незаурядной личностью, прошел путь от корреспондента, побывавшего во многих «горячих точках» на рубеже веков, до известного литератора и академика, которым он стал в конце жизни. В Россию он попал еще в 1877 г., накануне русско-турецкой войны, и потом считал ее второй родиной. Здесь он женился на русской, стал известным публицистом, другом В. Соловьева и многих других, и, что пока не совсем понятно, личным помощником крупного политического деятеля России, министра финансов графа С. Ю. Витте. С конца 80-х годов он побывал в центре всех важнейших политических, культурных, общественно-исторических событий в жизни России и мира. Так, сам Витте считал Диллона первым среди публицистов своего времени. Он писал, что этот «англичанин...талантливый, пользующийся большой известностью в Англии и в Америке», «дирижировал все сообщения в европейскую печать»⁵. Со временем он станет «полуофициальным послом» мира, а, возможно, и агентом сразу нескольких разведок, но, прежде всего — английской. Важность критского вопроса для великих держав, в том числе, подтверждает его пребывание на острове в 1897 г. К сожалению, о Э. Диллоне и его международной деятельности до сих пор не написано ни статей, ни книг. Материалы библиотеки Стэндфордского университета в США, которые автору удалось найти и получить, раскрывают лишь некоторые моменты интереснейшей судьбы⁶.

Эрнест Беннетт был на 11 лет моложе Эмилия Диллона, когда они встретились на Крите. Он был также незаурядной личностью, одним из блестящих выпускников Оксфорда, ученым-богословом, полиглотом, увлекался политикой и жур-

налистикой, был корреспондентом «The Times», был замечен английским правительством, которое доверило ему секретную миссию на Крите.

В обязанность этих двух военных корреспондентов входил сбор информации в противоборствующих группировках на Крите (т. е. среди восставших христиан и пришедших к ним на помощь греческих войск во главе с полковником Т. Вассосом, которые высадились с разрешения греческого короля Георга I на острове весной 1897 г., а, с другой стороны, среди критских мусульман и турецких войск). Диллон и Беннетт являлись также агентами адмиралов четырех держав-покровительниц, выполнявшими деликатные поручения, осуществляли связь между военными, дипломатами и политиками Крита, Греции и великих держав. Сам Беннетт писал позже, что выполнял задания британского генерального консула на Крите Альфреда Биллиотти и адмиралов великих европейских держав. При этом, как свидетельствуют документы — дневники, черновики сообщений и статьи Диллона и Беннетта, которые хранятся в Стэндфордском университете США, — они лично сочувствовали разным группировкам и религиозным общинам, воюющим на Крите. Видимо, в этом также изначально заключался глубокий смысл.

Так, Э. Диллон был признанным в Греции и в Европе эллинофилом, сохранявшим традиции, заложенные еще во времена Байрона: его корреспонденции с острова выражали искреннее сочувствие и поддержку греческому христианскому населению. При этом Диллон красочно и вполне объективно описывал критский характер в целом: по его мнению, «какие бы недостатки критяне не имели, они храбры и тверды — неважно христиане или мусульмане. Они способны поддерживать в себе жизнь малым неограниченное время, и когда одна беда приходит за другой, они умирают несломленными»⁷. Диллон писал, что «они все — великолепные стрелки, равные лишь швейцарцам. Это касается любого критянина, независимо от возраста или вероисповедания. С раннего детства они практикуются в стрельбе, и как бы бедны не были, всегда умудряются иметь ружье и амуницию. Критянин готов продать свою

бессмертную душу, чтобы заполучить ружье или револьвер; он готов даже украсть их у своего лучшего друга без тени смущения. Это часть его натуры». Во время восстания на Крите Э. Диллон слышал несколько раз о кражах оружия у своих же товарищей – критских христиан, но только о краже оружия, револьверов или патронташей, что, по их мнению, не являлось нарушением каких-либо их традиций или законов. «Стрельба – вот главная страсть критян, и они никогда не сдерживали ее». При этом Диллон подчеркивал, что «они каким-то образом находятся в гармонии со своими убеждениями, и поэтому лгут, крадут, стреляют, убивают и умирают с убеждением в своей святости»⁸. Ну, недаром еще в древности появилось выражение «лжет, как критянин». Эрнест Беннетт, который в то же самое время также путешествовал по острову в поисках информации, проведя не один день среди критских инсургентов, филэллином, в отличие от Э. Диллона, не был и не стал.

Первые же корреспонденции Диллона, например, его «Эпизоды критской жизни», датированные 8 марта 1897 г. и опубликованные уже через неделю в «Дейли телеграф»⁹, произвели сенсацию в Европе и способствовали активизации европейской политики по умиротворению пылавшего острова. Речь шла о сражении вокруг одного из турецких блокаузов в местечке Малакса (блокаузами назывались турецкие фортификационные бараки). Вдоль гребня горы, идущей на запад от Суда-бей и форта Изеддин, турки занимали три блокауза – Малакса, Кератиди и Инеболи, которые составляли цепь обороны против любых возможных в будущем выдвиганий инсургентов в Канею и ее пригороды¹⁰. Естественно, что восставшие критяне-греки, со своей стороны, старались их разрушить и вообще считали их незаконными, так как все три блокауза находились за нейтральной линией, установленной «советом адмиралов» для безопасности населения. Турки также вели себя весьма агрессивно. «Происхождение боя вполне простое: в местечке, названном Малакса, находившемся на расстоянии часа ходьбы от Канеи, мусульмане занимали крупное здание, называемое блокаузом, в то время как христиане намного свободнее расположились в различных пунктах вокруг него.

Христиане, за неимением артиллерии, не могли быстро вытеснить мусульман и вынуждены были открывать огонь по любой голове в турбане, которая показывалась из-за здания, — писал Диллон. — Ситуация не менялась в течение нескольких недель, но провизия у оборонявшихся сокращалась. Они были сильно истощены, а мусульмане по своей религии должны содержать душу и тело воедино. Они привыкли жить малым, но не были мастерами жить вообще без всего. Если бы был найден выход и возможность пополнить свои запасы, они бы держались; но их вездесущий противник был невидим; а его присутствие обнаруживалось лишь теми разрушениями, которые происходили вокруг»¹¹. Христиане-инсургенты, которые располагались на высотах вокруг деревни Малакса, по мнению Диллона, были людьми того же типа, что и их противник: «Они спали на открытом воздухе.... Их укрытием служили то стволы оливы, то валуны или разрытая земля, остатки старинных каменных стен, т. е. все, что только можно было себе придумать». И так они ждали день за днем, «направив свой острый взгляд, чтобы поймать тень неосторожного турка и приготовиться выстрелить в эту еле различимую мишень». Мусульмане, которые оказались зажатými в Малаксе, умудрились все же сообщить о своем бедственном положении своим друзьям и сородичам в Кане¹², и последние решили доставить им провизию, что было нелегко осуществить. Вокруг были рассредоточены христиане-стрелки, а что еще хуже, нужно было пройти через три маленькие деревни, расположенные возле Канеи, в которых было многочисленное христианское население. Риск был велик, так как «600 стойких мусульман, включая солдат регулярных войск, и жаждущих христианской крови добровольцев вышли темной ночью из Канеи и направились в Малаксу. Через некоторое время они без всяких помех доставили мешки с мукой, сухарями и другими жизненно важными продуктами страдающим друзьям, лица которых теперь сияли...»¹³.

Уже совсем рассвело, писал Диллон, когда посланники, как триумфаторы, окрыленные удачно проведенной рискованной операцией, вооруженные до зубов, с развернутыми флагами и плакатами, отправились в обратный путь. Всего 15 минут

пути на север, и уже видны ...минареты, хорошо охраняемые турецкими войсками гарнизоны, а также лежащие теперь в руинах улицы Канеи (после бомбардировки кораблями великих держав, которые хотели таким образом остановить резню на острове). На высотах к востоку располагались два вражеских для турок лагеря; они были хорошо видны и различимы благодаря греческим флагам — это были христиане, находившиеся в монастыре в деревне Элиас. Орудия с военных кораблей пытались снести греческие флаги, провоцировавшие османов. Но турецкий гарнизон, находившийся поблизости, молчал, потому что все были мертвы¹⁴.

«На узкой, продуваемой ветрами дороге, ведущей в горы, слонялось несколько человек в тюрбанах». Они еще больше, чем Диллон, жаждали узнать о результатах экспедиции, которую теперь ждали назад каждую минуту. «Это объяснялось тем, что их друзья и родственники были вовлечены в это предприятие, — писал Диллон. — Они неприязненно смотрели на меня, пока я проходил мимо, держа путь к маленькой симпатичной деревушке у самого подножия горы»¹⁵. «Снаружи одного из беспорядочно разбросанных домов, возле дороги, местные женщины, одетые в национальные костюмы, выполняли домашнюю работу. Внезапно вспыхнул огонек на горе, затем послышался сильный хлопок, который разнесло горное эхо, и вновь наступила тишина. Женщины прекратили работать... турки, которые без дела слонялись по дороге, а потом прилегли, чтобы погреться на весеннем солнце, подняли головы и прислушались. Вновь дымок и хлопок, затем еще... Теперь серо-голубые дымки поднимались в разных точках на горе, а эхо доносило звуки начавшейся битвы. Невозможно было сказать, чья брала. В численном отношении турки превосходили греков вдвое, кроме того, пришедшие из Канеи, где не было проблем с провизией, были в лучшей форме. Если бы им было позволено сойтись в открытом бою — они были бы счастливы. Но не было видимого противника, с кем следовало сражаться. Они с трудом различали что-то или кого-то, в то время как пули летели в них градом». Английского корреспондента, знавшего, что «солдаты всех наций всегда экономят боеприпасы и как бы

плохо не стреляли, стараются бить по цели», поразило то, что для критян такая норма казалась банальностью: главное, что враг где-то поблизости, и они стреляли день напролет в тех, кто находился вне достижимости или прятался надежно за обломками каменных стен, которыми изрезан весь остров¹⁶.

По слухам, к 9 часам среди мусульман уже имелось несколько раненых. Отряд перегруппировался, разделившись на две неравные части, один из которых пошел впереди другого. «Христиане заметили этот маневр и приняли соответствующие меры, концентрируя огонь на меньшей группе. Не обладая большими тактическими знаниями, они теперь могли легко разделить на части большую группу, сделав движение турок вперед невозможным, — продолжал свое подробное описание боя Диллон. — Пули в деревне и вокруг нее свистели со всех сторон; я поднял несколько штук около того места, где стоял»¹⁷.

В конце концов, потесненные мусульмане, числом около 120 человек, решили вернуться обратно в город, а по пути передохнуть в гарнизоне, где уже не было живой души. Другая группа, продолжая стрелять на ходу, постепенно приближалась к христианской деревушке, вблизи которой находился и сам корреспондент. После огненной вспышки из самого большого и самого белого дома христианской деревушки повалил серо-голубой дым, затем из другого дома и т. д. «Это была месть мусульман, которой они жаждали в отношении невидимого врага на высотах гор, которого невозможно было ни поймать, ни наказать. Поджог деревень был присущ только мусульманам Крита. Два вероисповедания враждовали между собой, и это была настоящая война, на которой все средства были хороши»¹⁸.

Как только пожар разгорелся и красные языки пламени охватили крыши домов, а балки стали с грохотом падать на землю, отряд, поднимая раненых, продолжил свое движение к городу. Картина была впечатляющая: «Длинные шеренги смуглых мужчин, напоминавших демонов, двигались вдоль иссушенной белой дороги в священном молчании. Суровые, бесчувственные лица людей, ...нарушивших все понятия дозволенного, имели выражение, граничащее с дьявольским. Не-

которые из мусульман потеряли свои тюрбаны и кое-как обвязали головы платками. У некоторых одежда была изорвана в клочья. ...Три героя, похожих на головорезов, шли, засунув сигареты за ухо, как заправские клерки прячут свои карандаши. Двое раненых ехали верхом на мулах. Картину дополняло ужасное человекоподобное существо: обернутое в мокрые окровавленные тряпки, со спутанными волосами, дрожащими руками, с глазами мутно смотрящими куда-то. Он вдруг замер, и мне показалось, что он умер». На вопрос Диллона: «Этот человек мертв?» — последовал спокойный ответ: «Аллаху виднее». «Бесчувственных, в промокших насквозь от крови одеждах, людей везли как туши убитого скота на рынок, — писал Диллон. — Одних раненых везли, других поддерживали под руки, а третьи брели сами, превозмогая боль. Кто-то стонал, кто-то молился, кто-то переносил страдание молча, а кто-то проклинал громко врага. Но почти у всех спины и грудь были перетянуты широкими кожаными ремнями с патронташами, в которых даже оставались еще пули, не нашедшие христианскую мишень. Казалось, что все были даже воодушевлены, но держались, понятно, лишь на нечеловеческой ненависти к врагу»¹⁹.

По наблюдению Диллона, это не были солдаты в современном понимании этого слова, хотя и были воинственны без меры. Смотреть на них без ужаса было невозможно. «Их фанатично сверкающие глаза выдавали в них лишь человеческих животных, самых отвратительных в своем квази-религиозном экстазе». «Они были настоящим божьим бичом, как и их враги, превратившие радостный плодородный остров в океан ужасных разрушений», — писал Э. Диллон.

Второй английский корреспондент, Беннетт, писал, что его приезд на Крит и сам вид прекрасного острова, увиденного им впервые с крейсера, который (вместе с британским миноносцем и австрийским крейсером) на закате солнца заходил в Суда-бей (залив Суда), произвели на него сильное впечатление. Слева дымилась деревня Элиа, в которой только что закончился бой между добровольцами-мусульманами (нерегулярными войсками) и местным христианским населением деревни. Направо простиралась плодородная равнина,

полная оливковых деревьев. При более близком взгляде через бинокль было видно, что сотни олив срублены. «Это уничтожение деревьев, которое запрещалось даже в Древнем мире во времена ведения военных действий, — сокрушался корреспондент, — теперь систематически нарушалось критским населением, как мусульманским, так и христианским. Это принесло уже несметные убытки населению острова, которое и так еле перебивалось, чтобы выжить. Много лет пройдет, прежде чем оливковое дерево начнет снова плодоносить, а ведь оливки составляют основу питания критян. Уже в темноте послышались выстрелы, и я вспомнил критскую поговорку: “Если видишь голову — стреляй в нее!”»²⁰.

Эрнест Беннетт описывал достаточно красноречивый эпизод, который произошел в его бытность на Крите. Австрийский крейсер «Себенико», который весьма успешно участвовал в блокаде побережья Крита, заметил быстро движущуюся шхуну в направлении Мегалокастрон. На крейсере решили преследовать шхуну и не пожалели об этом, так как позже обнаружилось множество ящиков с патронами и провизией. Шхуна не реагировала на предупредительные выстрелы с крейсера, а инсургенты, побросав все, скрылись в горах. Шхуна была потоплена, но инсургенты успели выгрузить на берег значительный груз. «Они спрятались в деревне Рофия, недалеко от Кандии (Ханья. — *О. С.*), — описывал события Беннетт. — На следующий день я отправился в деревню, чтобы выяснить, почему инсургенты так агрессивно отнеслись к австрийскому крейсеру?»²¹.

Поскольку найти лошадь или мула, пишет Беннетт, ему не удалось, пришлось идти вдоль моря на лодке, которую раздобыть было также нелегко. «Был один паровичок, но капитан-мусульманин не хотел идти даже за хороший «бакшиш». Наконец, мне удалось договориться с лодочником-христианином, и, подняв австрийский флаг, чтобы в нас не стреляли турки, через час мы были в маленькой бухточке с остатками венецианского форта». Один из греков остался в лодке, другой поднялся в горы, в деревню, вместе с Беннеттом. «Воздух в горах так чист, — писал Эрнест Беннетт, — что греки сразу

почувствовали приближение людей и стали спускаться вниз в своих коротких курточках, синих шароварах, с ружьями за плечами. В них сразу чувствовалась некая древняя сила духа. Вокруг нас был кустарник весь в цвету и апельсиновые деревья, сплошь увешанные золотыми плодами; путь лежал через цветущие поля и деревни. ...Нас весьма дружелюбно встречала вся деревня во главе со священником; угощали мастикой и апельсинами. ... Познакомившись с критянами поближе, я стал спрашивать, почему они стреляли по крейсеру «Себе-нико» день назад? Они уверяли, что приняли его за турецкий. Понятно, что они говорили неправду, так как спутать цвета турецкого флага (красного) и австрийского (красного с белой полосой) невозможно»²². Беннетт узнал от инсургентов, что жертв не было, только один моряк был ранен в ногу. И в это он тоже не поверил, поскольку огонь с крейсера был шквальным и непрерывным. «Но, — заключал Беннетт, — критяне славятся хитростью и скрытностью. А во всем остальном — они производят очень приятное впечатление. Но пора было возвращаться, и нас до самой пристани сопровождало несколько жителей деревни, которые время от времени стреляли в воздух в качестве салюта. Это были самые симпатичные христиане, которых я когда-либо видел на Крите, и это было связано с тем, что еще ни один итальянец или грек не посетил их деревню»²³.

По мнению Беннетта, «единственное неудобство блокады острова кораблями великих держав выражалось для критян в недостатке пшеничного хлеба, но в остальном все было нормально: в деревне этой было достаточно мяса, фруктов, овощей, как и во внутренних деревнях в целом»²⁴. О национальных чертах христиан Крита Беннетт писал так: «На обратном пути в Кандию я встретил нескольких христиан, которые заявляли, что башибузуки напали на соседнюю деревню и отрезали трем грекам головы и показывали их в кофейнях. Я затем не нашел ни одного свидетеля этому, и расспросы в конце концов убедили меня в том, что это был чистый вымысел. После моих поисков истины насчет этих 3-х голов я благополучно отобедал благодаря любезности и учтивости капитана Строуда на борту броненосца «Трафальгар» и около 10 вечера перешел и

перенес свои вещи на австрийский крейсер «Себенико», капитан которого пообещал отвезти меня в Канею». Наутро «Себенико» бросил якорь в бухте Суда, которая была полна военных кораблей. Как пишет Беннетт: «Это были огромного размера броненосцы, похожие на «Ревендж», — «Сардиния», «Мария Терезия» и множество крейсеров, больших и малых, выставленных, как на показ, в своем величии и красоте, которые могли вызвать ревность со стороны турецкого флота, представленного группой бедных, обшарпанных крейсеров — «Хебет Нумах» и других, которые могли служить только символами национального упадка османов»²⁵.

В Канеи Беннетт проживал вместе с замечательным английским рисовальщиком Мелтоном Приором²⁶, одним из двух лучших иллюстраторов популярного в то время журнала «Иллюстрированные лондонские новости». Приор славился тем, что мог в гуще военных событий зарисовать их с необычайной точностью и скоростью. Затем его наброски обрабатывались профессиональными рисовальщиками для журнала. Он также был военным корреспондентом и часто сопровождал Беннетта в его путешествиях по острову. Они бывали для сбора информации в Суда-бей или посещали турецкие кордоны на дорогах в Платанию, Нерокури и др. местах. М. Приор, находясь на Крите весь 1897 год, посылал каждую неделю в Лондон свои карандашные зарисовки всего происходящего для «Иллюстрированных лондонских новостей». Путешествия были опасными, и во время этих прогулок они могли легко попасть под пули инсургентов или турок.

Часто во время таких прогулок по секторам, на который был разделен остров, Беннетт разговаривал с турецкими офицерами и солдатами, которые всегда обращались к нему «запросто и доброжелательно». Беннетт вспоминал: «Помню, как однажды один турецкий офицер, м-р Мелтон Приор и я поднялись на крышу дома в Нерокури, который недавно сгорел и временно был превращен в укрытие. Немедленно три пули пролетели над нашими головами, выпущенные из Малаксы с горы, а днем в мою сторону было сделано еще четыре выстрела с большого расстояния, хотя я держал в руках белый флаг.

Каждый узнает из своего опыта на Крите по звуку летящей пули, с какого расстояния был сделан выстрел»²⁷.

Отличие от Диллона, Беннетт, считал, что «вы нигде в мире не найдете более преданного приятеля, чем османский солдат». Он не раз наблюдал сцены, которые поражали его до глубины души и вызывали сочувствие и уважение к турецким солдатам. Например, «как пятеро турецких солдат сидели вокруг котелка, в котором варилось несколько бобов и листьев капусты, кусок хлеба был один на всех; пока это варево готовилось, они весело шутили и смеялись, находясь в самом лучшем расположении духа». Больше всего его поражало, во что были одеты турецкие солдаты: «А форма турецкая! Старая изношенная и частично уже замененная гражданской одеждой... Она часто делилась на трех солдат: кто-то носил брюки, кто-то ботинки, а кто-то — форменную рубашку. И офицеры также часто ходили в разбитых ботинках. Хуже никто не был одет, но как они воевали и стреляли!»²⁸. Подчеркивал Беннетт и то, что, «даже находясь на краю голода, трудно было уговорить их взять хоть одну монету». «Они вели себя замечательно, когда приходилось просить их подвести мою лошадь или сопроводить меня от одного поста до другого, — писал Э. Беннетт. — Это был контраст с бедным христианским населением внутри острова, которое требовало с меня денег за любую, даже самую простую услугу»²⁹.

Протурецкие симпатии чувствуются и в описании уже известного нам, по рассказам Э. Диллона, боя возле блокгауза в Малаксе 8 марта 1897 г. Беннетт пишет, что, «во-первых, адмиралы строго предупреждали лидеров инсургентов, что они не будут терпеть какие-либо попытки захвата турецких блокгаузов и не будут вмешиваться в движение транспортов для снабжения турецких гарнизонов». Свои требования адмиралы передали также в письме лично полковнику Т. Вассосу и главе инсургентов, напоминая им, что турецкие блокгаузы наверху должны были сохранять свои позиции для безопасности Канеи и что любое движение инсургентов против их восстановления будет отрицательно встречено международными силами. Несмотря на все это, христиане настойчиво осуществляли свою

программу вытеснения мусульман с острова. Они успешно окружили ночью блокауз в Малаксе и перерезали все коммуникации турок с гарнизонами внизу. 8 марта 300 добровольцев попытались прорваться через гористую местность к туркам, чтобы доставить им воду и провизию. У них не было артиллерии, а в горах засели христиане, которые поливали их дождем из пуль. Операция не удалась, и турки вернулись назад с двумя убитыми и тремя ранеными³⁰. Вечером того же дня Беннетту, по дороге в деревню Нерокури, вновь удалось побеседовать с турками. Он пишет: «После того, как я поделился сигаретой с одним из солдат, со мной согласились побеседовать два младших офицера («оба из нового поколения турецких офицеров, обучавшихся в Германии тактике в военной школе»). Оба были в огорчении и недоумении, что им не удастся прорваться к блокаузу в Малаксе, где не осталось еды и воды, так как инсургенты разбили бочку с водой. ... В это время тишину взорвал звук сигнального рожка, затем другой. Турки из блокауза в Малаксе просили помощи, погибая от жары и жажды. В этом было что-то патетическое...»³¹.

Однажды Беннетт оказался на краю гибели. Придя к инсургентам-грекам, ему не удалось предъявить им при обыске ни одной газеты «Таймс», зато из его портсигара выпали карточки двух младших офицеров-турок, с которыми он беседовал по дороге. Однако он был везучим, ибо в то время как инсургенты решали его участь, «появилась группа из 40 молодых критян с греческим флагом, а впереди, — как пишет Беннетт, — шел молодой красивый грек, в котором, к счастью, я узнал бывшего знакомого по Оксфорду К. Маноса. ... Здесь он был одним из главарей критских инсургентов»³².

Восставшие критяне тем временем не приняли автономный статус и требовали союза с Грецией, подчиняясь теперь только высадившемуся на остров с греческими войсками полковнику Т. Вассосу³³, который обосновался со своим штабом в горах в деревне Аликиану.

Адмиралы получали различные сообщения о том, что на острове зреет сильное недовольство по поводу их решений относительно автономии острова. Но объективных сведений о

действительном настроении критского христианского населения у них не было. Они приняли решение послать для сбора информации о настроениях среди христиан, живущих в отдаленных районах, Эмилия Диллона и Эрнеста Беннетта, которые путешествовали раздельно, но иногда встречались.

Беннетт затем описал в прессе свое путешествие в лагерь к полковнику Т.Вассосу. Все горы вдоль дороги, как писал Беннетт, были исчерчены свинцовыми пулями, выпущенными обеими сторонами. «В то время, как мы разговаривали с лейтенантом А. Вассосом (сыном Т. Вассоса. — *О. С.*), очень высоким и красивым греком, я встретил д-ра Э. Диллона, корреспондента «Дейли телеграф», который был в довольно тяжелом положении, поскольку у него не было пропуска для прохода через турецкие линии, и он просил взять его с собой. Пришлось рискнуть и идти в Канею по одному пропуску вдвоем».

Публицистическим результатом поездки Э. Диллона к инсургентам стала его публикация в «Дейли телеграф» от 27 марта 1897 г., которая называлась: «Вместе с главарями инсургентов. Потрясающие приключения нашего специального корреспондента! “Союз с Грецией или смерть!”». «Канея. Вечер. Пятница.

Я только что завершил одну из самых интересных поездок в моей жизни, полную приключений, трудностей и незабываемых сцен, происходивших в дикой, горной стране, без дорог, мостов и полностью не приспособленной для человеческой жизни. Особое внимание было уделено взглядам критского населения на «автономию», провозглашенную адмиралами 6 марта. Мне было поручено посетить провинции, раздать прокламации, собрать мнения людей и суммировать их взгляды»³⁴.

Это задание адмиралов полностью отвечало интересам самого Диллона, филэллина и человека аналитического ума. Он с нетерпением ждал возможности поехать с лидерами инсургентов во внутренний Крит и составить свое представление о том, каково истинное отношение православных критян к объявленной адмиралами автономии острова. Диллон получил пропуск во внутренние районы Крита и, одетый критским священником, который якобы в свое время присоединился к восставшим инсургентам в Акротири, приступил к выполне-

нию задания. Как и все инсургенты, он теперь носил на плече винтовку и револьвер за поясом. Из лагеря повстанцев в Ак-ротире Диллон с шестью компаньонами, включая Э. Венизелоса³⁵, отправился в дальнейшее путешествие в горы. На другой берег Суда-бей их переправил русский паровой катер. «Через два часа мы все-таки высадились у подножия крутой горы в провинции Кидония, — писал Диллон. — Лил дождь, и, промокшие до нитки, мы поднялись по почти перпендикулярной дороге на гору с грузами за спиной, засыпая и спотыкаясь на каждом шагу и в постоянном напряжении, что могли быть убиты турками, которые находились в форте недалеко от нас. После нескольких часов ходьбы в таких условиях мы добрались до деревни Мегалокорафья, где не смогли найти даже сухую одежду. Вожди инсургентов послали за людьми в соседнюю деревню, и вскоре появилось множество разных людей, которым было предложено прочитать прокламации (их читали лидеры) и обсудить их. Некоторые зло отказывались, некоторые отходили прочь, но все были не согласны с автономией и восклицали: “У нас должен быть только союз с Грецией или мы умрем с оружием в руках! Да здравствует король Георг!”»³⁶.

В это время с турецкого поста, который Диллон и его компаньоны недавно так тихо миновали, открыли огонь по деревне, и жители немедленно, схватив свои винтовки, стали отвечать им. Перестрелка продолжалась даже, когда Диллон и его спутники покинули деревню. «Мы отправились снова в путь (голодные, так как кроме чашки кофе и нескольких бобов ничего не ели уже сутки). Началась снежная метель, и мы вскоре добрались до большой деревни Армени, названной так потому, что 900 лет назад она была основана армянскими колонистами. Современные домики были совсем маленькими и почти не видимыми из-за руин, которые были результатом восьми критских восстаний. Жители этой деревни, которая столько раз разорялась и возрождалась вновь, мечтали о союзе с Грецией и не принимали автономию под сюзеренитетом султана. Руководители инсургентов, по нашему приближению, собрали митинг жителей и передали прокламации главе деревни. Выстрелы недовольства были ответом, и все начали говорить

одновременно. Толпа все увеличивалась. Некоторые сидели в стороне на мулах, но большинство стояло с оружием за плечами. Там были мэры, экс-мэры, нотабли и экс-депутаты из главного города Вамоса и из всех окружающих деревень провинции Апокорона. Среди них я заметил много священников, вооруженных так же, как и я. Большинство жителей соседних деревень принесли с собой греческие флаги, вызывавшие оглушительные приветствия. На крышах домов постоянно стояли люди, а ветки старой оливы были увешаны детьми. Старики в черном стояли под деревьями, спрятавшись от непогоды. Было около 3 тыс. человек, одетых во всевозможные одежды... Большинство принадлежало к одному типу критских людей: красивые, бесстрашные, хорошо сложенные». Мэр Вамоса сказал: «Мы объединены теперь с Грецией! Нам нравится быть под защитой ее войск. Нам нравятся законы и порядки во внутреннем Крите, и мы будем поддерживать их, если Европа оставит нас в покое. Мы отвергаем автономию и никогда не будем сотрудничать в ее установлении. Мы будем ей сопротивляться, пока не кончатся патроны. Вот наши взгляды и взгляды всех критян». Экс-депутат собрания Крита Паппадакис также произнес краткую речь: «Европа не понимает критский вопрос и поэтому находится на ложном пути. Мы знаем, чего мы хотим и почему. Наши причины носят не только сентиментальный характер, но и экономический тоже. Мы все хотим поддержать союз с Грецией любой ценой». Его выступление получило громкую поддержку слушателей»³⁷. Диллон обратился к инсургентам с просьбой лично поговорить с людьми и задать им простой вопрос: хотели бы они принять автономию, как шаг в сторону присоединения, и почему и когда они решили оказать сопротивление Европе? «Мой вопрос вызвал исключительное волнение»³⁸. «Один из лидеров инсургентов д-р Венизелос забрался на скалу и прочел громким голосом прокламацию адмиралов, объясняя значение автономии; он попросил высказаться людям. Затем был написан ответ адмиралам и зачитан всем собравшимся. Дождь и ветер не испугали толпу: так важен был обсуждаемый вопрос. Все обсуждение сопровождалось канонадой из соседней деревни, на которую

где-то отвечали, что свидетельствовало о начале новой битвы. ...Но обсуждение продолжалось. Какой-то крестьянин сказал: “Мы теперь свободны при короле Георге, и нам ничего не надо более, но, если Европа хочет снова завоевать нас, мы готовы умереть. Я сам потерял моего дорогого сына в битве, и я готов умереть, если христианская Европа хочет забрать мою жизнь. Но мы будем сопротивляться автономии до самого конца”³⁹.

На следующее утро с гор спустилась еще группа вооруженных до зубов инсургентов – человек 100, и им тоже раздали копии прокламации адмиралов. Старый человек, 75 лет, д-р Милоноянаки, бывший директор Банка Крита, взял слово: «Мы все хотим союза с матерью-Грецией. По этому пункту нет разногласий между нами. Европа может уничтожить нас, но не может изменить наших убеждений. Пока хоть один грек жив, мы будем говорить, как делаю сейчас я: “Союз или смерть!”. Мой сын Джордж был убит в Акротири 14 дней назад. Я его обожал, но отдал его на эту жертву по доброй воле, и я готов пожертвовать своей семьей и самим собой в качестве протеста против автономии. Мы потеряли нашу собственность, и мы ни в грош не ставим наши жизни. Толпа после этого закричала: «Да, мы ни в грош не ставим наши жизни!»⁴⁰. «Неожиданно, – пишет находившийся в толпе Диллон, – я почувствовал твердую руку на своем плече и повернулся, увидев красивого мужчину, вооруженного и одетого священником, его глаза горели страстью. Он воскликнул: «Вы, сэры, увидите сейчас, в какую цену мы, критяне, оцениваем нашу жизнь. Вы можете вернуться и рассказать в Европе, что вы видели!». И он в ту же минуту выхватил длинный с белой ручкой кинжал из-за пояса у одного из свидетелей и попытался разрезать себе рот от уха до уха. Но в последнюю секунду мы схватили его и скрутили руки за спиной. С огромным трудом мы разжали его пальцы и отобрали кинжал, после чего он успокоился»⁴¹.

«После того, как письменный ответ адмиралам был зачитан неоднократно людям и вызвал бурные аплодисменты, – пишет Диллон, – обращаясь ко мне, один из них воскликнул: “Наш ответ Европе: “Союз или смерть! Да здравствует король Георг!”». Картина в других деревнях, которые Диллон, Вени-

зелос и их спутники также посетили, «была так похожа на эту, что описывать это было бы излишним. Везде был энтузиазм, единодушие и убежденность...»⁴². Диллон записал после посещения внутреннего Крита следующее: «Если критяне так упрямы, бесстрашны и фанатичны, то трудно себе представить, каким путем смогут адмиралы, генералы и дипломаты установить автономию против их воли»⁴³.

По прибытии в Суду Э. Диллон доложил свои наблюдения адмиралам, которые уже после вспыхнувшей греко-турецкой войны в мае 1897 г. постепенно передали управление Критом экспедиционному корпусу четырех держав во главе с их верховным комиссаром принцем Георгом Греческим. В 1898 г., под нажимом великих держав, турецкие войска покинули Крит, а инсургенты, сначала организовав революцию 1905-1906 гг. и потребовав немедленного присоединения острова к Греции, в конце концов поняли всю нереальность такого быстрого решения критского вопроса, существовавшего на протяжении всего XIX века, смирились с действиями и намерениями великих держав-покровительниц – Англии, России, Франции и Италии – и сложили оружие.

Вплоть до 1913 г. Крит, управлявшийся уже православными греками, находился под сюзеренитетом Османской империи, однако власть султана постепенно сужалась и становилась фиктивной. В то же время сохранение Крита в составе Турции стало задачей комитета «Единение и прогресс». Младотурки решили предоставить правительству право в любую минуту объявить войну Греции, «так как этого требует честь Оттоманской империи». В результате, по единодушному мнению почти всей европейской прессы, «смуты и погромы на острове были неизбежны»⁴⁴. Многие предрекали начало греко-турецкой войны сразу после ухода международных войск с острова.

С другой стороны, фактическое преобладание греков на острове, соединенное лишь с формальным сохранением сюзеренитета султана, делало попытки младотурок нереальными. Критская конституция 1907 г. еще более укрепляла власть Греции на острове. Вывод всех европейских сил и замена их

критской милицией и жандармерией в 1909 г., создание (при помощи четырех европейских держав-покровительниц) достаточно самостоятельной и крепкой системы управления островом оставляли мало шансов для возврата османского правления. Решимость греков бороться за присоединение острова к Греции была безграничной, и младотуркам не хватило бы никакой аргументации для организации соответствующего сопротивления стремлению греков.

В октябре 1912 г. Греция в составе сильной военно-политической коалиции балканских государств – Греция, Болгария, Сербия и Черногория – вступила в войну с Турцией. Критское правительство также решило отправить на помощь воюющей Греции критскую милицию в 6 тыс. человек и 1 тыс. жандармов, а также содействовало отправке на фронт многочисленных добровольцев. По мнению российского посланника в Афинах Е.П. Демидова, «развертывавшиеся события представляли собой бесподобный случай... для окончательного разрешения критской проблемы и присоединения острова к Греции»⁴⁵. С начала Первой Балканской войны 1912 г. великие державы по инициативе Великобритании убрали с Крита свои корабли-станции, якобы «как выражение их протеста» действиям греков. Последней ушла с острова русская канонерская лодка «Хивинец».

Новый король эллинов Константин I (сын убитого в марте 1913 г. Георга I) назначил генерал-губернатором Крита заслуженного греческого политика С. Драгумиса и принял все меры к полному объединению острова с Грецией. На остров были направлены греческие войска, которые полностью заменили национальную милицию⁴⁶. 1 февраля 1913 г. при общем ликовании критян Драгумис лично поднял греческий флаг и выставил при нем караул. По Лондонскому договору от 30 мая 1913 г. Крит воссоединялся с Грецией, но окончательно его принадлежность к матери-Греции была зафиксирована после Второй Балканской войны по условиям Бухарестского мира от 10 августа 1913 г. Интересно, что договор, передававший навечно остров Крит Греции, был подписан ручкой Э. Диллона.

Эмилий Диллон и Эрнест Беннетт побывают еще не в одной «горячей точке» мира, проживут исключительно яркие жизни, став известными писателями и уважаемыми академиками.

Диллон будет свидетелем и летописцем обеих Балканских войн, событий в Китае и Мексике, дела Дрейфуса, революции в России 1917 г. Станет первым переводчиком «Крейцеровой сонаты» Л.Н. Толстого, который перевернет его сознание, хотя и не сделает своим последователем. Словом, он всю жизнь будет в гуще событий.

Беннетт еще не раз возвращался на Крит и уехал только в конце 1898 г., когда остров покинули сначала греческие, а позже все турецкие войска. В статье «Среди критских инсургентов» он с возмущением описывал события марта 1898 г., когда весь турецкий гарнизон из Ретимно отплыл с Крита, а инсургенты спускались с гор и обстреливали отходящие силы. Это было повторением кошмара, пережитого мирным турецким населением Крита в начале 1897 г. Оказавшиеся в окружении инсургентов и прибывших на остров греческих добровольцев в деревне Конданос, турки смогли добраться до набережной в Селино для эвакуации с острова только благодаря действиям международного отряда, который отеснил инсургентов и помог посадке турок на суда. И даже после этого, как писал Беннетт, инсургенты стремились преследовать и грабить несчастных беженцев⁴⁷.

Доброжелательное отношение, искреннее сочувствие, которые испытывал сэр Эрнест Натаниэль Беннетт к туркам, будут иметь продолжение: он станет турецким спецкором «Манчестер Гардиан», будет дружить с выдающимся реформатором Мустафой Кемалем Ататюрком⁴⁸ и напишет замечательную книгу о Турции, которая будет лежать на тумбочке возле умирающего Ататюрка в 1938 г.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Соколовская О. В.* Великий остров Средиземноморья, Греция и европейские миротворцы. М., 2013.

² Вскоре Германия и Австро-Венгрия отказались принимать участие в разрешении критского вопроса и их военно-морские силы ушли с острова.

³ Эмилий Джозеф Диллон (1854–1933), академик, профессор философии, иностранный корреспондент лондонской «Дейли телеграф» и проч.

⁴ Сэр Эрнест Натаниэль Беннетт (1865–1947), британский академик, политик, исследователь, писатель и военный корреспондент во время критских событий 1897 г.

⁵ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 414–415.

⁶ Department of Special Collections. Stanford University Libraries. Emil J. Dillon Papers. Автор статьи приносит свою благодарность руководству библиотеки за разрешение пользоваться материалами библиотеки и лично ее сотруднику Полли Армстронг за помощь в копировании и присылке всех отобранных мною материалов.

⁷ Department of Special Collections. Stanford University Libraries. Emil J. Dillon Papers. Box. 4. F. 10. P. 1, 2.

⁸ Ibidem.

⁹ Department of Special Collections. Stanford University Libraries. Emil J. Dillon Papers. Box. 4. F. 10. Черновики статей Э. Диллона для «Дейли телеграф» за 1897 г.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Ibid. P. 1.

¹² Канея, современное название Ханья, тогда административный центр и крупнейший порт Крита.

¹³ Department of Special Collections. Stanford University Libraries. Emil J. Dillon Papers. Box. 4. F. 10. P. 2.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibid. P. 3.

¹⁸ Ibid. P. 4.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Department of Special Collections. Stanford University Libraries. Emil J. Dillon Papers. Box. 4. F. 19. P.2.

²¹ Ibid. P. 3.

²² Ibid. P. 3, 4.

²³ Ibid. P. 4, 5.

²⁴ Ibid. P. 5.

²⁵ Ibid. P. 5.

²⁶ Мелтон Приор (1845 – 1910), один из лучших английских художников-иллюстраторов конца Викторианской эпохи, военный корреспондент.

²⁷ Department of Special Collections. Stanford University Libraries. Emil J. Dillon Papers. Box. 4. F. 19. P. 6, 7.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibid. P. 8.

³¹ Ibidem.

³² Ibid. P. 9.

³³ Вассос Тимолон (1836–1929), полковник, затем генерал-лейтенант греческой армии. Вместе с сыном Андреасом Вассосом участвовал в высадке греческих войск на Крите в помощь инсургентам весной 1897 г.

³⁴ Department of Special Collections. Stanford University Libraries. Emil J. Dillon Papers. Box. 4. F. 10. P. 6. Черновики Э.Диллона.

³⁵ Венизелос Элефтериос (1864–1936), выдающийся критский революционер и греческий политический деятель, после 1910 г. неоднократно был премьер-министром Греции.

³⁶ Department of Special Collections. Stanford University Libraries. Emil J. Dillon Papers. Box. 4. F. 10. P. 7.

³⁷ Ibidem.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Ibid. P. 8.

⁴⁰ Ibid. P.9.

⁴¹ Ibidem.

⁴² Ibidem.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Земщина. 30.07.1909.

⁴⁵ *Соколовская О. В.* Россия на Крите. Из истории первой миротворческой операции XX века. М., 2006. С. 146.

⁴⁶ Там же. Л. 71.

⁴⁷ Department of Special Collections. Stanford University Libraries. Emil J. Dillon Papers. Box. 4. F. 19. P.2; <http://mickmctiernan.com/history/the-battle-of-paleochora/>.

⁴⁸ Ататюрк Мустафа Кемаль (1881–1938), османский и турецкий реформатор, политик.

Варвара Борисовна ХЛЕБНИКОВА

«Глас Црногорца» как барометр российско-черногорских отношений конца XIX в.

После международного признания на Берлинском конгрессе 1878 г. начался новый этап в общественно-политической жизни Черногории. Предстояло создать и усовершенствовать различные государственные учреждения, сформировать систему национального образования, преодолеть культурную отсталость и изоляцию, от которых страна не могла избавиться в предыдущую эпоху. Для достижения этих целей нужны были значительные усилия как политической элиты, так и общества в целом. Особую роль в этот переломный момент должны были сыграть средства массовой информации, которым предстояло мобилизовать народ на решение сложнейших модернизационных задач. 80–90-е годы XIX в. — это время, когда журналистика в княжестве была на подъеме и проявляла повышенную активность, несмотря на отсутствие публицистического опыта в прошлом. К сожалению, век большинства черногорских периодических изданий оказывался недолгим. Литературные сборники эпохи Петра II Негоша так и остались единичными попытками начать издательскую и литературную деятельность, газетные начинания времен князя Данилы быстро прекращались из-за нехватки средств. И в последней трети XIX — начале XX вв. большинство открывавшихся газет и журналов быстро исчезали, столкнувшись с недостатком финансирования и отсутствием подготовленных журналистских кадров. Тем не менее, пресса сыграла огромную роль в рождении новой общественно-политической системы Черногории, о чем свидетельствует такой историографический

факт: историю национальной печати черногорские ученые начали изучать раньше, чем многие другие актуальные темы из прошлого княжества¹.

Тем самым историки отдавали должное средствам массовой информации, помогавшим стране выйти из состояния культурного застоя, вызванного тяжелым экономическим и политическим положением, сложившимся в XIX в.

Первое место среди черногорских журналов и газет, несомненно, занимает еженедельник «Глас Црногорца» – официальный печатный орган, выходивший с 21 апреля 1873 г. по 20 сентября 1915 г. Это едва ли не единственный пример относительного долголетия в черногорской прессе, можно сказать, исключение из правила, когда то или иное издание проживало очень короткую жизнь. Выпуск «Гласа Црногорца» был приостановлен только в 1877–1878 гг., когда шла война с Османской империей. И наоборот, из-за убийства австрийского престолонаследника в Сараево в 1914 г. «Глас Црногорца» выходил какое-то время ежедневно. После оккупации Черногории австрийскими войсками эмигранты попытались издавать свой официальный орган за рубежом, сначала в Риме, потом в Париже в 1917–1922 гг. Но с исчезновением черногорской монархии исчезло и это периодическое издание.

В настоящей статье речь пойдет о том, насколько важной для официальной прессы Черногории была русская тема, как часто и какого рода публикации, связанные с Россией, появлялись на страницах этого печатного органа, какого качества были «русские» материалы, как они отразили динамику развития официальных двусторонних отношений. Для анализа были взяты все доступные номера еженедельника с 1880 по 1899 г. Начальная хронологическая граница выбрана потому, что к 1880 г. Черногория уже более-менее оправилась от войны 1877–1878 гг., вошла в мирную жизнь. Наладилась работа государственных учреждений, а также бывшее российское консульство в Дубровнике окончательно перебралось в Цетинье и стало работать как российская дипломатическая миссия. Миссия не только поставляла в княжество официальные сведения и выстраивала политическое сотрудничество, одновре-

менно она помогала наладить культурный диалог двух стран. Заканчивается наш обзор девяностыми годами XIX в., когда стали резко ухудшаться отношения российского и черногорского правительств, правящая элита России постаралась дистанцироваться от черногорских дел, возникли серьезные финансовые трения. Тогда открылась новая страница в истории российско-черногорского сотрудничества. Выбранный для рассмотрения период можно назвать самым плодотворным в истории партнерства Российской империи и Черногорского княжества. Посмотрим, как это отразилось на страницах «Гласа Црногорца» (далее — «ГЦ»).

Сразу следует сказать, что тематика, связанная с Россией, занимала главную и почетное место в еженедельнике, хотя он старался освещать все важнейшие события европейской жизни, а также иногда обращался к американским и азиатским сюжетам.

Без труда можно заметить, даже специально не занимаясь математическими подсчетами, что русские материалы практически не сходили с полос этого издания в конце XIX в. Все публикации следует условно разделить на несколько групп, чтобы лучше понять разнообразие информации о России, доходившей до черногорских читателей. На первое место поставим официальную хронику, в которой особое внимание уделялось отношениям двух правящих Домов. Само собой разумеется, что описывались все визиты черногорского правителя и его детей в Российскую империю. Также в обязательном порядке «ГЦ» писал о визитах, которые совершали российские официальные лица и члены дома Романовых в княжество. Сообщения, как правило, сопровождалось довольно обширными редакционными статьями об истории российско-черногорских связей или приветствиями общественности в форме телеграмм, поздравительных писем, хвалебных стихотворений. Обязательно публиковались официальные заявления и обращения монархов друг к другу или к народу.

Острой темой официальной хроники стала история покушений на Александра II в 1880 и 1881 гг. По поводу преступления С. Халтурина, устроившего взрыв в Зимнем дворце в

феврале 1880 г., в № 6 от 9 февраля редакция «ГЦ» заявила, что ждет от самых просвещенных и патриотически настроенных россиян действий, которые бы избавили «всех друзей России от тревог и страхов». В № 7 было написано, что «враги» напрасно надеются на успех: «В России могут быть какие угодно мятежи, революции и перевороты, но российская государственность погибнуть не может». Давалась исключительно высокая оценка реформам Александра II, освободившего народ от крепостного права. Одновременно немало писали о сотрудниках царя, в частности о Лорис-Меликове, мероприятия которого также оценивались исключительно положительно. Понятно, что гибель Александра II в 1881 г. была описана в черногорской печати как политическая катастрофа. После траурных мероприятий и молебнов, о которых постоянно сообщалось в те дни, еще много лет редакция «ГЦ» считала своим долгом каждый год напоминать своим подписчикам о трагической смерти и выдающихся заслугах Царя-освободителя. По ощущению горя и невосполнимости утраты публикации о смерти Александра II можно сравнить только с сообщениями 1885 г. о смерти и похоронах в Петербурге дочери черногорского князя Николы Марии. «ГЦ» не забыл подчеркнуть, какие высокие почести отдали Романовы памяти юной княжны, какое уважение проявили тысячи россиян, посетившие траурные церемонии. «Это величественное доказательство братства и неразлучных дружеских связей между Черногорией и Россией», — было написано в № 18 «ГЦ» от 12 мая 1885 г.

Не только печальные, но и счастливые события в жизни Российской империи и Дома Романовых заняли почетное место на страницах еженедельника. Церемония коронации Александра III в 1883 г. стала для черногорцев делом почти домашним, так как князь Никола принял в ней участие. С гордостью газета писала о том, что из России прибыл специальный пароход «Джигит», чтобы доставить господаря на праздник. Детально освещались коронационные торжества и параллельно то, как тепло принимали в Москве черногорского монарха, сколько визитов высокопоставленных лиц было нанесено ему в этот период (1883. № 6, 18, 19, 20 и др.). Очень

подробно писал еженедельник о праздновании 900-летия крещения Руси, об участии черногорского митрополита Митрофана в торжествах, проходивших в Киеве в 1888 г. (1888. № 30, 31, 37, 38, 39). Однако восторг по поводу пребывания Николы в Москве на коронации или митрополита на юбилее Русской Православной церкви не может сравниться с той бурей эмоций, которые захлестнули редакцию «ГЦ» и, вероятно, все черногорское общество в связи с объявлениями о помолвках, а потом и о свадьбах дочерей Николы Милицы и Анастасии, вышедших замуж за членов семейства Романовых. № 21 от 21 мая 1889 г. был красным не в переносном, а в буквальном смысле, в нем сообщалось о помолвке Милицы с великим князем Петром Николаевичем. Приблизительно такие же по объему и тональности статьи были посвящены торжествам по поводу коронации русского царя Николая II и его свадьбы с принцессой Алисой. Подробное описание праздников, приемов и визитов, связанных со свадебными мероприятиями, редакция всегда сопровождала напоминаниями о непрерывавшихся связях России и Черногории, об особой близости двух стран и народов.

Второй группой публикаций «ГЦ», которая позволяет судить о русско-черногорском партнерстве, стали политические обзоры, носившие характер передовых редакционных статей. Их цель — дать читателям представления о большой европейской политике, ознакомить с ходом текущих событий, показать, какое место в этих процессах занимало Черногорское княжество. Еженедельник постоянно отслеживал и оценивал изменения, происходившие в Европе, но особое внимание, конечно, уделял Балканам. Позиция Российской империи в этих публикациях неизменно выглядит взвешенной, справедливой, направленной на защиту славянских интересов и православной веры, чем она в глазах редакции выгодно отличалась от эгоистических устремлений некоторых европейских держав, например, Австро-Венгрии или Германии. На протяжении десятилетия с завидным постоянством «ГЦ» перепечатывал из российской прессы те или иные материалы или пересказывал их в выгодном для Черногории ключе. «Новое время», «С.-Пе-

тербургские ведомости», «Московские ведомости», «Гражданин» и другие издания России использовались черногорским официальным органом для того, что держать своих читателей в курсе мировой политики. В общем, это понятно, у крохотной страны не было материальных возможностей содержать штат журналистов, которые могли бы работать за границей. Однако это приводило к некоторой несамостоятельности и даже зависимости черногорских СМИ от российской прессы. В силу таких заимствований редакция «ГЦ» вольно или невольно вставала на точку зрения российских газет, особенно национально-патриотической направленности, некритически повторяя расхожие штампы об интересах славянства и православия. Единственное, в чем можно усмотреть собственную национальную позицию, это неизменное преувеличение роли Черногории на международной сцене. Из Цетинья казалось, что внимание Европы постоянно приковано к княжеству, на самом же деле это не соответствовало действительности. Если бы редакция могла содержать корреспондентов за рубежом, она сумела бы объективнее оценить место своего отечества в системе международных отношений. Но поскольку этого не случилось, оставалось довольствоваться тем, что писали русские газеты, интерпретируя их материалы в свою пользу.

Третья группа публикаций, позволяющая судить об отношении черногорской прессы ко всему русскому, это многочисленные сообщения о культурных событиях. Несомненным достижением «ГЦ» было стремление постоянно держать своих читателей в курсе научной и художественной жизни России. На такую информацию редакция никогда не жалела места. Удивляет разнообразие заметок о событиях, происходивших в русской культуре в конце XIX в. В «ГЦ» постоянно упоминались самые знаменитые писатели и поэты России – Толстой, Тургенев, Достоевский, Гончаров, Лесков, Гиляровский и многие другие. Смерть того или иного писателя всегда была поводом для прочувствованного некролога. Нередко печатали переводы небольших повестей и рассказов, стремясь познакомить черногорцев с великой русской литературой. Давались объявления о подписке на русские художественные и обще-

ственные журналы. Отдельной темой стали пушкинский юбилей в 1899 г. и описание тех мероприятий, которые были к нему приурочены (1899. № 8, 21, 22, 23, 24, 26). Сообщалось о выставках русских художников как на родине, так и за рубежом. Несколько раз писали о гастролях за границей П. И. Чайковского. Никогда не забывали сообщить о выходе в России книг, посвященных славянам вообще и черногорцам в частности. Особое место на страницах «ГЦ» заняли сочинения русских славистов, в первую очередь П. А. Ровинского. Но с такой же любовью и уважением писали об И. С. Аксакове, А. Н. Пыпине, Н. А. Попове и др. Удивительно выглядит статья, помещенная в № 35 от 26 августа 1895 г., «Театры в Сибири». В ней рассказывается о том, что в крупных городах Сибири: Томске, Омске, Красноярске, Иркутске и даже в Благовещенске и Владивостоке есть собственные драматические и музыкальные театры. Назывались имена актеров и импресарио, суммы гонораров, которые артисты получали за гастролы. Возможно, редколлегия хотела этой публикацией привлечь внимание черногорцев к театральному искусству как таковому, так как в самой Черногории первые спектакли в «Зетском доме» состоялись именно в конце XIX в. Постоянно сообщалось о научных и общественных конгрессах в Петербурге, Москве, Варшаве и др. городах. Особое внимание было уделено строительству Транссибирской магистрали. Для еженедельника не было мелочей, его волновало все, что происходило в России. Это направление в работе «ГЦ» носило ярко выраженный просветительский характер. Сотрудники издания стремились во что бы то ни стало приобщить читающую публику к культурной жизни России, сделать ее сопричастной всему, что имело важное значение для россиян и европейцев. По сути, мы имеем дело с желанием преодолеть замкнутость, отсталость и провинциальность, создать ощущение, что черногорская культура идет в ногу со временем. В какой-то мере такое ощущение было иллюзорным, простых черногорцев вряд ли волновало творчество П. И. Чайковского. Но сама попытка свидетельствовала о высокой планке, которую ставили перед своим народом черногорские журналисты.

Наконец, стоит выделить и проанализировать ту группу публикаций, где речь идет о российской благотворительности в пользу княжества. Голод, который терзал страну из года в год, неизменно вызывал сочувствие у русского общества и желание по мере сил помочь. К чести черногорской журналистики следует сказать, что она никогда не забывала поблагодарить жертвователей, доводя до сведения читателей все, что касалось помощи из России. Назывались имена, суммы, печатались письма, которые приходили в Черногорию вместе с деньгами и продовольствием. Часто редакция подчеркивала, что россияне, приславшие деньги, сами люди небогатые и зарабатывают на жизнь тяжелым трудом. Большое впечатление на сотрудников «ГЦ» производила география тех мест, откуда приходили пожертвования. Жители Петербурга и Москвы, Украины и Прибалтики, Сибири и Дальнего Востока высылали деньги для голодающих. Каждая отдельная сумма была невелика, но вместе получались очень солидные по меркам Черногории капиталы. Благодаря им у народа создавалось ощущение поддержки и солидарности, отступали чувства отчаяния и одиночества. Заметки о том, как стекалась из разных уголков России помощь бедствующим черногорцам, не сходили со страниц еженедельника на протяжении долгих лет.

Также внимательно «ГЦ» отнесся к трудной работе россиян, прибывших в княжество для выполнения тех дел, которые были не под силу самим черногорцам. Добрые отзывы на страницах издания мы найдем о русских медиках и топографах, работавших в княжестве после войны 1877-1878 гг. Много хвалебных слов было адресовано русским дипломатам, особенно А. С. Ионину, К. И. Аргиропуло, П. Д. Вурцелю. Часто приезд дипломата из отпуска в Цетинье выливался в дружескую демонстрацию под окнами миссии, иногда завершавшуюся исполнением российского и черногорского гимнов. Славист П. А. Ровинский был постоянным героем культурной хроники «ГЦ». Особенно трогает статья, посвященная его отъезду в Россию в 1885 г., когда исследователь собирался опубликовать первый том своего труда «Черногория в ее прошлом и настоящем» (1885. № 50, 22 декабря). Тогда были выбраны специ-

альные представители из разных уголков княжества, чтобы принять участие в торжественном обеде по случаю отъезда ученого. Не забывал еженедельник и о работе Мариинского женского института и его начальницы С. П. Мертваго. Только самые высокие оценки ее многолетней просветительской работы, только хвалебные отзывы о ней находил читатель на страницах «ГЦ». Эти материалы позволяют исследователям скорректировать оценки, довольно часто встречавшиеся в донесениях сотрудников российской миссии в Цетинье. Бывало, уставшие от политических интриг и раздосадованные некомпетентностью черногорских властей дипломаты горько жаловались на неблагодарность князя Николы и его окружения, высказывали опасения, что Черногория — не такой уж верный союзник, как было принято думать в Петербурге. Но анализ содержания статей «ГЦ» показывает, что нельзя было упрекать в ненадежности черногорский народ. С помощью своих журналистов он выразил самую глубокую признательность России и русским за братскую помощь.

В заключение хочется отметить, что «ГЦ» — это барометр общественной и культурной жизни княжества конца XIX в., который точно показывал «давление» России на Черногорию. Под «давлением» имеется в виду не политический или финансовый нажим, не стремление контролировать и руководить, часто демонстрировавшееся правящими кругами империи. Под «давлением» в данном случае подразумевается то значительное влияние, которое оказывало русское общество на черногорцев самим фактом своего участия в судьбе небольшого славянского народа. Не ставя никаких конкретных политических задач, представители самых разных слоев русской нации сочувствовали, давали черногорцам моральную поддержку в сложный период становления их государственности. А информация, плотным потоком шедшая из русских изданий, заметно обогащала культурную жизнь княжества, устраняла атмосферу изоляции, от которой в течение многих десятилетий страдала страна. Материалы российской печати помогали черногорцам преодолеть отсталость в сфере науки, образования, искусства. Можно упрекнуть черногорскую

журналистику в определенной подражательности иностранной, в частности, русской прессе. Но, с другой стороны, это была своеобразная профессиональная школа — черногорские издатели и публицисты, не имевшие, как правило, специальной подготовки, обучались своему делу на практике, на ходу и добивались неплохих результатов.

Примечания

¹ Вуксан Д. Преглед штампе у Црној Гори 1834–1934. Цетиње, 1934; Шоћ П. Прилози за културну историју Црне Горе. Београд, 1939; *Мариновић Н. С.* Народно стваралаштво у црногорским часописима // Гласник Етнографског музеја на Цетињу. 1961. Књ. 1. С. 197–217; *Мариновић Н. С.* Развитак штампе и штампарства у Црној Гори од 1493–1945. Београд, 1965; *Пејовић Ђ.* Развитак просвјете и културе у Црној Гори 1852–1916. Цетиње, 1971; *Шуковић Р.* Црногорски алманаси и календари (1835–1914). Цетиње, 1980.

Наталья Григорьевна СТРУНИНА-БОРОДИНА

Никола Петрович-Негош на страницах журнала «Нива»

Источником для данного исследования мы выбрали Санкт-Петербургский еженедельный иллюстрированный журнал «Нива», издававшийся на протяжении 48 лет – с 18(30) декабря 1869 г. по сентябрь 1918 г. «Нива» позиционировала себя как литературный журнал для семейного чтения. Журнал был самым популярным в дореволюционной России. К примеру, если популярными и пользующимися успехом у читателей в то время были издания с тиражом уже в 1000 экз., то тираж «Нивы» только в первый год издания (1870 г.) равнялся 9000 экз. (что было в два раза больше, чем тираж любого популярного «толстого» ежемесячника с солидным опытом издания, будь то «Отечественные записки», «Русский вестник» или «Вестник Европы», – но эти издания были заведомо дорогими). По количеству подписчиков «Нива» опередила в то время даже ежедневную прессу. В 1877 г. тираж «Нивы» составил 30 тыс. экз., в 1878 г. – 43 тыс. экз., в 1886 г. – 102 тыс. экз., к началу 1900 г. – более 235 тыс. экз., а к 1917 г. тираж этого наиболее распространенного еженедельника дореволюционной России достиг 275 тыс. экз.¹

Такую популярность «Нивы» можно объяснить не только тем, что, за отсутствием телевидения и интернета, люди в основном черпали информацию из газет и журналов, а страницы «Нивы» изобиловали красочными иллюстрациями и фотографиями, что, безусловно, дополнительно привлекало читателей. Помимо этого, на страницах данного еженедельника публиковались также труды многих популярных тогда писателей различных направлений. Среди них были Д. В. Аверкиев, П. Д. Боборыкин, И. А. Гончаров, Д. В. Григорович, Г. П. Данилевский,

Н. С. Лесков, А. Н. Майков, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Д. С. Ме-режковский, Василий и Владимир Немирович-Данченко, Я. П. Полонский, И. Н. Потапенко, Е. А. Салиас, К. К. Случевский, Вс. С. Соловьев, К. М. Фофанов. В 1890-е годы «Нива» опубликовала роман Л. Н. Толстого «Воскресение» (1899 г.), несколько рассказов А. П. Чехова, произведения К. Д. Бальмонта, И. А. Бунина, позднее А. А. Блока, К. И. Чуковского и др.²

Если сравнить «Ниву» с иностранными изданиями, то по числу подписчиков, например, в 1904 г. «Нива» уступала лишь «Illustrated London News». (До этого такой успех имели лишь единичные иллюстрированные журналы Англии, Германии, Франции и США³.)

В данной статье мы проследим и проанализируем, какую информацию российский читатель находил на страницах журнала в XIX – начале XX вв. о такой выдающейся и неоднозначной личности, как Никола Петрович-Негош.

Черногорский князь (с 1910 г. – король) Никола – деятель, который бесспорно заслуживает глубокого исследования⁴. Вступив на черногорский престол в 1860 г. 19-летним юношей, он возглавлял страну без малого 60 лет. Именно при нем Черногория стала международно признанной политической единицей и из «кучки камней» превратилась в маленькое европейское королевство – естественно, не без помощи России. За время правления Николы Петровича-Негоша на российском престоле смелось три императора, и с каждым из них Никола был в хороших, дружеских отношениях.

По результатам Берлинского конгресса 1878 г. Черногория получила международное признание независимости. Император Александр II также оказывал княжеству помощь в открытии учебных заведений, для чего выделил специальную субсидию и направил преподавательский состав⁵. Александр III поставил черногорскую династию Петровичей-Негошей на один уровень с именитыми династиями Европы, устроив бракосочетания дочерей Николы Петровича со своими двоюродными братьями (напомним, что после браков Петровичей с Романовыми и династия Савойских заключила династический брак с Петровичами-Негошами). Таким образом, была призна-

на равнородность* черногорской династии. А знаменитый гост Александра III в честь черногорского князя, прогремевший на весь мир, имел эффект «разорвавшейся бомбы». Император Николай II почти в 10 раз увеличил субсидию Черногории, сумма которой лишь на военные расходы была близка к миллиону рублей перед Первой мировой войной⁶.

В связи с тем, что в российской дореволюционной прессе широко освещались как многие балканские события, так и деятельность Славянского благотворительного комитета⁷, у российского читателя были на слуху Черногория и Никола (или на русский манер – Николай) Петрович-Негош.

Итак, что же российские читатели «Нивы» узнавали об этой маленькой балканской стране и ее правителе?..

Статьи, посвященные Николе Петровичу, были зачастую связаны с его визитами в Россию. Это в первую очередь 1889 год, когда российский император назвал черногорского князя «единственным верным другом» и династия Романовых породнилась с Петровичами-Негошами. Разумеется, династические браки готовились заранее. С января 1889 г. черногорских принцесс постоянно приглашали на различные мероприятия, проводимые как в тесном семейном кругу императора, так и в более широком кругу приближенных особ⁸. Вероятно, по «заказу сверху», уже в самом начале 1889 г. «Нива» печатает статью «Князь Николай Черногорский», где вкратце знакомит читателя с героической историей Черногорского княжества, отвагой народа, климатическими условиями Черногории и, главное, ее правителем⁹. В статье особо подчеркивались образованность и даже поэтический дар Николы, а также были представлены три его стихотворения, посвященные: жене, княгине Милене, старшей дочери Зорке и третья – дочери Стане (Анастасии)**.

Весной 1889 г. Никола Петрович-Негош прибыл в Петербург, а 18 мая во дворце состоялся званый ужин в честь чер-

* Термин заимствуем у Л. В. Кузьмичевой. См.: *Кузьмичева Л. В.* Балканские принцессы в семье европейских монархов (к вопросу о признании равнородности черногорской и сербской династий) // Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX вв.). СПб, 2007. С. 342–373.

** См. приложение № 1.

ногорского гостя. Тогда император Александр III и произнес знаменитый тост: «Пью за единственного верного друга России – черногорского князя Николая»¹⁰. Эти слова российского императора облетели всю Европу, если не весь мир, и везде имели свои трактовки и реакцию. В специальной статье «Единственный верный друг России» «Нива» подробно рассказывала своим читателям об отношении к тосту императора Александра III европейской общественности, цитируя европейскую прессу. Некоторые газеты выражали сильные опасения, другие же наоборот – радость. Германоязычная венгерская газета «Pesther Lloyd» выпустила огромную статью, посвященную речи императора и всем ее последствиям. Газета, однако, не решилась критиковать Россию, но направила ряд угроз в адрес черногорского князя. «Друг Австро-Венгрии не имеет никаких серьезных оснований для того, чтобы быть непременно врагом России, потому что Австро-Венгрия не имеет никаких серьезных оснований для того, чтобы стать противником России, но совершенно наоборот, верный друг России, в виду известных обстоятельств, ни в каком случае не может не быть самым решительным врагом Австро-Венгрии», – писала газета. В конце статьи «Pesther Lloyd» предостерегал князя: «Поэтому-то мы и считаем не лишним напомнить князю Черногорскому, что, вернувшись в свое отечество, он будет находиться довольно далеко от своих русских покровителей, но зато непосредственно близко от австро-венгерской границы»¹¹.

Сербский «Дневни лист» посчитал подобные высказывания лишь свидетельством того, что «петергофский тост нагнал на европейскую лигу мира, а в особенности на миролюбивую Австро-Венгрию, такой страх, как будто русские войска выступили уже в поход»¹².

В славянских странах тост в честь черногорского князя вызвал искреннюю радость, как, к примеру, в Чехии и Сербии. Сербские газеты писали множество одобрительных статей по этому случаю, однако бытовало мнение, что «если дело дойдет до борьбы, то факты покажут, что есть еще другие друзья, готовые участвовать в войне за святое славянское дело»¹³. А мнение брюссельской газеты «Nord» было таково, что Черно-

горя заслужила признание «единственного искреннего друга России», так как последняя со стороны многих народов встретила неблагодарность вместо признательности, и «только маленькое, но героическое княжество Черногорское проявляло к России непоколебимую и преданную любовь», поэтому «князь Николай и его народ занимают привилегированное место в сердце каждого русского», о чем и был сказан тост, прозвучавший в семейном кругу при вступлении в родственный союз князя с императором Александром»¹⁴.

На вышеупомянутом ужине было объявлено о помолвке черногорской принцессы Милицы Николаевны и великого князя Петра Николаевича Романова.

В № 24 «Нивы» за 1889 г. (в разделе «Разные известия» под заголовком «Придворные известия») сообщалось, что вскоре, 23 мая 1889 г., великий князь Петр Николаевич Романов, сопровождая свою невесту и ее отца, отправился из Санкт-Петербурга в Киев, чтобы получить там благословение у своей матери, великой княгини Александры Петровны. После этого обрученные отправились в Черногорию, куда прибыли 20 июня 1889 г. Петра Николаевича встретили в Цетинье с большим воодушевлением¹⁵. Портреты великокняжеского жениха и его черногорской невесты российские читатели увидели в № 30 журнала «Нива»*. Радость черногорцев еще более возросла после того, как 25 июля того же года было объявлено об обручении другой дочери князя Николы — Станы — с внуком (по дочери) императора Николая I, Георгием Романовским, герцогом Лейхтенбергским. Их портреты также были напечатаны в «Ниве» в № 34**.

26 июля в Петергофе состоялось венчание Милицы и Петра, на котором присутствовала вся царская фамилия¹⁶.

В связи с этими торжественными событиями черногорский князь удостоился чести — император России назначил его шефом 15-го Стрелкового полка, который героически отличился во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Это был очень высокий знак отличия. Кстати, Милица и Анастасия,

* См. приложение № 2.

** См. приложение № 3.

ставшие впоследствии великими княгинями, носили звание почетных офицеров русской армии¹⁷.

Коснемся 1896 года. Тогда в мае состоялись коронационные торжества, на которые в Москву прибыло множество иностранных гостей, в том числе и черногорский князь. «Нива» подробно освещала эти события, печатались подробные описания торжеств, фотографии императорской четы, всех гостей и представителей иностранных государств¹⁸, среди которых были также фотографии Николая Петровича и его сына, черногорского престолонаследника Даниила¹⁹. Помимо того, «Нива» давала и краткие справки о каждом госте. Так, о черногорском князе говорилось, что он родился в Негоше 25 сентября 1841 г., «получил свое образование в Триесте и Париже и известен своими литературными трудами, главным образом поэтическими». «Нива» не забыла упомянуть и о династических браках Петровичей-Негошей с Романовыми. О наследном черногорском принце сообщалось, помимо прочих сведений, что «князь Даниил принимает участие в государственном управлении своей страны, состоя председателем государственного совета», также отмечалось, что он состоит на русской службе в чине полковника²⁰.

В том же 1896 г. еженедельник освещал, как проходят торжественные мероприятия по случаю коронации Николая II в различных мировых столицах. В статье «Празднование 14 мая 1896 г.», в разделе «За границей», упоминались и Балканы: «Радостно проведен был день 14 мая и во всех трех славянских государствах – Сербии, Болгарии и Черногории, а также и в Румынии»²¹.

На следующий год «Нива» также сообщала читателям о Черногории. В январском номере (№4) была опубликована большая статья о черногорском княжестве с 6 иллюстрациями черногорской столицы, г. Цетинье, и фотографией Николая Петровича*. Публикация была приурочена к празднованию 2 января 1897 г. в Цетинье двухсотлетия княжения в Черногории рода Петровичей-Негошей. Юбилейная дата выпадала на сентябрь 1896 г., однако князь решил перенести

* См. приложение № 4.

торжества на новогодние праздники, чтобы избежать лишних расходов в связи с постигшим Черногорию страшным наводнением. Как писала «Нива», Никола Петрович решил «не устраивать особого празднования двухсотлетия княжения своего рода, а ... придать ему скромный национальный характер, приурочив празднование именно ко 2-му января»²², когда по черногорскому обычаю в Цетинье съезжалась масса народа со всего княжества, в том числе воеводы и старейшины, чтобы принести князю свои поздравления с Новым годом. Празднование ограничилось литургией и панихидой по основателю династии Петровичей-Негошей, владыке Данииле I, останки которого были выставлены накануне в кафедральном соборе. «После панихиды члены княжеского дома и генералы пронесли гроб с прахом ... Даниила I к памятнику, воздвигнутому в честь его»²³. При этих событиях присутствовала вся княжеская фамилия и дипломатический корпус, а также черногорские сановники и воеводы. В торжественной речи князя Николы было традиционно сказано о двухвековой борьбе с турками, о неизменной верности князя заветам предков, а также Никола «благодарил могущественный братский русский народ за его благоволение и покровительство, равно как и дружественных государей и народы, и в заключение дал обещание посвятить свою жизнь своему народу». Речь князя вызвала неописуемый энтузиазм²⁴.

В этой же статье в «Ниве» были даны краткие исторический, географический и социально-экономический очерки Черногории, а также описана история установления двусторонних отношений — императором Петром I с черногорцами во главе с владыкой Даниилом I — и последующее их развитие при представителях династии Петровичей.

В этой всеобъемлющей статье о Черногории журнал давал своим читателям яркое представление о черногорском княжестве, самом князе и простом народе. Прочитируем некоторые отрывки, касающиеся черногорской столицы и особенностей народной жизни черногорцев: *«Во все время своего существования Черногория беспрестанно воевала, отстаивая свою самостоятельность, и не удивительно, что и до сих пор столица*

ее — Цетинье, как верно выразился один французский путешественник, — не город, не деревня, а просто укрепленный лагерь. Вся Черногория — это одна неприступная крепость, князь — ее комендант, а Цетинье — не более, как резиденция этого коменданта. Воинственный в душе, по самому складу истории своей страны, черногорец презирает мирный труд; работают только женщины. Женщины в Черногории занимаются и всеми полевыми работами, и им, главным образом, страна обязана тем, что небольшие клочки земли, попадающиеся на крутых оврагах и среди скал, превращаются в плодоносные поля. Культура до сих пор не могла поколебать этой вековой непривычки народа к ремесленному труду»²⁵. И далее в статье говорится о супруге черногорского князя: «Княгиня Милена, дочь воеводы Петра, славящаяся до сих пор своей красотой, в домашней жизни ничем не отличается от остальных черногорок. Подобно всем матерям-черногоркам, она — полная хозяйка дома и бесконтрольно и самолично управляет хозяйством»²⁶.

«Что касается жизни княжеской семьи, — пишет далее автор статьи о Черногории, — то она мало чем отличается от жизни прочих черногорских семей. Все просто, даже патриархально. Утром князь принимает доклады секретарей и министров и делает распоряжения по текущим делам, затем выслушивает просителей — каждый черногорец имеет доступ к своему князю и всегда найдет у него защиту себе. Затем князь работает и в свободное время предпринимает прогулки верхом или в экипаже. Впрочем, в экипаже князь стал ездить лишь с недавнего времени. Главная причина этому та, что в Черногории не было дорог в истинном значении слова; они начали устраиваться только с 1880 г., и вдруг, в один прекрасный день, жители Цетинье увидели своего князя с семьей в роскошной коляске и не верили своим глазам. Этот экипаж с богатой упряжкой был подарен князю императором австрийским Францем-Иосифом. Но князь предпочитает ездить верхом, и ежедневно можно видеть его в окрестностях Цетинье, в сопровождении сына или кого-то из министров»²⁷.

Благодаря такой разнообразной, яркой информации российские читатели могли легко представить себе устройство

жизни в Черногории, особенности быта простых черногорцев и получить сведения о черногорском правителе и его семье.

Далее обратим внимание, какую информацию еженедельник «Нива» давал своим читателям о Черногории и ее князе в 1902 г., когда Никола Петрович вновь приезжал в Петербург. Интересно, что в этот год «Нива» не сообщала никаких сведений о визите князя. Однако в № 13 за 1902 г. все же было освещено одно событие, связанное с Николой, — это помолвка его второго сына — княжича Мирко и Наталии Константинович*, представительницы сербской династии Обреновичей. Освещение этого события «Нивой» имело целью показать сближение правящих домов двух соперничающих югославянских стран. В статье, посвященной помолвке Мирко и Наталии, говорилось много лестных слов о черногорском княжиче, отмечались его литературные таланты, которые всячески поощряются и ценятся его отцом, князем Николой, отмечалась популярность княжича среди всего сербского народа, который именуется его настоящим юнаком²⁸.

1910 год был богат на статьи, посвященные Черногории и ее правителю. Как известно, с одобрения России, Черногория была провозглашена королевством, а Никола Петрович-Негош — королем. Однако не все «черногорские» статьи журнала воспевали новопровозглашенное королевство и славили короля. Еженедельник не забывал и об образе простого народа, в данном случае — простого черногорца, своеобразие и патриархальность быта которого были в диковинку российскому читателю. Так, описывая быт черногорцев, «Нива» в № 28 за 1910 г. поместила гравюру «Черногорцы, возвращающиеся из набега»* (автор П. Иванович), а в описании к изображению говорилось, что это «колоритная иллюстрация народной жизни этого своеобразного славянского племени, быт которого невольно напоминает о древней Спарте. Возвращение из набега — праздник для жителей Черногории. Возвратившиеся из удачного похода воины несут богатую добычу и ведут заложников, за которых получают богатый выкуп»²⁹.

* См. приложение № 6.

Однако, возвращаясь к главной теме «черногорских» статей 1910 г., следует упомянуть большую статью «Нивы» в № 34 под названием «Никола I, король Черногорский», к которой прилагались и портреты черногорской королевской четы*. *«15 августа в родственной нам по национальным связям Черногории, — читаем мы в статье, — совершилось большое торжество: в этот день чествовалось 50-летие княжения Николая I, владыки Черногории, и вместе с тем 50-летие со дня его бракосочетания с княжной Миленой. Черногорская скупщина в чрезвычайном собрании поднесла князю Николаю титул короля Черногории...».* (Фотографии самих торжеств «Нива» напечатала в № 37**.) Далее, помимо краткой биографии правителя, исторического очерка о его правлении, ведении им борьбы против турецкого владычества, в результате которой при помощи России княжество получило независимость и «для маленькой Черногории настали дни торжества», отмечалась необыкновенная популярность Николая Петровича в балканских странах. «Нива» подчеркивала его огромные заслуги перед родиной: *«Для Черногории ... это настоящий Петр Великий, реформатор и реорганизатор всей жизни в стране, как политической, так и внутренней. Человек с огромной силой воли, с колоссальной энергией и наделенный притом несомненной и яркой талантливостью, Николай I буквально создал нынешнюю Черногорию, поставив ее политическое значение в ряду других балканских держав»³⁰.*

В статье описывались все заслуги черногорского правителя, начиная с того, что он пытался вести мирную политику и «всецело был поглощен идеей национального сближения с Россией». Деятельность Николая выразилась в том, что в период его правления «имя России и русских стало дорого и мило для черногорцев». Более того, пишет «Нива», черногорцы считают себя родными братьями русских и гордятся этим родством. *«Некий черногорец на вопрос путешественника: «Сколько вас всего, черногорцев?» — не обинуясь, ответил: «Около ста миллионов». — «Неужели?» — иронически переспросил ту-*

* См. приложение № 7.

** См. приложение № 8.

рист. — «*Ну, да. Нас и русских*», — *пояснил черногорец*»³¹. Такое отношение к России у большинства черногорцев в крови, однако укоренению этих чувств в простом черногорском народе во многом способствовал князь Никола. По нашему мнению, это справедливо, ведь без помощи России Черногории не удалось бы добиться того положения, которое она стала занимать в начале XX в. (Вспомним отдельно большой, отнюдь не бескорыстный интерес, который питали к этой маленькой балканской стране Италия и Австро-Венгрия, боровшиеся за преобладающее влияние в регионе в начале XX в.)

Итак, вернемся к статье о короле Николе. Ее по сути можно назвать настоящим панегириком в честь черногорского правителя. Он воспевается как реформатор и просветитель Черногории, выведший ее на европейский уровень. И действительно, после Берлинского конгресса и признания Черногории независимым государством Никола принялся за основание в стране институтов власти, министерств, по образцу остальных европейских государств³². Подчеркнем, однако, что это было возможно лишь при всесторонней помощи России³³. Так, в период его правления в Черногории прокладывались дороги, строились школы, открывались новые рынки. При нем возник благоустроенный черногорский порт Антивари (совр. Бар. — *Н. С.-Б.*) и была проведена железная дорога к озеру Скутари. Черногорские города украшались новыми богатыми постройками. «Нива» считала главным большим, весьма значимым для страны достижением Николы введение в Черногории «Законника» — кодекса гражданского права и Устава — конституции, что также было сделано благодаря помощи России.

И снова «Нива» напоминала о литературной деятельности новоиспеченного короля: «Он талантливый поэт», — писал автор статьи и перечислял некоторые из его творений, большинство которых было посвящено истории черногорского народа. Наиболее известные из его произведений — «Поэт и вила», трагедия «Вукашин», драма «Балканская царица» (она была переведена на русский язык и вышла в 1896 г. в Петербурге, там же была осуществлена театральная постановка). Боль-

шинство стихотворений Николы были переведены на другие славянские языки, в том числе на русский язык.

Благодаря таким сведениям, предоставляемым «Нивой», у российского читателя в отношении Черногории складывался идеализированный образ своеобразной «балканской Спарты», крепили романтические представления о героизме черногорцев и рыцарских качествах черногорского короля. Это позволило впоследствии устраивать в пользу черногорцев (а также сербов и болгар) весьма успешные кружечные сборы в период Балканских войн 1912–1913 гг. и Первой мировой войны 1914–1918 гг. Славянским женщинам-балканкам был также посвящен самый знаменитый и любимый россиянами военный марш «Прощание славянки» В. И. Агапкина, написанный в 1912 г., который до сих пор закрывает Парады Победы на Красной площади.

Примечания

¹ Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. М., 1968. С. 254–255.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Личность черногорского правителя исследовали в своих трудах отечественные специалисты – акад. Ю. А. Писарев, Н. И. Хитрова, В. Б. Хлебникова. См. напр.: *Писарев Ю. А. Шесть десятилетий на троне. Черногорский монарх Николай Петрович-Негош // Новая и новейшая история. 1991. № 6; Хитрова Н. И. Россия и Черногория в 1878–1908 годах. М., 1993. Ч. 1, 2; Хлебникова В. Б. К вопросу о месте династических связей России и Черногории во внутренней и внешней политике на рубеже XIX–XX вв. (Рукопись) и др.*

⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 146 (Славянский стол). Оп. 495. Д. 9074. Л. 13–13 об. (Фактические данные о Маринском женском институте в г. Цетинье.); Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 669. (Великая княгиня Милица Николаевна) Оп. 1. Д. 98 (Учебный план (программа) школы для девочек в Цетинье (Черногория) на сербском языке, типографический экземпляр. 1880). Л. 1–6.

⁶ АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9152 – Черногория. Пособие от Русского правительства. Л. 169–173 – Об установлении денежной субсидии Черногории. Извлечение из рукописи П. А. Ровинского. 1908 г.

Также см. *Jovanović R. Les relations politiques entre le Montenegro et la Russie (1711–1918) // Le Montenegro dans les relations internationales. Titograd, 1984. P. 15–55; Хитрова Н. Предисловие к сборнику документов «Потапов Н. М. Русский военный агент в Черногории. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг.». Т. I. Подгорица – М., 2003. С. 15–25; Хитрова Н. И. Россия и Черногория в 1878–1908 годах. Ч. 1. М., 1993. С. 111–125; Бобовић-Распоповић С. Руски утицај на културно-просветну политику династије Петровић-Његош // Династија Петровић-Његош. Т. II. Подгорица, 2002. С. 407–412.*

⁷ Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960.

⁸ Библиотечно-архивное отделение народного музея Черногории (Библиотечно-архивско одељење Народног музеја Црне Горе, далее – БАОНМЦГ). Ф. Краља-Николе. Фасц. 1889 г. 18. I. 1889. – Телеграмма черногорскому князю от дочери Зорки из г. Риеки.

⁹ Нива. №2. 1889. С. 52.

¹⁰ Нива. №24. 1889. С. 614.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 615.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ БАОНМЦГ. Ф. Краља Николе. Фасц. 1889 г. 26. VII. 1889. – Буклет с воззванием Александра III к русскому народу о бракосочетании великого князя Петра Николаевича и Милицы Николаевны 26 июня 1889 г.; Там же. Фасц. 1889. 25. VII. 1889. – Брачный договор черногорской княжны Милицы Николаевны Петрович-Негош и великого князя Петра Николаевича Романова.

¹⁷ Jovanović R. Op. cit. P.49.

¹⁸ Нива. 1896. № 21. С. 533–534.

¹⁹ Нива. 1896. № 21. С. 540–542 – Августейшие гости и представители иностранных держав на торжествах священного коронования их величеств в Москве.

²⁰ Нива. 1896. № 21. С. 542.

²¹ Нива. 1896. № 21. С. 540.

²² Нива. 1897. № 4. С. 83.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 85.

²⁶ Там же.

²⁷ Нива. 1897. №. 4. С. 85–86.

²⁸ Нива. 1902. № 13. С. 254.

²⁹ Нива. 1910. № 28. С. 508.

³⁰ Нива. 1910. № 34. С. 602.

³¹ Там же.

³² Хлебникова В. Б. Некоторые особенности развития черногорской государственности в последней трети XIX – начале XX вв. // *Prospice sed respice: проблемы славяноведения и медиевистики: сборник научных статей в честь 85-летия профессора Владимира Александровича Якубовского*. СПб, 2009. С. 203–219.

³³ Подробнее см.: Струнина Н. Г. Никола Петрович-Негош и его дочери – русские великие княгини Романовы // *Черногорцы в России*. М., 2011; *Она же*. К вопросу о влиянии России на систему образования в Черногории в конце XIX – начале XX вв. // *Славяне и Россия. К 110-летию со дня рождения С. А. Никитина*. М., 2013; *Она же*. Из истории российско-черногорских отношений: визиты Никола Петровича-Негоша в Россию // *Славянский альманах*: 2012. М., 2013; *Она же*. Никола Петрович-Негош как преемник Петра II Петровича-Негоша // *Петар II Петрович-Негош – митрополит, реформатор, поэт. К 200-летию со дня рождения*. М., 2013.

Приложение 1.*«Нива». 1889. № 2. С. 52–53.***Моей Царице**

Если б, идя полем жизни,
Собирал я те цветы
(Тонкий запах их впивая),
Что по нем сажала ты,

Создал бы я нечто выше,
Нечто ярче и сильней, —
Написал такую книгу,
Что подобья нет для ней...

Я воспел бы много лучше,
Доблесть, мудрость, доброту,
Чувства женские вознес бы
На большую высоту

И в венец тот вплел бы также
Женщин к родине любовь —
Что мужской ничуть не меньше,
Но проникла глубже в кровь.

И на нем, как на скрижалях,
Начертил бы я подряд
Все души твоей алмазы —
Лучший царственный наряд.

Моей Зорке

Не все то золото что ярко,
И трон не место для покоя:
Поверь, дитя, там счастья мало
Иль даже нечто есть иное.

Короны блеск мешает видеть,
Что терния под нею скрыты.
О короле вполне счастливом
Рассказ хоть в сказке отыщи ты.

Но счастлив истинно – кто мирно
В своем углу трудиться знает,
Идя святым путем Господним,
Как человеку подобает.

Княжне Стане

Точно ты из улья пчелка
Иль из садика цветочек;
Не с росой ли к нам ты пала,
Хлеба доброго кусочек?

Мимовольно ты чаруешь
Грациозной простотою,
И твой милый, кроткий образ
Переполнен добротою.

Будь, дитя, верна портрету, –
Так не прочно все другое!..
Коль добра ты, верь, доступно
Для тебя и все благое.

И заметь ты в этой книге,
Что было с Даницей* в жизни:
Чем способна черногорка
Милой жертвовать отчизне».

Никола Петрович-Негош

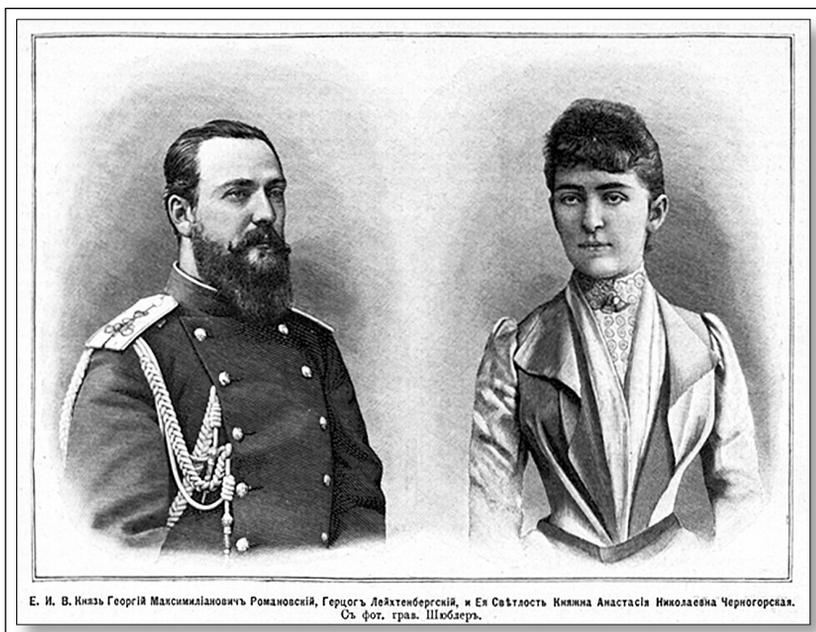
* Даница – главная героиня драмы «Балканская царица».

Приложение 2.
«Нива». 1889. № 30. С. 760.

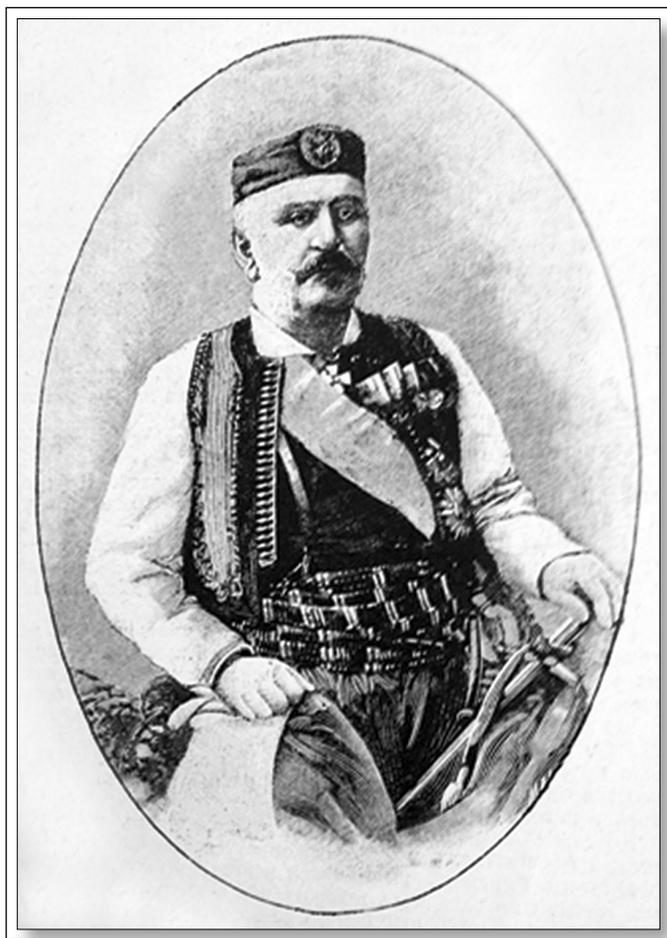
*Черногорская принцесса Милица Николаевна Петровиц-Негош
и русский великий князь Петр Николаевич Романов*

Приложение 3.
«Нива». 1889. № 34. С. 860.

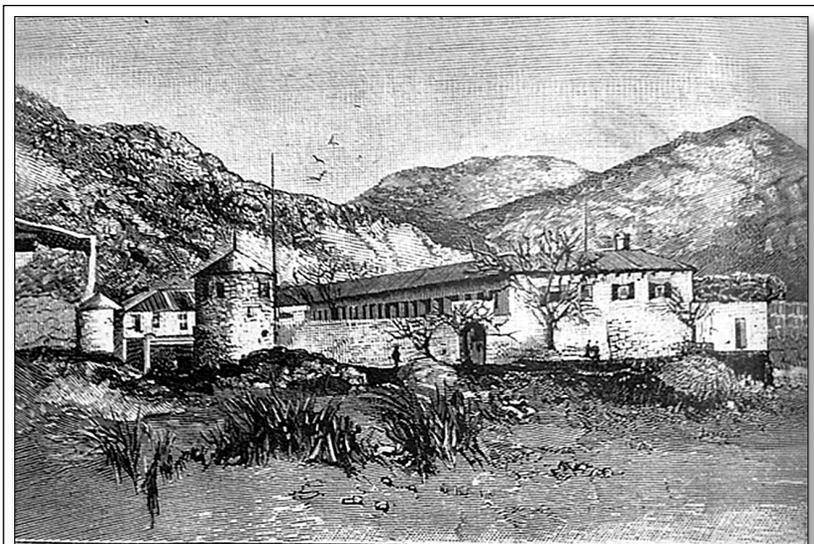

*Князь Георгий Максимилианович Романовский и его невеста
черногорская княжна Анастасия Николаевна Петрович-Негош*

Приложение 4.
«Нива». 1897. № 4. С. 84–86.

*Черногорский князь
Никола Петрович-Негош*

Старый дворец князей черногорскихъ. По рис. I. L. N. грав. Шюблеръ

Старый княжеский дворец в черногорской столице г. Цетинье

Дворец князя черногорскаго въ Цетинье. По рис. I. L. N. авторнія „Нивы“.

Новый дворец князя Николая Петровича-Негоша

Приложение 5.
«Нива». 1902. № 13. С. 254.

*Черногорский княжич Мирко Петрович-Негош
(второй сын князя Николы) и его невеста,
представительница сербской династии Обреновичей,
Наталия Константинович, 1902 г.*

Приложение 6.
«Нива». 1910. № 28. С. 506.

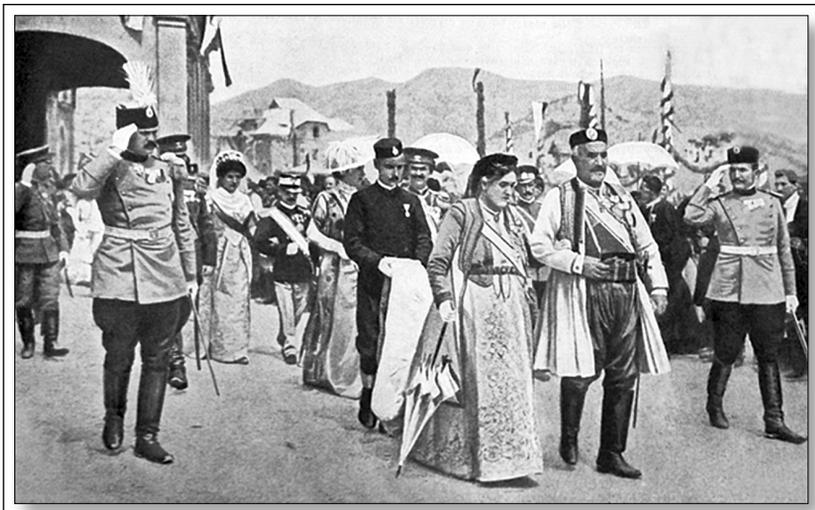
Черногорцы, возвращающиеся изъ набега

Приложение 7.
«Нива». 1910. № 34. С. 601.

*Черногорский король
с супругой королевой Миленой*

*Приложение 8.
«Нива». 1910. № 37. С. 649.*

*Юбилейные торжества в столице Черногории г. Цетинье.
Черногорский король Никола Петрович-Негош
с супругой королевой Миленой,
русская великая княгиня Анастасия Николаевна Романова
под руку с итальянским королем Виктором-Эммануилом III,
черногорский престолонаследник Данило Петрович-Негош
с королевой Еленой итальянской*

Петр Ахмедович ИСКЕНДЕРОВ

Российская и европейская пресса о событиях в Албании (конец XIX – начало XX вв.)

Подъем национально-освободительного движения албанского народа со второй половине XIX в. превратил албанский фактор в один из ключевых на Балканах и в Европе в целом. Неудивительно, что российская печать стала проявлять растущий интерес к положению дел в Албании и других албанонаселенных районах Балкан. И хотя албанская тематика на страницах российских газет закономерно уступала по своим объемам сербской, черногорской или болгарской – она позволяла читателю получать необходимую информацию о происходящем в Албании и вокруг нее и оценивать перспективы развития ситуации.

В этой связи показательной является проблематика российских публикаций, посвященных Албании и албанцам. В отличие от подавляющего большинства западноевропейских и американских газет, в центре их интереса находились не международные аспекты, а, в первую очередь, внутривнутриполитические сюжеты. Российских журналистов особенно интересовали расстановка сил в албанском лагере, программные цели албанского национально-освободительного движения, их взаимоотношения с центральными и местными властями Османской империи – в то время как их коллеги из Западной Европы и США в основном занимались анализом международных аспектов албанской проблемы, рассматривая ее в качестве «яблока раздора» между великими державами (в первую очередь, между Австро-Венгрией и Италией).

Подобная существенная дифференциация проявилась уже в освещении истории Албанской (Призренской) лиги, дейст-

вовавшей в 1878–1881 г. Российская печать анализировала в первую очередь программные положения данной организации, поставившей своей целью борьбу за освобождение и объединение албанцев. Как подчеркивала, в частности, газета «Голос», Албанская лига «приняла в последнее время характер национальный, имеющий целью домогаться образования автономного Албанского княжества, которое бы находилось только под верховной властью султана»¹.

Российские журналисты, публицисты, эксперты искренне пытались разобраться в сущности незнакомого им и стремительно набиравшего влияние албанского вопроса, понять его истоки, перспективы и влияние на балканскую политику России. Приведем характерную в этой связи цитату из корреспонденции российского журналиста Вас. И. Немировича-Данченко, прозорливо подчеркивавшего в феврале 1878 г. (в разгар переговорного процесса по балканскому урегулированию): «Мы так или иначе разрешили вопрос болгарский, но на смену ему выдвигается целый ряд новых, между которыми не последнее место должно быть отведено албанскому», которому, по его словам, не нашлось соответствующего его важности места в официальной политике Петербурга².

В западных печатных средствах массовой информации акценты расставлялись существенно по-иному. Наглядным примером могут служить публикации на страницах американских газет, которые — несмотря на географическую удаленность США от Балкан — в рассматриваемый период стали проявлять заметный интерес к происходящему в Албании и вокруг нее.

Откроем, к примеру, номер выходившей в американском городе Омаха (штат Небраска) газеты «Омаха дейли би» от 22 июля 1880 г. В статье на первой полосе под названием «Большой совет» рассказывалось о заседании Албанской лиги в Призрене — «резиденции турецкого правительства, располагающем мануфактурой по производству огнестрельного оружия и поддерживающем торговые связи с близлежащими городами»³. Однако главным в этой заметке было сообщить читателям, что делегаты Призренской лиги собрались для того, чтобы обсудить «вопросы, поднятые нынешним состоянием отношений

Албании с Грецией и Черногорией». Именно так ограничено трактовала американская газета требования Лиги о национальном самоопределении албанцев и их освобождении от османского ига.

А вот еще одно весьма авторитетное в рассматриваемый период американское издание – газета «Нью-Йорк дейли трибьюн» от 13 июля 1880 г. В заметке под заголовком «Албанское движение» Призренская лига трактуется, прежде всего, как орудие в руках Османской империи, призванное помочь Стамбулу сохранить под своим контролем территории, отторгнутые решениями Берлинского конгресса 1878 г. «Албанское движение однажды уже послужило целям Порты и, скорее всего, окажется прибыльным в урегулировании греческого вопроса», указывалось в статье, автор которой видел главную роль Призренской лиги в «предоставлении оружия» «восставшим племенам», выступления которых позволят османскому правительству «заявить великим державам о том, что выполнить решения Берлинской конференции совершенно невозможно»⁴.

Подобная трактовка истории Призренской лиги вела к объективной недооценке как роли самого албанского фактора, так и – особенно – деятельности лидеров албанского национально-освободительного движения, их целей, чаяний, надежд и расчетов. По сути, западные средства массовой информации трактовали албанское движение как слепую игрушку в руках великих держав и Османской империи, отказывая албанцам в самостоятельной роли на Балканах. Российские периодические издания в своем большинстве все-таки занимали более объективную и всестороннюю позицию.

Подъем албанского национального движения в начале XX в. закономерно вызвал новый всплеск интереса к данной проблеме со стороны российской, западноевропейской и американской общественности. Российские периодические издания стали проявлять интерес к таким аспектам развития ситуации, которые носили подчас сугубо местный характер. В частности, альманах «Славянские известия» сообщал своим читателям в 1906 г. об активной деятельности в Битоли пред-

ставителей западных пароходных компаний, выдававших денежные ссуды местным албанцам с целью содействовать их отъезду в Америку⁵.

Однако в сравнении с ситуацией 1870-х годов на освещение событий в Албании и вокруг нее стали оказывать растущее влияние и новые факторы – в первую очередь связанные с расколом Европы на два соперничающих военно-политических блока – Антанту и Тройственный союз. В результате средства массовой информации все чаще рассматривали балканские проблемы, кризисы и противоречия сквозь призму блокового противостояния, отводя тому или иному народу роль «природного» союзника России или Австро-Венгрии, Англии или Германии. Однако главным было то обстоятельство, что развитие самого албанского национального движения в рассматриваемый период шло по нарастающей, что делало невозможным его игнорирование при проведении анализа общей ситуации на Балканском полуострове и в Европе в целом. Как справедливо отмечалось в этой связи в обстоятельной статье в петербургской газете «Новое время» от 30 мая 1910 г. под заголовком «Значение албанского движения», территориальные границы распространения албанского вопроса охватывали в той или иной мере все вилайеты Европейской Турции, и ареал восстания легко мог расшириться, вовлекая в свою орбиту многочисленные албанские племена как католического, так и мусульманского вероисповедания⁶.

Еще более высоко оценивали масштабы и роль албанских выступлений западноевропейские и американские средства массовой информации. Газета «Вашингтон таймс» в октябре 1908 г. даже сообщила своим читателям о том, что Албания «сбросила иго» и «провозгласила независимость», добавив, что «эта гористая страна в Европейской Турции, омываемая Адриатикой», с населением «около 2.000.000 человек», «подверглась влиянию сецессионистского духа в период потрясений, предшествовавших провозглашению турецкой конституции»⁷.

Тем не менее, в западных газетах все-таки на первом месте среди различных аспектов албанского вопроса продолжало оставаться его подлинное и мнимое влияние на общую расста-

новку сил в предвоенной Европе. Градус австро-итальянских противоречий вокруг Албании периодически повышался, и мировая печать того времени всерьез рассматривала даже возможность военного конфликта между ними. Так, выходящая в американском городе Солт-Лейк-Сити газета «Дезерет ивнинг ньюс» в декабре 1910 г. вынесла на свою полосу статью под броским заголовком «Находятся ли Австрия и Италия на пороге войны?», в которой подчеркнула, что «Австрия думает о марше на Салоники, а Италия — о захвате Албании»⁸.

В 1912 г. албанское национальное движение достигло своей кульминации в предвоенный период, и российские журналисты первыми, по сравнению со своими зарубежными собратьями по перу, откликнулись на данное обстоятельство. В июле 1912 г. специальный корреспондент петербургской газеты «Речь» В.Викторов посетил штаб-квартиру одного из руководителей нового албанского восстания Риза-бея, с которым имел беседу в присутствии других албанских лидеров, в частности, Байрам Цурри и Асан-бея. В ходе продолжительного разговора, Риза-бей заявил: «Мы боремся за то, чтобы великий албанский народ получил принадлежащие ему права. Мы не мятежники. Мы желаем, чтобы во всей Оттоманской империи наступил мир. Мы желаем, чтобы наш падишах жил в согласии с Россией, потому что мы знаем только два великих народа: наш народ и русский народ (*Sic!* — *П.И.*)»⁹. «Наша теперешняя борьба, — продолжал он, — это только первый этап. Мы требуем особых прав для четырех вилайетов: Шкодринского, Янинского, Битольского и Косовского. Относительно пятого — Салоникского — мы еще не пришли к определенным выводам. В этом вилайете тоже живут албанцы. В этой борьбе весь албанский народ с нами. Это — борьба против издевательств комитета (младотурок. — *П.И.*) над нашими справедливыми и законными требованиями»¹⁰.

Первая Балканская война (1912–1913 гг.), одними из активных участников которой, наряду со странами Балканского союза и Турцией, выступили албанцы, всколыхнула российскую общественность. Страна раскололась на два лагеря: «реалистов», сторонников Realpolitik, поддерживавших осто-

рожную политику министерства иностранных дел во главе с С. Д. Сазоновым, и апологетов максимально активного вовлечения России в конфликт под панславистскими и великодержавными лозунгами. Соответствующий раскол прослеживается и на страницах российских газет. Если органы печати, близкие к правительству, призывали к сдержанности, то, к примеру, газета «Новое время» осенью 1912 г. открыто требовала от Петербурга принять активное участие в конфликте ради осуществления панславистских идеалов и обеспечения государственных интересов России. С ней была солидарна газета «Утро России», заявившая в номере от 7 октября 1912 г. о том, что «внутреннее настроение общества расходится с взглядами правительства: правительство будет употреблять все усилия, чтобы успокоить славян, а общество будет посылать им добровольцев». «Дух славянства, а с ним вместе и русский дух – за войну», – подчеркивало «Утро России»¹¹.

Однако справедливости ради следует сказать, что подобные призывы не определяли общий настрой российского общества в отношении Первой Балканской войны. Даже вышеупомянутое «Новое время» вскоре фактически отмежевалось от национал-радикалов, предоставив свои страницы для манифеста, подписанного редактором ультраправой газеты «Земщина» С. Глинкой. Его автор призывал россиян «поклониться Сазонову, что он в точности исполнил волю царя и вовсе не считался с тупоумием наших шовинистов»¹². И это притом, что статьи в самом «Новом времени» зачастую клеймили политику российского министра иностранных дел, которая вызывала у газеты «истинную» скорбь»¹³.

Среди ведущих российских политических партий того времени наиболее жестко критиковали политику правительства на Балканах октябристы и кадеты. Данная полемика, естественно, выплескивалась на страницы их печатных органов – соответственно газет «Голос Москвы» и «Речь». И те, и другие осуждали Петербург за чрезмерную, по их мнению, слабость в балканских делах с точки зрения поддержки региональных союзников России во главе с Сербией и Болгарией. Примером может служить опубликованная в октябре 1912 г. на страницах

«Голоса Москвы» статья под красноречивым заголовком «Союзы обязывают». В ней утверждалось, что кабинет проводит слишком осторожную политику на Балканах, ведущую к утрате страной международного влияния и даже к ее превращению в игрушку в руках Англии и Франции, в том числе в славянских делах. На этой основе «Голос Москвы» прогнозировал возникновение в стране «сильных прогерманских настроений» и даже переход России из Антанты в Тройственный союз¹⁴.

Справедливости ради следует сказать, что кадетская «Речь» была в те драматические дни более сдержанной в оценках развития ситуации на Балканах, нежели орган октябристов. П. Н. Милюков и его единомышленники, хотя также обвиняли правительство в слабости, тем не менее, воздерживались от прямых нападок на союзников России по Тройственному соглашению. Как показали последующие события, подобный подход имел под собой определенные основания. Выступая в Государственной думе на заседании по итогам Балканских войн, Милюков подчеркнул, что свободу действий славян удалось обеспечить исключительно благодаря той последовательной и взвешенной политике, которую осуществлял министр иностранных дел, сверяя каждый свой шаг с мнением западных союзников и друзей России. И хотя «нам не пришлось поднять наших чисто русских вопросов, в том числе вопроса о проливах, те самоограничения, которые вынуждена была наложить на себя Австрия, являлись гораздо более ощутимыми», — указывал лидер кадетов¹⁵.

Понятно, что более радикальные в данном вопросе октябристы трактовали политику и успехи России на Балканах весьма по-иному. В марте 1913 г., когда на фронтах Первой Балканской войны уже произошел перелом в пользу союзников, газета «Голос Москвы» вновь возвысила свой голос против Петербурга и Антанты, заявив в статье под явно тенденциозным и не отвечающим реальности заголовком «Славянская трагедия», что «западные партнеры России в согласии с Тройственным союзом» готовят «кровавую расправу с героическим славянским племенем, не пожелавшим подчиниться окрику Австрии, а русская дипломатия по-прежнему умывает руки»¹⁶.

Примечательно, что концепция октябристов применительно к событиям на Балканах в значительной степени перекликалась с еще более жесткой критикой, раздававшейся со страниц либеральной и социал-демократической прессы. Сошлемся, в частности, на статью обозревателя журнала либерально-народнического направления «Русское богатство» Н. Русанова, который подчеркивал, что как Россия, так и все другие великие державы «смотрели с поразительным равнодушием на эту кровавую баню, желая ухватить кусок пожирнее и сдерживаясь лишь опасением столкновения с соперниками»¹⁷.

Социал-демократы придерживались схожей позиции. Так, будущий известный советский историк Ф.А. Ротштейн в своей обстоятельной статье «Поворот в международных отношениях» подчеркивал, что в международных делах в рассматриваемый период происходило невыгодное России сглаживание традиционных англо-германских противоречий и нарастание противоречий между Россией и Германией, сулящее Петербургу международную изоляцию и даже военную катастрофу¹⁸. От подобных оценок оставался один шаг до известного программного воззвания лидера большевиков В. И. Ленина «Ко всем гражданам России», в котором излагалось отношение РСДРП к Первой Балканской войне в целом и роли в ней Албании в частности:

«На Балканах началась война четырех государств против Турции. Грозит общеевропейская война. Готовятся к войне, вопреки всем лживым правительственным опровержениям, Россия и Австрия. Наглеет Италия в своей политике грабежа турецких земель. Биржевая паника в Вене и Берлине, в Париже и Лондоне показывает, что капиталисты всей Европы не видят возможности сохранить европейский мир.

Вся Европа хочет принять участие в событиях на Балканах! Все стоят за «реформы» и даже за «свободу славян». А на деле Россия хочет урвать кусок Турции в Азии и захватить Босфор, Австрия точит зубы на Салоники, Италия на Албанию, Англия на Аравию, Германия на Анатолию.

Кризис разгорается. Сотни тысяч и миллионы наемных рабов капитала и задавленных крепостниками крестьян идут

на бойню ради династических интересов нескольких коронованных разбойников, ради прибылей буржуазии, стремящейся к грабежу чужих земель.

Балканский кризис есть одно из звеньев той цепи событий, которая с начала XX века ведет повсюду к обострению классовых и международных противоречий, к войнам и революциям. Русско-японская война, революция в России, ряд революций в Азии, обострение соперничества и вражды между европейскими государствами, угроза миру из-за Марокко, грабительский поход Италии на Триполи — такова подготовка теперешнего кризиса...

В Восточной Европе — на Балканах, в Австрии и в России — мы видим наряду с районами высокоразвитого капитализма угнетение масс феодализмом, абсолютизмом, тысячами остатков средневековья. Крестьянин в Боснии и Герцеговине на берегах Адриатики до сих пор задавлен крепостниками-помещиками, как и десятки миллионов крестьян центральной России. Разбойничьи династии Габсбургов и Романовых поддерживают этот крепостнический гнет, стремясь разжечь вражду между народами, чтобы усилить власть монархии, чтобы увековечить порабощение целого ряда национальностей. В Восточной Европе донныне еще монархи делят между собой народы, торгуют и обмениваются ими, составляют в своих династических интересах государства из лоскутов разных национальностей, совсем как помещики при крепостном праве делили и составляли крестьянские семьи своих подданных!

Федеративная республика балканская — вот тот призывный клич, который бросили в массы наши братья, социалисты балканских стран, отстаивая самоопределение и полную свободу народов для расчистки пути широкой классовой борьбе за социализм...»¹⁹.

Но вернемся к албанским сюжетам. Провозглашение независимости Албании на Национальном кувенде во Влере 28 ноября 1912 г. также не осталось незамеченным в российской печати. Особыми симпатиями по отношению к албанцам отличались публикации на страницах большевистской газеты «Правда». Она, в частности, посвятила освещению событий

в Албании пространную статью, опубликованную в декабре 1912 г. под красноречивым заголовком «Шкипитары-орлы». В ней провозглашение независимости Албании было названо закономерным следствием героической борьбы албанского народа за свое освобождение против Османской империи, а также против захватнических империалистических планов Австро-Венгрии и Италии²⁰.

В российской печати также начали появляться статьи, в которых делались попытки более широкого анализа и обобщения той ситуации, в которой оказалась Албания. Так, в газете «Речь» 12 декабря 1913 г. появилась большая статья вышеупомянутого журналиста В. Викторова, в которой, в частности, говорилось: «Если коренная реформа социально-экономического строя Албании вырвет из рук беев их исключительные полномочия, если албанское крестьянство познакомится с прелестями работы не на беев, а на самих себя, если коренная извне пришедшая революция модернизирует устои этой страны, то все те положительные качества, которые я видел у албанцев, быстро приведут их к полному национальному самоопределению и обеспечат за ними в будущем самостоятельное национальное существование»²¹. Однако такие статьи все-таки были исключением для российской прессы, которая в основном выражала сомнения относительно способности Албании играть стабилизирующую роль на Балканах и в целом поддерживала территориальные претензии сербского кабинета.

Здесь самое место отметить, что определенный вклад в создание у сербского правительства представлений о возможности реализации в ближайшем будущем всех внешнеполитических планов Сербии, включавших в себя образование единого югославянского государства, в которое войдет освободившееся от австро-венгерского господства население югославянских областей монархии Габсбургов и которое будет иметь выход на Адриатическое море, внесла деятельность российского посланника в Сербии Н. Г. Гартвига. На нее, вполне понятную, в силу испытывавшихся Гартвигом чувств искренней симпатии по отношению к сербам, но, тем не менее, создававшую определенные трудности для осуществления

российской дипломатией более взвешенной и осторожной политики (в первую очередь, в том, что касалось сербо-албанских и сербо-австрийских отношений), справедливо указывал в своих воспоминаниях занимавший в то время пост министра иностранных дел России С. Д. Сазонов. Он подчеркивал, что существовавшие тогда в Сербии настроения патриотического подъема и близкого осуществления национальных идеалов были ему тем более понятны, что «тогдашний русский представитель в Белграде, Н. Г. Гартвиг, предпочитал выигрышную роль потакателя этих повышенных настроений белградских правительственных и общественных кругов, той, менее благодарной, но более соответствующей истинным интересам Сербии, которую он должен был играть, в качестве русского представителя, ближайшей обязанностью которого было, жертвуя личной популярностью, предостерегать правительство и народ от опасных увлечений. Гартвиг истолковывал в Белграде русскую политику по-своему и тем крайне затруднял мою задачу, пока, наконец, политическое напряжение не достигло, во всей Европе, такого состояния, что возможность серьезных европейских осложнений, из-за вопроса об Албанском побережье, становилась все вероятнее»²².

Реальные возможности Гартвига оказывать заметное влияние в том или ином направлении на политику сербского руководства определялись не в последнюю очередь тем обстоятельством, что он имел очень близкие и дружественные отношения с сербским премьер-министром Н. Пашичем и со многими ответственными работниками министерства иностранных дел Сербии. Что же касается его политических симпатий и привязанностей во внешнеполитическом плане, которые накладывали определенный отпечаток на реализацию им общей стратегической линии российского МИД, то они становятся понятными при изучении содержания его донесений и телеграмм из Белграда.

На основании данных документов можно наглядно убедиться в безусловном доверии, которое испытывал Гартвиг как к самому главе сербского кабинета Пашичу и сообщаемым им сведениям, так и в целом к политике возглавляемого им пра-

вительства старорадикалов. Гартвиг оценивал государственную опытность и выдержанность Пашича, которые, по его мнению, гарантировали от каких-либо неосторожных и непродуманных шагов со стороны Сербии в албанском вопросе, а сам Пашич заслуживал исключительного доверия не только в своей собственной стране, но и в европейских столицах²³. Характерным для Гартвига в этом плане явилось его частное письмо Сазонову от 14 января 1914 г., в котором он заверял министра иностранных дел, что Россия может не опасаться со стороны Сербии каких-либо непродуманных действий во внешнеполитическом плане, а в особенности в албанском вопросе, в котором, оказывается, «сербы очень осторожны и совсем подчиняются Вашим советам и указаниям»²⁴.

Подобное отношение к Пашичу и возглавляемой им партии резко контрастировало с негативными оценками, которые российский представитель давал другим политическим партиям Сербии, считая их неспособными к какой-либо серьезной государственной деятельности, и, в особенности, с его крайне критическим отношением к албанскому населению и Албанскому государству²⁵. Гартвиг называл албанские вооруженные отряды, действовавшие на территории Сербии, не иначе как «разбойничьими шайками», а самих албанцев — «диким восточным народом», который «не разбирается в дипломатической казуистике, а преклоняется лишь перед реальной силой»; в связи с чем отрицательно оценивал образование автономной Албании, которую рассматривал как государство, подаренное «дикому племени», руководствующемуся в своих действиях «разбойничьими инстинктами»²⁶.

Далекой от объективности была и оценка Гартвигом текущего состояния и перспектив развития сербо-болгарских отношений, вину за неблагоприятное развитие которых он целиком и полностью возлагал на болгарскую сторону в лице ее правительства (которое Гартвиг дословно именовал «софийские заправилы») и «шовинистской македонствующей печати», заверяя российское министерство иностранных дел в том, что в правительственных, а также в широких политических, общественных и военных кругах Сербии практически сразу пос-

ле заключения Бухарестского мирного договора возобладали чувства глубокого сострадания и даже искренней симпатии к Болгарии и желание скорее установить между двумя государствами добрососедские отношения, в то время, как болгарское правительство стремилось к заключению противоестественного союза с «враждебной славянам Турцией»²⁷.

Точка зрения Н. Г. Гартвига встречала немалую поддержку в тех российских политических и военных кругах, которые рассматривали происходящее на Балканах сквозь призму русско-австрийского противостояния и возлагали ответственность за обострение сербо-албанских отношений практически исключительно на албанскую сторону. Однако в тех же Австро-Венгрии и Германии публикации местных газет подчас отличались еще большей необъективностью. Так, резкое обострение ситуации на сербо-албанской границе вызвало новую волну критики в адрес Сербии на страницах местной печати. По словам центрального органа австрийской Христианско-социальной партии газеты «Райхспост», «порядки на сербо-албанской границе царят возмутительные, если великие державы не заступятся заблаговременно за неприкосновенность Албанского государства, то кровопролитие примет угрожающие размеры. Ведь нельзя же признать уничтожение албанцев сербами за нормальный порядок в Албании»²⁸. А газета «Дойче тагесцайтунг» полагала, что обострение сербо-албанских отношений могло повлечь за собой серьезное обострение всего комплекса международных отношений в Европе, в силу того, что балканские государства, по ее словам, весьма неохотно очищают «временно оккупированные ими территории»²⁹.

Через несколько дней, в номере от 27 сентября 1913 г., газета «Райхспост» еще раз привлекла внимание своих читателей к проблеме сербо-албанских отношений, подчеркнув, что «во вновь завоеванных сербами областях господствует небывалое и возмутительное отношение к католическому населению»³⁰. По мнению газеты, которое имело достаточно широкое распространение в общественно-политических кругах Австро-Венгрии, сербское правительство стремилось заключить соглашение с Ватиканом исключительно в целях борьбы с австро-венгер-

ским покровительством по отношению к католическому населению присоединенных к Королевству областей³¹.

Разумеется, европейская печать не могла игнорировать и политическую составляющую сербо-албанского конфликта и попытки их урегулирования, исходившие в том числе со стороны Белграда. Одной из подобных попыток явился визит премьер-министра Сербии Н. Пашича в Вену в начале октября 1913 г. с целью встречи с министром иностранных дел Австро-Венгрии Л. Берхтольдом. Пашичу был оказан радушный прием со стороны официальных лиц Австро-Венгрии, однако сама встреча с Берхтольдом, состоявшаяся 3 октября 1913 г., в перерыве заседания Совета министров Австро-Венгрии, хотя и прошла в исключительно корректной атмосфере, не привела к каким-либо конкретным результатам³². Стороны фактически ограничились изложением своих позиций и общей заинтересованности в поступательном развитии взаимоотношений двух государств³³. Это позволило венской газете «Цайт» в статье под красноречивым заголовком «С пустыми руками» дать своеобразную, но вполне справедливую оценку встрече Пашича и Берхтольда. По ее словам, «гр. Берхтольду стало известно, какой у г. Пашича вид, как он разговаривал и, наконец, как он ест и пьет. Г. Пашич также обогатил свой умственный балласт познанием этих индивидуальных особенностей гр. Берхтольда; весьма возможно, что сербский премьер покидает наш город с полным сознанием того, что гр. Берхтольд стоит впереди него в этой области». Тем не менее, по мнению газеты, никаких новых конкретных предложений председатель Совета министров в Вену не привез³⁴.

Немногим позже – в середине ноября 1913 г. – глава внешнеполитического ведомства Австро-Венгрии Л. Берхтольд подвел принципиальные итоги внешнеполитического курса, проводившегося правительством страны в период Балканских войн 1912–1913 гг., а также обрисовал его основные направления в будущем. Он сделал это в своем выступлении в комиссии по иностранным делам венгерской делегации 19 ноября 1913 г., которое также привлекло повышенное внимание европейской печати.

Характеризуя международное положение и внешнюю политику Австро-Венгрии, глава дипломатии монархии Габсбургов подчеркнул, что для нее «уже десятилетия, наряду с традиционной формулой о сохранении, насколько возможно, существующего порядка, стало аксиомой — не оказывать препятствий свободному развитию балканских государств»³⁵. По его словам, Австро-Венгрия, после приобретения Боснии и Герцеговины, «считает свое территориальное расширение на Балканах законченным»³⁶. Министр указал, что существующие у Австро-Венгрии особые интересы в этом регионе, которые «можно свести к самостоятельности Албании, недопущению изменения в соотношении сил на Адриатическом море и к созданию прочных порядков на Балканском полуострове, причем имелись в виду, по возможности, одни мирные средства для осуществления всего этого, — с данного времени стали предметом усердного нашего внимания и нашей дипломатической работы»³⁷. Позиция Монархии на Лондонском совещании послов великих держав при обсуждении албанской проблемы, продолжал граф Берхтольд, определялась тем обстоятельством, что «необходимость создания автономного Албанского государства не должна быть подвергается сомнению», а Сербии может быть разрешен «исключительно коммерческий выход на Адриатическое море»³⁸. Что же касается вопроса об установлении границ Албании, которые, по мнению Вены, должны были обеспечить «жизнеспособность» данного государства, то переговоры по этому вопросу в рамках Совещания послов завершились, по словам министра, принятием компромиссного решения, которое предусматривало, что «за наш отказ от включения Джяковицы в границы автономной Албании, сюда включено будет Скутари, даже в случае занятия его Черногорией, и что католическому албанскому меньшинству на территориях, расположенных вне нового государства, будет сохранена религиозная и национальная свобода, а равно, что албанская территория будет очищена от иностранных войск»³⁹.

Данная речь министра иностранных дел Австро-Венгрии, призванная проанализировать внешнюю политику Монархии в период Балканского кризиса и наметить основные направле-

ния ее будущего внешнеполитического курса в изменившихся условиях, была неоднозначно, но в целом негативно встречена в политических кругах и средствах массовой информации как самой Австро-Венгрии, так и других государств. В то время, как орган влиятельной политической группировки эрцгерцога Франца-Фердинанда газета «Райхспост» дала в целом положительную оценку выступлению Берхтольда и выразила свою поддержку содержащимся в нем идеям⁴⁰, венский правительственный орган газета «Нойе фрайе прессе» указала в этой связи, что «редко бывало, чтобы какой-либо министр после столь продолжительного и решительного кризиса так много говорил и тем не менее ничего определенного не сказал»⁴¹.

Еще более категорически высказалась в своей передовой статье под заголовком «Несерьезно» газета «Цайт», подчеркнувшая, что «речь министра иностранных дел может послужить очень интересным памятником, в смысле показа интеллектуального уровня руководителей австро-венгерской внешней политики», продемонстрировав полное отсутствие у него здравых мыслей⁴².

С мнением большинства австро-венгерских печатных органов солидаризировалась и влиятельная французская газета «Сьекль», охарактеризовавшая выступление Берхтольда как «документ, преисполненный показного оптимизма». По ее словам, «граф, видно, предпочитает обходить молчанием сделанные ошибки, нежели снискивать для себя оправдания»⁴³.

Российская печать внимательно следила и за событиями собственно в Албании накануне Первой мировой войны – в том числе за растущим вмешательством в дела этой страны Австро-Венгрии. Вена изо всех сил пыталась сохранить на албанском престоле своего ставленника, князя В. Вида. Российский делегат в Контрольной комиссии А. М. Петряев телеграфировал в Петербург о поставках в Дуррес морем австрийского военного снаряжения, прибытии добровольцев, число которых в июле 1914 г. составило 300 человек. «Судя по их внешнему виду и выправке, – сообщал Петряев, – едва ли можно сомневаться в том, что все эти «добровольцы» – солдаты, переодетые в штатское платье»⁴⁴. В самой Австро-Венгрии был

создан специальный «албанский комитет», осуществлявший запись подобных добровольцев и собиравший пожертвования. Оттуда же шли поставки оружия князю. Не случайно российская газета «Речь» остроумно отметила в те дни, что «албанский патриотизм проявился в гораздо большей степени в Австрии, чем в самой Албании»⁴⁵.

Начало Первой мировой войны, бегство из Албании князя Вида и превращение формально нейтральной страны в арену боевых действий ознаменовали начало нового трагического этапа в албанской истории и придали ее освещению иностранными средствами массовой информации новые аспекты. Но это уже другая история...

Примечания

- 1 Голос. 29.09.1878.
- 2 Цит. по: Краткая история Албании. М., 1992. С. 170.
- 3 The Omaha Daily Bee. 22.07.1880.
- 4 The New York Daily Tribune. 13.07.1880.
- 5 Славянские известия. 1906. №6. С. 480.
- 6 Новое время. 30.05.1910.
- 7 The Washington Times. 1908. 8 Oct.
- 8 The Deseret Evening News. 1910. 24 Dec.
- 9 Речь. 28.07.1912.
- 10 Там же.
- 11 Утро России. 07.10.1912.
- 12 Новое время. 01.01.1913.
- 13 Подробнее см.: Мороз Ю.М. Русское общество и Антанта в период Балканских войн 1912–1913 годов. М., 2011.
- 14 Лавитская М. Первая Балканская война и русское общество // Македонски преглед. 2013. № 1. С.64.
- 15 Там же. С. 65.
- 16 Голос Москвы. 22.03.1913.
- 17 Цит. по: Лавитская М. Указ. соч. С. 66.
- 18 Наша заря. 1914. № 4. С. 32–38.
- 19 Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 22. М., 1968. С. 135–136.
- 20 Правда. 10–11.12.1912.
- 21 Речь. 12.12.1913.
- 22 Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 94–95.
- 23 Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2912. Л. 13, 16.

Следует, в частности, отметить, что именно Гартвиг предоставил российскому правительству самые надежные гарантии финансовой ответственности сербской

стороны в вопросе о предоставлении кредита сербскому офицерскому обществу, оказавшемуся на деле несостоятельным в плане возврата денежных средств. Что же касается политических качеств самого Пашича, то, не умаляя его значительные заслуги в сербской истории, нельзя не отметить, что его деятельность имела и целый ряд ошибочных и негативных сторон, в первую очередь, в сфере межнациональных отношений. Показательной в этом плане является его характеристика албанского и турецкого населения присоединенных к Сербии областей, которое, по его словам, отличается спокойствием и покорностью и, в силу указанных качеств, не может создать никаких затруднений для сербских властей // Там же. Д. 2907. Л. 3.

²⁴ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 532. Л. 21. Более того, российский посланник, комментируя итоги Второй Балканской войны, прямо заявил, что «идея славянской солидарности, совершенно отсутствующая у болгар», «напротив проходит красной нитью через всю сербскую историю», оставляя в стороне даже такое сравнительно недавнее событие, как развязанная Белградом сербо-болгарская война 1885 г. // Там же. Д. 530. Л. 134.

²⁵ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2912. Л. 24.

²⁶ Там же. Д. 530. Л. 178, 188.

²⁷ Там же. Л. 134; Там же. Д. 531. Л. 252, 378; Д. 532. Л. 41–44, 69, 76.

²⁸ Reichspost. 1913, 24. Sept.

²⁹ Deutsche Tageszeitung. 1913. 24. Sept.

³⁰ Reichspost. 1913. 27. Sept.

³¹ Ibidem.

³² АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3392. Л. 31.

³³ Там же. Д. 531. Л. 370.

³⁴ Zeit. 1913. 5. Okt.

³⁵ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3392. Л. 37.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 38.

³⁹ Там же. Л. 38–39.

⁴⁰ Reichspost. 1913. 21. Nov.

⁴¹ Neue Freie Presse. 1913. 21. Nov.

⁴² Zeit. 1913. 21. Nov.

⁴³ Siècle. 1913. 21. Nov.

⁴⁴ Цит. по: Краткая история Албании... С. 57.

⁴⁵ Речь. 28.06.1914.

Ольга Игоревна АГАНСОН

Великие державы и малые страны в пространстве Балкан: поиск модели взаимодействия (по материалам британской прессы)

Взаимодействие различных факторов: научно-технический прогресс, совершенствование хозяйственно-экономической сферы, повышение уровня грамотности и демократизация политической системы — все это привело к структурной трансформации западного общества. Одним из проявлений данной тенденции стало возрастание роли общественного мнения в политической жизни Европы. На передовой этого процесса находилась Великобритания — страна зрелого парламентаризма со старыми и развитыми традициями публичной политики. Известный британский историк, специалист в области международных отношений Э. Карр, опиравшийся, прежде всего, на политический опыт своей страны, отмечал такую особенность общественного мнения как убежденность в своей правоте, а также произошедшее в начале XX в. перенесение этого принципа на почву мировой политики¹. В итоге, влиятельные печатные издания стали своего рода форумом, на котором обсуждались наиболее актуальные международные темы. Центр политической активности, по словам британского историка А. Дж. П. Тэйлора, переместился из парламента на страницы газет и журналов: иными словами, человек, живо следивший за международной жизнью, читал теперь не многотомные парламентские дебаты и «Синие книги», выпускаемые Форин оффис, а экспертные оценки и суждения авторитетных в своей области журналистов и корреспондентов².

Эта тенденция не обошла стороной и балканские сюжеты. Ведь Восточный вопрос, по утверждению видного британского

общественного и политического деятеля герцога Аргайлского, гораздо глубже, чем какой-либо другой внешнеполитический сюжет, будоражил умы современников, хотя он напрямую и не отразился на обстановке внутри страны (например, не затрагивал проблему взимания дополнительных налогов для наращивания морского вооружения и т.д.)³. Столь пристальное внимание британской общественности к Восточному вопросу, особенно к его балканской компоненте, во многом являлось результатом антитурецкой кампании, инициированной лидером Либеральной партии У. Гладстоном во время Восточного кризиса 1875–1878 гг. И хотя поддержка Османской империи на протяжении долгого времени считалась доминантой английской политики на Востоке, внутри британского истеблишмента постоянно велись дискуссии об оправданности и целесообразности подобного курса. Гладстон и его последователи, представители левого крыла Либеральной партии, радикалы, призывали британское правительство ориентироваться на жизнеспособные балканские народы, а не на переживавшую закат, «разлагавшуюся» Османскую империю. Все эти дискуссии приобрели особую актуальность на рубеже XIX–XX вв. С одной стороны, происходило усложнение существовавшей в тот период системы международных отношений. Балканы превращались в ее самостоятельный сегмент: местные государства стремились к определенной самостоятельности во внутри- и внешнеполитических делах, что продемонстрировали события Болгарского кризиса 1885–1886 гг., греко-турецкой войны 1897 г., Майского переворота в Сербии 1903 г. С другой стороны, в условиях складывания двух враждебных группировок великих держав (Тройственного союза и франко-русского альянса) значительную модификацию претерпела традиционная многополюсная структура международной системы, что вынуждало Лондон скорректировать свои подходы к политике «блестящей изоляции» в целом и к ситуации на Балканском полуострове в частности. Наша цель заключается в том, чтобы понять, как в начале XX в. в британской прессе концептуально осмысливалась существовавшая на Балканах расстановка сил с учетом взаимодействия как внешних (великие державы), так

и внутренних факторов (малые страны). Наше внимание будет приковано к периоду, предшествовавшему Боснийскому кризису 1908–1909 гг., т.е. до окончательного превращения Балканского полуострова в главный эпицентр дипломатического противостояния великих держав.

В британских изданиях политика великих держав на Балканах оценивалась, прежде всего, через призму распределения мощи на мировой арене. На рубеже XIX–XX вв. обстоятельства для Лондона складывались не самым благоприятным образом. Германия, провозгласившая курс на проведение *Weltpolitik*, приступила к ее активной реализации на Ближнем Востоке. В результате разностороннего германо-турецкого сотрудничества: военного, экономического, политического — резко укрепились германские позиции в Османской империи, причем во многом за счет британских. Ситуация усугублялась тем, что Австро-Венгрия, ближайшая союзница Германии в Европе, в силу своего географического положения, выступала в качестве проводницы германского влияния на Балканах. В свете этого, особенное беспокойство британских обозревателей вызывали методы, которые использовали Центральные державы для воздействия на региональную обстановку в выгодном для себя ключе. В первую очередь, это относилось к инструментам экономической политики. Бурный промышленный рост Германской империи вкупе с традиционно обширными внешнеторговыми связями Австро-Венгрии с местными государствами способствовали тому, что промышленные и финансово-торговые круги обеих держав окутали полуостров сетью железных дорог и наводнили своими товарами. По этому поводу британские публицисты подняли настоящую тревогу. Так, в статьях каноника М. Макколя, состоявшего в переписке с У. Гладстоном и премьер-министром лордом Солсбери, утверждалось, что своими действиями на Балканах Берлин и Вена попрали основополагающий принцип мировой экономики — свободу торговли. Германия и Австро-Венгрия, по словам Макколя, имели очень сильные экономические позиции в этой части Европы, но при этом они прибегали к таким методам, противоречившим фри-треду, как навязывание договоров, получе-

ние особых прав на железнодорожное строительство и ведение коммерческой деятельности⁴. Британцы восприняли данное обстоятельство как весьма тревожный сигнал, ведь одним из столпов, на котором базировался «Рах Britannica», был принцип «свободной торговли».

Размышляя над проблемой вовлеченности великих держав в ситуацию на Балканском полуострове, британские обозреватели, говоря языком современной политологии, понимали такой принципиальный вопрос как наличие «открытых» и «закрытых» сфер влияния в регионе. С точки зрения британской стратегии и тактики на Балканах, данная проблема приобрела особую актуальность после заключения в 1897 г. австро-русской Антанты, направленной на поддержание статус-кво на полуострове. Так, сотрудничество России и Австро-Венгрии расценивалось некоторыми британскими дипломатами, например, послом в Константинополе Ф. Керри, как тенденция к восстановлению Союза трех императоров⁵, что, соответственно, вело к дипломатической изоляции Англии в Юго-Восточной Европе.

Македонский кризис 1903 г., вылившийся в масштабное Илинденско-Преображенское восстание и поставивший на повестку дня вопрос о вмешательстве великих держав во внутренние дела Османской империи, предоставил британской прессе обильный материал для порицания политики Вены и Петербурга. Акцент делался на экспансионизме двух великих держав в Балканском регионе. Австро-Венгрия и Россия неоднократно упрекались в причастности к мятежам в Македонии с целью использовать их как удобный предлог для интервенции. Так, британский публицист и писатель Герберт Вивиан, отличавшийся довольно консервативными воззрениями, ссылаясь на свой личный опыт общения с местными жителями, говорил о том, что австро-венгерские агенты призывали македонских крестьян «устраивать беспорядки», дабы легитимировать вмешательство Дунайской монархии. Австрийцы мотивировали необходимость своего присутствия в Македонии тем, что Австро-Венгрия — единственная из великих держав способна оказать помощь христианскому населению вилайетов. При

этом подчеркивалось, что близлежащие государства, Сербия и Болгария, не обладали достаточным материальным и военным потенциалом, чтобы улучшить положение своих собратьев, томившихся под османским игмом⁶.

На страницах леволиберального журнала «Индепендент ревью» вообще предсказывалось установление австро-русского «кондоминиума» на Балканах. Показательно, что австро-венгерская оккупация Македонии в общем-то не рассматривалась некоторыми авторитетными журналистами радикального толка, например, Г. Брэйлсфордом, как катастрофа. Конечно, она была несовместима с такой абстрактной категорией как свобода, но приход австро-венгерской администрации в Македонию мог превратить ее в богатую и процветающую провинцию, что, собственно, и произошло в свое время с Боснией и Герцеговиной⁷. Однако, по мнению британского журналиста, расширение австро-венгерского контроля над турецкими провинциями на западе Балкан неизбежно повлекло бы за собой захват Россией территорий в восточной части полуострова. Похожие предположения, только в более утрированной форме, звучали в статьях К. Блинда, германского революционного деятеля, постоянно проживавшего в Лондоне. На страницах «Вестминстер ревью» он писал о целенаправленном движении России к аннексии Болгарии⁸. Таким образом, активно тиражировалась мысль о том, что присутствие великих держав на балканском пространстве, в той или иной форме, угрожало поступательному демократическому развитию местных государств и даже было чревато ограничением их суверенитета. «Они (балканские страны. — *О. А.*), — констатировал Брэйлсфорд — будут лишены мирной и достойной жизни до тех пор, пока не разрешится македонский вопрос; они не смогут рассчитывать на независимое существование в случае, если их поглотят Австрия и Россия»⁹.

Вполне закономерно, что как в журналистском сообществе, так и в парламенте, резко критиковалась Мюрицштегская программа реформ в Македонии — совместное детище Вены и Петербурга. Ведь, как утверждалось, при ее разработке Австро-Венгрия и Россия, прежде всего, руководствовались своими

«гегемонистскими амбициями». На одном из заседаний британского парламента консерватор лорд Ньютон сравнил две великие державы с «лекарями, которые призваны ухаживать за больным человеком, но при этом считают себя его наследниками и собираются когда-нибудь овладеть его имуществом»¹⁰. Авторы, освещавшие события в Македонии, называли австро-русскую схему паллиативной и неэффективной и требовали ее расширения — децентрализации местной системы управления, увеличения численности европейских офицеров и надления их реальными полномочиями, а также осуществления финансовой реформы на базе структуры Администрации оттоманского долга¹¹. Эти пункты, к слову, совпадали с позицией официального Лондона.

В определенной степени публикации британских журналов и политических деятелей, периодически выступавших в прессе с комментариями по македонскому вопросу, облегчали задачу Форин оффис, которому было необходимо обособить в глазах широкой общественности смену парадигмы в британской ближневосточной политике — отказ от поддержки Османской империи. В условиях, когда Порта находилась в орбите влияния Германии, исчезал всякий резон бороться за сохранение территориальной целостности турецких провинций в Европе.

В полуофициальной газете «Таймс» регулярно публиковались подробнейшие репортажи, в том числе подготовленные ее известным корреспондентом в Софии Дж. Баучером, о положении дел в балканских вилайетах. В своих выступлениях по македонскому вопросу, будь то проблема беженцев, укрывавшихся от турецких репрессий, или перипетии, связанные с реализацией Мюрцштегской программы, члены британского парламента, как палаты общин, так и палаты лордов, регулярно цитировали пассажи из «Таймс»¹². Британские корреспонденты развили довольно активную деятельность в балканских вилайетах султана. Так, в своих публикациях Р. Вайон, представлявший одну из самых массовых британских газет «Дэйли Мейл», и Дж. Бут из еженедельной иллюстрированной газеты «Грэфик» запечатлели атмосферу и произвол турецких тюрем,

разрушенные и разграбленные селения, лагеря иррегулярных карательных войск¹³. Примечательно, что лидеры Внутренней Македонско-Одринской революционной организации, по донесениям британских консулов, оказывали содействие корреспондентам из Великобритании, дабы «получить беспристрастного свидетеля, который мог бы подтвердить, что жестокости, приписываемые повстанцам, не имеют под собой реальных оснований»¹⁴.

Тональность британской прессы, контакты ее представителей с местными жителями, их участие в благотворительных проектах¹⁵, а также позиционирование себя Британией в качестве беспристрастного арбитра продемонстрировали, по мнению британцев, иную модель региональной политики великой державы. И эта модель, как подразумевалось, принципиальным образом отличалась от «гегемонизма» России и Австро-Венгрии. Британские радикалы делали акцент на системообразующей роли великих держав в международных отношениях, а, значит, и их особой ответственности перед малыми странами и народами. Другими словами, во внешнюю политику великой державы привносилась изрядная моральная компонента. Англия, как констатировал на страницах «Индепендент ревью» Дж. Брайс, один из сподвижников У. Гладстона, «должна приложить максимум усилий, чтобы послужить интересам человечества»¹⁶. По мнению британских политиков, такая незаинтересованность Британии в балканских делах, ее «незапятнанность» намерениями извлечь для себя выгоду из сложившейся ситуации, по контрасту с Россией и Дунайской монархией, вызывали доверие к ней местных народов, причем как христианского, так и мусульманского вероисповедания¹⁷.

Более того, апеллируя к моральным категориям, британские общественные и политические деятели аргументировали право их правительства принимать активное участие в урегулировании балканских кризисов. Один из организаторов влиятельного Балканского комитета, политик радикального толка, Ноэль Бакстон отмечал в своей статье «Свобода и рабство на Балканах», что стараниями Англии (имелась в виду ее позиция во время Восточного кризиса 1875–1878 гг.) балкан-

ские христиане были возвращены под османское иго¹⁸. Из таких утверждений следовал вывод, что она была просто обязана исправить свою историческую ошибку.

В британских общественно-политических изданиях, в частности на страницах ежемесячного журнала «Найтингсенчури энд афтэ», подводилась теоретическая база под «гуманитарную интервенцию» великих держав в балканские провинции султана. Профессор права Дж. Уэстлейк рассматривал эту проблему под общечеловеческим, цивилизационным и международным углом зрения. Беря за критерий такие либеральные ценности, как право на свободу и достойную жизнь, Уэстлейк утверждал, что турецкие власти, в силу своего менталитета, политических традиций и отсутствия правовых рычагов контроля за ситуацией в Македонии, не могли обеспечить ее народам терпимые условия существования. В свете этого «интервенция» великих держав, т. е. распространение международного контроля над балканскими территориями и ограничение там власти султана, являлась не только допустимой, но крайне важной мерой. Показательно, что Уэстлейк считал «европейский концерт» наиболее оптимальной моделью взаимодействия великих держав по вопросу вмешательства во внутренние дела Турции. Причем, в отличие от времен Венского конгресса, когда, собственно, это понятие и было введено в политический лексикон и подразумевало сотрудничество великих держав на базе определенных принципов, британский профессор трактовал «концерт» как механизм поддержания баланса сил. А потому при решении проблем, связанных с будущим Османской империи, Великобритания как глобальная держава не могла самоустраниться от этого процесса. Выпадение из «концерта» хотя бы одной из великих держав, по мнению Уэстлейка, повлекло бы за собой его обрушение, что было чревато международными конфликтами¹⁹.

Британская пресса, подобно барометру, была чувствительна к колебаниям международной конъюнктуры. В условиях изменения конфигурации великих держав, заключения англо-русской Антанты, британские публицисты начали рассматривать Балканы как подходящее пространство для налаживания

партнерских отношений между Лондоном и Петербургом. Влиятельный британский журналист Джеймс Гарвин, печатавшийся под псевдонимом Калчас, интерпретировал англо-русскую Антанту не как соглашение о союзе, а скорее как «разрядку», позволившую Великобритании и России упорядочить свои противоречия на Востоке. Консенсус по македонским реформам, достигнутый во время Ревельского свидания русского и британского монархов (июнь 1908 г.), продемонстрировал расширение сферы действия Антанты, ее распространение на Европу, в первую очередь на Балканы. Причем, по мнению Гарвина, сотрудничество с Англией во многом являлось залогом успешной реализации Россией ее политики на Ближнем Востоке и Балканах, тогда как возможный союз с Германией только бы разрушил планы Петербурга в отношении этого региона²⁰.

Общеизвестно, что на страницах британских изданий зачастую создавался образ России как державы, в культурном и цивилизационном плане чуждой западному сообществу (активно разрабатывалась теория «славянской угрозы»)²¹. Однако во внешней политике Лондона прагматические соображения всегда перевешивали идеологию, что также нашло отражение в английской прессе, которая была открыта для дискуссий и диалога. Так, укрепление позиций Германии на Ближнем Востоке побуждало британских публицистов на протяжении более десяти лет, с середины 1890-х годов и до заключения Антанты с Петербургом, искать различные варианты англо-русского сближения. Причем, партнерство Великобритании и России неизменно рассматривалось как взаимодействие двух мировых держав. Успех этого сотрудничества зависел от того, смогут ли две страны договориться о судьбе одного из ключевых коммуникационных узлов того времени – Константинополя и Проливов, что, в свою очередь, имело бы определяющее влияние на судьбы Балканского региона.

На страницах «Фортнайтли ревью» доказывалось, что Англия, в отличие от других великих держав, в наименьшей степени была заинтересована в Балканах и Средиземноморье. Это позволяло ей со стороны наблюдать за борьбой, развернувшейся между Россией, Германией, Австро-Венгрией и Ита-

лией, за влияние в регионе²². Указывалось, что поддержка Турции слишком дорого обходилась британской казне: 100 тыс. фунтов в год, не говоря уже о моральном аспекте проблемы²³. Английские публицисты, например, капитан Дж. Гамбье, хороший знаток балканско-ближневосточного региона, считал, что британское правительство прилагало тщетные усилия, пытаясь отсрочить распад Османской империи: практически все эксперты по Леванту предсказывали господство России в Константинополе²⁴. У Лондона, как полагал Гамбье, не было веских оснований чинить препятствия русским: царь — естественный и законный наследник султана, а для британских интересов едва ли было бы больше пользы, если бы на месте России оказались окрепшие балканские государства, Франция или Австро-Венгрия²⁵. Идея передачи России Константинополя продолжала обсуждаться на страницах «Фортнайтли ревью» и десятилетие спустя, после заключения англо-русской Антанты. На взгляд публициста Дж. Э. Баркера, Британия, принимая во внимание долгосрочные факторы, могла допустить оккупацию города на Босфоре, поскольку это не таило в себе угрозу безопасности Индии. Кроме того, захват Россией Константинополя, несмотря на очевидные стратегические и экономические дивиденды, ставил ее в уязвимое положение, ибо провоцировал конфликт с Центральными державами²⁶.

Эти рассуждения во многом являлись отзвуком дискуссий, которые велись в рамках британского Комитета обороны империи (КОИ). Так, в феврале 1903 г. на заседании КОИ было принято решение о нецелесообразности защиты Британией турецкой столицы. Указывалось, что «поддержание статус-кво в отношении Константинополя не является первостепенным морским или военным интересом этой страны»²⁷. Кроме того, попытки России утвердиться на Босфоре, как отмечалось Комитетом, были неизбежно сопряжены с большими потерями флота и необходимостью превращения Константинополя в военно-морскую базу (если Россия хотела стать средиземно-морской державой)²⁸. Почти то же самое, как мы видели, но в несколько других формулировках излагали Гамбье и Баркер. Такое совпадение позиций свидетельствовало о контактах и

взаимообмене мнениями между лицами, причастными к выработке внешнеполитических решений, и представителями экспертного сообщества.

Разумеется, в условиях, когда взаимодействия между великими державами определяли динамику развития международных отношений, внимание журналистов фокусировалось, в первую очередь, на балканской политике «сильных мира сего». Однако, относительно регулярное появление в авторитетных периодических изданиях статей, в которых освещались некоторые аспекты внутренней и внешней политики балканских стран, прежде всего Болгарии и Сербии, их государственное устройство, говорило о том, что они начинали восприниматься как нечто большее, чем просто *quantité négligeable*²⁹. Болгария, еще со времен Болгарского кризиса 1885-1886 гг., избрания на ее престол Фердинанда Кобургского и утверждения у власти С. Стамболова, оценивалась британским руководством как довольно весомый фактор балканской политики. Болгарское княжество даже рассматривалось английской дипломатией как противовес политике России в регионе: по образному выражению британского посла в Константинополе У. Уайта, «эти недавно освободившиеся народы (т. е. болгары. — О. А.) хотят вздохнуть полной грудью, а не через ноздри России»³⁰. Так, член парламента от Либеральной партии Х. Лоу в одной из своих статей констатировал, что «исчезновение Болгарии поставит крест на деле свободы и прогресса; оно также нанесет удар по британским интересам на Ближнем Востоке»³¹. Выражалась надежда на то, что Болгария «в концерте» с другими балканскими государствами создаст барьер, который ограничит «исключительное преобладание» России на полуострове. Ведь, по словам Х. Лоу, «Турция, на которую прежде опиралась Великобритания, уже была не в состоянии сопротивляться русскому продвижению»³².

После Илинденско-Преображенского восстания 1903 г. Болгария фигурировала в британской прессе преимущественно в контексте македонских сюжетов. Антитурецкое движение в европейских вилайетах, на взгляд британских дипломатов, по своему национальному окрасу было болгарским³³.

Эта точка зрения разделялась и многими видными журналистами, специализировавшимися на балканской тематике. Так, Э. Дж. Диллон утверждал, что «Болгария и Македония были подобны сиамским близнецам: смерть одного влечет гибель другого»³⁴. На страницах британских изданий, что немаловажно, предпринималась попытка обнаружить внутренние пружины, которые активизировали внешнюю политику княжества. В частности, в ежегодном обозрении «Эньюэл реджистер» отмечалась особая роль в этом процессе македонских иммигрантов, которые составляли значительную часть населения Софии³⁵. Можно было заключить, что вся эта взрывоопасная масса оказывала давление на болгарское правительство и лично на князя с целью принудить его открыто выступить на стороне восставших. В принципе, даже оппортунистическая политика Фердинанда, которая была нацелена на присоединение Македонии и провозглашение независимости Болгарии и которая заключалась во внешнеполитическом маневрировании между Россией и Австро-Венгрией, оценивалась британскими корреспондентами скорее положительно. Ведь Фердинанд в меру своих возможностей, как полагал Э. Дж. Диллон, стремился противостоять великодержавным подходам России и Австро-Венгрии, которые «обращались с балканскими царьками (букв. *kinglets*. — *О. А.*), как с фигурками на шахматной доске»³⁶.

Если Болгария рассматривалась британскими политиками и журналистами как самое перспективное и многообещающее балканское государство³⁷, то совершенно иное отношение они выказывали к Сербии. В начале XX в. Сербское королевство воспринималось британской общественностью в негативном ключе, что объяснялось ее негодованием в связи с жестокой расправой, учиненной заговорщиками над королем Александром Обреновичем и его супругой Драгой Машин в ходе Майского переворота 1903 г. в Белграде. Поскольку все эти проблемы довольно подробно исследованы в сербской историографии, в том числе перипетии восстановления англо-сербских отношений в освещении британской прессы³⁸, остановимся лишь на вопросе о том, как в британских периодических изданиях конструировался имидж Сербии.

О «резне» королевской четы (так в тексте. — *О. А.*) на страницах британских журналов рассуждали сами балканские авторы, которые, очевидно, не являлись сторонниками династии Карагеоргиевичей³⁹. Делались довольно пессимистические прогнозы относительно перспектив правления короля Петра, который был «обречен стать тираном»⁴⁰. Апеллируя к британской публике, т. е. выдавая продукт для «внешнего потребления», автор, скрывавшийся под псевдонимом «Иванович», доказывал, что великие державы, Россия и Австро-Венгрия, никогда не позволят усилиться Сербскому королевству: первая не допустит образования большого славянского государства к югу от Дуная, вторая — возрождения «империи Душана» и расширения Сербии до Далматинского побережья. Между тем, как писал Иванович, большая часть населения, т. е. в массе своей сельские жители, воодушевленные древними сказаниями о царе Душане, выступала за активную внешнюю политику Сербии, не представляя, «какие силы могут привести в движение великие державы Европы»⁴¹. По замечанию Ивановича, руководствуясь своекорыстными интересами, военные и политики намеренно поддерживали такую форму «патриотизма». Вполне закономерно, что после прочтения подобных статей у британских читателей складывалось впечатление о Сербии как о «полуцивилизованной» стране, во внешней политике которой превалировал элемент иррационализма.

Э. Дж. Диллон, не прибегая к высокопарной риторике, подчеркивал, что постоянные покушения на правителей и «дворцовые перевороты» являлись частью политической культуры Сербского королевства. Так, по его словам, после того, как канули в Лету «славные времена Стефана Душана», «волны европейской культуры более не докатывались до сербского народа»⁴². Хотя это «отвратительное» преступление, как замечал Диллон, было незначительным с точки зрения его влияния на международные отношения, оно бросало тень на всех южных славян, представляя их «кровожадными, вероломными головорезами, не лучше, чем турки», что отталкивало от них симпатии европейского общественного мнения и не способствовало делу «македонских христиан»⁴³.

Однако упорная борьба, которая велась на внутривосточной сцене Сербии, по вопросу восстановления дипломатических отношений с Англией⁴⁴, австро-сербская Таможенная война и решительный отказ сербского правительства закупать пушки австро-венгерского производства заставили британцев переоценить удельный вес Сербского королевства в общевосточном балансе сил. Кроме того, британские обозреватели с тревогой констатировали стремление Австро-Венгрии заполнить вакуум силы, который образовался на Балканах вследствие ослабления позиций России из-за ее внутренних неурядиц и вовлеченности в неудачную войну на Дальнем Востоке⁴⁵. Все это побуждало их обратить свои взоры на непосредственно межвосточные взаимодействия.

Перспектива дальнейшего проникновения Австро-Венгрии на Балканы и установления ее контроля над Македонией обусловили в 1904–1905 гг. взаимонаправленное движение Сербии и Болгарии. В ходе многочисленных двусторонних консультаций была выработана формула секретного сербо-болгарского договора, подписанного в Белграде в марте 1904 г., а в 1905 г. между двумя государствами был заключен новый торговый договор, предполагавший создание таможенного союза⁴⁶.

Сербо-болгарский диалог, как констатировали британские обозреватели, был с настороженностью встречен Веной, тогда как Лондон, по контрасту, его приветствовал. Великим державам, по мнению корреспондентов «Таймс», пришло, наконец, время смириться с растущей активностью «малых стран» и признать, что последние были вправе объединять свои усилия ради обеспечения общих интересов в регионе в условиях постоянного присутствия там великой державы⁴⁷.

Весной 1906 г. в восточные столицы со специальной миссией отправился известный английский журналист А. Стэд⁴⁸. Поскольку камнем преткновения, мешавшим развитию сотрудничества между восточными государствами, являлся македонский вопрос, то Стэд предложил местным элитам свои «рецепты» его решения, заключавшиеся в разделе Македонии между Сербией, Болгарией и Грецией⁴⁹. Показательно, что

Форин оффис поспешил отмежеваться от инициатив журналиста⁵⁰. На данном этапе подобные проекты, с одной стороны, приравнивались британскими дипломатами к утопии⁵¹, с другой — могли вызвать резонанс в регионе, последствия которого были трудно предсказуемы.

Поездка Стэда на Балканы была отголоском тех дискуссий, которые велись в Британии в связи с резким обострением англо-турецких отношений из-за акабского кризиса 1906 г., вызванного неурегулированностью вопроса о границе на Синае между Египтом, оккупированном Британией, и Османской империей. Комитетом обороны империи даже рассматривалась возможность военного конфликта между Англией, с одной стороны, и Турцией и Германией — с другой, а также совместное германо-турецкое наступление на Египет⁵². В условиях вероятного столкновения с мусульманской державой на страницах авторитетных британских журналов с новой силой возобновилось обсуждение проблемы панисламизма.

Для исламского мира, а в одной только британской Индии проживало около 62 млн мусульман, султан являлся халифом. Английское правительство, как отмечал А. Стэд, не могло игнорировать тот факт, что внутри имперских структур присутствовала столь колоссальная сила, скрытые механизмы управления которой находились в чужих руках⁵³. Маловероятно, чтобы панисламистская риторика Абдул-Хамида представляла опасность для британской администрации в Индии. Однако возможность эксплуатации враждебной великой державой этого идеологического ресурса создала бы серьезные проблемы для британского присутствия в Азии. И речь Вильгельма II в 1898 г. в Дамаске, где он провозгласил себя другом 300 млн мусульман и их халифа, турецкого султана, подтверждала самые мрачные прогнозы британского истеблишмента⁵⁴.

Неблагоприятная расстановка сил, сложившаяся для Британии на Ближнем Востоке, заставляла англичан задуматься о поиске «противоядия» германо-турецкой угрозе, в качестве которого, помимо всего прочего, рассматривалось создание балканской «конфедерации». По мнению того же Стэда, надежным способом сдерживания Германии и контроля за сис-

тематическим распространением идей панисламизма, этого инструмента германской политики, являлось достижение Великобританией взаимопонимания с Румынией, Сербией и Болгарией – тремя странами Балканского полуострова, граничащими по Дунаю. Журналист отводил им роль буфера между Европой и Турцией. Англии следовало, как полагал Стэд, с каждым из государств заключить соглашение наподобие Антанты с Францией или союза с Японией. Стэд акцентировал особенное внимание на военной составляющей балкано-английской «Антанты». Британия – морская держава, поэтому ее единственный способ давления на другие государства – акции, прежде всего, связанные с участием флота, но с континентальными странами этот вариант не действовал. Солдаты Румынии, Сербии и Болгарии могли образовать мощное сухопутное войско, которому в будущем, в соответствии с проектом Стэда, предназначалась роль английской армии на континенте⁵⁵. Примечательно, что в самих балканских государствах, в частности в Сербии, «улавливали» такого рода настроения британской общественности. Лондон, как констатировалось в полуофициальной газете «Политика», после британско-османского конфликта из-за египетской границы начал относить Турцию к «враждебному лагерю», а союз балканских государств рассматривать как средство обеспечения безопасности стратегически значимого региона⁵⁶.

Конечно, проект Стэда, несмотря на его новаторство, как и любая другая схема, был несколько оторван от жизни: он до конца не учитывал глубоких этноконфессиональных противоречий, существовавших между балканскими государствами. Однако само по себе его появление можно считать «прорывом». Различные планы создания блока балканских государств предлагались и прежде, однако впервые ставился вопрос о сотрудничестве, в том числе военном (!), между балканскими государствами и ведущей мировой державой.

Подводя итоги нашим размышлениям, мы можем констатировать, что пресса формировала у британской общественности довольно объемное представление о взаимодействии великих держав и малых стран в пространстве Балканах,

о складывании международно-политической иерархии, верхние ярусы которой занимали великие державы, а нижние — местные государства. Разнообразие информации и ее структурированная подача позволяли выделить формы вовлеченности великих держав в события на Балканах: их взаимодействие в рамках тандема с целью поддержания статус-кво в регионе и «концертная» дипломатия, предполагавшая коллективные действия и установление европейского контроля над балканскими провинциями Турции. Кроме того, Балканы изображались в качестве своеобразной платформы, которая использовалась для укрепления внутриблокового сотрудничества великих держав (России и Великобритании). Все это указывало на особое место Балканского региона в рамках существовавшей системы международных отношений. В некоторой степени английская публика даже приучалась к мысли о том, что Балканы в силу своей политической турбулентности становились одним из главных «поставщиков» международных новостей.

Однако наиболее поразительной тенденцией, зафиксированной на страницах британских общественно-политических журналов, являлась постепенная трансформация балканских государств в самостоятельных региональных игроков. Британский историк и философ Арнольд Тойнби писал о том, что в 1870-е годы образование балканских государств практически осталось незамеченным современниками: на локальном уровне всего-навсего произошла передача власти от одного второразрядного государства, каковым на тот момент являлась Османская империя, к нескольким другим, еще менее значительным единицам⁵⁷. Между тем продемонстрированное местными государствами стремление реализовать их собственные национальные программы, а, значит, и желание большей внешнеполитической самостоятельности, усложняло систему международных отношений, требовало выработки новых правил игры в регионе, отсутствие которых привело к череде серьезных международных кризисов, вылившихся, в конечном счете, в мировую войну.

Примечания

- ¹ Carr E. The Twenty Years Crisis 1919–1939. An Introduction to the Study of International Relations. London, 1981. P. 31.
- ² Taylor A. J. P. The Trouble Makers. Dissent over Foreign Policy, 1792–1939. London, 1957. P. 96.
- ³ Argyll G. D. C. The Eastern Question. From the Treaty of Paris 1856 to the Treaty of Berlin 1878, and to the Second Afghan War. Vol. II. London, 1879. P. i.
- ⁴ Vindex (MacColl M.). A Plot Against British Interest in the Levant // Fortnightly Review. 1897. Vol. 61(2). P. 811.
- ⁵ Papadopoulos G. England and the Near East 1896–1898. Thessaloniki, 1969. P. 247.
- ⁶ Vivian H. The Macedonian Conspiracy // The Fortnightly Review. 1903. Vol. 73. P. 829–831.; Idem. The Servian Tragedy, with Some Impressions of Macedonia. London, 1904. P. 273–274.
- ⁷ Brailsford H. N. A Liberal Policy in the Near East // The Independent Review. August 1904. Vol. III. P. 332.
- ⁸ Blind K. The Far and the Near East // The Westminster Review. Vol. 161. P. 607.
- ⁹ Brailsford H. N. Op. cit. P. 333.
- ¹⁰ Hansard's Parliamentary Debates. Vol. 129 (1904). 4-th Ser. London, 1905. Col. 1267.
- ¹¹ Hilton Young E. The Near East: A Plan // The Independent Review. December 1903. Vol. I. P. 474.; Brailsford H. N. A Liberal Policy in the Near East // The Independent Review. August 1904. Vol. III. P. 321–336.; Hilton Young E. A Suggested Scheme of Reforms // The Balkan question; the Present Condition of the Balkans and of European Responsibilities. Ed. by L. Villari. L., 1905. P. 294–325. Форин оффис с вполне определенной целью высказывался за передачу функций контроля за сбором и распределением налоговых поступлений не Имперскому Османскому банку, а Администрации османского долга, где преобладающим было английское влияние.
- ¹² Hansard's Parliamentary Debates. 1904. Vol. 129. Col. 362.; Ibid. 1905. Vol. 141. Col. 1356, 1368; Ibid. 1905. Vol. 143. Col. 1320.
- ¹³ Wyon R. Op. cit. P. 100–102; Booth J. Op. cit. P. 244–248.
- ¹⁴ The National Archives, Kew (далее – NA. FO) 78/5295. № 219. Elliot to Lansdowne. 9.09.1903.
- ¹⁵ Крупнейший из этих проектов – Македонский фонд помощи. См.: Law H. The Situation in the Balkans // The Independent Review. Vol. II (March 1904). P. 248.
- ¹⁶ Bryce J. The Near East // The Independent Review. October 1903. Vol. I. P. 159.
- ¹⁷ Hansard's Parliamentary Debates. 1904. Vol. 129. Col. 506.
- ¹⁸ Buxton N. Freedom and Servitude in the Balkans // The Westminster Review. May 1903. Vol. 159. P. 490.
- ¹⁹ Westlake J. The Balkan Question and International Law // The Nineteenth Century and After. 1906. Vol. 60. P. 892–894.
- ²⁰ Calchas. The Triple Entente // The Fortnightly Review. 1908. Vol. 85. P. 27.
- ²¹ См., например, статьи уже упоминавшегося К. Блинда и Э. Рейха, венгерского резидента в Британии: Blind K. Macedonia and England's Policy // The Nineteenth Century and After. November 1903. Vol. 54.; Idem. The Far East and the Near East // The Westminster Review. June 1904. Vol. 161.; Reich E. The Slav and His Future // The Fortnightly Review. 1904. Vol. 75.
- ²² Gambier J. W. The Foreign Policy of England // The Fortnightly Review. 1895. Vol. 58. P. 556.
- ²³ MacColl M. Turkey or Russia // The Fortnightly Review. 1895. Vol. 58. P. 951.
- ²⁴ Gambier G. W. Russia on the Bosphorus // The Fortnightly Review. 1897. Vol. 61. P. 757.
- ²⁵ Idem. The Foreign Policy of England... P. 544.
- ²⁶ Barker J. E. The Future of Turkey // The Fortnightly Review. 1908. Vol. 84. P. 561–562.
- ²⁷ NA. CAB 38/2/6. Report of the Conclusion arrived on the 11th February in reference to Russia and Constantinople. 14.02. 1903.

- ²⁸ NA. CAB 38/2/41. Remarks on Memoranda dealing with the Question of a Russian Seizure of Constantinople by L. Battenberg . 30.04.1903.
- ²⁹ Нечто не стоящее внимания.
- ³⁰ *Sutherland H.* Sir William White, K. C. B., K. C. M. G., for Six Years Ambassador at Constantinople; His Life and Correspondence. London, 1902. P. 228–229, 234.
- ³¹ *Law H.* Op. cit. P. 253.
- ³² Ibid. P. 253–254.
- ³³ NA. FO 881/8873. General Report on Bulgaria for the year 1906. Genesis of the Macedonian Insurrectionary Movement. P. 18.
- ³⁴ *Dillon E. J.* Macedonia and the Far East // *The Contemporary Review*. Vol. 85. № 258 (February 1904). P. 294.
- ³⁵ The Annual Register for the Year 1903. L., 1904. P. 320.
- ³⁶ *Dillon E. J.* Op. cit. P. 291.
- ³⁷ NA. FO 881/8873. P. 19.
- ³⁸ *Алексић-Пејковић Љ.* Односи Србије са Француском и Енглеском 1903–1914. Београд, 1965; *Вучетић Б.* Србија и Британија 1903–1906. године очима савремене британске штампе // *Историјски часопис*. 2001. Књ. XLVIII; *Растовић А.* Британски краљ Едвард и дипломатски бојкот Србије 1903–1906 // *Историјски часопис*. 2001. Књ. XLVIII; *Растовић А.* Велика Британија и Србија. 1903–1914. Београд, 2005.
- ³⁹ *Ivanovich.* The Servian Massacre // *The Contemporary Review*. 1903. Vol. 84.
- ⁴⁰ Ibid. P. 78.
- ⁴¹ Ibidem.
- ⁴² *Dillon E. J.* Servia and the Rival Dynasties // *The Contemporary Review*. Vol. 84. P. 131–132. В тексте Диллон вместо термина «южные славяне» употребляет словосочетание «восточные славяне».
- ⁴³ Ibid. P. 142–143.
- ⁴⁴ По мнению сербской исследовательницы Л. Алексић-Пејковић, вопрос об англо-сербских отношениях стал тем фасадом, за которым велась борьба за распределение власти внутри страны. Не возобновить в тот момент отношений с Лондоном, как заключает сербская исследовательница, значило создать крайне неблагоприятные условия для развития молодого сербского парламентаризма в угоду силам авторитаризма и милитаризма и поставить страну в полную зависимость от империи Габсбургов. См.: *Алексић-Пејковић Љ.* Указ. соч. С. 127.
- ⁴⁵ *Scott-James R. A.* The Austrian Occupation of Macedonia // *The Fortnightly Review*. Vol. 78. 1905. P. 901.
- ⁴⁶ Он так и не вступил в силу, поскольку не был ратифицирован сербской Скупщиной.
- ⁴⁷ *The Times*, 9.02.1906.
- ⁴⁸ А. Стэд был сыном известного публициста У. Стэда, главного редактора журнала «Ревью оф ревьюз».
- ⁴⁹ NA. FO 371/14/238. Buchanan to Grey. 12.05.1906.
- ⁵⁰ NA. FO 371/14/238. Grey to Buchanan. 30.05.1906.
- ⁵¹ NA. FO 881/8873. P. 32.
- ⁵² NA. CAB 38/12/42. A Turco-German invasion of Egypt: Note by Sir John French.
- ⁵³ *Stead A.* Pan Islamism: Some Dangers and a Remedy // *The Fortnightly Review*. Vol. 80. October 1906. P. 585.
- ⁵⁴ Ibid. P. 586.
- ⁵⁵ Ibid. P. 597–601.
- ⁵⁶ Политика, 8.05.1906.
- ⁵⁷ *Toynbee A.* The World after the Peace Conference: Being an Epilogue to the 'History of the Peace Conference of Paris' and a Prologue to the 'survey of International Affairs, 1920–1923. London, 1925. P. 8.

Албания, первый год независимости (по материалам русской печати)

В октябре 1912 г. вспыхнула Первая Балканская война. В результате территория Балкан была разделена между балканскими союзниками. Многовековому османскому господству на Балканах пришел конец. Однако распределение отвоеванных у Османской империи территорий вызвало острый конфликт между участниками Балканского союза и спровоцировало в июне 1913 г. Вторую Балканскую войну.

Балканские войны обострили албанский вопрос. К их началу албанцы, несмотря не свою длительную и упорную борьбу за освобождение, оставались единственной балканской нацией, не имевшей своей государственности. Но 28 ноября 1912 г. на всеалбанском конгрессе во Влёре была провозглашена независимость Албании.

У рождавшегося в муках нового государства возникли серьезные проблемы, связанные с государственным устройством и территориальным разграничением. Наиболее серьезной представлялась вторая проблема. Дело в том, что соседние с Албанией государства — Сербия, Черногория и Греция — предъявили претензии на те или иные части албанской территории. Удовлетворение этих претензий в полном объеме оставило бы от нового государства лишь небольшой обрубок.

Определение территориальных рамок вновь возникшего государства решили взять на себя великие державы, послы которых собрались 17 декабря 1912 г. в Лондоне на конференцию по балканскому вопросу. Позиции ее участников по албанскому территориальному разграничению в основном определялись их принадлежностью к той или иной военно-

политической группировке, на которые тогда была расколота Европа: Тройственному согласию или Тройственному союзу. Россия на конференции действовала исходя из своих союзнических отношений с Сербией и Черногорией, а также исходя из панславистских настроений ее правящих кругов и части общества. Однако ознакомление с некоторыми публикациями российской прессы этого периода позволяет утверждать, что общественное мнение России отнюдь не полностью разделяло эту позицию.

Позицию царского правительства и националистических кругов соседних с Албанией стран полностью поддержала ультрареакционная газета «Новое время». Она сообщила о провозглашении независимости Албании и признании ее автономии великими державами¹. В то же время «Новое время» в своем комментарии поставило под сомнение право албанцев иметь свое независимое государство. «Если бы албанцы, — писала газета, — были народом, который непрерывно волновал Европу или ближайших соседей своей открытой или подпольной, глухой борьбой за независимость и единство, как, например, боролись до сих пор болгары, отчасти сербы и греки, можно было бы понять желание водворить наконец покой и в Албании дарованием ей автономии или независимости. Но такой борьбы и стремлений у албанцев не было... Ни одно ружье до сих пор не выстрелило за албанское единение, за албанскую независимость, за новое албанское мусульманское государство»². Здесь нет необходимости полемизировать с утверждением автора статьи об отсутствии у албанцев стремления к достижению свободы и независимости, ничего общего с действительностью не имеющих. Большинство русских периодических изданий в той или иной мере разделяло позицию «Нового времени».

Другую позицию по албанскому вопросу заняла либеральная «Речь», печатный орган партии кадетов. Следует заметить, что еще до начала Первой Балканской войны газета обратила внимание на усиление национальной активности среди албанцев Косово. 20 июля (2 августа) 1912 г. «Речь» опубликовала об этом статью под заголовком «Албанское дви-

жение», где говорилось: «В течение последней недели кризис, который переживает Оттоманская империя, осложнился новым фактором: окончательной организацией албанского движения в так называемой Старой Сербии... Албанские восстания вообще стали хроническим явлением последних лет. Но до сих пор восставшие албанцы трактовались правительством как разбойничьи банды. Восстанцы не осмеливались покидать неприступных горных высот, и там принуждены были их искать, окружать и оттеснять шаг за шагом турецкие регулярные войска. В настоящее время мы видим совсем иное. Турецкие войска парализованы и бездействуют. Турецкие местные власти подают в отставку и уезжают из Старой Сербии. Албанцы же спускаются с гор и систематически занимают один за другим все города как низинной восточной половины Старой Сербии, так называемого Косова поля, так и западной гористой, так называемой Метохии».

«Речь» публиковала также материалы, касающиеся политики Сербии и Черногории в отношении Албании. Пропаганда этих стран предпринимала попытки доказать, что албанцы не имеют никаких оснований претендовать на автономию, а тем более независимость. Так, газета перепечатала в своем номере от 12 (25) ноября 1912 г. заметку из официозной газеты Черногории «Глас Црногорца». Дата публикации этой заметки не приводится, однако, судя по ее содержанию, она относится к периоду Первой Балканской войны. Этот черногорский орган, в частности, писал: «Албания, которая не имеет ни собственной истории, ни своей азбуки, литературы и общего языка, боролась не против турок, а против младотурецкого режима, который намеревался лишить их [албанцев] права ношения оружия, в котором они нуждались для истребления сербов. Ныне Албания сражается на стороне турок, так как у нее нет своей национальности».

Сходные мнения высказал и профессор Белградского университета А. Белич, о котором также сообщила «Речь»³. Сербский профессор доказывал, что Сербии за счет Албании должен быть предоставлен выход к Адриатическому морю. Мотивировалось это тем, что якобы у албанского народа еще

не выработалось того общественного самосознания, которое необходимо для создания вполне самостоятельного государства. Далее автор утверждал, что носителем зарождения национальных стремлений албанцев является узкий круг людей, не имеющий почти никаких связей с народом.

Этот материал сопровождался критическим комментарием со стороны редактора «Речи» П. Н. Милюкова, выразившего несогласие с мнением белградского профессора о неготовности албанцев к независимому существованию. Редактор газеты высказался в этой связи следующим образом: «Я продолжаю несколько расходиться с А. И. Беличем относительно степени национальной зрелости (или, лучше сказать, незрелости) албанцев... Не думаю я и того, чтобы молодое поколение так уж решительно порвало с народом. О противном свидетельствуют первые успехи албанской народной школы, первые шаги албанских учительских институтов, а также и первые опыты албанской журналистики, как бы они ни были наивны и несовершенно»⁴.

Провозглашение независимости горячо поддержала и большевистская «Правда». 27 и 28 ноября (10 и 11 декабря) 1912 г. в газете была опубликована большая статья под заголовком «Шкипитары — орлы». Приветствуя освобождение Албании от турецкого ига, автор привел наиболее яркие страницы из истории освободительной борьбы албанского народа на протяжении XIX и начала XX вв. Рисуя сложные внутренние и международные условия, в которых произошло освобождение, «Правда» подчеркивала, что оно есть прежде всего результат длительной героической борьбы албанского народа⁵.

В 1913 г. русские периодические издания продолжали уделять внимание событиям в Албании. Здесь шла речь, в частности, о формировании территориальных пределов рождающегося государства. Публикациям по этому вопросу предоставил место, например, журнал «Вестник Европы». Действия великих держав по территориальному разграничению Албании «Вестник Европы» расценивал как проалбанские и направленные против интересов Сербии и Черногории. Это утверждалось в одной из статей, опубликованных в журнале:

«Дипломатия усердно занимается теперь албанским вопросом. Албании суждено было сделаться предметом забот и споров прежде, чем она успела родиться на свет в виде особого государства. Странно, что это неродившееся еще государство пользуется уже несомненными преимуществами пред Сербиею и Черногориєю и удачно отрывает от них целые области, завоеванные ими с оружием в руках». В качестве примера приводился захват Скутари (Шкодра) у черногорцев, взятого штурмом в апреле 1913 г., а в мае того же года переданного под международный контроль⁶.

Газета «Речь» после провозглашения независимости Албании также продолжала следить за событиями в этой стране. Здесь она имела важное преимущество перед другими изданиями, так как получала свои материалы из первых рук. В июле 1912 г. ее корреспондент Владимир Викторов находился в Приштине и посылал оттуда свои материалы. В октябре 1913 г. он оказался во Влёре, резиденции временного албанского правительства. С территории Албании он отправил в газету пять своих очерков, объединенных заголовком «Среди свободных шкипетаров»⁷. Материалы для них журналист собрал в результате своих путешествий по стране. Помимо Влёры, он побывал также в Дурресе, Эльбасане, Тиране, Круе и других местах. Он встречался со многими албанскими деятелями, имел продолжительную беседу с председателем албанского правительства Исмаилом Кемали. Его очерки представляют большой интерес не только потому, что Викторов был первым русским журналистом, побывавшим в независимой Албании, но и ввиду объективного анализа обстановки в этой стране, сочетавшегося с доброжелательным отношением к албанскому народу.

В очерках В. Викторова содержатся интересные наблюдения о положении в Албании в первый год ее независимого существования. Русскому журналисту бросились в глаза большой патриотический подъем, пробуждение общественной жизни в стране, избавившейся от жестокого турецкого ига. Из Одессы, Каира, Бухареста, США и с других концов света во Влёру, по словам Викторова, ежедневно прибывали албанские патриоты. Свержение турецких завоевателей, стремившихся держать ал-

банский народ в темноте и невежестве, пробудило в широких слоях населения огромную тягу к образованию. Правительство Исмаила Кемали, сообщил Викторов, успело открыть две нормальные школы (в Эльбасане и Канине)*. Число желающих поступить в них втрое превзошло число имеющихся вакансий, так что перед правительством стоит вопрос об открытии, по крайней мере, еще трех или четырех нормальных школ.

Викторов отдавал себе отчет в трудностях и опасностях, внешних и внутренних, подстерегавших молодое албанское государство, которое стало полем соперничества и захватнических устремлений крупных держав, прежде всего Австро-Венгрии и Италии. Обе державы боролись за экономическое и политическое преобладание в стране. Русский журналист обратил внимание на то, что австрийские штаб- и обер-офицеры «большими, веселыми группами» совершают «полевые поездки» по стране, имеются уже здесь венгерские инженеры и коммивояжеры из Франкфурта и Дрездена. Итальянские и австрийские предприниматели, соревнуясь друг с другом, строят «в албанских трущобах» громадные отели и рестораны⁸.

Большую опасность для Албании представляли и поползновения на ее территорию соседних балканских стран, получавшие поддержку великих держав. В марте 1913 г. конференция послов в Лондоне приняла решение о передаче области Косово, с преобладающим албанским населением, Сербии. Результатом стал трагический исход многих тысяч албанцев из Косово в свободную Албанию, зафиксированный Викторовым. Эти беженцы, лишившиеся всего своего имущества, по словам журналиста, «живут, в буквальном смысле слова, подавляем». Тогда, по данным корреспондента, в Албанию бежало из Косово, а также из Македонии, около 125 тыс. человек, ставших, по замечанию Викторова, обузой «для молодого, еще только формирующегося государства». «Обуза» эта касалась в основном Северной и Центральной Албании, но большое давление испытывало и население албанского юга. Здесь, как и на севере страны, работала Международная комиссия по территориальному разграничению. Греция, оккупировавшая

* Нормальная школа – средняя школа более высокого уровня.

часть Южной Албании, произвольно старалась «улучшить» в свою пользу этнический состав ее населения. По этому вопросу Викторов получил сведения, что греки любыми способами стараются повлиять на членов Международной комиссии: «Желая ввести в заблуждение членов комиссии, они массами угоняют албанское население Эпира, мужское население держат в тюрьмах и казармах, а женское просто под замком. В албанских домах устраивают своих эвзонов*, переодетых в крестьянское платье, и таким образом создают иллюзию, будто в таких албанских городах, как Корча и Гирокастра (Аргирокастро), никогда не было албанцев»⁹.

В ходе пребывания Викторова в Албании у него возник вопрос и о взаимоотношениях албанцев с Турцией. На всем протяжении чужеземного господства албанцы боролись за свое освобождение, и провозглашение независимости Албании явилось закономерным результатом этой борьбы. Но одновременно в период османского господства значительная часть албанцев перешла в мусульманство, и верхушечная часть албанского общества тесно связалась с правящим слоем Османской империи; албанцы нередко участвовали и в карательных акциях Порты. Это создало почву для обвинения албанцев, особенно со стороны их балканских соседей, в туркофильстве. Викторов пытался выяснить у своих албанских друзей, какое место занимает мусульманство в духовной жизни албанцев, и получил следующий ответ, который он изложил в своем очерке от 28 октября (10 ноября) 1913 г.

«Вопросы религии, — обдуманно и серьезно говорили мне албанцы, — останутся вопросами религии. Если бы мы старались вам доказать, что вся мусульманская часть албанского населения перестала быть мусульманами и потеряла всякую связь с халифатом**, это было бы с нашей стороны ложью и лицемерием. Нет, мусульмане остались и, должно быть, останутся мусульманами, и из 1 200 000 человек общего населения они удержат за собой, по всей вероятности, преобладающую

* Эвзоны — элитные части греческой армии.

** Халифат — система духовного руководства мусульманами, в том числе не подчиненными светской власти, на которую претендовали турецкие султаны.

по количеству роль (850 тыс. против 150 тыс. православных и 200 тыс. католиков). Но, — и это необходимо иметь в виду, — албанцы никогда не были фанатиками».

Викторов приводит еще одно свидетельство об отсутствии у албанцев какого-либо религиозного фанатизма и о нормальных отношениях, существовавших между албанцами-мусульманами и албанцами-православными. Это свидетельство принадлежит митрополиту Иакову из Дураццо (Дуррес). Этот иерарх, которого русский журналист характеризует как греческого националиста, «ни в коем случае не склонного переоценивать качества албанского народа», в беседе с Викторовым несколько раз «возвращался к вопросу о том, что между албанцами-православными и албанцами-мусульманами нет никакой вражды. Мусульмане и православные живут в мире и согласии друг с другом, даже в тех селах, где они не разграничены и где им приходится на каждом шагу сталкиваться друг с другом»¹⁰.

Помимо внешних угроз, на пути прогрессивного, демократического развития Албании стояли серьезные внутренние проблемы. Страна вышла из многовекового турецкого рабства с грузом невероятной отсталости; особенно это касалось албанской деревни. Здесь вся власть оставалась в руках беев (помещиков), безжалостно угнетавших крестьян. Яркую картину засилья беев Викторов дает в одном из своих очерков: «Везде, для каждого маленького участка этой маленькой земли в центре мироздания стоит бей, непременно грозный, непременно — недоступный, непременно — очень богатый и непременно — мусульманин. Он центр мироздания, потому что он владелец всей земли в округе, потому что он — полководец и генералиссимус местной милиции, он — верховный законодатель и он же — верховный судья. Вокруг него — крестьянство, все равно, из кого бы оно ни состояло: из гегов или тосков, но оно именно и непременно “вокруг” бея. Оно обрабатывает землю бея. Оно проводит дороги от реки к усадьбе бея (других дорог вообще в Албании нет), оно строит новые амбары для бея, когда не хватает старых. Оно до такой степени “вокруг” бея, что у него не остается ни времени, ни охоты заботиться о себе»¹¹.

Но, несмотря на все трудности, албанский народ, как надеялся Викторов, найдет в себе достаточно сил для того, чтобы отстоять свою свободу. Для этого, по мнению русского журналиста, нужны были радикальные перемены в общественном строе Албании. Отвечая некоторым западноевропейским публицистам, ставившим под вопрос жизнеспособность албанского государства и даже само существование албанского народа, Викторов писал 29 ноября (12 декабря) 1913 г.: «Мои наблюдения этого года, так же как все то, что я видел в Албании в прошлом году, произвели на меня совершенно определенное впечатление в том смысле, что если коренная реформа социально-экономического строя Албании вырвет из рук беев их исключительные полномочия, если албанское крестьянство познакомится с прелестями работы не на беев, а на самих себя, если коренная, извне пришедшая революция модернизирует устои этой страны, то все те положительные качества, которые я видел у албанцев, быстро приведут их к полному национальному самоопределению и обеспечат за ними в будущем самостоятельное национальное существование».

Примечания

¹ Новое время. 1912. 18 ноября (1 декабря), 28 ноября (11 декабря).

² Новое время. 1912. 30 ноября (13 декабря).

³ Речь. 1912. 7 (20) декабря.

⁴ В самой Сербии точка зрения А. Белича не встретила полной поддержки. Так, социал-демократ Д. Туцович писал о росте национального самосознания албанцев, проявляющегося в развитии национальной культуры, о значении албанских восстаний, подготовивших достижение независимости. См.: *Искендеров П. А.* Сербия, Черногория и албанский вопрос в начале XX века. СПб, 2013. С. 222.

⁵ *Арш Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова Н. Д.* Краткая история Албании. М., 1965. С. 174–175. Шкипитар (shqipëtar) – самоназвание албанцев.

⁶ Вестник Европы. 1913. Кн. 4. С. 409.

⁷ Речь. 1913. 22 октября (4 ноября), 28 октября (10 ноября), 2 (15) ноября, 29 ноября (12 декабря), 13 (26) декабря.

⁸ Речь. 1913. 29 ноября (12 декабря).

⁹ Речь. 1913. 1 (15) ноября.

¹⁰ Речь. 1913. 29 ноября (12 декабря). О нормальных и даже дружественных отношениях между албанцами обеих религий писал и русский дипломат и публицист М. А. Хитрово, побывавший в стране в середине XIX в. См.: *Краткая история Албании.* М., 1992. С. 72.

¹¹ Речь. 29 ноября (12 декабря) 1913 г. Геги (северные албанцы) и тоски (южные албанцы) отличаются друг от друга главным образом диалектными особенностями в языке.

Римта Петровна ГРИШИНА

Военные корреспонденты Васил Коларов и Лев Троцкий о Балканских войнах 1912–1913 гг.

Васила Коларова и Льва Троцкого немногие знают в качестве военных корреспондентов. К Троцкому это качество имело самое непосредственное отношение — накануне Балканских войн и в ходе их он профессионально работал на Балканах как журналист, посылал корреспонденции в российские газеты демократического и леволиберального направлений — «Киевская мысль», «Луч», «День». В 1912–1913 гг. он не прогуливался вольготно по Балканам, а серьезно и с интересом следил за развитием событий, всматривался в жизнь сербов, болгар, армянских добровольцев, раненных и пленных турок, не чурался простых людей, старался понять жизненные интересы разных слоев общества. Но не только это — он сравнивал, сопоставлял увиденное; накопленный политический опыт и эрудиция позволяли ему, человеку для Балкан вроде бы внешнему, распознавать причинно-следственную связь между поступками и событиями. Так, в Болгарии Троцкий нащупывает главный с точки зрения развития этой страны общественный изъян — чрезвычайную слабость политических партий и всей системы в целом. Что, может быть, ощущала и сама болгарская управленческая «элита», но не в такой мере, чтобы это послужило толчком для нее к конкретным действиям, — легче было плыть по течению. Так что в корреспонденциях Троцкого, при множестве конкретных деталей, его внимании и уважительном отношении к собеседникам, отражаются широта подхода и некий общий взгляд, «многовидение» политического журналиста, как он сам себя представляет.

При этом Троцкий не был новичком на Балканах. В 1910 г. он принимал участие в международной конференции балкан-

ских социалистических партий. Здесь познакомился с болгарскими социалистами, в том числе с В. Коларовым. В набухавшей тогда на полуострове военной атмосфере конференция выступала за реализацию лозунга Балканской социалистической федерации, в которой вошедшие в нее государства смогли бы мирным образом и без всякой войны разрешить свои этнические и пограничные проблемы. И Троцкий, и обе болгарские социал-демократические партии («тесняков» и «широких») поддерживали эту идею, видя в ней еще и альтернативу междоусобной войне среди балканцев.

Троцкого поднятые на соцконференции вопросы заинтересовали в большой мере, и подход к ним он проявил масштабный. Об этом говорит его статья «Балканская война и социал-демократия», появившаяся 1 августа 1910 г. в «Правде» — одной из петербургских рабочих газет. Он писал: «Этот богато одаренный от природы полуостров бессмысленно разрезан на мелкие куски, люди и товары при своем движении наталкиваются на колючие изгороди государственных границ, и эта национально-государственная чересполосица не дает сложиться единому балканскому рынку, как основе могущественного развития балканской индустрии и культуры. К этому присоединяется изнурительный милитаризм, призванный сохранять раздробленность полуострова и порождающий губельные для экономического развития опасности войн на Балканах — между Грецией и Турцией, между Турцией и Болгарией, между Румынией и Грецией, между Болгарией и Сербией».

Так что можно сказать, что, когда осенью 1912 г. война на Балканах все-таки началась, работа Троцкого в качестве военного корреспондента не была случайной. Позже его статьи и заметки, разбросанные по разным газетам, были собраны, насколько это было возможно, вместе. Они были включены в вышедшую в 1923 г. книгу Л. Троцкого и деятеля Болгарской коммунистической партии Христо Кабакчиева «Очерки политической Болгарии», а в 1926 г. вошли в шестой том готовившегося полного собрания сочинений Троцкого. Теперь они представлены в отдельной книге «Лев Троцкий. Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война» (СПб, 2011).

Васила Коларова называть военным корреспондентом следует в достаточной мере условно. 35-летний подпоручик, член БРСДП (т.с.) был призван в болгарскую армию, прошел через все перипетии войны, увидел и пережил ее подноготную. В ходе войны он регулярно вел дневник, записи из которого посылал в газету «Работнически вестник» — партийный орган «тесняков». Это были не только впечатления о военном быте и его трудностях, но и анализ происходящего и размышления человека, «обремененного» европейским образованием и приверженностью к определенной партии. Правда, сиюминутными публикации Коларова были только в первые дни войны — затем началось энергичное перемещение его фронтовой части. И в газете они по большей части печатались уже после окончания войны — ее редакция считала это нужным, исходя из того, что для болгарского народа оставались неизвестными как условия договора с Сербией при заключении Балканского союза 1912 г., жестко засекреченные с самого начала, так и пружины подготовки Болгарии к войне. Снять с них покровы было делом чести для «тесняков».

В. Коларов прошел Балканскую войну почти до ее конца. Был награжден орденом за храбрость. Всего по подсчетам болгарского историка Ангела Векова, материалы Коларова были опубликованы в 57 номерах газеты¹. Позже в воспоминаниях Коларов писал, что часть дневника, «вместе с рядом других партийных документов», была уничтожена людьми, которым все это было доверено². В настоящее время в научном обороте имеются дневниковые записи Коларова только с 23 сентября по 31 октября 1912 г., собранные А. Вековым в одной книге — «В. Коларов. Победы и поражения».

Не стоит специально говорить о ценности свидетельств непосредственных участников событий. Особенно, если иметь в виду множество напластований, политических и идеологических, накопившихся в историографии, как национальной болгарской, так и отечественной российской. (Кстати, нельзя не отметить с сожалением, что профессиональные историки нечасто обращаются к материалам Коларова и Троцкого как к источнику.) Сюжеты их корреспонденций, часто повторяю-

щиеся, но увиденные с разных уровней — «изнутри» и «извне», получают более ясное и объемное выражение.

Это относится, например, к описанию нескольких дней перед началом войны и самых первых ее дней.

Подпоручик Васил Коларов прибыл на сборный пункт, расположенный недалеко от г. Кюстендил, на шестой день объявленной мобилизации. 13-й Рильский полк должен был на границе прикрывать сосредоточение болгарской армии. Коларов с интересом изучает обстановку, отмечает как успех быстрое проведение мобилизации в Болгарии. Но тут же признает, что «собранный полк еще не готов к походу», ибо солдаты полуодеты и полуобуты. Большая их часть — в собственной одежде, нет снаряжения, особенно удивляют головные уборы — здесь и фуражки, и каскеты, и разнообразные местные шапки, по которым можно судить, откуда родом воин. «Неужели мы так пойдем на войну!?» — восклицает он³.

Военный сбор описан Коларовым весьма эмоционально, что естественно для человека, переживавшего резкий переход от мирной жизни к военной. Куда же ушли огромные суммы, ведь целый миллиард левов израсходован на нужды армии, задается он вопросом. Говорили, что на складах есть все, но когда их открыли, оказалось, что «нельзя одеть даже половину запасных». И тут же Коларов переводит увиденное в категорию «здесь и сейчас»: «Ну, а если бы мы двинулись сразу и ушли далеко, большинство солдат так и остались бы полуодетыми!»⁴.

Внешний вид болгарского воинства, даже после того, как оно несколько приоделось, воспринимается им при встрече 4 октября с сербским подразделением как удручающий. Первична радость — встреча с союзниками: сербы идут непрерывным потоком мимо нас. «Ура!» — «Живио!» раздается со всех сторон. «Неописуемый восторг, радость, слезы. Две армии братаются, два народа готовы сражаться плечом к плечу и умирать за общую цель». Коларов разделяет этот восторг и тут же провидчески записывает: «О, если бы эти связи сохранились и после ждущих нас испытаний!». Но не уходит неприятное ощущение: сербы, бесспорно, одеты лучше нас, констатирует подпоручик, у них все новое и единообразное — настоящая

армия. Мы же — пестрая команда, среди нас можно насчитать целую роту солдат в форме полицейских, акцизных, лесников. Часть солдат — в серых штанах, другие — в синих, а третьи — в своих собственных разного цвета и фасона. То же с обувью, она домашнего изготовления, своего в каждом районе.

Но самое удивительное, поражается Коларов, что то же относится и к офицерам. Ведь каждый из них получил сумму, равную двухмесячной зарплате, специально для приобретения обмундирования, а в результате — «офицерские формы в полку как минимум десяти видов»⁵.

Это один из недоуменных вопросов, возникающих и у современного читателя, — как же такая армия собиралась воевать, на что рассчитывали те, кто кричал: скорей, скорей — надо открывать войну, надо биться, освободить брата-раба в Македонии? На один лишь патриотизм, в большой мере искусственно приподнятый в народе в ходе пропагандистско-журналистской милитаристской кампании лета 1912 г. и подогретый терактами Внутренней македоно-одринской революционной организации (ВМОРО) в Турции? И на разбуженный таким способом в болгарях мстительный инстинкт?

А ведь болгарская армия как бы уже далеко ушла от первоначального ополченческого образа. Более того, в Европе болгарскую армию вообще считали одной из лучших. Не потому ли, что денег на вооружение и военные нужды было затрачено больше, чем в других балканских странах. Аж называли Болгарию «Пруссией на Балканах»!

Интересная деталь: Коларов отмечает, что с 23 сентября до 5 октября — дня объявления Болгарией войны Турции — среди мобилизованных офицеров идет обсуждение: «Будет война или нет». Это, пишет Коларов, главный вопрос. Причем офицеры допускают даже демобилизацию со дня на день и опасаются ее. Но почему? Так хотели войны и вдруг демобилизация? Оказывается, боязнь связана с тем, что в случае демобилизации придется «оправдывать расписки». Ибо при подготовке армии к войне возник такой хаос, что «урегулировать армейскую отчетность можно только в случае войны». Ну и, конечно, потребует отчет за полученные на обмундирова-

ние деньги. «Пусть выстрелит хотя бы одна пушка, вот тогда и демобилизуемся»⁶, — надеется элита царского войска.

Некоторую заторможенность в деле готовности населения Болгарии к войне обнаружил и Троцкий. Он приехал в Софию из Белграда как раз в день объявления войны. Нескольким неожиданным кажется его тогдашнее впечатление о «контрасте между захолустным, невымощенным, грязным Белградом и чистой на немецкий лад, с высокими зданиями Софией». И если Белград он называет настоящим военным лагерем, сложившимся в «подготовительный период», и отмечает, что слова «война неизбежна» передают общее настроение людей⁷, то в Софии все не так единообразно. Троцкий пишет, что после известия о подписании 5 октября болгарским царем Фердинандом манифеста об объявлении войны Турции утром следующего дня на улицы выходят толпы народа с криками «ура!»⁸. К тому же празднично светит солнце, и кажется, что война состоит из песен, патриотических криков и цветов, воткнутых в отверстия ружейных дул. Но уже к полдню, замечает он, толпа отливает, и выступают приметы будничной жизни: открываются магазины, люди расходятся по своим делам. Хотя уже приходят известия о первых стычках с турками, сообщает он в газету «День», война еще не вошла «в мысль и чувства населения, все живут еще настроением подготовительной эпохи: ждут»⁹.

Ждать приходится и многочисленным корреспондентам из разных стран. Но время военное, и им не позволяют проделать поход с армией и увидеть военные операции изнутри. О своем способе получения новостей Троцкий пишет так: «Приходится путем допросов, и притом с пристрастием, со слов участников восстанавливать картину жизни и смерти армии на полях сражений»¹⁰. И еще более конкретно: «О болгарских и сербских кровавых делах я узнавал из самого непосредственного источника: от раненных болгарских и сербских солдат и офицеров. Среди моих осведомителей было много случайного народа. Но с некоторыми из них меня в течение последних трех лет связывали не только партийные, но и дружеские отношения, и их рассказам, рассказам непосредственных участ-

ников походов и сражений, людей глубоко идейных, обнаруживавших личное мужество и благородство и в политической борьбе, и на поле сражения, я, разумеется, имел право доверять больше». И в этой своей работе Троцкий был неутомим.

* * *

Каким было личное отношение Коларова к войне и ее объявленной цели? Однозначным его назвать нельзя, судя по опубликованным записям. Из них следует, что он на стороне войны, и не только по долгу службы. Размышляя о ней еще до начала боев, когда появились сомнения, а будут ли настоящие действия, он пишет: столько миллионов израсходовано — и лишь для одного маневра? «Нет, дело серьезное! Предстоят важные события. На карту поставлены самые дорогие для нации интересы. Балканская буржуазия во главе со своими королями решила разрубить гордиев узел — разрешить неразрешимую балканскую проблему»¹¹. Здесь «я» Коларова как бы сливается с «интересами нации, возглавляемой королями». Но, с другой стороны, чуть дальше читаем: «Среди солдат вижу только крестьян и бедных горожан-рабочих; из буржуазии не вижу никого; нет здесь и крикливых патриотов с их воплями: война, война!». И далее: «Боевые ряды заполнены одними крестьянами и рабочими, которые никогда войны не хотели и к ней не призывали»¹².

А вот запись от 7 октября, полк уже в походе: «Когда погода улучшилась, мы пошли бросить взгляд на Македонию. Ах, эта Македония! Ее участь — непосредственный повод для этой войны. Мы пошли, чтобы вырвать из-под турецкой власти, освободить ее народ от невыносимого гнета османцев. И вот она перед нами»¹³.

Действительно, сложные чувства, разнонаправленные мысли. Многослойная пропаганда последних месяцев оказала, видимо, влияние и на болгарских социал-демократов, партии которых официально выступили против войны. Добавим, что в манифесте об объявлении войны Турции царь Фердинанд заявил о ее цели так: «возвращение человеческих прав христианскому населению Турции», а поводом к ней назвал

резню болгарского населения турками в Штипе и Кочани¹⁴. При этом, конечно, ни словом не обмолвился, что гибели десятков македонских болгар предшествовали провокационные теракты ВМОРО против турецкой администрации (как часто об этом поводе умалчивали и умалчивают болгарские историографы). А населению преподносилось только само событие: турки порезали болгар в Македонии. Если некоторые болгары и догадывались, что это дело рук ВМОРО, то кто же будет выступать против националистической и террористической организации!

Какое бы разнообразие мыслей не посещало Коларова, но на войне он уже ее человек. Приходится признать, пишет он, что «сегодня нет ничего другого, кроме произвола военного начальства, не отвечающего ни перед кем». Как и любого человека, его волнует «неизвестное будущее», какой сложится его военная судьба; волнуют мысли «о себе, о семье, стране, общественной деятельности, идеалах. Реакцию мобилизованных воинов на пришедшее в ночи известие «Война объявлена!», Коларов описал так: «Все повскакали с коек, стали поздравлять друг друга. И вот я – маленький винтик огромного военного аппарата, и я уже двигаюсь как деталь этой машины. У меня уже нет своих мыслей, своих чувств, я думаю и чувствую логикой и чувствами войны; неиспытанное чувство торжественности охватывает меня и наполняет силой, куражом. Я уже не думаю о прошлом, о жизни, о себе. Война как большая черная точка в пространстве, привлекающая неизвестностью, становится средоточием всего моего духовного мира»¹⁵.

* * *

Какими были первые сообщения Троцкого из воюющей Болгарии? Чем он интересовался? А тем же, что и в Сербии: в чем состоят политические цели войны, каково действительное настроение народа. И спрашивал об этом «сегодняшних, вчерашних и завтрашних министров» обеих стран – знание предыстории Балканской войны, и не только ее, позволяло ему хорошо ориентироваться во внутренней жизни балканских стран. Ответ был примерно один и тот же: улучшение участи

наших христианских братьев в Турции. Очевидно, что назвать такой ответ более чем общим и расплывчатым нельзя. И Троцкий допытывался: в какой форме? – создание Великой Сербии и Сан-Стефанской Болгарии, автономия для освобожденных провинций или только административные реформы?

То ли по соображениям дипломатическим, то ли по неуверенности политической, или по неумению/нежеланию брать на себя ответственность, полной ясности журналист не получал. Для себя же уяснил – «политическим объектом войны являются Македония и Старая Сербия»¹⁶. И отмечал общее, глубинное настроение союзников, выражавшееся в «явной или замаскированной надежде на поддержку России»¹⁷, причем в сочетании с удивительной самоуверенностью, «шапкозакидательством» и со стороны сербов, и со стороны болгар¹⁸. Хотя еще в сентябре 1912 г. русский министр иностранных дел С.Д. Сазонов усиленно втолковывал болгарам, что Россия не хочет этой войны и не сможет, и не будет оказывать никакой помощи, даже в случае, если болгары будут испытывать неудачи. О позиции России был извещен и царь Фердинанд, во всяком случае, переписка министров иностранных дел двух стран по этому поводу обнаруживается в его тайном архиве¹⁹. Но важные предупреждения не принимались всерьез.

Боевой кураж не покидал того и другого союзника на всем протяжении войны. Троцкий отмечает особенно высокий градус их самоуверенности после первых больших успехов осенью 1912 г., что вообще-то объяснимо. Но в мае-июне 1913 г., когда отношения между союзниками подходили к стадии враждебных, необоснованный кураж становился уже опасным. Он заслонял реальность, лишал его носителей возможности трезво мыслить, требовал не бояться и идти «на рожон». Анализируя это обстоятельство, Троцкий делал вывод: чудовищное самомнение питалось из двух источников – одержанными победами и режимом солдатской цензуры, обработкой общественного мнения. В Болгарии, население которой одной своей частью – на стороне союзников, другой – на стороне турок, это делалось «соединенными силами штаба, цензуры и прессы». Газеты, и только определенные, выходили в половинном

размере, и их содержание было лишь вариациями на темы Генерального штаба. Противники же войны, продолжал свою мысль Троцкий, были «приведены к полному молчанию»²⁰.

Особенно негодует Троцкий, характеризуя софийские газеты как «подобострастное эхо военной диктатуры»: они писали только то, что было угодно штабу, перевирали «фактическую информацию». Например, о якобы огромных трофеях, взятых болгарами в результате победы при Лозенграде. Это полное бесстыдство, возмущался Троцкий, «сообщенный прессой каталог захваченных в плен турок и вооружения – совершенно чудовищный», весь этот перечень «высосан из собственных неопрятных пальцев»²¹.

В Болгарии, как и в Сербии, политический журналист пытается выяснить вопрос: «Хочет ли население войны? Верны ли сообщения о боевом настроении?». Уже в первых сообщениях из Софии он пишет, что было бы ошибкой думать, что война искусственно вызвана сверху. И добавляет: «Инициатива сверху нашла известные встречные настроения снизу»²². Несколько позже он углубляет свое представление. В «Одесских новостях» от 19 октября, например, разъясняет, что Балканская война «имеет под собой глубокие причины»: Сербия нуждается в свободном выходе к морю, а создание условий нормальной жизни в Македонии – элементарная потребность для устойчивого и спокойного развития Болгарии. «На этой почве, – заключает Троцкий, – сложились боевые настроения не только в среде политических верхов, но и в широких народных массах, насколько они успели открыться моему наблюдению. Так, несмотря на то, что социалистические партии Сербии и Болгарии решительно протестовали против войны, мне приходилось встречать довольно много социалистов, захваченных общим национально-патриотическим движением. Вчера я видел здесь в больнице первую группу болгарских раненых и говорил с ними: они, несомненно, охвачены национальным воодушевлением, с гордостью говорят о наступательном движении болгарской армии, о предстоящем освобождении братьев, – и это не солдаты, взятые из казармы, а резервисты, т. е. доподлинные болгарские мужики»²³.

Коларов, проделавший с полком пеший 500-километровый путь до Салоник, описывал в своих заметках, как местное население, а затем и сама армия, использовали войну. В этих материалах — картины разграбляемых сел, покинутых бежавшими турками: в домах все перевернуто вверх дном, разбросана одежда, взломаны амбары, вокруг кучи продуктов — брынзы, масла, зерна, повсюду куриные пух и перья, валяются отрезанные головы овец. Взирая на это безобразие, Коларов не стремится огульно защищать пресловутого «македонского раба», но вынужден признать: «Характерно, что первым проявлением свободы для порабощенного болгарина является возможность пограбить»²⁴.

К использованию брошенного турками имущества присоединяются и армии союзников: солдатам приходится самообеспечиваться. «С тех пор, как мы вступили на турецкую территорию, мы питаемся исключительно турецким скотом, бродящим вокруг», — записывает Коларов. «И сербская тактика такая же: *La guerre nourrit la guerre**. ... За каждым полком, каждым отрядом, каждой ротой идут целые стада»²⁵. Мяса столько, что на него уже глаза не смотрят, а вот хлеба — главного продукта для солдата-крестьянина — не хватает или нет вообще.

«Я понимаю голодных и нуждающихся солдат, ищущих еду и беруших ее, — размышляет Коларов. — Однако, разрушать, сжигать без необходимости, только из инстинкта разрушения и мести — этого не следует допускать в регулярной армии. Но такие пожелания суетны и пусты, как и мои усилия ограничить бессмысленные разрушения», война — это всегда варварство. Нынешняя война начиналась, чтобы поднять культуру края, «но не бывает культурной войны ... И вот все пространство вокруг нас — дымящееся пепелище»²⁶.

Троцкий, в свою очередь, описывая трагедию этих мест, использует широкие мазки, показывает, как волнами, одна за другой, накатывали сюда грабители и разрушители: «Ведь по этим местам прошел страшный смерч, который снес, сломал, исковеркал, испепелил все, что было создано трудом человека, исковеркал и смял самого человека, смертельно подкосил но-

* Война сама себя кормит (фр.).

вое поколение, вплоть до грудных младенцев, и даже далее, до плода во чреве матери. Турки, убегая, жгли и резали. Местные христиане, где имели перевес, при приближении союзнических армий жгли и резали. Солдаты добивали раненых, поедали и уносили все, что могли. Четники по их пятам грабили, насиловали, поджигали. И, наконец, вместе с армией передвигались «по освобожденной» земле эпидемии тифа и холеры»²⁷.

От глаз политического журналиста, конечно, не могло укрыться плохое обеспечение болгарской армии продовольствием и снаряжением, о чем так подробно писал Коларов. И дело было не только в недостаточной предварительной подготовке, но и в амбициях командиров, заботившихся, прежде всего, о сегодняшних военных успехах. Троцкий пишет конкретно о командующем одной из болгарских армий Радко Дмитриеве, как стремившемся весь поход «приблизить к типу кавалерийской атаки. И совершенно не принимал мер, чтобы установить соответствие между наступлением армии и передвижением обозов». Врачей не хватало, ибо чужестранцев болгары не подпускали к передовым позициям, потому что там было много такого, что приходилось скрывать от чужих глаз²⁸. Троцкий в унисон с Коларовым пишет, что солдатам приходилось самим добывать себе пропитание, что армия часто голодала. Так что оба автора с основанием могли заявить: «В течение девяти месяцев на Балканах действовал принцип, столь широко применявшийся в XVII столетии во время 30-летней войны: “Война сама себя питает”. Возведенное в систему мародерство играет никак не меньшую роль, чем интендантская служба»²⁹.

Разгул стихии распространялся и на освобожденные от турецкой власти провинции. Из рассказов очевидцев следовало, что повсеместно мирных крестьян-турок убивали без причины, вещи их разграбляли, женщины и дети умирали от голода. Голод и отсутствие помощи преследовали тысячи турецких беженцев. И к схеме общественной жизни в освобожденной провинции Троцкий добавляет: это еще и революционные четы, выродившиеся в разбойничьи банды, и околийские начальники, выполнявшие роль патронов громил. «Попадая в эту атмосферу, — писал он в «Киевской мысли» от 30 ноября

1912 г., — новые администраторы далеко не всегда проявляют катоновские доблести*». Пределы произвола слишком не ограничены, возможность быстрой наживы слишком заманчива³⁰. И далее: «У меня в записной книжке значится ряд фамилий сербских администраторов и офицеров, которые посылали своим семьям из Старой Сербии богатые подарки: золото, серебро, шелка и пр., — иные целыми сундуками».

Картина моральной катастрофы неполна без упоминания о приказе Радко Дмитриева, распорядившегося «освободиться от груза», если обозы с ранеными и пленными турками затрудняют движение войск. Приказе, вызывавшем возмущение и у части болгарских солдат. А Троцкий констатировал: идут два «ненормальных» процесса — «сухая стрельба пачками» по пленным и ограбление мирного населения покоренных провинций. По поводу «этого зверского, антигуманного приказа» и ссылаясь на рассказы раненых о том, что болгарским солдатам приказывали прикалывать и прирезывать раненных турок на поле боя, Троцкий вступает в полемическую переписку с действовавшим болгарским министром финансов Тодоровым. Радко Дмитриев, напоминал он, — «это не только “ответственное”, но и популярнейшее в болгарской армии лицо. Не трудно понять, какой ужасающий отголосок должен был найти в армии его каннибальский приказ»³¹.

Тема ожидания балканцами помощи со стороны России не оставляла Троцкого. 14 октября 1912 г. «Киевская мысль» публикует его размышления, далеко выходящие за границы собственно Балкан. Троцкий пишет, что большинство балканских политических деятелей хочет, «чтобы Россия помогла — вооруженной рукою помогла — балканским народам устроиться на Балканах так, как эти руководящие политики считают наилучшим. Эта надежда или это требование может стать источником величайших ошибок и величайших бедствий». Такая постановка вопроса, продолжает он, превращает балканскую войну в сознательное провоцирование «европейского соразмерения сил», что может означать европейскую войну. И как

* Марк Порций Катон — древнеримский политический деятель (60-е годы до н.э.), считался образцом нравственного совершенства, строгих правил, воинской доблести и гражданственности. В Риме его имя стало нарицательным.

бы мы ни желали успехов балканцам, мы «должны сказать им ясно и честно, как и самим себе: мы не хотим и не можем ставить на карту наше собственное культурное развитие. Бисмарк когда-то сказал, что весь Балканский полуостров не стоит костей одного померанского гренадера». Мы же можем сейчас сказать: если они не видят другого пути устройства своей судьбы, кроме нового европейского вмешательства, результаты которого никто не может предопределить, «тогда их планы поистине не стоят костей одного курского пехотинца»³².

Можно предположить, что именно с учетом роли Петербурга в международной политике и того, сколь значимо русское общественное мнение, особенно для болгар и сербов с их «чудовищно-преувеличенными надеждами» на Россию, Троцкий большое внимание в своих корреспонденциях уделяет анализу российской печати. А она, восторгаясь балканскими победами союзников, не удосуживалась писать всей правды. «Если бы русская пресса не укрывательствовала», а с самого начала забила тревогу, читаем мы в очередной статье Троцкого, «генеральные штабы Болгарии и Сербии, под давлением своей дипломатии, вынуждены были бы ввести некоторые ограничения в свою кровавую работу»³³.

Конкретные обвинения он адресует лично кадетскому славянофилу П.Н. Милюкову и его газете «Речь»: «Почему вы молчите о зверствах союзников на всем пути их следования не только над безоружными, пленными и ранеными турецкими солдатами, но и над мирным мусульманским населением? Почему об этом молчит ваша красноречивая “Речь”?».

Поводом послужила публичная озабоченность русских славянофилов жестокостью сербов и болгар в отношении друг друга с началом Второй Балканской (Межсоюзнической) войны: как это — славяне убивают славян! 3 июля 1913 г. Троцкий заявил в «Киевской мысли»: жестокости и зверства, которые победоносная солдатчина обрушивала на головы турок и албанцев, «при возмутительном укрывательстве со стороны большей части русской печати, вызывает запоздалое негодование наших славянофилов теперь, когда болгары и сербы применяют те же самые “методы” друг против друга /.../»³⁴.

Это не случайное и не единственное выступление Троцкого с критикой «руководящей» прессы «департаментской России», как он ее называл. Еще в начале 1913 г. Троцкий писал о заговоре молчания «всей нашей патриотической печати» — «Нового времени», умеренной «Русской Москвы», «Русского слова», «Речи», и «эта круговая порука молчания делает всех вас попустителями и моральными соучастниками зверств, которые пятном бесчестья ложатся на всю нашу эпоху»³⁵.

К этой теме Троцкий обращается и в декабре 1913 г., т. е. уже после завершения обеих балканских войн. И подводя их итоги, акцентирует внимание на программных выступлениях российской прессы. В «Киевской мысли» он пишет: «Некоторые русские журналисты настаивали на том, что болгарский народ хотел и требовал войны. Это те, кто о настроениях народа осведомлялся в генеральном штабе, если не в штабах октябристской партии. (...) Это неправда. Народ не хотел войны и не мог ее хотеть. Мужик, у которого забирали скот, провизию, возы и которого отправляли под Одрин; баба, которая оставалась с ребятами в опустелой избе, — они не хотели войны. (...) Но командующие классы оказались не способны найти другой выход из положения, кроме взаимного истребления болгарских и турецких мужиков. И когда война оказалась навязанной народу всей предшествующей политикой балканских правительств и европейской дипломатии, болгарский солдат принял войну, сознательно принял, как единственный выход из невыносимого положения, созданного македонским хаосом, с одной стороны, болгарским милитаризмом, с другой. И эти сознательно принявшие войну мужики и рабочие, грамотные и затронутые школой всеобщего избирательного права, оказались, как показал опыт, хорошим военным материалом. Это они обеспечили победу»³⁶.

Отметим гибкость линии самого Троцкого. Здесь уже нет, как прежде, прямого утверждения: «народ хочет войны», вынесенного из непосредственных контактов с болгарями на первом, счастливым для них, этапе войны, о чем говорилось выше. Здесь уже больше рассуждений о том, что освобождение македонского крестьянства «от феодально-помещичьей

кабалы является необходимым и исторически-прогрессивным делом». Но совсем не безразлично, какими путями это освобождение совершается. А дело это взяли в свои руки те силы, подчеркивает Троцкий, которые имели в виду не интересы македонского крестьянства, а свои корыстные, династическо-завоевательные и буржуазно-хищнические интересы³⁷.

Корректирует некоторые свои взгляды и Коларов. Это происходит, очевидно, уже после окончания войны, но, несомненно, на базе его опыта и наблюдений военного времени. Во время похода он, стремясь понять, как местное население понимает суть войны, вступает в контакт с встречающимися крестьянами. И чаще всего видит, что они забиты, пугливы, боятся оторвать глаза от земли. На фесках их красуются пришитые лоскутки с изображением креста — это знак отличия. В Дойране, пишет Коларов, преимущественно турецком городе, болгарское население особого «патриотизма» (кавычки Коларова) не проявляет и объясняет это для себя тем, что оно было слабо затронуто революционным движением. На вопрос встречному крестьянину: «ты кто?», тот называет себя христианином (а не болгарин!), хотя говорит чисто по-болгарски. Что приводит Коларова к выводу: «В сознании населения нынешняя война — это война креста против полумесяца»³⁸. И значительно позже, готовя к выпуску воспоминания, Коларов напишет: македонские крестьяне использовали войну против беев и пашей, «против остатков помещичьего строя», и именно это было для них самым важным, в то время, как «мы рассматривали македонский вопрос больше с национальной и политической точек зрения», а эту сторону недооценивали³⁹. Это весьма выразительное признание.

В заключение еще об одном сюжете. В «Киевской мысли» от 22 октября 1912 г. Троцкий опубликовал обширный материал о беседе с Христо Матовым, одним из тогда еще авторитетных лидеров ВМОРО. Тот представил российскому журналисту свое видение развития организации, сказав попутно, что «автономия Македонии для массы крестьян — лозунг отвлеченный» и что их интересуют, главным образом, экономические выгоды и защита от бегов и турецкой администрации. На прямой вопрос

Троцкого, к чему стремится организация — к автономии Македонии или к ее соединению с Болгарией, Матов уклонился от ответа, заявив, что в данное время ВМОРО борется в союзе с Сербией и Грецией, и, поэтому, как можно понять, однозначный ответ неправилен. Тем самым, он обозначил весьма ценную, на наш взгляд, деталь в расстановке сил в руководстве организации, где все более явственно обозначался крайне левый уклон, во главе с новыми лидерами. Одним из них был член нового ЦК ВМОРО Александр Тодоров, считавший, что условием участия Болгарии в Балканском союзе может быть только требование автономии Македонии. «Леваки» в организации вскоре вообще стали отрицать необходимость союза с сербами и греками, а затем превратились в наиболее активных сторонников и провокаторов Межсоюзнической войны, закончившейся, как известно, страшным поражением Болгарии.

По поводу же уклончивости Матова Троцкий пишет, что македонский революционер, динамитчик, «показал тут свое другое лицо, лицо дипломата». И далее он размышляет о «соприкосновении» психологии четника с психологией «приспособления к политике дипломатических канцелярий», считая, что македонский случай в этом отношении — не единичный, а скорее выражение уже имеющейся практики. И в пример приводит деятельность молодых карбонариев Дж. Мадзини и Дж. Гарibaldi, а затем и Л. Кошута, которые даже в минуты наибольшего успеха не обольщались мыслью, что справятся сами и обращались за помощью извне. Поэтому в посольствах и консульствах они были в «такой же мере своими людьми, как и в горах, среди профессиональных боевиков». И македонские революционеры, «заготавливая адскую машину», уже заранее ориентировались, какое эхо она найдет в европейской прессе и кто из дипломатов «превратит их динамит в новую “македонскую” ноту». «Так выработался этот двойственный тип отчаянного динамитчика и дипломата себе на уме, сочетающего заговорщическую конспирацию с канцелярской тайной», — делает вывод Троцкий⁴⁰.

Вникая в «македонский вопрос», политический журналист не обошел молчанием «армянский вопрос», причины

возникновения которых были, по его мнению, одними и теми же. Но положение в Македонии — повстанцы после неудачных выступлений могли уходить в Болгарию — он считал более благоприятным, чем в Армении. Даже на русской территории оказавшимся там армянским беженцам приходилось скрываться — «ведь революционеров надо всегда сажать в тюрьму, будь они хоть из Никарагуа или с Филиппин». И в довершение Троцкий весьма нелицеприятно характеризует деятельность дипломатов типа князя Лобанова-Ростовского, дававших «*carte blanche* Абдулу Гамиду* на истребление армян», и администраторов типа князя Голицына, гноивших в тюрьмах протестовавших против гамидовского режима⁴¹.

После подробного рассмотрения «армянского вопроса», экономического и политического положения этого «иностранческого» в Турции населения, Троцкий считает возможным заметить, что если македонский вопрос довел до войны, «чтобы получить окончательное разрешение», то и армянский вопрос становится в порядок дня. Троцкий возвращается к постановлениям Берлинского конгресса 1878 г., в которых были обещаны реформы не только Македонии — статьей 23-й, но и Армении — статьей 61-й. Но если в отношении Македонии имело место хоть какое-то «шевеление», приведшее к Ревельскому соглашению, то даже при согласии Турции принять «меморандум» 1895 г., врученный представителями России, Англии и Франции, дело с места не только не сдвинулось, но стало еще хуже.

Журналиста интересовали бойцы армянской добровольческой роты, вошедшей в состав македонского легиона, который «прославился своими жестокостями». Их было 230 человек — «люди другой нации, которые собрались под болгарское военное знамя — сражаться за чужую свободу, но против общего врага». Здесь были старые армянские боевики, обжившиеся в Софии и обзаведшиеся небольшим бизнесом, но теперь побросавшие все для участия в войне, был приехавший из Лондона и уже еле говорящий по-армянски служащий, были приказчики, учителя, много рабочих. Душой отряда являлся

* Тогдашний султан Турции.

46-летний Андраник, прошедший большой революционный путь и ставший героем песни и легенды. После многих перипетий он обосновался в Софии, здесь сблизился с македонскими революционерами. Объясняя свое участие в походе, он заявлял: «Я не националист, я признаю только одну нацию, нацию угнетенных»⁴². И вот отряд построился и с песней и цветами отправился в путь. «Такова маленькая глава чистой романтики в страшной книге балканских событий», — заканчивает Троцкий лирическую часть своего повествования. И начиналась она именно в такой тональности: «То дуновение идеализма, которое чувствовалось в настроении болгарских народных масс в первую эпоху войны, наиболее яркое свое выражение нашло в армянском отряде». Это была середина октября 1912 г.

А в конце ноября 1912 г. Троцкий разговаривал с ранеными из армянского отряда. Один из них признался: «Тяжело было в походе, очень тяжело. Знали, что не на свадьбу идем, однако, такого не ждали». И тяжелее всего было именно во время переходов, а не в сражении⁴³: дважды — говорили они — приходилось переходить вброд реку, вода по грудь, как лед холодная, обсушиться нельзя было, шли форсированным маршем. Голодали без хлеба. Как перешли границу не ели соли, пока сюда не вернулись. От этого сильно болели животами⁴⁴.

О плохой организации передвижения армии писал и Коларов. Из-за неумения командиров ориентироваться в тумане пехоте приходилось ходить кругами, и это ведь не по ровной, а по гористой местности. Солдат гоняли по непроходимым болотам под тем предлогом, что «турецкое царство легко не взять». Если бы народ знал, считал Коларов, как используют его выносливость, как преступно расходуют его силы, «он просто перестал бы идти. При этом бой мы вели только один, а прошли 500 км»⁴⁵.

Плохая подготовка к судьбоносному столкновению с Османской империей была отражением той слабости всей политической системы Болгарии, которую столь явно увидел Троцкий. Особенно четко это проявилось на последних аккордах войны, когда она переросла в Межсоюзническую. Конечно, не одна Болгария имеет вину за ее развязывание, нагнетание об-

становки и раздражения между союзниками началось фактически с первых дней войны. Вызовы и провокации шли со всех сторон. Но в июне 1913 г. голову потеряло именно болгарское руководство. И потому совсем не патетически, а с прискорбием отправляет Троцкий в его адрес такие строки: «И если болгарская катастрофа кажется непостижимой, то исключительно под углом вопроса: как же этого всего не предвидели в Софии? Почему там до самого последнего момента третировали Сербию и Грецию, как ничтожные величины, и в то же время в ответ на румынские домогательства бесцеремонно поворачивали спину политикам из Бухареста? Зачем, наконец, дразнили Турцию, сохраняя свои оккупационные отряды в тех областях, которые по условиям мира должны были отойти обратно к османам? На что надеялись Фердинанд, Гешов и Данев?»^{46*}.

В. Коларов и Л. Троцкий, каждый в меру своего журналистского таланта и высоты обозрения, сумели создать интересную и объемную картину Балканской войны 1912–1913 гг., смысл которой они видели в борьбе за экономическое и национально-культурное самоопределение балканских народов. Понятно, что в настоящий обзор смогла войти только малая часть их журналистского наследия. Оно, как мне кажется, еще должно найти своего заинтересованного исследователя. И, в частности, касательно «своекорыстной работы» европейской дипломатии, которая перекраивала Балканы с таким расчетом, чтобы их отдельные, искусственно обособленные части взаимной борьбой нейтрализовали и парализовали друг друга.

Примечания

¹ Коларов В. Победы и поражения. Дневник. Предисловие А. Векова. София, 2001.

² Коларов В. Спомени. София, 1968. С. 252.

³ Коларов В. Победы и поражения. С. 27.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Там же. С. 34–35.

⁶ Там же. С. 32.

⁷ Троцкий Л. Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб, 2011. С. 48.

⁸ Там же. С. 107.

* Гешов Иван Евстратиев – премьер-министр болгарского правительства (март 1911 – май 1913); Данев Стоян – премьер-министр болгарского правительства (май – июль 1913).

- ⁹ Там же. С. 105.
¹⁰ Там же. С. 88.
¹¹ *Коларов В.* Победы и поражения. С. 27.
¹² Там же. С. 29-30.
¹³ Там же. С. 44.
¹⁴ Държавен вестник. 5 октомври 1912 г.
¹⁵ *Коларов В.* Победы и поражения. С. 36.
¹⁶ *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. С. 115.
¹⁷ Там же. С. 110.
¹⁸ Там же. С. 55.
¹⁹ Из тайния архив на Фердинанд I. София, 2001. С. 100–101.
²⁰ *Троцкий Л., Кабакчиев Х.* Очерки политической Болгарии. Москва–Петроград, 1923. С. 100.
²¹ Там же. С. 60.
²² Там же. С. 57.
²³ *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. С. 112.
²⁴ *Коларов В.* Победы и поражения. С. 47.
²⁵ Там же. С. 96.
²⁶ Там же. С. 101–102.
²⁷ *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. С. 241.
²⁸ *Троцкий Л., Кабакчиев Х.* Очерки политической Болгарии. С. 81.
²⁹ *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. С. 242.
³⁰ Там же. С. 200.
³¹ Там же. С. 212.
³² Там же. С. 109.
³³ Там же. С. 213.
³⁴ Там же. С. 243.
³⁵ Там же. С. 208.
³⁶ Там же. С. 189.
³⁷ Там же. С. 238.
³⁸ *Коларов В.* Победы и поражения. С. 111.
³⁹ Там же. С. 138.
⁴⁰ *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. С. 170–171.
⁴¹ Там же. С. 172.
⁴² Там же. С. 181.
⁴³ Там же. С. 183.
⁴⁴ Там же. С. 184.
⁴⁵ *Коларов В.* Победы и поражения. С. 122.
⁴⁶ *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. С. 108–109.

Немного о русской прессе на Балканах в межвоенный период

В ожидании обеда или после него, отдыхая в своем «сутрене» или мансарде, где обитало большинство устроившихся после 1917 г. в Софии русских, можно было почитать что-нибудь «газетно-журнальное».

У любителей новостей, прогнозов, обзоров, фельетонов, чужих мыслей и иного информационного хлама был большой выбор: «Вестник общества галлиполийцев», «Вольный Дон», «Галлиполийский бюллетень», «За Россию», «Зарубежный клич», «Информационный бюллетень», «Исход к Востоку», «Казачи за границей», «Казакция», «Казачьи думы», «Компас», «Оккультизм и йога», «Потешный», «Родина», «Россия», «Русская мысль», «Русские сборники», «Русский кооператор», «Русский сокол в Болгарии», «Вестник земледельца», «Вопль», «Голос», «Голос России», «Голос труда», «За Россию», «Казачье слово», «Казачьи думы», «Молодое слово», «На Родину», «Наша газета», «Наша жизнь», «Новая Россия», «Русская жизнь», «Русская правда», «Русское дело», «Русь», «Свободная речь», «Славянское эхо», «Станица», «Труд» и др. Всего, по подсчетам болгарских коллег, в стране с 1920 г. по 1943 г. издавалось около сотни газет¹.

Первым русским печатным органом в Болгарии стала «Русская газета», издаваемая с 3 марта 1920 г. в Варне товариществом на паях в лице Ф. Н. Шиглица. Она была создана при деятельном участии профессора П. М. Богаевского и журналистов И. П. Нилова, Ю. К. Рапопорта, В. Ф. Кацинского. Несмотря на отвратительного качества бумагу, краски, саму печать, газета была популярна не только в морской столице Болгарии, но и в других городах страны и за ее пределами². Ее востребованность была связана с волновавшими всех известиями из Крыма. В сотом номере газета подчеркивала: «Мы де-

ржим связь: сообщения о Крыме и об армии из нашей газеты льются в иностранную прессу; сообщения о жизни Европы, западные отклики на русские дела часто именно через наше посредство проникают в Крым»³.

В том же году появились еще три газеты – «Русская софийская газета», «Русская правда», «Россия». Все они издавались очень короткое время – один год. Только «Россия» смогла продержаться до 1921 г. Причины? Одна – финансы. Содержание? Фронт в Крыму. Врангель. Судьба Добровольческой армии после падения Крыма⁴.

Вполне естественно, что русские авторы через свою же прессу знакомили соотечественников с болгарской культурой. Здесь можно назвать, например, поэта и писателя Александра Федорова, который в 1921 г. опубликовал на страницах «России» серию очерков о своем путешествии по Южной Болгарии. «Федоров рассказывает увлекательно о своем посещении городов Пазарджик, Пловдив, Стара Загора. Впечатленный красотой природы приютившей его земли, он не забывает и о тяжелом труде обыкновенных болгарских селян, которые, как и русские, не опускают руки в условиях послевоенного кризиса»⁵.

Потом, уже в русско-болгарском литературно-художественном «Балканском журнале», в 1922 г. он продолжит знакомить читателей с жизнью Северо-Восточной Болгарии⁶.

В этом двуязычном издании публикуются такие поэты, как Н. Мазуркевич, А. Федоров, Л. Столица. Из болгар, вслед за Христо Манолакевым, следует назвать несколько блестящих имен: Ст. Чилингаров, Ц. Церковски, К. Христов. Не могу не назвать имя профессора Михаила Попруженко, который знакомил читателей на страницах «России» в 1921 г. с биографией и творчеством Ивана Вазова⁷.

В русской прессе не было обойдено вниманием и такое чисто русское явление, как евразийство. Уже в 1922 г. на страницах «Руси» читатели могли прочесть студию Петра Савицкого «К обоснованию евразийства»⁸. Могу здесь только добавить, что именно в Софии Савицкий опубликовал знаменитый сборник статей «Исход к Востоку: предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев».

В «Русской мысли» в 1921 г. имел возможность высказать свои мысли и Петр Струве. В статье «К старым и новым читателям» он подчеркивал, что именно эмигранты предопределены быть носителями русского национального духа и хранителями культурных традиций⁹. И, как ни странно, многие верили в эту «миссию русской эмиграции», в свое величие хранителей вечной Руси.

Пожалуй, одной из самых интересных была газета «Молодое слово», выходящая в Софии с 1931 по 1937 г. Это издание было задумано как чисто литературно-эстетическое. Однако русскую молодежь больше интересовали вопросы политические, нежели «чистое искусство». После выхода трех номеров газета перестроилась, став рупором младоросской пропаганды в этой славянской стране¹⁰.

Младороссы были весьма популярны в эмигрантском мире уже своими лозунгами: «Ни белые, ни красные, а русские», «Царь и Советы» и пр. Век их организации «Молодая Россия» был сравнительно короткий, но богатство идей, мыслей, размышлений поражают. Русские, поляки, чехи, евреи, ассирийцы, украинцы, армяне, грузины и представители многих других народов «ходили» в младороссах, живших в странах русского рассеяния, — от Аргентины до Австралии, от Софии до Дамаска, от Китая до Канады. И одна из основных тем, не сходящих со страниц многочисленной младоросской прессы, была посвящена будущему обустройству России.

Вся политическая доктрина младороссов была заключена в формуле «Все национальное — наше».

Из политических сюжетов можно назвать связанный с именем профессора на контракте историко-филологического факультета Софийского университета на кафедре новой и новейшей истории Европы, голубоглазого красавца Эрвина Давыдовича Гримма. Получавший 36 тыс. левов в год, он не мог снять жилье в столице. Бывший в России ректором Санкт-Петербургского университета, Гримм жил в сереньком домишке в Княжеве, близ Софии, и писал письма министру просвещения Стояну Омарчевскому с просьбой увеличить зарплату, решить квартирный вопрос, так как имел жену и дочь. Возмож-

но вследствие стесненности в средствах или ностальгии Гримм начал выпивать, даже, по некоторым воспоминаниям, читал лекции в «подпитом» состоянии¹¹, во что особо не верится. Тем не менее, даже если это и правда, то «увлечение» вином отнюдь не мешало ему в 1920–1921 гг. вместе со своим коллегой бывшим профессором С.-Петербургского университета, преподававшим в Софии государственное право, К. Н. Соколовым издавать «Русские сборники».

Но в 1922 г. с профессором Гриммом произошла метаморфоза.

Известный всем в Софии князь А. П. Мещерский объяснял ее так: «В феврале 1922 г. в Болгарию прибыла неофициально делегация советского Красного Креста. Один из руководителей этой делегации, бывший матрос Черноморского военного флота В. Н. Чайкин сумел значительно активизировать в русской беженской среде настроения по возвращению на родину. В апреле 1922 г. был создан в Софии «Союз возвращения на Родину», а с 24 мая 1922 г. начала выходить в Софии 3 раза в неделю газета Союза под заглавием «На Родину». Эта газета не располагала хорошим кадром сотрудников; ее содержание было серо и неубедительно. Тем более были поражены ее читатели, когда... стали появляться блестящие передовицы». Авторство этих талантливых выступлений установил К. Н. Соколов, знавший «стиль и манеру» Э. Д. Гримма.

Начался бойкот «красного» профессора. Болгары также стали холодно-сдержанны с ним. Сам Гримм перешел вскоре в редакцию «Новой России», где стал помещать передовые статьи за полной подписью.

Мещерский писал: «Поставленный, по словам русско-го журналиста В. В. Патека, в газете на роль ответственного застрельщика по подготовке болгарского и европейского общественного мнения к необходимости признания советской власти, он (Э. Д. Гримм. — В. К.) в своих статьях по вопросам международного характера пытался встать на объективную точку зрения, что, благодаря его профессорской эрудиции, удавалось, и статьи его часто не имели того острого, чисто советского оттенка. Несомненно, его статьи о коренной ошибке

Антанты — победительницы, вычеркнувшей во всех случаях своих политических комбинаций Россию и ее многомиллионный народ из списка живых, производили на читающую массу должное впечатление. Став выше программы обливания ушатами грязи прошлого, не считая нужным вязываться в травлю русских беженцев и армии генерала Врангеля... он, так сказать, делал в газете “большую политику”». В итоге после переворота 9 июня 1923 г. он был выслан главой нового болгарского правительства профессором Александром Цанковым, «как коммунист и большевистский агент», отправлен этапом в Варну и передан полицией капитану советского парохода «Керчь», отплывшего в Одессу 21 июля 1923 г. В России Grimm стал работать в Наркоминделе и в Институте востоковедения¹².

В этой истории было и убийство журналиста Калининкова, который был причастен к раскрытию сотрудничества Grimma с газетой «На Родину». Живший на ул. Славянска в доме на первом этаже, он был застрелен через окно людьми из советского Красного Креста во время ужина с семьей¹³.

Пресса — это не только политика и окружающие ее сюжеты, факты, люди, но и бытовая информация, например, реклама о питейных заведениях, закусочных, по общепиту в целом. Только несколько примеров. В Пернике ресторан «Охрид» через злободневный листок «Пилюля» предлагал «обед из трех блюд: первое — борщ или суп, второе — мясное, третье — сладкое — (взгляды кельнерши)»¹⁴.

Через софийскую «Русь» предлагал себя первый русский ресторан «Гамбринус» (бул. Дондуков, 36) с девизом «Вкусно — сытно — дешево»¹⁵. Столовая при Русском офицерском собрании обещала «вкусные дешевые обеды и ужины» с непременно водкой, пирожками и гречневой кашей¹⁶. В ресторане «Русский уголок» (ул. Мария-Луиза, 61) чай по-московски и рюмка водки «на ходу» стоили одинаково — 5 левов¹⁷.

Реклама была неказиста, зато по-русски, с упоминанием неизменной вкусной водки! Были даже стихи. Например, в софийской «Новой России» заведение «Кабардле» (площадь Славейкова и угол ул. Левского, 18) так рекламировало себя:

Куда идти?..
 Когда захочется Вам выпить
 И вкусно, сытно закусить,
 – Куда, – Вы спросите, – направить
 Свои стопы, чтоб не бродить?

Ответ лишь может быть один:
 Идите прямо в «Кабардле».
 И не беда, что в кошельке
 У Вас, друзья мои, не густо,

С полудня все там уже ждут
 Прихода дорогих гостей
 И по столам стремглав несут
 Чорбу, и суп, и порций шей.

Там кухня европейская,
 Но есть и шашлыки,
 И водка несравненная,
 Вино и коньяки...¹⁸

Там можно было «обмыть» и удачную сделку, и продажу бриллиантов, и успех на выставке-продаже вещей русских беженцев: золото, серебро, ценные иконы, бронза, фарфор, хрусталь, меха, ковры, картины, гравюры, книги, ноты, различные рукоделия, игрушки, кустарные изделия, одежда, белье, обувь — манящих иностранцев¹⁹, желавших по случаю, за бесценок, прикупить бесценное.

Тем, у кого не было ни бриллиантов, ни профессии, деньги доставались «неинтеллигентским» трудом. Так, в 1923 г. в газете «Русь» можно было прочесть следующее объявление: «Русская дама принимает в стирку белье: работа выполняется добросовестно и гигиенично. Ул. Аспарух, 61»²⁰.

«Требовались дамы в театр-ресторан «Фоли-Бержер» в качестве кельнерш и продавщиц цветов»²¹, где русская Мария Александровна превращалась в болгарскую «Мици».

Болгарская земля все же с трудом становилась своей. В чем трудность? — в стиле, который в жизни русского и болгарина был различен. В подтверждение — только одна картинка:

«Поведение русских... было странно и непонятно болгарам, вызывало их осуждение. Русские мужчины целовали руки у замужних женщин, причем не только у пожилых, но и совсем юных. Русские женщины свободно ходили в одиночку по городу, без стеснения встречались и разговаривали со знакомыми мужчинами. Летом они носили привезенные с родины легкие белые платья из «шитья» с вышитыми или вырезанными медальонами, «мережкой» и другой «сквозной» вышивкой... Под платьями у русских женщин были красивые нижние юбки с воланами, кружевами и вышитыми медальонами, которые служили для защиты от нескромных глаз прозрачных частей надетого сверху платья, но воспринимались болгарками в совершенно противоположном смысле. Доходило до того, что болгарская женщина хватала русскую за подол платья, поднимала его и, завидя более нарядную, чем верхнее платье, нижнюю юбку, кричала: ”Смотрите, они приехали соблазнять наших мужей!“, причем это иногда происходило в присутствии мужа-болгарина... Как это ни обидно и несправедливо, русских женщин часто называли “развалена руския”, то есть “развратная русская”»²².

Болгарки, привыкшие к традиционному платью, зачастую просто не воспринимали русских женщин, одетых по-европейски. Именно о таких модницах в юмористическом листке «абсолютно независимой мысли» под названием «Вопль!» в 1929 г. публиковались следующие стишки:

С каждым годом все короче
 Дамский модный туалет...
 И скажу я, не пророча,
 Что нас ждет чрез десять лет.

Побожуся я – ей Богу,
 (Пусть простит Всевышний мне) –
 Наши моды понемногу
 Возвратятся к старине.

Скоро бабушки и девы!
 И плеяды пышных дам –

Запестрят в костюмах Евы!
По бульварам и садам.

С каждым годом все короче
На прикрытие намеков —
И исчезнет, между прочим,
Даже фиговый листок²³.

В тогдашней прессе можно было, подчеркиваю, найти многое, однако по частоте упоминаний, впереди было слово «Россия». Ее история, культура, имена были частыми «гостями» на газетных страницах. Достаточно вспомнить «солнце русской поэзии» и выпуск однодневной газеты «День русской культуры» от 6 июня 1926 г. в Варне, от 8 июня 1929 г. в Пловдиве. Например, в варненском номере публиковались не только русские, но и болгарские деятели культуры, как поэтесса Дора Габе, поэт Николай Лилиев, профессора Софийского университета Михаил Арнаудов и Боян Пенев, редактор «Златорога» Владимир Василев. Из русских имен назову режиссера и актера Николая Массалитинова, режиссера Петра Ярцева, поэтессу Любовь Столицу, поэта Александра Федорова, поэта Александра Биска²⁴.

Последний из названных опубликовал в номере следующие стихи:

Вот Русь моя — в углу, киотом,
Две полки в книгах, — вот и Русь!..
К их потускневшим переплетам,
Припав, я каждый день молюсь.

Рублевый Пушкин, томик Блока.
Десяток милых мне имен —
Средь них не так мне одиноко,
И покороче страшный сон...

А выше — скромно, как лампада,
Рисунок маленький Кремля,
Да ветвь из киевского сада —
— Вот Русь моя!..²⁵

Сюда можно добавить и эссе «Россия» Всеволода Иванова, опубликованное в таком загадочном журнале, как «Оккультизм и йога». Вот небольшой отрывок из него:

«Россия — могучий хрустальный водопад, дугой льющийся из бездны времени в бездну времени, не схваченный доселе Морозом узкого опыта, сверкающий на солнце радугами сознания, гудящий на весь мир кругом могучим утверждением всеславянского бытия.

Россия — грандиозна. Неповторяема.

Россия — полярна.

Россия — Мессия новых времен.

Россия — единственная страна в мире, которая величайшим праздником своим славит праздник утверждения Жизни, праздник Воскресения из мертвых, радуясь на заре весеннего расцветающего дня, с огнями крестных ходов под утренним яхонтовым парчевым заревым небом»²⁶.

Теперь обратимся к ситуации в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. В Белграде издавалось на русском языке примерно столько же разнообразных газет, журналов и иных информационных материалов. Примечательно, что около трети в своих названиях имело слово «русский». Назову здесь только некоторые газеты, которые не потеряли своего значения для современных историков. «Луч» — орган монархистов, ценен своими портретами членов императорской семьи, иерархов Церкви, политических деятелей в эмиграции, приближенных к Двору в изгнании. «Голос верноподданного», издававшийся графом Ю. П. Граббе, содержит интереснейшие материалы по истории церковной смуты в РПЦ. «Партизан» или «Усташа», «независимый национально-политический и информативный орган», выходивший в 1930-х годах «по мере надобности и наличия материальных средств». Интересен своими «взрывчатыми» материалами в связи с защитой русского имени, раскрытием советских агентов, критикой деятельности церковнослужителей и пр. В нем хорошо был представлен глава и организатор

Русского народного ополчения М. Ф. Скородумов, личность честная, открытая, прямота которой нередко приводила к скандалам в «благородном эмигрантском семействе». Сюда добавлю издаваемое сыном знаменитого А. С. Суворина М. А. Сувориным «Новое время», читатель которого всегда мог найти для себя интересные сведения по международной проблематике, о жизни в СССР, новости эмиграции, информацию о событиях в Королевстве, отлично был представлен раздел культуры. Добавлю, что печатавшийся в газете публицист В. Х. Даватц характеризовал ее как «национальная, консервативная, но не черносотенная», типа парижского «Возрождения»²⁷. По моему мнению, это была самая интересная газета, рассчитанная на широкий круг читателей, в основном из интеллигентской среды. Она издавалась примерно десять лет, что представляет собой своеобразный рекорд, так как многие из-за недостатка средств закрывались весьма быстро, не принеся ни дохода издателю, не успев завоевать читателя. Та же скудость средств заставляла М. А. Суворина искать деньги везде, в частности в июле 1926 г. газета получила солидную субсидию на девять месяцев от имевшего еще до революции всеславянскую известность русофила К. П. Крамаржа²⁸, отзывчивость которого была хорошо известна русской эмиграции.

«Новое время» было известно всему русскому зарубежью: его читали в Риге и Риме, в Париже и Софии, в Африке и Америке. Как и всякая уважающая себя газета, она имела и врагов. В архиве «Нового времени» хранится открытка с весьма грубыми выражениями в адрес редактора и его сотрудников²⁹, но гораздо больше писем от тех, кто хотел сотрудничать, верил газете.

Отдельно отмечу и «Русский стяг» — орган «железного союза долга и чести», издававшийся в 1920-х годах. Его основателем и редактором был известный всем монархистам С. С. Бехтеев.

Название газеты, ее «направление», ее задача, ее суть выражены им отчетливо в одноименном стихотворении, посвященном Владимиру Востокову, духовнику и проповеднику корпуса Императорской армии и флота:

Поднят стяг над воинством Христовым.
 Как монахи в сумерках, постом,
 Мы идем по торжищам терновым,
 Осененные хоругвями с крестом.
 Всюду нас встречают лица злые,
 Искраженные от ярости уста,
 Нас не много, но и в дни былые
 Не двенадцать ли их было у Христа?
 Не двенадцать ли пришли к Нему на пир?
 Не двенадцать ли о Нем повествовали?
 И любовью победили мир?
 Пусть же зло кружит за нашим шагом,
 Пусть толпа глумится над Христом,
 Мы идем под старым русским стягом,
 Озаренные сверкающим Крестом.
 Не страшат нас ненависть и злоба,
 Ни угрозы мщенья и обид,
 Ни лишенья, ни безмолвье гроба,
 Где страданье непробудно спит.
 Что нам козни рабского навета,
 Подлый друг и вероломный враг,
 Наше сердце верою согрето,
 С нами правда, с нами Божий Стяг!³⁰

Звучали призывы к подвигу, к очищению, но на практике интеллигенция с гораздо большим рвением предавалась политическим страстям и умозрительным рассуждениям, нежели религиозной жизни. Привыкнув к свободе, она, бывало, достаточно язвительно прохаживалась по адресу иерархов, занимавшихся «политикой». Позволю себе привести здесь отрывок из стихотворения, обнаруженного мною в издаваемой в Королевстве сербов, хорватов и словенцев газете «Русский стяг» [№ 6, 27 (14) декабря 1925 г.], за подписью Сергея Терпигорова — «Слет белых клобуков» — об Архиерейском соборе.

В своеволии дурацком
Спутав цели и детали,
На соборе Карловацком
Иерархи заседали.

Много их собралось вместе
Под старинным сводом зала,
Ближих сердцем к лжи и лести
И доступных для металла.

Были здесь: смутьян Евлогий,
И Антоний – сын дворянский,
Феофан святитель строгий
И Платон американский,

Сергий, Тихон из Берлина
Гермоген Новомосковский,
Гавриил – герой мужчина,
Анастасий Кишиневский,

Феофан из Обояни
И Антоний из Аляски
Плюс немало светской рвани,
Режиссеров свистопляски.

Взяв в Париже бойкость тона,
Густо смазанный валютой
Голос яростный Платона
Так и веял прошлой смутой.

Не стеснясь омофором,
Беглый пастырь из Одессы
Угрожал врагам террором
Создаваемой им прессы.

Говорил он очень много
И кричал, волнуя стадо.

...

Что «Законы Основные»
 Непонятны и сумбурны,
 Что хоть чтут, мол, их иные,
 Большинство же жаждет урны.

Что в исканьи светлой были
 Надо брать пример с Европы,
 Что Царя давно забыли
 Православные холопы;

Что нельзя служить мирянам,
 Что без воли Патриарха
 Неприлично соборьям
 Признавать самим Монарха.

Что неся с Дарами Чаши,
 Надо всем молить у Бога
 Лишь о здравьи Николаши
 Как вождя и демагога³¹.

По сути дела, «Русский стяг», поддерживавший Кирилла Владимировича, провозгласившего себя главой Императорского Дома, в этом стихотворении обрушился на митрополита Платона, «посмевшего» противопоставить «законному государю» великого князя Николая Николаевича («Николашу»). Отсюда и резкость высказываний, вплоть до оскорблений и обвинений в безбожии.

Церковная пресса, конечно, не могла позволить себе такой тон.

Правда, весьма популярной была газета «Царский вестник», редактор которой Н. П. Рклицкий охотно печатал статьи и материалы на церковно-общественную тематику: одним она нравилась, у других вызывала «изжогу».

Весьма едко на издательскую тему прохаживался известный В. А. Маевский. В своих воспоминаниях он записывал: «Синодальная канцелярия издавала журнал “Церковная жизнь”. Но издавала его без сотрудников, без руководящих идей. Редкие статьи преосвященных — на темы, интересные

авторам, но совершенно не интересные читателям — разбавлялись сообщениями канцелярии и запутанными разглагольствованиями новоявленного ”богослова“ Лопухина, на которых, помимо их полной сумбурности, всегда лежала печать елейного уныния... Никакого осведомления, никаких злободневно-церковных вопросов, никакого движения мысли — в синодальном журнале вообще не существовало... От времени до времени сон синодальной канцелярии и ее журнала прерывался, и тогда раздавался замогильный голос о “Святой Руси”. Но затем снова все затихало, и только скрипели перья, стучала старенькая машинка и разрастался архив в доказательство того, как живое церковное дело можно задушить в ворохе ненужных бумаг»³².

В сущности, многое здесь зависело от русского общества, а если быть более точным — от денег, которых, как всегда, не хватало.

Теперь совсем немного об освещаемых в прессе выставках работ русских талантов, нерегулярно устраиваемых в Белграде. И здесь опять я предложу поэзию, а именно, стихотворение Е. Журавской, опубликованное в «Старом времени», о русской выставке, открытой в здании университета 24 августа 1924 г.:

Со всех концов земли любезной
Мы принесли сюда вчера
И тяжкий труд кирки железной,
Иглы, и кисти, и пера,
И наших дум, и наших знаний
Плоды, созревшие в тиши,
Средь терний долгого изгнания,
Средь грустных сумерек души.
И вот смотрите: в строгой зале
Цветут гирлянды пышных роз
И бледно-палевых азалий
И ветви трепетных мимоз.
Там кружев нежных паутина,
А вот работы наших школ,
Эскизы, книги и картины,

Тут слон из мыла, улей пчел,
 И детских кукол ряд забавный,
 Шелками вышитый павлин,
 Вот на стене в борьбе неравной
 Со змеем бьется исполин,
 Резьба по дереву ручная,
 Иконы древнего письма
 И фотография цветная,
 И карт узорная тесьма,
 Попытка первая малютки –
 Рисунок робкий и простой,
 И милый облик институтки
 С наивной девичьей косой...
 И все напомним, что в лишеньях,
 Терпя обиды едкий дым,
 Обломки грозного крушенья,
 Мы живы, мыслим и творим³³.

От «Русского стяга» перейду к поэтическому «Старому времени» с его милыми русскому сердцу историческими анекдотами, афоризмами, ежемесячным церковным календарем и другими «мелочами» из старого доброго времени. Читатель в нем почти всегда мог найти вкладыш с нотами и текстом русских песен, романсов, цыганских песенок, арий из опер, например, «Соловья», «Помолись, милый друг, за меня», «Варяжскую балладу» из «Рогнеды», «Хор девушек» из «Псковитянки», «Как хороши те очи». Любитель поэзии всегда мог надеяться на встречу со стихами Е. Журавской, изумительной поэтессы Белграда. Я не удержусь, чтобы не привести здесь одно ее грустно-чистое стихотворение:

Милый Сон-Чародей

Милый Сон-Чародей,
 Обними, пожалей,
 В свой чертог золотой
 Уведи, успокой.

Пусть мгновенье одно
 Лишь мне будет дано,
 Чтоб забыть, улететь,
 Обмануть, умереть!
 В царство сказок и грез
 От страданий и слез.
 Защити, отогрей,
 Приласкай горячей!
 Ты раскинь жемчуга
 По узорной парче
 И раздвинь берега
 Темной жизни душе,
 Пусть забвеньем полна
 Вся утонет она
 В твоих ясных лучах,
 В твоих зыбких волнах.
 Светом ярких огней
 Ты зажгися скорей,
 Обними, пожалей,
 Милый Сон-Чародей!³⁴

Возвращаясь к «скучной» прозе, замечу, что первым органом периодики стал двуязычный сербско-русский Билтен / Бюллетень (издатель – Русское телеграфное агентство «Рус-аген» в Белграде). Это был текст на пишущей машинке или рукопись на шапирографе (множительный аппарат, изобретенный инженером Шапиро). Первый сохранившийся экземпляр имеет № 39 от 8 марта 1920 г. Последний – № 90 от 18 мая 1920 г. В Билтене можно было прочесть известия с фронтов Гражданской войны, общие политико-экономические вести, информацию о жизни русских беженцев в Сербии.

Значительную роль в жизни русских эмигрантов, в том числе и живших в Белграде, сыграло Объединение российских земских и городских деятелей (Земгор), созданное как неполитическая организация в начале 1920-х годов. Известна его обширная деятельность на ниве просвещения. В частности, он

издавал в Белграде журнал на сербохорватском языке (кириллицей и латиницей) «Русский архив», посвященный политике, культуре и экономике России. Согласно решению министра по делам вероисповеданий (1929 г.), журнал рекомендовался всем школам для большего знакомства учеников с «братской Россией» и «укрепления любви нашего народа к России». Редакции «Русского архива» удалось привлечь к сотрудничеству многих талантливых авторов — ученых, публицистов, политических обозревателей, таких известных писателей и поэтов Русского зарубежья, как Алексей Ремизов, Марина Цветаева, Евгений Замятин, Марк Слоним. Одним из ведущих разделов журнала был «Политический обзор», где помещались комментарии о событиях в СССР. В качестве источников использовались в основном советские материалы. Отдельные статьи посвящались рассмотрению отношений между партией и интеллигенцией, крестьянством. Много внимания уделялось темам культурной жизни: театру, музыке, просвещению.

Продолжая разговор о сербо-русских связях, следует вспомнить 1923 год, когда на русском и сербском языках был напечатан в Белграде первый и единственный номер литературно-художественного журнала под весьма экстравагантным названием «Медуза» — «органа пропаганды русского искусства в Югославии и ознакомления с сербским творчеством русских». Наряду с публикациями о современных поэтах Королевства, в нем было представлено творчество таких мастеров слова, как А. Ахматова, А. Блок, А. Ремизов, художник Л. Браиловский³⁵.

Практически все периодические и непериодические издания так наз. гуманитарного направления на своих страницах наперебой рассуждали о России, строили ее будущее, мечтали и тосковали... Только один пример — «Наше будущее», литературный и общественно-политический журнал, первый номер которого вышел в Белграде в 1925 г. Идеал его создателей — старая государственность, закон и порядок. Девиз — «Вера, Царь и Отечество». От знаменитой триады графа С. С. Уварова — «Православие, Самодержавие, Народность» его отличал только последний компонент, когда «ненадежную» народность, выбросившую их в эмиграцию, заменили благородным «Отечеством».

В завершение своего очерка могу сказать, что русская пресса помогла жить в изгнании не только ее читателям, но и авторам, которые имели возможность делиться своими мыслями, размышлениями, наконец, представлять свое творчество, неразрывно связанное с Россией, со славянством.

Примечания

- ¹ Периодика на руската емиграция в България (1920–1943). Энциклопедичен справочник. София, 2012.
- ² *Манолов Хр.* Руската емигрантска периодика в България (1920–1922) // «Погасло дневное светило...». Руската литературна емиграция в България 1919–1944. София, 2010. С. 24–25; он же. Русская газета // Периодика на руската емиграция. С. 567.
- ³ Цит. по: *Манолов Хр.* Руската емигрантска периодика в България. С. 25.
- ⁴ Там же. С. 30–33.
- ⁵ Цит. по: Там же. С. 41.
- ⁶ Там же. С. 43.
- ⁷ Там же. С. 41–42.
- ⁸ *Русев Р.* Русский дух в изгнание (из литературния живот на руската емиграция в България през 20-те и 30-те години на XX век) // «Погасло дневное светило...». С. 113.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Русев Р. Д.* Литературные газеты и журналы русской эмиграции в Болгарии (1921–1943) // *Славяноведение*. 2001. № 4. С. 87.
- ¹¹ *Любенова Л.* Моите разговори // Доайенът Юбилеен сборник, посветен на 100-годишнината на проф. Николай Михайлович Дилевски. София, 2004. С. 520–521; *Мещерский А. П.* Из заметок и материалов // Там же. С. 448, 452.
- ¹² *Мещерский А. П.* Из заметок и материалов. С. 454–457.
- ¹³ *Любенова Л.* Моите разговори. С. 521.
- ¹⁴ *Петкова Г.* «Пилюля» // Периодика на руската емиграция в България. С. 541.
- ¹⁵ Русь. 1923. 18 марта. № 64. С. 4.
- ¹⁶ Там же. 1928. 19 октября. № 1657. С. 1.
- ¹⁷ Русь. 1923. 30 ноября. № 204. С. 4.
- ¹⁸ Новая Россия. 1922. 10 декабря. № 16. С. 4.
- ¹⁹ Россия. 1920. 1 декабря. № 53. С. 2.
- ²⁰ Там же. 17 октября. № 173. С. 4.
- ²¹ Русское дело. 1922. 26 февраля. № 79. С. 1.
- ²² *Матвеева И. В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний. Вступит. слово и коммент. А.Н. Горяинова // *Славянский альманах*, 2004. М., 2005. С. 494–495.
- ²³ *Вопль*. 1929. № 1. С. 2.
- ²⁴ *Русев Р.* «День русской культуры» // Периодика на руската емиграция в България. С. 216.
- ²⁵ Цит. по: там же. С. 220.
- ²⁶ Цит. по: *Илчева Р.* «Оккультизм и йога» // Периодика на руската емиграция в България. С. 530.

- ²⁷ *Серационова Е. П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы. М., 2006. С. 438.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 459. Оп. 3. Д. 319. Л. 41.
- ³⁰ Русский стяг. 1926. 27(14). VI. № 11. С. 1.
- ³¹ *Терпигорев С.* «Слет белых клубуков». Оттиск. Королевство СХС. 1925.
- ³² *Маевский В.* Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии. В 2-х т. Т. 2. Нью-Йорк, 1966. С. 149–150.
- ³³ Старое время. 1924. 4. IX (22. VIII). № 71. С. 1.
- ³⁴ Старое время. 1924. 3. III (19. II). № 22. С. 1.
- ³⁵ *Арсеньев А.* Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 56.

Татьяна Викторовна ВОЛОКИТИНА

«Перо приравнено к штыку!». Советская печатная пропаганда в годы Великой Отечественной войны

Вопросы пропаганды в тоталитарном советском государстве всегда являлись одним из важнейших приоритетных направлений политики. Но в условиях военного времени их значение многократно возрастало, подчиняясь основной задаче — разгрому врага. С первых же дней Великой Отечественной войны началось создание новых информационно-пропагандистских структур. Уже 24 июня 1941 г. по постановлению правительства и ЦК ВКП(б) начало действовать Совинформбюро, призванное руководить работой по освещению в периодической печати и по радио международных и военных событий и внутренней жизни страны. Возглавил Совинформбюро секретарь ЦК, руководитель Главного Политического Управления Красной Армии и Военно-морского Флота (ГлавПУРК-КА) А. С. Щербаков, а его заместителем стал С.А. Лозовский. Только через радиостанции, а их было 18, Совинформбюро имело выход в 23 страны мира. Помимо сотен газет и журналов, информационно-пропагандистские функции, в той или иной мере, выполняли советские дипломатические представительства, общества дружбы, профсоюзные, женские, молодежные и научные организации¹.

Одновременно с созданием Совинформбюро 25 июня 1941 г. Политбюро ЦК партии утвердило состав Бюро военно-политической пропаганды, деятельность которого направлялась, в первую очередь, на ведение пропагандистской и контрпропагандистской работы среди войск и населения противника. Первоначально возглавили новую структуру Л.З. Мехлис и Д.З. Мануильский. Это направление в годы Великой Отечественной войны именовалось «специальной

пропагандой». Для ее ведения в структуре советских пропагандистских органов действовали 7-е Управление ГлавПУРККА и 7-е отделы в крупных воинских формированиях.

Пропагандистскую работу предстояло развертывать в крайне сложной военной и морально-психологической обстановке. После стремительного натиска врага и тяжелых поражений Красной Армии летом-осенью 1941 г. советское руководство оказалось перед фактом заметного упадка морального духа определенной части населения, выражавшегося в апатии, сомнениях в правильности политики и действий «верхов» и их способности выправить обстановку. Многочисленные сведения об этом стекались с мест в ЦК ВКП(б)², что опрокидывает прежние представления о советской стране, якобы одномоментно превратившейся в военный лагерь. Длительное время они входили в число мифологем, с которыми связана была история Великой Отечественной войны.

В современной историографии указывается на то, что полное осознание нависшей над страной смертельной опасности, необходимости нечеловеческого напряжения физических и моральных сил народа и полной самоотдачи на трудном пути к победе наступило со значительной задержкой. При этом пришлось преодолевать не только, выражаясь языком партийных сводок, «нездоровые настроения», о которых говорилось выше, но и явления обратного порядка — представления о фатальной предопределенности разгрома врага³, исходя из принципа классовой солидарности.

С началом войны советское руководство далеко не сразу отказалось от традиционных представлений, хотя опыт Хасана, Халхин-Гола, наконец, советско-финляндской войны показал малую эффективность призывов к японским и финским солдатам — рабочим и крестьянам — действовать вместе с Красной Армией, повернуть свое оружие против собственных «помещиков и капиталистов». О «страданиях немецких рабочих, крестьян и интеллигенции», которые «мы [т. е. советские люди] хорошо понимаем», говорил В. М. Молотов по радио 22 июня 1941 г. «Верным союзником» в великой войне назвал «германский народ, поработанный гитлеровскими заправила-

ми», Сталин в известном обращении к советским людям 3 июля 1941 г. В печати, как указывалось в одном из отчетов военного отдела Совинформбюро, поначалу проявлялись «неверные» и даже «вредные» тенденции в освещении боевых действий: недооценка сил Красной Армии, переоценка сил противника уживались на страницах газет и журналов с «бахвальством и шапкозакидательством», «самоуспокоенностью и благодушием». Печать поначалу слабо мобилизовывала советский народ на длительную и тяжелую войну⁴. И совсем неадекватными обстановке видятся сегодня заявление Сталина, относящееся к ноябрю 1941 г., о «глубоком переломе [в германском народе] против продолжения войны, за ликвидацию войны», или его характеристики германского тыла как «вулкана, готового взорваться и похоронить гитлеровских авантюристов»⁵. Даже если отнести эти оценки к разряду пропагандистских манипуляций общественным мнением, следует признать их не особо удачными и эффективными.

Восприятие событий в обществе в целом и тем более отдельными людьми не было статичным. Кроме того, оно часто отличалось от официальной пропаганды, определяясь уровнем политической и общей культуры, личным жизненным и гражданским опытом⁶. Понимая это, советское руководство в целях усиления эмоционального воздействия на общество и формирования в нем патриотических настроений стремилось мобилизовать лучшие интеллектуальные силы.

При Совинформбюро была сформирована литературная группа, в которую входили известные писатели и публицисты. Как вспоминал писатель Вс. Вишневский, задача формулировалась по-военному четко: «Быть в массах, нести живое слово, описывать борьбу, отмечать героев, клеймить трусов, ликвидировать ложные слухи. Работать везде. Перо приравнено к штыку!» И результат не заставил себя ждать: советская литература, отмечал Вишневский уже в июле 1941 г., «вся становится *оборонной*»⁷.

Руководство Информбюро требовало от писателей максимальной ответственности за все сказанное ими, формулировало задачу «по-настоящему изображать, что такое Советский

Союз и в чем сила Советского Союза». «Не в том сила нашей страны, что мы все легко делаем, а в том, что, несмотря на огромные трудности, огромные жертвы, мы идем вперед при непоколебимом моральном единстве», — разъяснял С. А. Лозовский в марте 1942 г.⁸ И надо сказать, что выступления литераторов обрели грандиозную по своим масштабам аудиторию, в том числе и заграничную.

Активную работу развернули на своем направлении и «спецпропагандисты». Исходя из идеологического постулата об СССР — «отечестве пролетариата», они полагали возможным «политически отвоевать» у империалистов их собственных солдат⁹. С этой целью уже через два дня после нападения на СССР были выпущены газеты на языках противника: «Грайул либер» («Голос свободы») — на румынском (издание было рассчитано, прежде всего, на пленных); «Уйсо» («Слово») — на венгерском; «Альба» («Заря») — на итальянском, а также бюллетень для австрийских солдат. К апрелю 1942 г. выпускалось уже 17 газет и 1 иллюстрированный журнал на немецком, румынском и финском языках. Однако свою задачу они не выполнили, и 5 октября 1942 г. их издание было прекращено. Одновременно, однако, возросли тиражи листовок, воззваний, обращений, плакатов.

Главным объектом пропагандистской работы была, естественно, фашистская Германия, еще вчера союзница СССР. После длительного затишья (с середины 1939 г. в СССР была полностью прекращена публичная антифашистская пропаганда) предстояло коренным образом перестроиться, сбросить, по выражению одного из современников, добровольно накинутую на себя «петлю дружбы с немцами». Однако, как представляется, в целом советскому обществу осознать столь резкий поворот удалось сравнительно быстро. В большинстве своем советские люди отчетливо понимали, что против Советского Союза действует противник «со стажем», воевавший против России и в Первой мировой войне. В общественном сознании явно «перевешивали», например, воспоминания о немецкой оккупации Украины, тогда как пакт 1939 г. и последовавшие за ним советско-германские соглашения воспринимались, ско-

рее, как тактические действия политического руководства¹⁰. Именно по отношению к Германии в сознании наших соотечественников сформировался наиболее полный, ярко выраженный и эмоционально окрашенный «образ врага»¹¹.

Антигерманская пропаганда поначалу основывалась на вышеупомянутом классовом подходе. В подготовленном в августе 1941 г. «Открытом письме к немецкому народу» содержался прямой призыв к немецким рабочим и крестьянам уничтожить террористический режим Гитлера и его приспешников и «создать свободную Германию»¹². Еще один документ, также датированный серединой августа 1941 г., — «Открытое письмо к немецким рабочим» — адресовался в первую очередь классовому союзнику, «одетому в солдатский мундир». Солдат призывали воевать плохо, поворачивать оружие против Гитлера и его клики, а рабочих в тылу — останавливать заводы, шахты, железные дороги, парализовывать почтовую и телеграфную связь. «Крушение власти Гитлера будет твоей величайшей победой, немецкий рабочий, — говорилось в документе. — В этом твое спасение, спасение всего германского народа!»¹³. Письмо в соответствии с традиционными установками советского партийно-идеологического аппарата предполагалось опубликовать «от имени рабочих» автомобильного завода имени Сталина и завода «Динамо» имени С. М. Кирова. Разрешение «верхов» на это запросил 16 августа 1941 г. Д. З. Мануильский¹⁴.

Заметим, что вполне отчетливый классовый характер имел поначалу и «образ союзника», являвшийся антиподом «образа врага». К союзникам уже 22 июня 1941 г. писатель Илья Эренбург отнес «народы всех поработенных стран»: «парижских рабочих и сербских крестьян, рыбаков Норвегии и жителей древней Праги, измученных сыновей окровавленной палачами Варшавы»¹⁵.

Довольно скоро, однако, классовая составляющая пропагандистской работы сменилась четкой установкой: враг есть враг, и он должен быть уничтожен, невзирая на его классовое происхождение или социальный статус. Образ врага-фашиста усилиями официальной пропаганды быстро приобрел национальную окраску и превратился в массовом сознании в образ

врага-немца¹⁶. Именно такой подход стал главным и определяющим вплоть до завершающей стадии войны. И огромную работу в этом направлении проделал Эренбург, безусловно, одна из ярчайших личностей в отряде советских литераторов. Из-под его пера в годы войны вышло около полутора тысяч статей для советского и зарубежного читателя, что дало основание исследователю его творчества Б. Я. Фрезинскому говорить о «беспрецедентной работе» писателя в военное время¹⁷. Замечу, что среди некоторых собратьев по перу слышались тогда в адрес Эренбурга упреки в «однообразии»: «Всё убей немца и убей немца! И сегодня, и завтра «убей немца»». На подобные суждения позднее, в феврале 1944 г., на IX пленуме Союза советских писателей, ответил поэт А. Сурков, подчеркнувший, что Эренбург и его единомышленники «сумели на протяжении двух с половиной лет огненно-неисчерпаемо пронести и донести до человеческого сердца эту неиссякаемую ненависть к тому, что нельзя не ненавидеть»¹⁸. Сам Эренбург так определял свое творческое кредо в условиях военного времени: «Я предпочитаю страстные отрывистые записи, строки во фронтовой газете, поэму гнева, дневник воина тем заместителям «Войны и мира», о которых мечтают некоторые авторы. Великие книги о великой войне будут написаны потом...»¹⁹.

Весьма показательны свидетельства «обратной связи» – восприятия советскими солдатами публикаций Эренбурга. Известно, например, что минометчики сравнивали статьи писателя с залпами знаменитых «катюш». А во время одной из наступательных операций в районе Курска, узнав, что машина Эренбурга застряла в снегу, бойцы прицепили ее к тягачу вместо пушки со словами: «Нам не известно, как будет стрелять пушка, но нам известно, как будет стрелять Эренбург»²⁰.

Культивирование настроений мщения было определяющим в советской пропаганде вплоть до весны 1945 г. Еще в январе-феврале 1945 г., накануне Висло-Одерской и Восточно-Прусской наступательных операций Красной Армии, работа войсковых пропагандистов была направлена на разжигание жажды мести врагу «в его собственном логове», велась по принципу «око за око». В боевых частях проводились ми-

тинги и собрания на темы: «Как я буду мстить немецким захватчикам» и «Мой личный счет мести врагу»²¹. Перемена обозначилась после вступления Красной Армии на территорию Германии. В новых условиях следовало не допустить опасного разгула страстей, срочно блокировать настроения мщения в солдатской массе, лаконичным выражением которых стала строка из солдатского письма: «Мы будем в Германии... и все вспомним!»²². С целью кардинальной смены пропагандистских установок по отношению к главному противнику на вооружение была активно взята известная политическая оценка ситуации из приказа № 55 Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина от 23 февраля 1942 г. — «гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается...». Именно с этим принципиальным поворотом связано появление 11 апреля 1945 г. в центральном партийном органе газете «Правда» статьи руководителя Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова «Товарищ Эренбург упрощает» с обвинениями писателя в недифференцированном подходе к германскому противнику.

Отражением нового подхода стали, в частности, приказ командующего 2-м Украинским фронтом К. К. Рокоссовского «направить чувство ненависти на истребление врага *на поле боя*» (курсив мой. — Т. В.), не допускать насилия, мародерства, грабежей населения, как и директива Ставки Верховного Главнокомандования от 20 апреля 1945 г. о поведении советских войск на территории Германии.

Возвращаясь к начальному периоду войны, отметим, что основные направления «спецпропаганды» сводились к следующему: разоблачать Гитлера и фашистскую «верхушку» как врагов немецкого народа; убеждать противника в справедливом освободительном характере войны со стороны Советского Союза; доказывать неизбежность военного поражения Германии и ее сателлитов; побуждать вражеских солдат к сдаче в плен; вскрывать противоречия внутри фашистской «оси» и, наконец, разъяснять миролюбивые цели СССР на освобожденных территориях²³. Задачи были исключительно сложными, и попытки их практического решения неизбежно

выявляли серьезные недостатки. Об одном из них шла речь на секретном совещании у С. А. Лозовского 2 сентября 1941 г. Отмечая воздействие советских пропагандистских материалов на немецких солдат, бывший член Военного совета Центрального фронта П. К. Пономаренко рассказал: «В плен приходят солдаты с нашими листовками, но у них одна жалоба, они говорят: “Вы в одну листовку хотите всадить весь марксизм-ленинизм”. И действительно, вот такая маленькая листовка, а мы хотим туда написать все. А ведь ему нужно несколько фраз, которые бы затронули его мозг, сердце. Немецкие солдаты жалуются, говорят, что листовки хорошие, но мы не успеваем их прочитать, они очень длинные. Они говорят, что нужно максимум смысла и минимум слов»²⁴.

Отследить результативность воздействия советской пропаганды на противника крайне сложно, но некоторое представление об этом дают документы немецкого происхождения. Так, по данным штаба 2-й немецкой армии (ноябрь 1942 г.), советская сторона старалась всесторонне учитывать состояние немецких солдат. «С ними говорит она народными, солдатскими и специфически-местными выражениями, — указывалось в одном из донесений, — дает возможность отдельным лицам, выдавая их за немцев, обращаться к немцам и злоупотребляет подписями убитых. При этом она взывает к [таким] первоначальным человеческим чувствам, как страх смерти, боязнь боя и опасности, тоска по жене, ребенку, ревность, тоска по родине. Всему этому противопоставляется переход на сторону Красной Армии...»²⁵.

Одним из важных направлений советской пропаганды стал славянский фактор. Не случайно среди поработанных гитлеровцами «братских нам народов» Эренбург в июне 1941 г. в первую очередь назвал «высококультурных чехов, отважных югославов, талантливых поляков»²⁶. Уже к концу лета была сформулирована задача активизировать движение славянской солидарности, а 10-11 августа в Москве был проведен первый Всеславянский митинг, принявший воззвание «Ко всем угнетенным славянским народам мира». Фактически речь шла о программе нового движения, объявленного открытым для

всех патриотов без различия их политических и религиозных взглядов и убеждений. Центральная задача движения определялась как уничтожение фашистского гнета объединенными усилиями. Советское руководство заявило о своей принципиальной позиции – СССР не претендует на руководящую роль в славянской семье. Об этом четко заявил на митинге писатель А. Толстой, а спустя несколько дней на страницах «Правды» – начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров, давший установочную оценку идеи панславизма. Охарактеризовав последний как «насквозь реакционное течение», использовавшееся русским царизмом в империалистических целях, автор противопоставил старому панславизму идею славянской солидарности²⁷. Позднее, осознавая живучесть термина «панславизм» как синонима русской угрозы Европе и другим славянским народам, советское руководство сочло необходимым зафиксировать отличие «царского великодержавного панславизма» и «старого славянофильства» от «нового славянофильства», основанного на равенстве прав славянских народов во имя защиты своего существования и будущего общими усилиями²⁸. В пропагандистских материалах широко использовались немецкие установки антиславянской направленности, в частности, выдержки из гитлеровской «Майн кампф»: «Если мы хотим создать нашу великую германскую империю, мы должны, прежде всего, вытеснить и истребить славянские народы – русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов»²⁹.

На реализации идеи славянской солидарности сосредоточил свою деятельность созданный в октябре 1941 г. Всеславянский комитет, возглавлявшийся генерал-лейтенантом А.С. Гундоровым. В нем активно работали многие деятели славянских стран, в том числе болгарские и югославские представители – А. Стоянов, Д. Влахов, Б. Масларич и другие. В 1942 г. начал выходить журнал «Славяне», на страницах которого освещались вековая борьба славянских народов с германской агрессией, взаимные связи их между собой и с Россией, помещались материалы о национальных героях славянства. Определилось и такое направление работы Всеславянского комитета, как

подготовка для союзников материалов, опровергавших возможность угрозы «славянской экспансии» в мире³⁰. Особенно сильную заинтересованность в таких материалах проявляла Великобритания, на территории которой нашли прибежище многочисленные беженцы из оккупированных славянских стран и действовали правительства Польши, Чехословакии, Югославии и ряда других государств в эмиграции.

Помимо изданий Всеславянского комитета, на разработку славянской тематики нацеливалась и партийная печать. Так, в начале октября 1941 г. был составлен подробный план подготовки статей для газеты «Правда» по общей теме: «Как смотрит изверг Гитлер на русских и славян». В план вошли статьи: «Германский фашизм — лютей враг украинского народа», «Германский фашизм — злейший враг белорусского народа», «Гитлер — заклятый враг русского народа», «Чехословакия под пятой Гитлера», «Гитлер о поляках как о низшей расе», «Югославия под пятой германских оккупантов», «Славянские народы не хотят быть рабами Гитлера», «Как германские фашисты грабят и угнетают славянские народы оккупированных стран», «Болгария под властью германского фашизма» и др. В феврале 1942 г. из редакции информации ТАСС в партийные печатные органы всех уровней — от республиканского до районного — была разослана статья А. Леонтьева «Изверг Гитлер — злейший враг славянства». Позднее, в марте 1944 г., массовым тиражом была напечатана брошюра академика Н.С. Державина «Вековая борьба славянских народов с немецкими захватчиками», назначение которой заключалось в обосновании необходимости противопоставить единство славян гитлеровским планам уничтожения славянства. Активное участие в пропаганде на славянские страны принимала Русская православная церковь. В деятельности Всеславянского комитета заметную роль играл митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич), неоднократно адресовавший антифашистские послания народам Европы. 11 июня 1943 г. он выступил с обращением «Братьям-славянам!».

Встает вопрос, насколько адекватным реальным замыслам фашистского режима было «славянское» направление

советской пропаганды? Действительно ли настолько велика была опасность для славянского мира? В наши дни, когда кардинальным переоценкам подвергается, нередко из соображений политической конъюнктуры, всё и вся, следует, тем не менее, признать, что пропаганда базировалась на реальной угрозе истребления славянства как конгломерата «неполноценных народов», «низшей расы», наряду с евреями и цыганами. Чудовищный замысел лег в основу немецкого «Генерального плана “Ост”».

Первые документы этого плана, называвшегося иначе «Генеральным планом поселений», обнаружил в архивах ФРГ в конце 1950-х годов польский историк Ч. Мадайчик. Сейчас ученым известно более 100 документов, характеризующих замыслы гитлеровцев в отношении Польши, Чешских земель, Украины, Белоруссии, части современной Российской Федерации и Прибалтики. До войны на этих территориях проживало от 40 до 65 млн «неполноценных» славян.

По плану «Ост» предполагалось выселить за Урал, на Северный Кавказ, в Южную Америку и Африку и частично истребить от 30 до 51 млн человек. Остальным предстояло пережить «германизацию», превращение в рабскую рабочую силу с перспективой физического уничтожения в связи с невыносимыми условиями жизни. Поначалу план был рассчитан на 25–30 лет, но затем сокращен до 20 лет. Иными словами, славяне как группа родственных народов должны были исчезнуть с карты мира прежде, чем одно поколение сменило бы другое. Параллельно план предусматривал колонизацию освобожденных от славян территорий. Их предстояло покрыть сетью опорных немецких баз, отстоявших друг от друга на 100 км и связывавших новые территории Рейха в единое целое.

Несмотря на то, что конкретные документы плана «Ост» были засекречены, действия немецких оккупантов на захваченных землях свидетельствовали о решительных намерениях фашистов реализовать установки, нашедшие отражение еще в программе кабинета Гитлера, изложенной 3 февраля 1933 г. Один из пунктов формулировался как «захват нового жизненного пространства на Востоке и его безжалостная германиза-

ция». Во исполнение плана «Ост» началось выселение поляков с территорий Польши, включенных в состав Рейха, сербов и словенцев из Хорватии, чехов из отошедшей к Германии Судетской области. Колонизация имела место в Прибалтике и некоторых районах Украины. Лишь победы Красной Армии под Сталинградом и на Курской дуге положили конец этим процессам.

В советской пропаганде основные негативные характеристики немецкого противника переносились и на союзников-сателлитов Германии, хотя и в несколько смягченной, по сравнению с главным врагом, форме. Показательно, что в отношении них два тоталитарных режима — правого (Германия) и левого (СССР) толка — использовали почти «зеркальные» характеристики. Если в Германии сателлитов называли «вспомогательными народами», то в Советском Союзе на них распространились определения «вассальных армий», «второстепенных противников». Именно так они воспринимались и массовым советским сознанием, причем отношение к ним определялось в значительной мере историей межгосударственных и межнациональных отношений, степенью и характером участия каждой из стран в войнах против России, поведением их армий в боевой обстановке и на оккупированных территориях. Естественно, что на тех участках фронта, где советские части имели непосредственный контакт с союзниками Германии, негативных проявлений было больше. Противник при этом оценивался не только «в целом», но и этнически дифференцированно, в частности, с учетом его славянских или иных корней.

Формируя представления советских людей о друзьях и врагах, советская пропаганда не обходила и балканское направление. При этом региональная картина выглядела следующим образом: «сдавшаяся Румыния, перебежавшая (на сторону немцев. — *Т. В.*) Болгария, союзная Югославия»³¹. К друзьям, в первую очередь, относились, несомненно, народы сражавшейся Югославии. При этом большое значение имели традиционные прорусские настроения сербского народа, а также отношение к сербам немецких оккупационных властей. В начале

апреля 1941 г. германское командование в оккупированной Сербии установило особый режим жесткого обращения с сербскими военнопленными и, как отмечалось в одном из немецких документов, подавления сопротивления с «беспощадной жестокостью»³². В советской пропаганде основное внимание фокусировалось на действиях югославских партизан, им адресовались и многие конкретные материалы. Так, Прессбюро Всеславянского комитета, содействуя популяризации методов партизанской борьбы, неоднократно обращалось к опыту югославо. Югославские общественные деятели часто выступали в систематически проводившихся с июня 1942 г. специальных радиопередачах из Москвы на славянские страны и на радиомитингах. Один из таких митингов Всеславянский комитет организовал в марте 1944 г. силами югославских граждан, проживавших в СССР, по поводу трехлетней годовщины со дня оккупации Югославии. Материалы, сохраняющиеся в фонде Коминтерна (секретариат Г.М. Димитрова), указывают на серьезную подготовку этого мероприятия и исключительно важное значение, которое придавалось советским руководством вопросам славянского единства. Среди выступавших представителей сербского, хорватского, словенского и македонского народов не затерялся голос и «болгарского общественного деятеля» Вылко Червенкова, который от имени болгарских патриотов призвал своих соотечественников-солдат «смыть позор, которым они покрыли себя, сражаясь против братьев-югославо», и вместе с Народно-освободительной армией Югославии идти в бой против гитлеровских захватчиков³³.

Радиопропаганда находила определенный отклик. С 1942 г. в частях Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) имелись группы радистов и переводчиков для записи сообщений московского радио «Голос России» и радиостанции «Свободная Югославия». Материалы радиопередач распространялись среди населения; на их основе регулярно издавался специальный бюллетень.

Следует отметить, что советская пропаганда на Югославию акцентировала внимание, главным образом, на одной составляющей движения Сопротивления – силах, руководи-

мых компартией, хотя проблема общеегославского единства, в том числе отношений между сербами и хорватами, вызывала обеспокоенность в Москве и, в частности, в руководстве Коминтерна. Советские руководители, как и югославские коммунисты, отказывали в праве на национальный патриотизм каким-либо иным политическим силам, кроме компартии. Героизация бойцов-коммунистов, лично Тито соседствовала с прохладным, мягко говоря, отношением к националистическим сербским силам – четникам генерала Дражи Михайловича, официально представлявшего правительство короля Петра II, которое, в свою очередь, опиралось на поддержку Великобритании. Поскольку передачи лондонского радио на сербском языке ретранслировали воззвания Всеславянского комитета, до югославов дошло заявление, что «известные реакционные силы мешают... борьбе» малых славянских народов». Оскорбленный Михайлович, принявший эти обвинения на свой счет, решил дать ответ. 8 марта 1943 г. в письме во Всеславянский комитет он писал: «Наш [сербский] народ, оставшийся твердым и непоколебимым в своих чувствах по отношению к матери-России,.. потрясен непониманием нашей реальности»³⁴. Прозвучавшие позднее заверения Михайловича, что «весь народ Югославии сохранит верность свободе и демократии» и вместе с США, Великобританией и СССР будет вести борьбу вплоть «до полной победы над нацизмом, фашизмом и всеми разновидностями тирании и диктатуры», не смогли изменить отношения к нему Москвы, сделавшей ставку на коммунистов-партизан Тито³⁵. Не случайно в советской пропаганде на Югославию «разбойничьи четы Михайловича» оказались в одном ряду с полевой стражей Недича* и немецкими оккупантами³⁶.

Приказ о наступлении войск 3-го Украинского фронта и переходе болгаро-югославской границы, как сообщалось в политдонесении начальника Политуправления фронта генерал-майора И. С. Аношина в ГлавПУРККА А. С. Щербакову

* М. Недич – генерал югославской армии, военный министр и затем глава созданного при участии Берлина правительства национального согласия в Сербии, крайний сербский националист.

от 26 октября 1944 г., вызвал в частях заметный политический и боевой подъем. Встречи с частями НОАЮ и югославскими партизанами, доклады и беседы политработников «еще сильнее укрепили уважение личного состава к свободолюбивому югославскому народу», усилили «наступательный порыв»³⁷. Исключительно высоко оценивались советскими политработниками совместные с частями НОАЮ действия по уничтожению группировок немцев в горных районах страны, на подступах к Белграду и в боях за югославскую столицу 15–20 октября 1944 г. На политико-моральное состояние советских солдат положительно влияли теплые и радушные встречи с местным населением, неизменно сопровождавшиеся манифестациями жителей, хлебосольным угощением и исполнением партизанского гимна «По долинам и по взгорьям».

Вступление Красной Армии на землю Югославии, как свидетельствовали донесения советских политорганов, было встречено с восторгом, особенно в Сербии. Население обращало особое внимание на боевую мощь частей и их техническую оснащенность, поскольку немецкая и недичевская пропаганда всячески принижали боеспособность Красной Армии, подчеркивая плачевное состояние советского сельского хозяйства и промышленности и, как следствие, невозможность «Советов» содержать сильную армию. Массовые настроения сербского населения характеризовались верой в славянскую солидарность и значение единой для сербского и русского народов православной веры, надеждами на советскую помощь, на улучшение собственного материального положения³⁸. Советские политорганы фиксировали также и представления определенной части жителей о перспективах развития страны. Их обобщенным выражением стали слова белградской учительницы Милы Миларович: «Югославский народ не встал на колени перед захватчиками и теперь прямо смотрит в светлое будущее»³⁹.

Хотя к вражескому лагерю относились две балканские страны — Румыния и Болгария, «образ врага», несомненно, фокусировался на Румынии. Именно румынские мотивы преобладали в листовках, адресованных бойцам Красной Армии

зимой 1942 г. При этом часто использовался такой характерный пропагандистско-психологический прием, как дегуманизация противника, в том числе изображение его в образе животных. Так, в сатирической листовке от 30 ноября 1942 г. была помещена карикатура на Антонеску и Хорти, представлявшая их «мартовскими котами» на крыше, сцепившимися из-за кошечки по кличке «Трансильвания»⁴⁰. В пропагандистских материалах румынская армия сравнивалась с «живым трупом», акцентировалось ее плохое снабжение продовольствием, особенно по сравнению с регулярными немецкими частями⁴¹; в общественном российском сознании целенаправленно формировался образ румынского солдата — вечно голодного и по сему особо склонного к мародерству, грабежам, насилию и пр. На охотное восприятие советскими людьми именно такого образа румын, несомненно, в первую очередь влияла конкретная военно-политическая обстановка. Румыния участвовала в боевых действиях на Восточном фронте с лета 1941 г. силами 10 дивизий. Однако после немецкой оккупации Италии в сентябре 1943 г. численность румынских войск на советско-германском фронте постепенно росла, достигнув к лету 1944 г. 22 дивизий и 5 бригад. Драматическими «вехами» действий румын на советской территории являлись пребывание румынской оккупационной армии в Крыму и в объявленных «румынскими провинциями» Бессарабии и Северной Буковине, установление «временного румынского управления» в Транснистрии (Приднестровье), включая левобережные районы Молдавии, Одесскую и частично Николаевскую и Винницкую области. На этих территориях, которые предполагалось в дальнейшем включить в состав «Великой Румынии», проводилась румынизация местного славянского населения. Румынский противник преподносился советским людям как захватчик исконно русских территорий, обладавший к тому же непомерными территориальными аппетитами: официальный Бухарест и сам кондукэторул (вождь) Румынии генерал Ион Антонеску видели страну в новых границах до Крыма, Кавказа и Поволжских степей. Притязания же Румынии на Южную Добруджу и Северную Трансильванию, сталкивавшие Бухарест с други-

ми немецкими союзниками — Болгарией и Венгрией, давали козырь в руки советской пропаганде, позволяя обыгрывать тему противоречий в лагере захватчиков. Невысокие оценки боеспособности, дисциплины и морально-политического состояния румынских частей, исходившие от советских военно-аналитических служб и отражавшиеся в пропагандистских материалах, утверждает российская исследовательница Е. С. Сенявская, также влияли на складывание образа этого противника в массовом сознании советских людей, как в тылу, так и на фронте⁴². При этом известные советской стороне факты антинемецких настроений румынских солдат, вплоть до откровенной враждебности, как правило, в пропагандистских материалах замалчивались.

Однако при организации «спецпропаганды» среди румынского противника его морально-психологическое состояние, несомненно, учитывалось. Так, Центральный штаб партизанского движения обязал политический и разведывательный отделы Крымского штаба партизанского движения взять под особый контроль работу по разложению румынских частей, используя в этой работе все виды информации⁴³.

Советский пропагандистский аппарат применял различные методы воздействия. В ноябре-декабре 1942 г. в разгар Сталинградской битвы местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергей призвал румынское духовенство и солдат румынской армии «окончить войну с русским народом, с которым румыны связаны узами христианского братства, и прекратить пролитие братской единой крови»⁴⁴. В это же время органами «спецпропаганды» была успешно проведена операция «Кольцо», которой руководил начальник 7-го отдела Политуправления Юго-Западного фронта полковник А. Д. Питерский. Уже на первом этапе операции, после того, как самолеты сбросили в район расположения румынских частей листовки с указанием пунктов приема пленных, 1200 румынских солдат и офицеров покинули боевые позиции. Была организована отправка их писем — «приветов на родину», в которых авторы благодарили судьбу за такой выход их из войны. В виде листовок эти письма сбрасывались на участках дисло-

кации других румынских дивизий. В итоге без сопротивления сдались в плен еще 30 тыс. румын, в том числе генералы Мазарини, Ласкар и Стенеску и 130 старших офицеров⁴⁵. Чтобы несколько исправить впечатление, произведенное этим шагом на союзников по «оси», германское руководство сообщило о гибели генерала Ласкара в рукопашном бою и провозгласило его «героем Рейха»^{46*}.

Отзвук этой операции обнаружился позднее в листовке-пропуске, датированной 1–2 апреля 1944 г. и обращенной к офицерам и солдатам 3-й румынской армии накануне боев за Одессу. Авторы листовки напомнили румынским солдатам о «разумном примере» их соотечественников под Сталинградом. «Немцы — истонные враги румын, — говорилось в листовке. — Они захватили и терзали Румынию еще в 1916 году. Они и в эту войну бросали вас под огонь русских на самых тяжелых участках в Сталинграде и на Кавказе. Они сейчас бросили на произвол судьбы 7 румынских дивизий в Крыму. И вас они хотят оставить на убой в Одессе. Румыны! Не будьте дураками, не жертвуйте своей жизнью ради немцев и Антонеску. Война потеряла для Румынии всякий смысл... Выбор для вас один — сдадитесь в плен, будете жить. Будете воевать за немцев — погибнете»⁴⁷.

В преддверии боев на балканском направлении советская военная пропаганда усилила внимание к настроениям красноармейцев. Предстояло, в частности, разъяснить личному составу цели и задачи готовившегося наступления, поскольку отдельные бойцы выражали недоумение: «Почему мы идем в Румынию, когда нам говорили, что задача — изгнать противника со своей территории?»⁴⁸.

В период подготовки частей и соединений 3-го Украинского фронта к боевым действиям на территории Молдавии и Румынии особое внимание армейские политработники обращали на работу с пополнением, прибывшим в апре-

* Спустя два года К. Ласкар, уже будучи министром национальной обороны Румынии, вспоминая Сталинград, заметил: «Как я благодарен судьбе за то, что она привела меня тогда к единственно правильному решению — сдаться в плен. Это спасло не только мою жизнь, но и жизни тысяч румынских солдат...» (Цит. по: *Иванов С. П.* Штаб армейский, штаб фронтовой. М., 1990. С. 477).

ле 1944 г. из Николаевской и Одесской областей. При этом учитывалось, что бойцы пережили тяжесть немецко-румынской оккупации, что они длительное время находились под воздействием фашистской пропаганды, «притупившей», как отмечалось в одной из справок Политуправления 3-го Украинского фронта, их национальное самосознание. Фиксируя наличие среди пополнения «нездоровых настроений», политработники в качестве примера приводили высказывания солдат, что «немцы — нехорошие люди, а с румынами можно жить». Для того, чтобы блокировать подобные настроения, было признано целесообразным более активно использовать в пропагандистской работе материалы о зверствах не только немцев, но и румын. Армейская печать начала публиковать статьи с призывами беспощадно уничтожать румынских солдат и офицеров⁴⁹. Вместе с тем для налаживания в будущем контактов с местным населением поощрялось освоение бытовой лексики на румынском языке. Газета 46-й армии «Герой Родины» отвела место для регулярной публикации материалов в помощь изучающим язык. Некоторые наиболее ходовые выражения, необходимые для общения, публиковали дивизионные газеты. Каждому офицеру предписывалось знать «политико-экономические данные [страны] и хоть минимум румынских слов»⁵⁰. В политуправлении были подготовлены брошюры «Румыния», «Болгария», материалы об этих странах публиковались во фронтовой, армейской и дивизионной печати. В апреле-мае 1944 г. только в газете 2-го Украинского фронта «Суворовский натиск» было помещено более 20 статей о целях вступления Красной Армии в Румынию.

Вступление Красной Армии на территорию Румынии поставило перед пропагандистскими органами новые серьезные задачи. Их выявила проверка состояния партийно-политической работы в войсках 2-го Украинского фронта, проведенная в июле 1944 г. Основные замечания сводились к непониманию армейским пропагандистским аппаратом особенностей деятельности на вражеской территории, «вопросов организованности, бдительности и дисциплины», к резкому ослаблению воспитания ненависти к врагу. В итоговой справ-

ке указывалось на «позорные факты негласного перемирия с немецко-румынскими захватчиками». В качестве примера сообщалось о случае в 184-м стрелковом полку 69-й стрелковой дивизии: 11 мая 1944 г. командир роты лейтенант Коновалов разрешил одному из бойцов сыграть на губной гармошке. Звук музыки привлекли внимание румынских солдат, которые с криками «Не стреляйте, мы тоже не будем» начали выдвигаться из траншей. Огонь с обеих сторон был прекращен, и румыны в спокойной обстановке начали производить погребение убитых. Характерно, что этот пример соседствовал в справке с выводом о том, что до основной массы личного состава не было доведено сообщение Совинформбюро от 10 мая 1944 г. о злодеяниях румынских войск на оккупированной советской территории, и необходимая воспитательная работа с бойцами и офицерами «по содержанию этого политически важного документа» в частях фронта не была проведена⁵¹.

Документы свидетельствуют, что значительной остроты достиг вопрос о поведении военнослужащих Красной Армии на румынской территории. Главным образом это касалось состава частей и подразделений за пределами прифронтовой зоны. В вышеуказанной справке говорилось о «большом количестве фактов недостойного поведения» солдат и офицеров. «Очень многие военнослужащие ходят в грязном неряшливом виде, без погон, шатаются по городам Румынии без всякого дела и подчас в нетрезвом виде, заполняют лавки, харчевни, рестораны, — сообщалось в документе. — Приказ НКО о приветствиях нарушается сплошь и рядом. Офицерский состав в большинстве случаев на эти безобразия смотрит сквозь пальцы, да и сами офицеры далеко не являются образцом в поведении». Только за 17–20 мая в Ботошани комендантские патрули задержали за недостойное поведение около 500 военнослужащих, в Сучаве — 560 человек⁵². Приводя конкретные многочисленные факты мародерства, грабежей, пьянства, насилия, подделки документов и пр., авторы справки констатировали, что Военный совет и политорганы фронта «упустили время, когда надо было быстро и оперативно принимать конкретные меры по борьбе с этими позорными для Красной Армии явлениями»⁵³.

Указанные случаи не были чем-то присущим только Румынии. Они приобрели массовый характер и на других фронтах, и 19 января 1945 г. Ставка Верховного Главнокомандования издала приказ о предании суду военного трибунала советских военнослужащих, предусматривавший высшую меру наказания. Известны «расстрельные» приказы К. К. Рокоссовского в Польше, как и извинения, которые принес в марте 1945 г. Сталин делегации Чехословакии за недостойное поведение красноармейцев в стране⁵⁴. Вместе с тем в беседе с главой делегации Национального комитета освобождения Югославии М. Джиласом, в ответ на его замечание о более высоком «морально-политическом облике английских офицеров», Сталин призвал «понять душу бойца», прошедшего с боями тысячи километров, подчеркнул, что «из-за одного уroda нельзя оскорблять всю Красную Армию»: «Неправильно становиться на точку зрения “приличного интеллигента”... Есть отдельные случаи, позорящие наших бойцов. Мы за это расстреливаем. Но надо помнить, что люди измотались, изнервничались, думают, что они – герои, которым все разрешено, все позволено». Советский лидер не удержался и от язвительного замечания, что свой моральный облик английские офицеры «лучше всего показали в Греции»⁵⁵ *.

Конечно, Сталин лукавил, стремясь отнести случаи аморального и противоправного поведения красноармейцев к разряду единичных. Безусловно, это было не так. Но неверным было бы впадать в другую крайность – представлять поведение советских бойцов и офицеров как сплошное насилие и мародерство. Многочисленные материалы российских архивов, в том числе и военных, опровергают подобные утверждения.

23 августа 1944 г. в Румынии произошел государственный переворот. После свержения диктатора Антонеску страна вышла из войны на стороне Германии. В этот день с призывом «к духовенству и верующим румынского народа» обратился местоблюститель Патриаршего престола митрополит Алексей (патриарх Сергей скончался в мае 1944 г.). Напомнив об обра-

* По всей вероятности, Сталин имел ввиду боевые действия британского воинского контингента в Греции в декабре 1944 г. против Народно-освободительной армии (ЭЛАС), сорвавшие попытку греческих коммунистов захватить власть.

щении владыки Сергия к румынским православным в 1942 г., митрополит Алексей констатировал, что не услышанный ранее призыв покойного патриарха «теперь ... услышан». Он призвал румынских «пастырей и паству» повернуть оружие против работодателей — немцев, изгонять их из пределов страны и всячески содействовать Красной Армии в деле освобождения от фашизма⁵⁶. В целом, однако, выход Румынии из войны не особенно повлиял на оценки советскими гражданами вчерашнего противника. В недавно опубликованных материалах НКВД по Ленинграду и области отмечается, что среди населения преобладало недовольство в связи со «слишком мягкими» условиями перемирия с Румынией, хотя встречались и другие мнения⁵⁷.

Мало что нового внесло в представления советского общества о бывшем противнике и формирование на территории СССР румынских военных соединений для действий на советско-германском фронте. С привлечением военнопленных были сформированы две румынские дивизии, в том числе дивизия имени Тудора Владимиреску. Но немногочисленность новых воинских формирований, их снабжение, а частично и комплектация за счет ресурсов Красной Армии объясняли тот факт, что массовое сознание, особенно в тылу, не воспринимало их как полноценных союзников, а на фронте, где определяющим фактором являлась боевая работа, применительно к румынским частям в солдатской массе прижилось ехидно-уничижительное определение «союзнички»⁵⁸.

Болгарские части не действовали на Восточном фронте. Историческая память русских, как и «особая позиция» Болгарии в войне против СССР, обусловили тот факт, что в целом советская пропаганда не уделяла этому немецкому сателлиту серьезного внимания как противнику, а в общественном сознании советских людей болгарский народ не воспринимался как враг.

В пропагандистской работе на Болгарию особенно активно акцентировались события русско-турецкой войны 1877–1878 гг., боевое содружество русских воинов и болгарских ополченцев в сражениях на Шипке, Плевенская эпопея, роль России в освобождении Болгарии, благодарное отношение и привязанность

болгарского народа к «братушкам». Судя по опубликованным материалам национальной Дирекции полиции, систематическая и настойчивая советская пропаганда сделала свое дело. Именно под ее влиянием, считали болгарские власти, некоторые военнослужащие заявляли, что в случае отправки их на Восточный фронт повернут оружие против немцев и своих офицеров и «поголовно сдадутся Красной Армии» (донесение об обстановке в Варне в 1942 г.)⁵⁹. Не дал ожидаемого эффекта и призыв к болгарским летчикам вступить в Люфтваффе. Весной 1942 г. число пилотов, изъявивших желание сражаться на Восточном фронте, не превысило 30 человек⁶⁰. В середине сентября 1943 г. Штаб Болгарской армии констатировал, что акценты советской пропаганды несколько изменились, выражаясь в призывах к военнослужащим действовать совместно с югославскими и греческими партизанами. Что касается внушения симпатий к «братской России», указывалось в одной из сводок Штаба за ноябрь 1943 г., то советский пропагандистский аппарат стал действовать более гибко, отказавшись от коммунистических лозунгов, резкой критики царского института власти (это объяснялось учетом монархистских настроений народа, выявившихся в связи со смертью царя Бориса III) и делая акцент на идее создания «независимой и великой Болгарии» с опорой на Россию⁶¹.

Характерной особенностью пропагандистской работы среди личного состава Красной Армии являлся перенос вины за вхождение Болгарии в блок фашистских держав и вступление в войну на «немцев и их агентов» внутри страны. (Нельзя не заметить прямой аналогии: в октябре 1915 г. ответственность за участие Болгарии в войне на стороне Тройственного союза официально возлагалась Россией на «династию Кобургов», последовательно проводившую в стране «прогерманскую и антироссийскую политику»⁶².) Документы свидетельствуют, что такая трактовка причин вхождения Болгарии в фашистский блок принималась бойцами Красной Армии, выражавшими готовность идти в Болгарию, чтобы помочь братскому народу и наказать преступную «правлящую клику». При этом направленность высказываний бойцов Красной Армии, зафиксированных в политдонесениях о политико-моральном состоянии войск 3-го

Украинского фронта накануне вступления в Болгарию, была в большинстве случаев не антиболгарской, а антинемецкой⁶³.

Судя по документам, разъяснительной работы потребовала от пропагандистов нота советского правительства от 5 сентября 1944 г. об объявлении Болгарии войны. Зафиксированные в сводках о настроениях военнослужащих высказывания рядовых и офицеров свидетельствовали о том, что личный состав усвоил официальную оценку болгарского «нейтралитета» как намерения руководства страны «укрыть немецкие штыки», создать на территории Болгарии базу для дальнейшего сопротивления немцев. Стремление наказать «правителей-предателей» и помочь болгарскому народу обрести свободу и независимость⁶⁴ было доминирующим.

К моменту перехода румыно-болгарской границы войсками 3-го Украинского фронта пропагандистская работа среди личного состава была направлена, как подчеркивалось в политдонесениях, на закрепление и удержание «военно-политического порыва» после Яско-Кишиневской операции. Бойцам разъяснялось, что предстоят суровые бои, что гитлеровцы способны на любую авантюру и пр. Политуправление фронта подготовило справку об экономическом и политическом положении Болгарии, о быте и традициях народа, исторических связях болгар и русских. Кроме того, в политотделах 57-й и 37-й армий были подготовлены и распространены среди бойцов и офицеров справки о городах Болгарии — Плевене, Шумене, Видине, Разграде, Добриче, Варне, Бургасе. В первичных партийных организациях прошли собрания на темы: «Задачи коммунистов в связи с наступлением Красной Армии на территорию Болгарии» и «Задачи по обеспечению правильных взаимоотношений с болгарским населением»⁶⁵. 7 сентября 1944 г., накануне наступления, командующий фронтом генерал армии Ф. И. Толбухин подписал обращение «К болгарскому народу!». На следующий день фронтовая авиация разбросала первые 50 тыс. листовок с текстом обращения над территорией страны. В документе говорилось, что Красная Армия не намерена воевать против болгарского народа и его армии, считает болгарский народ братским.

В 11 часов утра 8 сентября 1944 г. операция «Болгария» началась отправкой разведподразделений к болгарским погранзастам. Уже в 11.30 последовала команда зачехлить орудия. 9 сентября с утра на территорию Болгарии вступили главные силы фронта.

С первых часов пребывания Красной Армии на болгарской земле стало ясно, что значительная часть населения не понимала причин войны СССР и Болгарии. Политотдел 37-й армии сообщал, что особенно слабо разбиралось в обстановке сельское население⁶⁶. Оперативно была развернута работа радиоустановок, в населенных пунктах передавались тексты обращения «К болгарскому народу!», нота советского правительства об объявлении войны Болгарии, отдельные выдержки из сообщения НКВД СССР «К советско-болгарским отношениям». Для этой работы в каждой дивизии имелись дикторы, владевшие болгарским языком. Только на марше к Варне через Добрич спецгруппами было распространено 2 тыс. экземпляров обращения «К болгарскому народу!»⁶⁷.

Вскоре после вступления советских частей на болгарскую землю Политуправление 3-го Украинского фронта по распоряжению Военного совета издало большим тиражом «Памятку воину Красной Армии в Болгарии». Она вручалась лично офицерам, командирам батальонов и рот, сержантам и рядовым, по ее содержанию регулярно проводились многочисленные беседы. Кроме того, на ее основе были подготовлены «памятки» в отдельных частях, например, в 4-й гвардейской механизированной дивизии.

Лейтмотивом этого документа стал призыв к советскому воину беречь любовь и уважение народа, которому солдат Красной Армии принес освобождение, чтить его обычаи, законы и семью, быть беспощадным к грабителям, мародерам, насильникам, нарушителям порядка, позорящим честь красноармейца и тем самым помогающим немцам. «Пусть везде, где прошла Красная Армия, уничтожая врагов человечества — гитлеровцев и освобождая поработанные ими народы, навсегда останется в сердцах миллионов людей глубокая благодарность, любовь и уважение к тебе, товарищ боец, сержант и офицер!» — говорилось в «Памятке»⁶⁸.

Работа спецотделений (7-х отделений) политуправлений армий фронта среди болгарского населения велась по нескольким направлениям, наиболее важными из которых считалось осуществление контроля за зрелищными мероприятиями, изданием книг, газет, журналов и прочей печатной продукции, разоблачение злостной пропаганды в отношении СССР, информирование населения о целях и задачах Красной Армии. Тематика лекций и докладов для болгарского населения была направлена на ознакомление его с жизнью советской страны (политическое устройство и Конституция, состояние экономики, культуры, образования, положение женщины в обществе), разъяснение освободительной миссии Красной Армии, исторических корней дружбы славянских народов и пр.⁶⁹.

Политорганы всех частей, находившихся на территории Болгарии, фиксировали обостренный интерес местных жителей к СССР. Отраженный в политдонесениях далеко не полный перечень вопросов касался не только международной обстановки и перспектив на будущее (присоединение балканских стран к Советскому Союзу, создание балканско-славянской федерации в составе Болгарии, Югославии и автономной Македонии), но и жизни и быта советских людей. Наиболее часто повторяющиеся вопросы: каковы цены на продовольственные и промышленные товары, образование советского человека и возможности его получения, обязательно ли начальное обучение, существует ли плата за обучение, какие иностранные языки изучаются в СССР, каковы наиболее востребованные профессии, одинаково ли материальное положение рабочих и служащих, отличается ли жизнь рабочего на периферии и в центральных городах, каково положение женщины, в том числе и работающей (кто в таком случае смотрит за детьми), действуют ли церкви и отправляют ли службу священники, какова численность населения в крупных городах — Москве, Ленинграде, Киеве, какие существуют ордена и за что даются? Сильное удивление вызывала молодость офицерского состава Красной Армии и быстрое продвижение офицеров по службе (поражали, например, 25—30-летние офицеры — командиры

полков), однако, что характерно, с масштабами безвозвратных потерь в сознании населения это никак не связывалось. В крестьянской среде отмечался сильный интерес к вопросам о частной собственности в СССР⁷⁰.

Однако следует признать, что едва ли не главным источником информации о советской стране, причем источником своеобразным, являлось само пребывание бойцов и офицеров Красной Армии в Болгарии, ежедневные контакты с местным населением и военнослужащими Болгарской армии, перешедшей в оперативное подчинение советскому командованию для ведения совместных боевых действий против Германии.

С началом болгарской «перестройки» и отказом от русофильской «парадигмы» исторических исследований⁷¹ постепенно усиливались критические голоса. Отдельные авторы подчеркивали, что приход Красной Армии и контакты населения с «духовно бедными сыновьями страны, бывшей ранее идеалом» для многих болгар, вызвали первое крупное разочарование. Другие напомнили о том, что германскую армию встречали в марте 1941 г. в Болгарии «гораздо теплее и сердечнее», нежели три с половиной года спустя советскую. Констатировались «невероятная ограниченность и примитивизм офицеров Красной Армии», «отсутствие у них каких-либо культурных и интеллектуальных запросов, их почти первобытное изумление перед цивилизованным обликом Болгарии даже военного времени, как бы указывавшие на огромную пустоту советской духовной жизни». Высокомерно взирая на события 40-летней давности с хронологических высот рубежа 1980-х – 1990-х годов, критики не без ехидства удивлялись, что советские офицеры «ничего не знали о Блоке и смутно помнили имя Маяковского»^{72*}.

* Воссоздание адекватной картины духовной жизни в советской стране во всех ее проявлениях – задача специальных исследований. Заметим лишь, что знакомство даже с отдельными наблюдениями ученых в сфере культурной политики советского государства и, в частности, его усилий по формированию круга чтения советских людей в предвоенные годы позволяет принципиально скорректировать вышеприведенные заключения, попытаться приблизиться к ответу на вопрос, что в действительности представлял собой человек в военной шинели, и уж во всяком случае отказаться от его представления в убогом и почти карикатурном свете (Обстоятельный анализ этого вопроса см.: *Куренная Н. М.* «Книжные новости» как индикатор государственной политики (Формирование круга чтения советских людей) // Категории и концепты славянской культуры. М., 2008. С. 737, 743, 744, 746).

А между тем «ограниченных и примитивных» советских военнослужащих удивлял низкий в целом уровень знаний местного населения о жизни в СССР. Обобщая впоследствии свои балканские впечатления, военный корреспондент поэт Борис Слуцкий вспоминал: «Степень неосведомленности Европы о России была обидно велика. Это оскорбляло и озлобляло. Удивлялись нашему знанию простейших вещей из местной жизни – это в то время, когда во всех красноармейских газетах печатались справки «Болгария», «Румыния», «Венгрия». В то же время охотно сообщали нам ворох всякой “клюквы” о России. Как ни мизерно было то, что мы знали о них, они знали о нас еще меньше и хуже»⁷³.

Оценивая настроения болгарского населения, советские политработники констатировали его общее стремление быть подальше от войны, убеждение, что малая страна мало что может сделать для окончательного разгрома немцев. Не желая воевать, болгарское общество тем не менее надеялось, что союзники по антигитлеровской коалиции предоставят Болгарии выход в Эгейское море, не отберут переданную немцами после вступления Болгарии в Тройственный союз Южную Добруджу.

Среди болгарских военнослужащих широкое распространение получило желание «работать на родине, даже платить репарации, но не воевать в Венгрии». «За Дунай, считали они, должны идти только добровольцы»⁷⁴. Дело дошло до того, что 3-я пехотная дивизия 1-й Болгарской армии отказалась переправляться через Дунай и самовольно повернула домой.

В политдонесениях отмечалось, что красноармейцы нередко демонстрировали по отношению к новому союзнику «пренебрежительное доброжелательство», удивлялись и подсмеивались над постоянными жалобами болгарских солдат на плохую кормежку, плохих офицеров, плохое оружие, но одновременно жалели их и сочувствовали им. Особо следует сказать о получившей распространение практике, когда болгарями «разбавляли» сильно поредевшие советские пехотные роты. Устанавливавшиеся, как правило, товарищеские отношения были, вероятно, чем-то новым и важным для болгар. Не случайно, писал Б. Слуцкий, «кооптированных болгар палками нельзя было вышибить из усыновивших их русских рот». В таких

случаях в полной мере проявлялось особое свойство русского солдата — его способность быть «добровольным, природным агитатором»⁷⁵. Кстати, именно это обстоятельство во многом стало причиной, по которой 19 ноября 1944 г. Военный совет 37-й армии принял постановление № 0049, предписывавшее пресекать не носящее служебного характера общение военнослужащих с местным населением. Как указывалось в рабочих документах, советские офицеры нередко стремились доказать болгарским собеседникам, что в ближайшее время в стране будет установлена советская власть⁷⁶. Это вполне соответствовало представлениям того поколения советских людей о смысле освободительной миссии Красной Армии, но также, шире, и русской (мессианской) ментальности, однако противоречило советским геополитическим установкам и принципиальным договоренностям с западными союзниками.

А вот как оценивал обстановку в стране в сентябре-декабре 1944 г. сотрудник Управления стратегических служб США Дин Вудроф, считавшийся среди своих коллег «аккуратным и надежным наблюдателем болгарской политической жизни». В одном из докладов он констатировал, что «болгары в общем и целом научились находить общий язык с советскими войсками... и если бы не страх, что они останутся в стране или поддержат коммунистов, отношения вообще могли бы быть отличными»; отмечал, «сравнительно хорошую дисциплину русских», что было связано, по его мнению, с «исключительной суровостью войск НКВД в отношении нарушителей». Не обошел наблюдатель и разочарование болгар внешним видом красноармейцев, равно как и испытываемую последними неловкость за «относительную отсталость» России⁷⁷. Обращают на себя внимание спокойная тональность донесения и явное желание автора дать болгарским реалиям, в частности взаимоотношениям населения и Красной Армии, объективную оценку.

* * *

Изучение функционирования советской общественно-политической системы в экстремальных военных условиях

ставит перед исследователями ряд вопросов: как проявляла себя система, ориентированная на режим чрезвычайности, в общем-то в естественных для себя условиях, насколько она была эффективной, в какой мере и с какой степенью гибкости реагировала на динамику ситуации? В указанном контексте целесообразно рассматривать и роль советской печатной и иной пропаганды.

Характерно, что власть быстро поняла важность мобилизации исторического фактора, обращения к исторической и культурной памяти народа, возвращения практически из небытия конкретных имен, символов, институтов. В практической пропагандистской работе мобилизация духовных «резервов» неизбежно сопровождалась вытеснением идеологических штампов, основанных на коммунистической риторике. Психологическую подоплеку подобного поворота раскрывают слова Сталина на встрече с американским дипломатом У.А. Гарриманом в Москве в сентябре 1941 г.: «Мы не питаем иллюзий, что они [русские люди] сражаются за нас. Они сражаются за мать-Россию»⁷⁸. Главным мерилom эффективности пропагандистских усилий со стороны государства явилось формирование массовых патриотических настроений в тылу и на фронте как определявших всю атмосферу советского общества, достижение национального согласия.

Основная задача пропагандистских структур заключалась в формировании «образа врага» как идеологического выражения общественного антагонизма, символа враждебных государству в целом и отдельному гражданину сил. Вместе с тем политически и психологически важно было представить общественному мнению и образ если не «друга», то союзника. Процесс этот был крайне сложным, независимо от того, шла речь о «западных демократиях»⁷⁹ или о новых союзниках, еще вчера бывших в лагере фашистской Германии. И здесь, надо признать, советский пропагандистский аппарат сумел отделить в массовом сознании соотечественников «народ», рядовых граждан враждебных стран от политиков, власти, государств.

Примечания

- ¹ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. «Коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М., 2007. С. 119.
- ² *Падерин А. А.* Освободительный характер Великой Отечественной войны в зеркале общественного мнения // *Философия Освобождения*. М., 2005. С. 203.
- ³ Там же. С. 204–205.
- ⁴ Советская пропаганда... С. 259.
- ⁵ *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 15. М., 1997. С. 61, 81.
- ⁶ Подробнее об этом см.: *Христофоров В. С.* Общественные настроения в СССР. Июль–декабрь 1941 г. // *Великая Отечественная война. 1941 год*. М., 2011. С. 445–478.
- ⁷ *Вишневский В. С.* В пути из Москвы // *От Советского Информбюро...* Т. 1. 1941–1942. М., 1982. С. 23–24.
- ⁸ От Советского Информбюро... 1941–1945. Публикации и очерки военных лет. Изд. 2-е. Т. 2. М., 1984. С. 470.
- ⁹ *Бурцев М. И.* Прозрение. М., 1981. С. 26.
- ¹⁰ *Голубев А. В.* Союзники в пропаганде и массовом сознании советского общества в годы войны // *Россия в XX веке. Война 1941–1945 годов. Современные подходы*. М., 2005. С. 152.
- ¹¹ *Сенявская Е. С.* Союзники Германии в мировых войнах в сознании российской армии и общества // *Вопросы истории*. 2006. № 11. С. 92.
- ¹² Советская пропаганда... С. 297–300.
- ¹³ Там же. С. 301–304.
- ¹⁴ Там же. С. 304.
- ¹⁵ *Эренбург И.* В первый день // *От Советского Информбюро...* Т. 1. С. 22.
- ¹⁶ *Мировые войны XX века*. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 219.
- ¹⁷ *Фрезинский Б. Я.* Власть и деятели советской культуры – Проблема адекватного анализа (Илья Эренбург в реальности и в новой книге о тайной сталинской политике) // *Исторические записки*. № 5 (123). М., 2002. С. 300.
- ¹⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (Далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 280. Л. 36.
- ¹⁹ Там же. Л. 163–164.
- ²⁰ Там же. Д. 282. Л. 23.
- ²¹ *Мировые войны XX века...* С. 220.
- ²² Центральный архив Министерства обороны (Далее – ЦАМО). Ф. 372. Оп. 6570. Д. 51. Л. 214.
- ²³ *Суржик Д. В.* Пришел, увидел, убедил... (Из истории спецпропаганды) // *Памятные страницы истории*. 1941–1945. М., 2009. С. 263.
- ²⁴ Советская пропаганда... С. 304.
- ²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 95. Л. 207, 210, 211.
- ²⁶ *Эренбург И.* Указ. соч. С. 22.
- ²⁷ Славянские народы в борьбе с фашизмом. Казань, 1941. С. 13, 9, 10.
- ²⁸ *Георги Димитров*. Дневник. 9 март 1933 – 6 февруари 1949. София, 1997. С. 464; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 733. Л. 69–70.
- ²⁹ Советская пропаганда... С. 329.
- ³⁰ *Руколь Б. М.* Идея общности славян в материалах Всеславянского комитета в Москве // *Славянский вопрос. Вехи истории*. М., 1997. С. 206.

³¹ Эренбург И. Война. Апрель 1942 – март 1943. М., 2003. С. 60–61.

³² Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1996. С. 425–426.

³³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 610. Л. 6–10, 26–28.

³⁴ Цит. по: Романенко С. А. Югославия: История возникновения, кризис, распад, образование независимых государств. М., 2000. С. 365–366.

³⁵ Там же. С. 369.

³⁶ ЦАМО. Ф. 243. Оп. 32288. Д. 16. Л. 22.

³⁷ Там же. Д. 12. Л. 188–189.

³⁸ Там же. Д. 16. Л. 25.

³⁹ Там же. Д. 12. Л. 196.

⁴⁰ Советская пропаганда... Иллюстративный вкладыш после с. 416.

⁴¹ Там же. С. 414.

⁴² Сенявская Е. С. Указ. соч. С. 100.

⁴³ Покивайлова Т. А. Румынская армия в Крыму в годы Второй мировой войны (морально-психологический аспект) // Comisia bilaterală a istoricilor din România și Federația Rusă. Sesiunea a IX-a. Constanța, octombrie 2004. P. 181.

⁴⁴ Религиозные организации в СССР: Накануне и в первые годы Великой Отечественной войны. 1938–1943 / Публ. М. И. Одинцова // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 65–67.

⁴⁵ Бурцев М. И. Указ. соч. С. 126; Суржик Д. В. Указ. соч. С. 271.

⁴⁶ Иванов С. П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М., 1990. С. 477.

⁴⁷ ЦАМО. Ф. 243. Оп. 134100. Д. 35. Л. 21–22.

⁴⁸ Там же. Оп. 100198. Д. 1. Л. 77.

⁴⁹ Там же. Л. 66–67, 81.

⁵⁰ Там же. Л. 76.

⁵¹ Советская пропаганда... С. 710.

⁵² Там же. С. 715.

⁵³ Там же. С. 716.

⁵⁴ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. Т. 1. 1944–1948. М., 1999. С. 191–192.

⁵⁵ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Том 1. 1944–1948. М., 1997. С. 120.

⁵⁶ Журнал Московской Патриархии. 1944. № 9 (сентябрь). С. 3–4.

⁵⁷ Международное положение глазами ленинградцев. 1941–1945 (Из архива Управления ФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области). СПб, 1996. С. 111–113.

⁵⁸ Слуцкий Б. Записки о войне // Слуцкий Б. О других и о себе. М., 2005. С. 38.

⁵⁹ Българо-съветски политически и военни отношения (1941–1947). Статии и документи. София, 1999. С. 178.

⁶⁰ Там же. С. 173.

⁶¹ Там же. С. 181–183.

⁶² Мировые войны XX века. Кн. 2. Первая мировая война. М., 2002. С. 395–396.

⁶³ ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 61. Л. 219–220; Д. 53. Л. 104.

⁶⁴ Там же. Д. 61. Л. 219–220.

⁶⁵ От Волга до Балкана. София, 1977. С. 72–73; Здравей, България! Спомени на съветски маршали, генерали и офицери за освобождението на България и бойната дружба през Отечествената война 1944–1945 г. София, 1986. С. 21; Пиастро Г. Политико-воспитательная работа в советских войсках и среди населения Болга-

рии (3-й Украинский фронт, сентябрь 1944 – май 1945 г.) // Советское славяноведение. 1977. № 1. С. 31.

⁶⁶ ЦАМО. Ф. 392. Оп. 8900. Д. 132. Л. 109–110.

⁶⁷ Там же. Л. 114.

⁶⁸ Там же. Л. 109–110; Ф. 372. Оп. 6507. Д. 8. Л. 246.

⁶⁹ Там же. Ф. 392. Оп. 8900. Д. 128. Л. 119, 188.

⁷⁰ Там же. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 61. Л. 234.

⁷¹ *Даскалов Румен*. От Стамболов до Живков. Големите спорове за новата българска история. София, 2009. С. 111.

⁷² *Георги Марков*. Задочни репортажи за България. София, 1990. С. 54–55, 321.

⁷³ *Слуцкий Б.* Указ. соч. С. 37.

⁷⁴ ЦАМО.Ф. 243. Оп. 2914. Д. 119. Л. 14.

⁷⁵ *Слуцкий Б.* Указ. соч. С. 54.

⁷⁶ ЦАМО. Ф. 392. Оп. 8900. Д. 159. Л. 40–40 об.

⁷⁷ Българо-съветски политически и военни отношения... С. 221, 217.

⁷⁸ *Harriman W.A.* Stalin at War // Stalinism. Its Impact on Russia and the World. London, 1982. P. 40–41.

⁷⁹ *Фатеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М., 1999. С. 13–30.

Александр Сергеевич СТЫКАЛИН

**«Наша критика не должна
вылиться в крикливую перепалку».
Почему разоблачение югославского
«ревизионизма» в советской прессе
конца 1950-х годов не достигло остроты
сталинских пропагандистских кампаний**

Процесс советско-югославского сближения, начавшийся после смерти Сталина¹, достиг своей кульминации в июне 1956 г., когда делегация Федеративной Народной Республики Югославии (ФНРЮ) и Союза коммунистов Югославии (СКЮ) во главе с И. Броз Тито совершила более чем 20-дневную поездку по СССР, которая получила подробнейшее освещение в советской прессе². Многотысячный митинг советско-югославской дружбы на стадионе «Динамо» 19 июня 1956 г. призван был символизировать полное преодоление взаимного недоверия. Важнейшим итогом этой поездки стало подписание межпартийной декларации³. Однако при всей серьезности приготовлений и громкости пропагандистских фанфар сверхзадача переговоров так и не была решена, результатами июньского визита Тито в СССР в Кремле не были довольны.

Осознавая выгоду более тесного экономического сотрудничества с СССР, Югославия в то же время нисколько не хотела поступаться своим суверенитетом и продолжала дистанцироваться от советского лагеря, не проявив, в частности, никакого желания к вступлению в Организацию Варшавского договора (ОВД) и Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). Подписанная межпартийная Декларация носила явно компромиссный характер со стороны КПСС, в ней ничего не говорилось ни о единстве двух партий, стоящих на общей идейной платформе, ни о принадлежности Югославии к со-

циалистическому лагерю. Протоколы заседаний Президиума ЦК КПСС отражают разочарования советской стороны в итогах переговоров с югославами. При утверждении документа на Президиуме ЦК было принято решение «сказать югославским товарищам, что мы не удовлетворены текстом декларации, но спорить не будем»⁴. При этом Москву весьма заботил вопрос о том, что лидеры братских партий стран «народной демократии» могут воспринять декларацию об отношениях между КПСС и СКЮ как свидетельство начавшегося принципиального пересмотра характера отношений между компартиями. Это заметил проницательный и хорошо информированный посол ФНРЮ в СССР В. Мичунович, сделавший соответствующую запись в дневнике. Чтобы в корне пресечь любую попытку в странах Восточной Европы извлечь нежелательные для Москвы выводы из опубликованного документа, представители КПСС, отметил он, на совещании руководителей стран советского блока (состоявшемся сразу после отъезда Тито из СССР) «ясно дали понять лидерам стран лагеря, что то, что они подписали с Тито, не имеет значения для политики СССР по отношению к государствам и коммунистическим партиям стран лагеря»⁵. Только польский и венгерский вызовы октября 1956 г. (неповиновение Москве обновленного руководства Польской объединенной рабочей партии во главе с В. Гомулкой, а через считанные дни после этого венгерское восстание) заставили советских лидеров несколько по-иному взглянуть на методы сохранения единства социалистического лагеря, усомниться в эффективности прежней восточноевропейской политики СССР, при всей видимой всеохватности контроля над советской сферой влияния не способной, как это показали особенно венгерские события, обеспечить стабильность в регионе. На заседании Президиума ЦК КПСС от 30 октября 1956 г. при обсуждении текста Декларации об отношениях между социалистическими странами речь шла о том, что ходом событий обнаружился кризис в отношениях СССР со странами «народной демократии», а также был поставлен вопрос о необходимости определенной корректировки концепции внутриблоковых отношений с учетом требований равноправия⁶.

Это было в конце октября, но уже за четыре месяца до этого, сразу после отъезда Тито из СССР, положение дел в Польше и Венгрии (волнения в г. Познани 28 июня, размах оппозиционных критических выступлений на дискуссиях Кружка Петёфи в Будапеште) усилило не только озабоченность советских лидеров происходящим, но и раздражение по поводу претензий югославы на поиски своего пути к социализму, тем более что на югославский опыт охотно ссылались активизировавшиеся оппоненты правящих режимов в странах Восточной Европы (отчасти также и сторонники далеко идущих реформ в СССР)⁷. Эта озабоченность нашла отражение в закрытом письме лидерам компартий стран социалистического лагеря, а также Франции и Италии, от 13 июля, принятом на заседании Президиума ЦК КПСС. В письме было акцентировано внимание на разногласиях с СКЮ, чье руководство отказалось заявить об идеологическом единстве с КПСС на основе марксизма-ленинизма и принадлежности Югославии к социалистическому лагерю. Были подвергнуты критике претензии югославы на слишком большую независимость во взаимоотношениях с другими коммунистическими и рабочими партиями, расцененные руководством КПСС как стремление «обеспечить себе роль посредника, возможность, по сути, самостоятельно вести переговоры со всеми партиями, свободно лавировать и добиваться определенного лидерства»⁸. «Кажется, они уже раскаялись, что подписали эту декларацию», — записал посол Мичунович 3 июля под впечатлением от только что опубликованного постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», воспринятого как определенный шаг назад в сравнении с решениями XX съезда КПСС, и от своих непосредственных контактов с кремлевской элитой, с некоторой стыдливостью отзывавшейся о советско-югославской декларации⁹. За месяц до этого, в дни пребывания Тито в Москве, председатель Совета министров СССР Н. А. Булганин, дав 5 июня завтрак в Кремле в честь югославского лидера, поднял тост «За друга, за ленинца, за нашего боевого товарища!», и эта характеристика, опубликованная на следующий день в «Правде», была растиражирована в прессе

всего мира. Между тем, всего через месяц, в свете новых событий в Восточной Европе, ее сочли несвоевременной. 29 июня Булганин был подвергнут критике на заседании Президиума ЦК КПСС («Преждевременно заявление т. Булганина. Назвал т. Тито ленинцем. Неосторожен – сказать об этом надо»¹⁰). Заявление Булганина было названо преждевременным и в вышеупомянутом письме зарубежным компартиям от 13 июля. Позже, в условиях уже произошедшего заметного охлаждения советско-югославских отношений, Хрущев на встрече с делегацией югославских журналистов в мае 1957 г. так объяснял свою позицию: «Булганин имел неосторожность и назвал Тито ленинцем. Вы судите о нас как хотите, но мы называем ленинцами тех людей, с которыми не имеем расхождений идеологического порядка, когда мы по вопросам политики имеем точку зрения, которая, мы считаем, основывается на ленинских позициях. Мы считали по целому ряду вопросов, по которым имели различные точки зрения, что Югославия еще не встала на ленинские позиции, но мы считали, что вполне возможно развивать дружеские отношения. Потом уже сблизиться и потом найти полное единство взглядов. Это нормально. Булганина же мы покритиковали. А вы знаете, как мы критикуем? Если критикуем Тито и других, то Булганину попало больше, потому что он член Президиума. Мы ему сказали - почему ты так сказал? Мы смотрим так - у нас есть расхождения, пойдут ли у нас события так, что будут изживаться эти расхождения, а они могут и увеличиваться, а члены партии читают международную прессу, это понятно, коммунисты других стран также читают. И вот когда мы говорим “ленинец”, а Ленин - это значит у нас полное единство взглядов, а вдруг не будет этого? Тогда что же, в дураках окажемся? Чтобы не получилось так, мы осудили Булганина, а когда мы давали информацию, мы написали. Английская контрразведка ознакомилась, или получила этот документ в Венгрии»¹¹.

В июле 1956 г. советское руководство было озабочено ситуацией в Венгрии, где активизировавшаяся внутрипартийная оппозиция усилила нажим на партийного лидера М. Ракоши, в конце концов смещенного. 12 июля при обсуждении

на Президиуме ЦК КПСС положения в Венгрии был сделан акцент на подрывной деятельности империалистов, которые «ослабить хотят интернациональные связи под флагом самостоятельности пути», «хотят разобщить и поодиночке разбить» социалистические страны¹². На первый план однозначно выходит лозунг единства социалистического лагеря, тогда как требования расширения самостоятельности в поисках путей к социализму признаются неактуальными. Эта позиция нашла отражение и в центральной партийной прессе тех дней, хотя критики особой линии СКЮ пока еще избегали — слишком свеж у всех был в памяти торжественный прием, оказанный Тито в СССР¹³. Первое упоминание югославских реалий, подспудно содержащее критику политики СКЮ, пришлось лишь на конец августа — «Правда» опубликовала (без особых комментариев) заметку о продолжающемся преследовании в Югославии коминформовцев¹⁴.

Таким образом, уже в июле 1956 г. руководство КПСС видело опасность формирования в лице титовской Югославии альтернативного идеологического центра в мировом коммунистическом движении, создающего реальную угрозу раскола в нем. Этому способствовала и сохранявшаяся независимая внешняя политика Югославии, последовательная в осуществлении линии на неприсоединение — встречаясь с деятелями стран «третьего мира», Тито неизменно выступал с критикой противостоящих друг другу военных блоков. В Кремле, однако, еще не потеряли терпения — слишком велико было стратегическое значение Югославии. Ради закрепления позиций СССР в Средиземноморье стоило поработать. Еще более важно было продемонстрировать миру единство или близость позиций КПСС и СКЮ, а, значит, отсутствие югославской схизмы в международном коммунистическом движении. Попытки мягко «образумить» Тито были предприняты Хрущевым в ходе их неформальных встреч на Адриатике и в Крыму в сентябре — начале октября 1956 г. ФНРЮ сравнили с солдатом, идущим «не в ногу» со всей ротой (т. е. содружеством стран, строящих социализм), просили воздержаться от проявления симпатий к оппозиционерам в странах Восточной Европы¹⁵ и предпринять

сближение с теми странами, в отношениях с которыми сохранялась напряженность (с Венгрией, Болгарией, Албанией)¹⁶. Под давлением Москвы Тито принял у себя в Белграде нового лидера Венгерской партии трудящихся Э. Герё, однако возвращение венгерской делегации в Будапешт 23 октября совпало с началом мощного восстания, для подавления которого были приведены в действие советские войска, что лишь усилило ожесточенность повстанческого сопротивления.

Руководство СКЮ после нескольких дней ожиданий солидаризировалось с курсом нового венгерского правительства Имре Надя на расширение национального суверенитета, возложив главную вину за создавшееся положение на прежнее руководство, своей политикой подорвавшее веру многих трудящихся в перспективы социализма (что нанесло урон интересам сил социализма во всем мире). Поддержав И. Надя в его решимости опереться на возникшие в те дни рабочие советы, Тито в то же время довольно скептически отнесся к идее восстановления многопартийности в Венгрии, поскольку речь могла в перспективе пойти об утрате коммунистами власти. Он выражал также озабоченность в связи с угрозой анархии и возможными выступлениями реакции, причем по мере развития событий его обеспокоенность только усиливалась. К границе с Венгрией были подтянуты югославские войска. В ночь со 2 на 3 ноября на о. Бриони в Адриатике Тито, приняв Н. С. Хрущева и Г. М. Маленкова, дал, как известно, согласие на советскую военную акцию в целях приведения к власти в Венгрии более надежного правительства (предложенная югославами кандидатура Я. Кадара как главы этого правительства не вызвала возражений советской стороны). Тито также выразил готовность, связавшись с Надем, склонить его подать в отставку, что облегчило бы реализацию советских силовых планов, к этому времени уже единственно способных, по его мнению, спасти «завоевания социализма» в Венгрии¹⁷.

Как известно, в результате венгерских октябрьских—ноябрьских событий произошло заметное ухудшение советско-югославских отношений. Все началось с того, что на рассвете 4 ноября, с началом решающей советской военной акции,

действующий премьер-министр Имре Надь, осудив перед всем миром эту акцию в своем выступлении по радио, укрылся затем в югославском посольстве. В Москве это восприняли как явное нарушение брионской договоренности. Ведь на Бриони, где Н. С. Хрущев и Г. М. Маленков всю ночь напролет обсуждали с И. Броз Тито, Э. Карделем и А. Ранковичем пути решения венгерского вопроса, речь шла о возможном содействии Белграда в нейтрализации неугодного руководству СССР правительства. Лидеры Югославии, имевшие влияние на венгерских коммунистов-реформаторов из команды И. Надя, фактически, по согласованию с Москвой, взялись за то, чтобы уговорить их добровольно самоустраниться, уступив место у руля другому правительству, способному железной рукой пресечь анархию и навести порядок. Об укрытии же в югославском посольстве политиков, перед этим выступивших с антисоветскими заявлениями, отнюдь не договаривались.

Проходит неделя, и 11 ноября Тито на партактиве в хорватском городе Пуле решил сыграть на опережение, информировав публику о секретной брионской встрече, не дожидаясь, когда весь мир узнает о советско-югославской договоренности по свержению венгерского правительства из уст лидеров КПСС (это нанесло бы слишком сильный удар по репутации Югославии как нейтрального, внеблокового государства). Между тем, несогласованная утечка информации была воспринята в Москве как грубое нарушение устоявшейся в мировом коммунистическом движении этики межпартийных взаимоотношений. Но мало того, выступая в Пуле, Тито, к острому раздражению Москвы, назвал венгерский кризис в определенной мере следствием советской политики (неравноправные отношения в социалистическом лагере не могли не вызвать антисоветских настроений). Использование советских войск для подавления демонстрации 23 октября он счел грубой ошибкой. С другой стороны, Тито осудил И. Надя за уступки реакции и выразил готовность поддержать новое правительство Я. Кадара, сформированное в СССР, — ведь надо было не только отмежеваться от СССР в целях сохранения своего лица в глазах международного общественного мнения, но и каким-

то образом оправдать свое согласие с интервенцией. Речь Тито уже не могла не остаться без отклика официальной Москвы. «Правда» 19 ноября опубликовала обзор ее основных положений, а 23 ноября выступила с острой критической статьей¹⁸. В связи с венгерскими событиями Москва обвиняла Белград в нарушении договоренностей, в умышленном создании затруднений правительству Кадара, в неспособности отмежеваться от попыток реакции использовать югославский пример и опыт в интересах борьбы против социализма. При этом советская публика долгое время так и не была информирована о пребывании Имре Надя и его соратников в югославском посольстве в Будапеште, «Правда» об этом вскользь сообщила только в 20-х числах ноября, когда после выхода из посольства они были задержаны советскими спецслужбами и депортированы в Румынию вопреки их воле и возражениям югославской стороны, отмежевавшейся от незаконной акции.

Прошел почти месяц после известной речи Тито в Пуле, и 7 ноября второе лицо в СКЮ и его главный идеолог Э. Кардель, выступая в Союзной скупщине ФНРЮ, раскритиковал бюрократический социализм советского образца, противопоставив ему венгерские рабочие советы¹⁹. Тогдашний посол Югославии в СССР В. Мичунович позже вспоминал, что никогда не видел Хрущева столь же взбешенным, как в ходе встречи, состоявшейся в тот декабрьский день 1956 г., когда ему принесли информацию о программной речи Карделя, к тому же распространенной югославской делегацией в ООН²⁰. Через считанные дни, на декабрьском пленуме ЦК КПСС, советский лидер дал волю эмоциям: «Тито болтает всякие глупости о новых путях какого-то югославского строительства социализма, а этот путь мы знаем что такое: получать подачки за то, что прислуживаться перед американскими империалистами. Конечно, тут большого ума не требуется для строительства такого югославского социализма, а нам, рабочему классу Советского Союза под руководством Ленина, пришлось самим первым пробивать дорогу и строить свое государство, накапливать средства, строить свои заводы, свою индустрию, и это действительно достойно подражания для других стран рабоче-

го класса, что Советский Союз, более отсталая по сравнению с другими, западными государствами страна, первый завоевал власть рабочего класса и первый создал самую могущественную индустриальную страну из отсталой и настолько поднял промышленность, культуру своего народа, что разбил самого мощного врага во вторую мировую войну, и в результате нашей победы живет сейчас и учит югославскому социализму сам Тито, потому что если бы не было нашей победы, то его бы [войск] не хватило позавтракать гитлеровской армии»²¹.

Между КПСС и СКЮ развернулась острая полемика в закрытой переписке²², дискуссия перекинулась и в прессу. В отличие от привычной пропагандистской практики, в соответствии с которой позиции оппонентов КПСС в лучшем случае излагались в пересказе, текст выступления Карделя был опубликован в журнале «Коммунист»²³ в сопровождении статьи одного из наиболее либеральных идеологов КПСС, главного редактора этого журнала, специалиста по политэкономии, а в будущем академика А.М. Румянцева. Статья имела характерное название: «Социалистическая действительность и “теории” тов. Карделя»²⁴.

Критика в прессе была значительно сдержаннее некоторых закрытых, главным образом рассчитанных на внутрипартийную аудиторию заявлений. Ясно одно: в Москве ни в коей мере не хотели создавать видимость возвращения к ситуации 1948–1949 гг., когда динамика советско-югославского конфликта набрала такие обороты, когда Тито и окружение, обвинявшиеся поначалу в ревизионизме и национализме, после процесса по делу Ласло Райка (Венгрия, сентябрь 1949 г.) были публично объявлены шпионами и убийцами, и в соответствии с этой установкой работал вплоть до самой смерти Сталина весь пропагандистский механизм стран советского лагеря. В закрытой межпартийной переписке и беседах с советским послом в Белграде Н. П. Фирюбиным югославские лидеры, рассчитывавшие на продолжение выгодного для них экономического сотрудничества и, конечно, не желавшие вновь оказаться в положении изгоев в мировом коммунистическом движении, получали заверения в том, что возврат к

прошлому невозможен, — с советской стороны будут приложены усилия для устранения возникших наслоений, но только не за счет «принципиальных идеологических уступок». Та же установка была изложена в ряде писем руководителям «братских партий»: давая отпор «неверным утверждениям» югославов, КПСС считает, однако, необходимым держаться в полемике спокойного тона, не обостряя отношений по государственной линии и продолжая поддерживать контакт по партийной линии²⁵.

С югославской стороны, однако, существовали реальные опасения возвращения к ситуации 1948 г. Пригласив 27 января 1957 г. Н. П. Фирюбина на охоту, Тито много говорил о том, что он «очень обеспокоен нашими теперешними отношениями» и много думает над тем, «каким образом поправить и развивать дальше добрые отношения между обеими партиями и нашими государствами»²⁶. Обеспокоенность возросла после того, как в конце марта советский премьер Н.А. Булганин на митинге советско-венгерской дружбы публично заговорил о причастности югославов к идейной подготовке венгерской «контрреволюции», и это нашло отражение на страницах «Правды»²⁷ и могло быть истолковано во всем мире как начало новой масштабной пропагандистской кампании антиюгославской направленности. Эти ожидания не оправдались, напротив, в апрельских публикациях «Правды», освещавших приезд в СССР партийно-правительственной делегации Албании, и в том числе в двустороннем коммюнике по итогам переговоров²⁸, подчеркивалась необходимость нормальных межгосударственных отношений и сотрудничества СССР и стран народной демократии с Югославией.

Вместе с тем в Венгрии в это время уже начали готовить судебный процесс по делу Имре Надя, который позже, в июне 1958 г., был обвинен в пособничестве контрреволюции, причастности к антигосударственному заговору и казнен. В Белграде очень боялись, что суд над И. Надем сыграет такую же роль, какую сыграл в 1949 г. судебный процесс по делу другого венгерского коммунистического политика, Ласло Райка, — антиюгославская кампания, инициированная Сталиным

в 1948 г., после сфабрикованного дела Райка взошла, как уже отмечалось, на новый виток. «Представители югославского посольства в Будапеште при каждой беседе с венгерскими товарищами пытаются подчеркнуть ненужность организации процесса над Имре Надем», — доносил 21 июня в Москву из Будапешта дипломат В. А. Крючков, будущий председатель КГБ²⁹. Обозначившаяся в этих условиях склонность Белграда к далеко идущим уступкам не укрылась от венгерского лидера Я. Кадара, говорившего 6 июня новому советскому послу в Венгрии Е. И. Громову (сменившему незадолго до этого Ю. В. Андропова) о том, что югославы в последнее время предпринимают очевидные попытки улучшить отношения с СССР и его союзниками. Посол, следуя сохранявшейся линии центра на укрепление единства мирового коммунистического движения (а в это время уже была начата работа по подготовке широкого совещания компартий, первого после XX съезда КПСС), в ответ заметил, что если эти попытки являются искренними, надо предпринять встречные шаги, не идя вместе с тем на идеологические компромиссы³⁰. Зная о большом международном авторитете маршала Тито (в том числе и в формирующемся движении неприсоединения) и о популярности югославской модели социализма среди коммунистов-реформаторов всего мира, отлучать СКЮ от мирового коммунистического движения в Москве сочли нецелесообразным, ибо югославская схизма угрожала более широким расколом в лагере борцов за коммунизм.

Кампания в советской прессе с критикой югославского ревизионизма так и не была в это время, вопреки некоторым ожиданиям, инициирована. Более того, в Москве возобладали точка зрения о необходимости дополнительных усилий в целях улучшения советско-югославских отношений. В повестку дня заседания Президиума ЦК КПСС от 31 мая был внесен пункт «О Югославии». Решено было «проявить инициативу по вопросу созыва совещания руководителей партий социалистических стран» с участием Югославии³¹. Был утвержден текст соответствующего письма для ЦК СКЮ³². 3 июня посол СССР Н. П. Фирюбин был принят Тито, который заверил его,

что ЦК СКЮ будет со своей стороны укреплять и развивать советско-югославские отношения, заметив одновременно, что перед совещанием братских партий было бы целесообразно провести двустороннюю встречу делегаций КПСС и СКЮ для взаимного прояснения позиций³³. Провал антихрущевского путча в июне 1957 г. привел к удалению из партийного руководства В.М. Молотова (всегда скептически относившегося к перспективам советско-югославского сближения), что, вне всякого сомнения, благоприятно повлияло на готовность лидеров СКЮ активизировать контакты с КПСС. В июле 1957 г. в СССР по приглашению Хрущева отдыхали наиболее влиятельные соратники Тито — Э. Кардель и А. Ранкович. 18 июля они были приняты Н. С. Хрущевым³⁴. Первая же после брионских переговоров начала ноября 1956 г. встреча Хрущева и Тито состоялась 1–2 августа 1957 г. на нейтральной территории — в Румынии. Был обсужден широкий круг проблем, были приняты небезуспешные попытки сблизить позиции по спорным вопросам (суть событий в Венгрии, проблема рабочих советов и т.д.), а также выражена решимость и дальше работать над устранением препятствий, затрудняющих развитие двусторонних отношений. Москва заверила Белград в отсутствии намерений использовать дело И. Надя для раздувания антиюгославской пропагандистской кампании (а несколько позже настояла на том, чтобы венгерское руководство не проводило судебный процесс до предполагаемого совещания компартий с участием югославов и вообще не выпячивало антиюгославских обвинений)³⁵.

Руководство СКЮ в принципе выразило готовность принять участие в планируемом совещании компартий социалистических стран — приглашение придавало уверенности в том, что повторения ситуации 1948–1949 гг., т.е. разрыва с советским лагерем и шумной антиюгославской кампании в прессе, не будет. Тем не менее, ознакомившись с проектом декларации предстоящего совещания, югославы дали знать приехавшим в Белград советским эмиссарам Ю. В. Андропову и Б. Н. Пономареву, что его не подпишут³⁶. Деятели СКЮ особенно не понравился в представленном Москвой проекте декларации

тезис о борьбе с ревизионизмом. Небезосновательно спроецировав его на свою партию, Кардель заметил, что подписание СКЮ документа подобного содержания может создать впечатление, что югославские коммунисты, неоднократно обвинявшиеся в ревизионизме (не только при Сталине, но и позже, в том числе в связи с позицией, занятой в отношении венгерских событий), признают свои мнимые ошибки, выступают с самокритикой. В действительности же они отнюдь не считают звучавшую критику справедливой и не собираются сдавать своих позиций. Вообще публикация декларации, указывающей на существование социалистического лагеря, по мнению лидеров СКЮ, заставит многих подумать о возрождении распущенного в апреле 1956 г. Коминформа (теперь уже с участием югославы), что неизбежно обострит разногласия в рядах коммунистов разных стран и вызовет негативную реакцию в мире. С другой стороны, жесткость некоторых положений декларации (там, где дело касалось, в частности, критики американского империализма), по мнению югославских деятелей, может только сыграть на руку реакционным кругам на Западе, которые, ссылаясь на коммунистическую угрозу, развяжут массивную пропагандистскую атаку на социалистические страны. Не желая связывать себя подписанием жестких заявлений от имени социалистического блока, югославы вместе с тем совсем не хотели снова оказаться в положении изгоев в коммунистическом движении. Они высказались за многообразие форм контактов между компартиями, проведение совещаний и дали принципиальное согласие приехать в Москву в дни празднования 40-летнего юбилея Октябрьской революции для участия не только в юбилейных торжествах, но и во встречах с представителями братских партий всего мира. В Москве Хрущев пытался оказать давление на югославскую делегацию во главе Карделем, заставив-таки ее подписать Декларацию совещания компартий социалистических стран, но безуспешно. Не подписав Декларации, довольно жесткой по своим формулировкам, принятой под давлением китайской компартии, югославы в то же время подписали другой программный документ мирового комму-

нистического движения — Манифест мира, опубликованный от имени представителей всех 68 приехавших на торжества в Москву компартий.

Хотя попытка Москвы заставить Белград играть по своим правилам снова закончилась полным фиаско, руководство КПСС и на этот раз воздержалось от того, чтобы встать на путь конфронтации с СКЮ и инициировать массированную проработку югославов в прессе. Вплоть до мая 1958 г. «Правда» фактически воздерживалась от публикации статей с критикой югославского «ревизионизма». В условиях постепенно назревавших советско-китайских разногласий, борьбы двух коммунистических держав за влияние важно было блюсти хотя бы видимость сохранения единства коммунистического движения. Публичная критика ревизионизма СКЮ развернулась лишь через несколько месяцев после московских совещаний, после принятия на VII съезде СКЮ в апреле 1958 г. новой Программы партии, признанной в Москве как ревизионистская (заявленный тезис о неприятии блоковой политики давал повод для обвинений югославов в постановке на одну доску НАТО и ОВД, фактическом проведении знака равенства между политикой СССР и США). Теперь установки меняются. Зная о крайне негативном отношении лидеров китайской компартии к новой программе СКЮ, руководители СССР решили принести югославов в жертву сохранению советско-китайской дружбы. С публикации «Правдой» 9 мая большой редакционной статьи с критикой программы СКЮ³⁷ набирает силу антиревизионистская кампания ярко выраженной антиюгославской направленности. Она не ограничивалась советской прессой, велась в масштабах всего социалистического лагеря³⁸. Однако и в это время сохранилась установка «и в дальнейшем поддерживать нормальные отношения с Югославией, прежде всего по государственной линии, а не вести дело на разрыв с ней», что нашло отражение в материалах майского пленума 1958 г. и решениях Президиума ЦК КПСС, принятых в те же недели. Наша критика, отмечалось в вышепротитованном установочном документе, «не должна вылиться в крикливую перепалку; не следует размениваться на мелочи, заде-

вать национальные чувства югославы. Критика должна быть принципиальной, аргументированной и вестись в спокойном тоне, не впадая в крайности 1949—1953 гг.»³⁹. В Кремле и на Старой площади извлекли уроки из прошлого, по пути сталинских агиткампаний принципиально решено было не идти, это было бы в ущерб влиянию КПСС, учитывая, что несправедливая и грубая критика не казалась многим в мире убедительной, а скорее приносила обратный эффект — лишь способствовала повышению авторитета югославских коммунистов как носителей антисталинской альтернативы в мировом коммунистическом движении⁴⁰. С другой стороны, Югославию решили проучить, прибегнув к методам экономического давления. Речь идет об одностороннем пересмотре планов экономического сотрудничества и отсрочке в предоставлении обещанных Советским Союзом Югославии кредитов.

В дальнейшем критика югославского ревизионизма в советской печати явно идет на спад. Как отмечалось в документе ЦК КПСС, относящемся к апрелю 1959 г., «нет необходимости уделять в нашей печати много внимания политике руководства Югославии. Больше того, повышенное внимание к Югославии отвечало бы интересам югославских руководителей, желающих, чтобы о их политике и идеологии много писали, чтобы их политика занимала все более видное место, что не отвечает ни удельному весу Югославии на международной арене, ни влиянию югославских руководителей в международном рабочем и коммунистическом движении»⁴¹.

Тем не менее дежурная критика югославского «ревизионизма», иногда довольно резкая, звучала в выступлениях Хрущева и других советских лидеров, в том числе на съездах зарубежных компартий. Эта критика в значительной мере была данью компромиссу между КПСС и КПК. В ноябре 1960 г. КПСС согласилась на включение довольно резкого выпада в адрес СКЮ в итоговый документ следующего большого совещания компартий⁴². Эту цену опять-таки решено было заплатить ради сохранения хоть на короткое время дававшего трещину союза КПСС с китайской компартией. Однако принесение югославы «в жертву» единству с КПК оказалось на

этот раз совсем не эффективным, достигнутая на совещании 1960 г. компромиссная платформа между двумя великими коммунистическими державами смогла лишь на считанные месяцы отсрочить открытый конфликт между КПСС и КПК. На конъюнктурный характер критики указывает продолжавшееся сотрудничество между КПСС и СКЮ на международной арене. 17 февраля 1961 г. на Президиуме ЦК КПСС были утверждены указания послу СССР в ФНРЮ для беседы с Тито в связи с предстоящим возобновлением работы XV сессии Генассамблеи ООН. Послу было поручено изложить югославскому лидеру суть линии СССР по некоторым важным проблемам международных отношений. При этом посол должен был исходить из того, что «позиции Югославии и Советского Союза по многим международным вопросам в основном совпадают и что полезно было бы и впредь по вопросам, представляющим взаимный интерес, консультироваться»⁴³.

Решительный сдвиг в советско-югославских отношениях относится к маю 1962 г. Зная, что подходит срок, когда Москва в соответствии со своими прежними декларациями должна вернуться к вопросу о предоставлении Югославии обещанного еще в 1956 г. кредита, Тито 6 мая, выступая на партактиве в Сплите, однозначно заявил о готовности СКЮ встать на сторону КПСС в углубляющемся конфликте между КПСС и КПК. Всего через 10 дней, 16 мая, Хрущев, находившийся с визитом в Болгарии, в своей речи отметил, что сейчас у СССР сложились с Югославией «нормальные, более того, хорошие отношения»⁴⁴. В итоговой советско-болгарской декларации от 21 мая критика ревизионизма вопреки уже сложившейся в последние годы практике обошлась без упоминания югославов. Впрочем, в установочных статьях идеологов КПСС, опубликованных в «Правде», критика Программы СКЮ как образца современного ревизионизма и после этого продолжала звучать⁴⁵.

Как бы то ни было, новая ситуация, сложившаяся в мировом коммунистическом движении, теперь работала на советско-югославское сближение. Публично заявленная Тито в мае 1962 г. готовность (при всех разногласиях с КПСС) однозначно

поддержать ее в идеологических спорах с китайской компартией дала довольно мощный толчок новому подъему в советско-югославских отношениях. Причем, в условиях глубокого раскола между СССР и КНР в Москве смирились наконец (зная о крайне негативном в то время отношении Пекина к белградским «ревизионистам») с особым статусом Югославии среди социалистических стран и приостановили все заведомо бесплодные попытки вовлечь нейтральное социалистическое государство, заинтересованное прежде всего в тесном экономическом сотрудничестве с СССР, в советский блок. Записи заседаний Президиума ЦК КПСС отражают стремление лидеров КПСС, не отрицая существующих разногласий с руководством СКЮ, вместе с тем защитить югославскую сторону от китайских нападков⁴⁶. 10 февраля 1963 г. в открытой дискуссии с идеологами КПК «Правда» отмечала, что в СКЮ и ФНРЮ «происходят положительные процессы в сторону сближения с социалистическим содружеством, с мировым коммунистическим движением». Новая советская концепция, сформулированная в ходе обсуждения на Президиуме ЦК КПСС содержания полемической статьи «Правды», заключалась в следующем: спорные вопросы между КПСС и СКЮ остаются, но своей товарищеской критикой «мы должны содействовать процессу освобождения [югославов] от ошибочных позиций, помогать изживать недостатки»⁴⁷.

Начало возымело продолжение. Посетив 20 августа – 3 сентября 1963 г. Югославию, Хрущев, хотя и не скрывал своей неудовлетворенности в связи с упорным нежеланием правительства этой страны синхронизировать свою внешнюю политику с линией советского блока⁴⁸, вместе с тем, по некоторым сведениям, настолько увлекся моделью «самоуправления», что после возвращения домой распорядился всерьез заняться изучением югославского опыта в целях внедрения элементов самоуправления на советских предприятиях. Правда, отвечавший за связи с соцстранами секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, всегда скептически относившийся к югославской модели, не торопился выполнять это поручение. С отставкой Хрущева в октябре 1964 г. оно отпало само собой⁴⁹.

В дальнейшем советско-югославские отношения в целом отличались относительной стабильностью и устойчивостью при сохранении некоторой дистанции Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ) от социалистического лагеря и признании со стороны КПСС права Югославии на свой путь к социализму как порождение конкретных и неповторимых специфических условий (серьезный кризис двусторонних отношений в августе 1968 г., когда Югославия не поддержала силовую акцию в отношении Чехословакии, был преодолен совместными усилиями).

Примечания

¹ См.: *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008.

² См. постановления Президиума ЦК КПСС: от 22 мая 1956 г. «Об освещении в советской печати вопросов советско-югославских отношений в связи с приездом в СССР т. Тито» и от 25 мая «О подготовке материалов с нашей стороны для югославской печати и радио». Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 3. Оп. 14. Д. 24. Л. 22; Д. 26. Л. 36–37. В соответствии с первым из этих постановлений во всех центральных органах советской прессы были опубликованы статьи, посвященные успехам, достигнутым в деле нормализации советско-югославских отношений со времени поездки в Белград в мае–июне 1955 г. партийно-правительственной делегации СССР. В «Правде» была перепечатана программная статья главного идеолога Союза коммунистов Югославии Э. Карделя «О руководящей роли СКЮ в социалистическом строительстве» (Правда. 1956. 2, 3 июня).

³ Совместное заявление Правительств СССР и ФНРЮ в связи с государственным посещением Советского Союза президентом ФНРЮ И. Броз Тито и Декларация об отношениях между СКЮ и КПСС были подписаны утром 20 июня. См.: Правда. 1956. 21 июня.

⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 35. Л. 2. Подробнее об обсуждении проблем советско-югославских отношений на заседаниях руководства КПСС см.: *Стыкалин А. С.* Записи заседаний Президиума ЦК КПСС 1950-х – первой половины 1960-х годов как источник по изучению советско-югославских отношений // *Россия и Сербия глазами историков двух стран.* СПб, 2010. С. 244–271. Идя на компромисс с лидерами СКЮ, руководство КПСС, конечно, не могло не осознавать, что своим смелым сопротивлением сталинскому диктату югославские коммунисты завоевали немалый авторитет и уважение как в рамках мирового коммунистического движения, так и далеко за его пределами.

⁵ *Mičunović V.* Moskovske godine 1956/1958. Zagreb, 1977. S. 93.

⁶ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Гл. редактор академик А. А. Фурсенко. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003. С. 187–191.

⁷ Донесения советских посольств из ряда восточноевропейских столиц свидетельствовали о немалом влиянии югославского примера на те силы в странах «народной демократии», которые были явно не удовлетворены избранным темпом и характером десталинизации в СССР (См., например, донесения из Венгрии: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Редакторы-составители

Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. Документы. М., 1998. См. также донесение из Польши от 29 сентября, в котором говорилось о том, что редколлегия газеты «Попросту» находится под большим влиянием югославского посольства в Варшаве: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. Постановления. 1954 – 1958. М., 2006. С. 453). Реальный опыт строительства социализма в Югославии при этом часто идеализировался.

⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 37. Л. 23. В информации ЦК КПСС, разосланной низовым парторганизациям КПСС для ознакомления, также отмечалось, что «у югославских товарищей есть еще иное, чем у нашей марксистско-ленинской партии, понимание некоторых важных принципиальных вопросов».

⁹ *Mićunović V.* Moskovske godine 1956/1958. S. 97. О письме ЦК КПСС компартиям от 13 июля 1956 г. «Об итогах советско-югославских переговоров в июне 1956 г.» в Белграде узнали из конфиденциальных источников (от венгерских коммунистов-реформаторов, передавших в посольство ФНРЮ копию письма). Как сам факт отправки закрытого письма, так и его содержание вызвали неудовольствие лидеров СКЮ. Уже позже, после венгерской революции, в ходе межпартийной переписки руководство СКЮ упрекало лидеров КПСС в двойной игре – речь идет о противоречии между публичными декларациями и закрытыми документами, в которых без ведома югославских коммунистов им даются оценки, расходящиеся с открытыми заявлениями (Письмо от 7 февраля 1957 г. // РГАНИ. Ф.89. Пер. 45. Док. 83, 84).

¹⁰ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 145. Упреки, адресованные Булганину, фактически означали признание правоты В.М. Молотова, который в мае 1955 г. критиковался некоторыми соратниками среди прочего за нежелание признать в Тито «ленинца». Ср.: «нельзя бросаться обвинениями – «антиленинец»» (А. И. Микоян. Запись заседания Президиума ЦК КПСС от 19 мая 1955 г. Там же. С. 141).

¹¹ См. запись беседы: РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 618. Л. 11–55.

¹² Президиум ЦК КПСС. 1954 – 1964. Т. 1. С. 149.

¹³ См. редакционную статью «Правды» от 16 июля 1956 г.

¹⁴ В белградском окружном суде. Правда. 1956. 31 августа.

¹⁵ В Венгрии в канун революции в условиях обострившегося до предела кризиса сталинской системы югославская модель все сильнее продолжала притягивать к себе партийных реформаторов. Югославский фактор, выступая в разных ипостасях, оказывал заметное влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в стране. Подробнее см.: *Стыкалин А. С.* Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003.

¹⁶ См.: «Есть один путь к социализму, но могут быть разные методы, разные формы». Записки Н. С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС по итогам встреч с И. Броз Тито // Источник. М., 2003. № 6. См. также: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 403. Л. 2–18. О трудностях в нормализации венгеро-югославских отношений см.: *Стыкалин А. С.* Советско-югославское сближение (1954 – лето 1956 гг.) и внутривнутриполитическая ситуация в Венгрии // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. СПб, 2002. С. 323–345.

¹⁷ *Едемский А. Б.* По следам конкретных консультаций на Брионах 2–3 ноября 1956 г. // Славянский альманах. 2010. М., 2011. С. 462–488.

¹⁸ См. редакционную статью «Правды» от 23 ноября 1956 г.: «За дальнейшее сплочение сил социализма на основе марксистско-ленинских принципов».

¹⁹ «Революционную борьбу» в Венгрии он назвал «первым крупным примером насильственного сведения счетов с теми преградами для дальнейшего развития социализма, которые являются продуктом окрепшей бюрократической политической системы», вызывающей в обществе «бессознательное стихийное

возмущение». Альтернативой этой системе Кардель считал противостоявшие кадаровской власти (находившейся под полным советским контролем) рабочие советы – выросшую на венгерской почве «единственную реальную социалистическую силу, которая, вероятно, очень скоро избавилась бы от чуждых антисоциалистических влияний, если бы взяла на себя главную ответственность за власть на предприятиях». Силовые действия СССР по свержению правительства И. Надя, на его взгляд, могли бы быть оправданы лишь в том случае, если бы привели к изменению политической системы, тормозящей социалистическое развитие, в противном случае история осудит акт военного вмешательства. Дальнейшее же присутствие советских войск в Венгрии югославские лидеры в любом случае считали фактором, не благоприятствующим урегулированию конфликта. Как бы то ни было, Кардель в скупщине в декабре, как и Тито за месяц до этого в Пуле, критикуя советскую политику, вместе с тем заявил о признании Югославией приведенного к власти в Венгрии по инициативе Москвы правительства Я. Кадара и о готовности сотрудничать с ним.

²⁰ О частых встречах Мицунювича с Хрущевым в этот период дает представление его более поздняя книга, в основе которой лежат записи 1950-х годов: *Mićunović V. Moskovske godine 1956/1958*. Запись их беседы от 11 декабря см.: *Ibid.* S. 204–208.

²¹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 198. Л. 103–104.

²² Письмо ЦК СКЮ в адрес ЦК КПСС от 3 декабря 1956 г. см.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 730–737. Последующую переписку см.: РГАНИ. Ф. 89. Пер. 45. Док. 83, 84.

²³ Коммунист. 1956. № 18. С. 35–51.

²⁴ Там же. С. 11–34.

²⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14.

²⁶ Там же. Оп. 12. Д. 173. Л. 35–36; Оп. 14. Д. 96. Л. 25–28.

²⁷ Правда. 1957. 28 марта.

²⁸ Правда. 1957. 19 апреля.

²⁹ Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 077. Оп. 38. Папка 192. Д. 036. Т. 2. Л. 193.

³⁰ Там же. Д. 035. Л. 54.

³¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 256.

³² Там же. Т. 2. С. 673.

³³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 131. Л. 2–3, 37–41.

³⁴ Известия. 1957. 19 июля.

³⁵ См. соответствующую записку зав. новым, созданным в 1957 г., отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран Ю. В. Андропова от 29 августа (РГАНИ. Ф. 89. Пер. 45. Док. 75. Л. 1–2).

³⁶ О содержании бесед можно судить по запискам Андропова и Пономарева в ЦК КПСС от 15 и 18 октября 1957 г. Были посланы из Москвы для информации лидерам социалистических стран и известны по венгерской публикации: *Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok, 1956–1959. Dokumentumok*, 1997. 216–219 о.

³⁷ В единстве и сплоченности марксистско-ленинских партий – залог дальнейших побед мировой социалистической системы // Правда. 1958. 9 мая.

³⁸ Причем, статьи из органов прессы социалистических стран перепечатывались и в «Правде». Так, 6 мая была опубликована статья из «Женьминь жибао» «Современный ревизионизм должен быть осужден!», с которой, собственно говоря, и началась в международном масштабе антиревизионистская кампания. 8 мая «Правда» перепечатывает статью из органа КПЧ «Руде право»: «Взгляды, несоместимые с марксизмом-ленинизмом».

³⁹ Закрытое письмо ЦК КПСС партийным организациям о советско-югославских отношениях (май 1958 г.) // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 207. Л. 75.

⁴⁰ Хрущев на майском пленуме ЦК КПСС 1958 г. сам много говорил о нелепости и необоснованности обвинений в адрес югославы, звучавших при Сталине. Как можно было Тито и его окружение обвинять в сотрудничестве с нацистской Германией, когда весь мир знал, что уж они-то сражались с нацистами «как дай Бог каждому», вопрошал советский лидер (См.: РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 318. Л. 31–36).

⁴¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 99. Л. 90. Обзор «Ревизионистское извращение теории и практики марксизма-ленинизма».

⁴² Правда. 1960. 6 декабря.

⁴³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 867. Л. 75.

⁴⁴ Правда. 1962. 17 мая.

⁴⁵ См.: Пономарев Б. Н. Победоносное знамя коммунистов мира // Правда. 1962. 18 ноября.

⁴⁶ См. краткие записи заседаний от 30 декабря 1962 г. (по итогам состоявшихся перед этим встреч Хрущева и Тито в СССР, первых после длительного перерыва), 29 января и 12 марта 1963 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 664, 695–696, 700.

⁴⁷ Там же. С. 696. Поводом для полемики стали нападки идеологов КПК на отдельные положения, прозвучавшие в докладе Н.С. Хрущева на сессии Верховного Совета СССР 12 декабря 1962 г. «Современное международное положение и внешняя политика Советского Союза» и его речи на VI съезде Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) 16 января 1963 г. в Восточном Берлине.

⁴⁸ «Не следует обольщаться, что у нас 100%-ное единство, этого нет», – говорил Хрущев на заседании Президиума ЦК КПСС 4 сентября (Там же. С. 736).

⁴⁹ См.: Бернов Ю. В. Записки дипломата. М., 1995. С. 81–82.

Элла Григорьевна ЗАДОРЖНЮК

«Бархатный развод» Чешской и Словацкой федеративной республики (ЧСФР) в зеркале прессы распавшегося СССР

Рассматриваемые в статье события потрясли не только славянский мир, в той или иной форме они отозвались и во всем мире (если иметь в виду «цветные» революции и «арабскую весну» с угрозами распада государств, где они происходят). Именно поэтому тщательное изучение этих событий — даже в деталях — приобретает особую значимость. В этом плане интересно сопоставление темпов дезинтеграции федеративных государств в двух ареалах расселения славянских народов — Центральной и Юго-Восточной Европы (где находилось большинство стран социалистического содружества) и Европы Восточной (являвшихся частью СССР).

Распад СССР в 1991 г. привел, помимо всего прочего, к образованию некоего информационного вакуума в отношении стран Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ). Даже фундаментальные преобразования в Польше и кровавые столкновения в Югославии, не говоря уже о событиях в других странах региона, не так часто отражались на страницах российской печати, причем, любой политической ориентации, а также научной периодики. Страны региона были как бы «списаны» российскими СМИ в архив и стали квалифицироваться как зона влияния трансъевропейских или евроатлантических структур.

Особенно «не повезло» в этом плане Словакии — и в качестве федеративной республики, ориентировавшейся на большую независимость в рамках единой Чехо-Словакии, и в качестве уже независимого государства. Страну, находящуюся

в самом центре Европы, практически «забыли», что, впрочем, не вызывает большого удивления. После подписания 8 декабря 1991 г. Беловежского соглашения и появления 25 декабря 1991 г. нового государства – Российской Федерации (России) – и до 12 декабря 1993 г., когда были утверждены результаты референдума по новой конституции страны, все, происходившее вовне, было не столь уж интересно российским периодическим изданиям.

Ровно в середине этого периода – 10 декабря 1992 г. – президент РФ Б. Ельцин выступил с трибуны Съезда народных депутатов против парламента, что, наряду с другими конфронтационными акциями, привело к введению чрезвычайного положения в стране и расстрелу Белого дома 4 октября 1993 г. Кого могло в этих условиях интересовать, что 1 октября 1992 г. вступила в действие Конституция Словацкой Республики, де-факто закрепившая ее самостоятельный статус, а 10–11 октября в Колодеях состоялась встреча ее правительственной делегации с чешской делегацией, на которой уже обсуждались меры по предотвращению стихийного распада ЧСФР?¹ Тем более, что на фоне нараставшей конфронтации между президентом Б. Ельциным и его недавними соратниками А. Руцким и Р. Хасбулатовым издержки распада одной социалистической федерации – СССР – и даже кровавые столкновения в другой – СФРЮ – отходили на второй план. В этих условиях российские СМИ, в первую очередь, печатные издания (главным образом, газеты), становились «полем сражения» преимущественно во внутривосточных делах.

И все же вся цепь событий, приведшая к появлению в центре Европы двух новых государств – Словацкой Республики и Чешской Республики, так или иначе освещалась. В частности, хотя бы на сугубо информативном уровне излагались результаты политического анализа, делались какие-никакие прогнозы, а ходу этого процесса и его основным итогам давались оценки, даже если они оказывались предельно сжатыми и скудными. Конечно же, данные события обсуждались в зарубежной прессе. Однако и в ней Словакия попадала в некую информационную «яму», в чем-то похожую на ту, которая

имела место при освещении событий, приведших к «бархатной» революции².

С опорой на методы нестрогого контент-анализа в настоящей статье рассматриваются материалы трех авторитетных российских печатных изданий — начиная от простых упоминаний о стране (после 1 января 1993 г. — странах) и заканчивая небольшим числом статей аналитического характера: «Российской газеты» (далее — РГ)³, «Независимой газеты» (далее — НГ)⁴ и газеты «Коммерсантъ» (далее — К)⁵. Временной интервал контент-анализа — 8 месяцев: с июля 1992 г. — времени принятия словацким парламентом «Декларации о суверенитете Словацкой Республики» — по март 1993 г., когда в российской печати появились первые отклики на образование нового государства.

В указанном хронологическом диапазоне были выявлены 85 материалов, так или иначе затрагивавших проблематику становления и провозглашения Словацкой Республики. Из них 22 материала напрямую посвящались Словакии как вновь возникающей стране, 44 рассматривали ее проблематику в рамках федерации, а 19 — в контексте центрально-европейского региона. Из них в РГ насчитывается 27 публикаций (соответственно 4 — 15 — 8), в НГ — 42 (14 — 21 — 7) и в К — 16 (4 — 8 — 4). В настоящей работе приводятся и некоторые положения статьи «Любовью или железом достигается единение общества?», опубликованной в ведущем академическом научном журнале РФ в 1993 г.⁶. В этом исследовании впервые в российской историографии представлен анализ происходивших в ЧСФР, а затем в СР и ЧР событий с элементами прогноза. Других значимых российских научных публикаций на данную тему — за редчайшими исключениями — обнаружить не удалось.

Каковы же тематические блоки, освещаемые в газетных публикациях, какие оценки даются происходящим в стране (странах) событиям? Что говорится о судьбе будущего государства — Словацкой Республики — и его влиянии на страны региона? Как оценивается перспектива сотрудничества СР и РФ? Полных ответов на данные вопросы из указанных источников получить нельзя, но определенное представление о спе-

цифике рецепции становления самостоятельной Словацкой Республики и дисконтинуитете в ее историческом развитии в рассматриваемый период (равно как и дисконтинуитетов гораздо больших масштабов) они все же дают.

Итак, РГ напечатала 27 материалов, в той или иной степени затрагивающих проблематику Чехо-Словакии (Чехии и Словакии). Собственно Словакии посвящено наименьшее их число — всего 4, материалов по тематическому блоку Чехо-Словакии насчитывается 15, и по стране (странам) в международном контексте — 8. Естественно, что более подробному рассмотрению подвергаются ключевые из всех этих материалов, главным образом аналитические статьи.

Репрезентативным материалом по Словакии нужно считать объемное интервью французской газете министра иностранных дел Словакии экс-диссидента М. Княжко, который советует в уже находившейся в состоянии распада стране «не бежать впереди паровоза». Данная метафора расшифровывается и в интервью, и в комментариях к нему РГ как призыв «к более справедливому разделению полномочий», что может даже предотвратить распад Чехо-Словакии и сохранить ее в форме конфедерации. «Словаки — не сепаратисты, — заявляет Княжко, — вопреки утверждениям некоторых чешских политиков». К их числу словацкий министр относит В. Клауса и В. Гавела; последний «совершил много ошибок в отношении словаков и должен расхлебывать их последствия».

Княжко ратует и за развитие экономических отношений с Францией, чтобы уравновесить «вездесущий Берлин», уже ставший столицей объединенной — а не распадавшейся, как социалистические федерации, — Германии. «Чехи и словаки без посторонней помощи смогут навести порядок у себя в стране», — заверил министр как раз в то время, когда проходило (с 23 июня 1992 г.) формирование словацкого, а затем и чешского правительств⁷.

Следует заметить, что Княжко, в отличие от лидеров Движения за демократическую Словакию (В. Мечьяр), за раздел не ратовал, но президента ЧСФР, также не приветствовавшего распад и апеллировавшего к воле чешского и словацкого на-

родов с целью его предотвращения, все же подвергал жесткой критике за то, что предпринимавшиеся им меры запаздывали, а апелляции к воле народов носили исключительно декларативный характер [РГ. 2.07.92]⁸.

РГ сообщала о автокатастрофе с А. Дубчеком [РГ. 31.10. 92] и о том, что он, уже находясь в больнице, подготовил к выпуску книгу «Надежда умирает последней» [РГ. 14.11.92].

Материалам о Чехо-Словакии газета обычно давала заголовки с негативными коннотациями, весьма мягко не одобряя возможного распада страны. В сообщениях «Развод Чехии и Словакии вряд ли будет тихим» особо подчеркивались моменты конфронтации между Гражданско-демократической партией (ГДП) и Движением за демократическую Словакию [РГ. 26.08.92]; в статьях: «Последнее прости социализму» – о первых шагах ваучерной приватизации, менее успешной в Словакии по сравнению с Чехией [РГ. 8.09.92]; «ЧСФР приказала долго жить. До 1 января» – о встрече в Йиглаве [РГ. 7.10.92] – соответствующая тональность звучит все громче.

В заключительный день 1992 года РГ вышла со статьей «Бокал за “бархатный развод”», в которой был прослежен вектор массовых настроений в отношениях между политическими элитами (почти в полной мере выступавшими за распад) и обществами (в основном выступавшими против него): от нервозности до взаимной враждебности, но без кровавых столкновений, как это наблюдалось в других социалистических федерациях. Сообщалось, что в новых государствах появятся и новые армии (в Чехии численностью 43 тыс. профессиональных военных и 50 тыс. солдат срочной службы). Прогнозировалось сокращение торговых связей и падение производства, особенно в Словакии; нарушение культурных взаимодействий; возникновение этноконфликтов на уже новой основе. «Что же касается внешней политики обоих государств, то уже явственно просматриваются прозападные ориентации Чехии и умеренные симпатии Словакии к России», – заключает газета [РГ. 31.12.92]⁹.

Достаточно большой интерес вызывают и материалы РГ о международном контексте событий в Чехо-Словакии, вклю-

чая аналитику и прогнозы отношений с обновлявшейся Россией. Они открываются информацией о том, что президент РФ Б. Ельцин обещал передать президенту ЧСФР В. Гавелу «пригласительное письмо» от руководства ЧССР, предусматривавшее возможность вооруженного вторжения в Чехословакию в 1968 г. [РГ. 17.07.92]; надо отметить, что «Независимая газета» опубликовала факсимиле данного документа [НГ. 8.07.92]. В очередном номере РГ допускалось тюремное заключение одного из авторов письма словака В. Биляка [РГ. 18.07.92].

В материале «Прага: от осени до весны» говорилось о танках на улицах Праги в 1968 г. и на улицах Москвы в 1991 г. [РГ. 25.08.92]. По горьковатой иронии через полмесяца РГ поместила информацию о том, что Россия и Чехия со Словакией (не указано, вместе или порознь) смогут заключить соглашения о безвизовых поездках [РГ. 8.09.92]; месяц спустя чешский политолог О. Крейчи подчеркнул, сколь важно в этом плане восстановление культурных контактов [РГ. 8.10.92]. Безвизовые поездки и по сей день являются мечтой граждан всех трех рассматриваемых здесь стран, две из которых стали членами Евросоюза и НАТО.

Заключительным является материал о зоне свободной торговли для Центральной Европы с указанием на то, что соответствующие соглашения подписали Венгрия, Польша и — уже отдельно — Чехия и Словакия [РГ. 14.11.92].

РГ уже в 1993 г. не откликнулась — как и абсолютное большинство печатных изданий — на факт появления двух новых государств на политической карте Европы. Лишь в последний день февраля обсуждались шансы В. Гавела стать президентом Чехии (это, собственно, уже произошло 26 января 1993 г.) и что «Словакия по-прежнему остается без президента» — несмотря на тот факт, что М. Ковач к тому моменту уже был избран парламентским большинством главой государства [РГ. 29.02.93]¹⁰. К счастью, это один из весьма и весьма немногих информационных сбоев, который выглядит, скорее, оговоркой по Фрейду: известно, что Верховный Совет наращивал в России оппозицию президенту, распространяя недоверие к этому посту и на граждан других стран.

«Независимая газета», если сравнивать ее с остальными периодическими изданиями, дала наиболее полную картину распада Чехо-Словакии и весьма широкую панораму взглядов на этот процесс. Всего за выделенные нами 8 месяцев в газете были опубликованы 42 материала по данному тематическому блоку, причем в такой пропорции 3:2:1 (21 материал был посвящен чехословацкой проблематике, 14 – в основном словацкой, а 7 – общерегиональной проблематике в целом).

Словацкая тематика концентрируется на оценочных суждениях в названиях статей и аналитических проработках обсуждаемых в них вопросов; их авторами являются корреспондент НГ в Праге А. Куранов, экономические, политические и военные аналитики, культурные обозреватели. НГ отслеживает проблематику Словакии, начиная с публикации под названием «Словаки отвергают Гавела. А чехи предлагают ему “руку и сердце”», в которой характеризуются итоги первого тура президентских выборов в ЧСФР, когда выяснилось, что словацкое Движение за демократическую Словакию (ДЗДС) отказалось поддержать кандидатуру Гавела на этот пост. В свою очередь, Гражданская демократическая партия (ГДП) настаивала на этой кандидатуре в надежде на будущее «переформатирование» президента Чехо-Словакии в президента Чехии. «Доминирующие на чешской политической сцене правые, – писала НГ, – во главе с новым республиканским премьером В. Клаусом уже предложили Гавелу “руку и сердце”, заявив о своем стремлении ввести в будущей суверенной Чехии пост президента и предложить на него Гавела... С таким руководящим дуэтом Чехия наверняка лучше устояла бы на ногах после предполагаемого развода со Словакией. Впрочем, еще сохраняются шансы на создание по предложению новых словацких властей конфедеративного государства с двумя республиканскими президентами, каждый из которых поочередно вел бы общие дела. Что думает об этом Гавел – неизвестно. Но он уже не исключил возможность баллотироваться на высший пост в независимой Чехии» [НГ. 8.07.92]. Остается добавить, что поддерживаемая им идея референдума так и не реализовалась из-за позиции словацкой стороны. Следует заметить, что не-

надежность референдумов в такого рода процессах уже была продемонстрирована в СССР: сегодня его участники голосуют за позицию «да», а завтра соглашаются с позицией «против».

В следующей статье дается комментарий на результаты голосования в словацком парламенте по «Декларации о суверенитете Словацкой Республики». «Осуществилась многовековая мечта словацкого народа о собственной государственности» — этими словами подвел итог поименного голосования депутатов словацкого парламента его председатель И. Гашпарович. В повестке дня заседания парламента накануне был лишь один вопрос: провозглашение суверенитета Словакии. «За» проголосовали свыше 90% депутатов; «против» высказались лишь немногочисленные представители правых партий, еще полтора месяца назад занимавшие высшие посты в республике [НГ. 18.07.92]. Примечательно, что хотя статья названа «Реакция Гавела на отделение Словакии», о самом Гавеле в ней не упоминается.

За провозглашением «Декларации» последовало принятие новой конституции Словакии, о чем была информация, в которой указывалось: «Депутаты Словацкого национального совета (Парламента) после двух дней дискуссии во вторник вечером 144 голосами “за” при 16 голосовавших “против” и 4 воздержавшихся приняли проект словацкой конституции, предложенной правительством Владимира Мечьяра. Конституция устанавливает пост президента республики, национальный гимн, герб и словацкий флаг» [НГ. 3.09.92]. В качестве комментария остается добавить следующее: «Чешские же парламент и правительство негромко, но настойчиво и плодотворно работали в режиме почти полной самостоятельности, отдав инициативу заявлений своим уже контрапартнерам в Словакии»¹¹.

Публикация под названием «Над Дунаем тучи ходят хмуро. Строительство гидроузла в Габчиково может породить серьезный конфликт в центре Европы» характеризует первое международное столкновение уже собственно Словакии, принявшей решение о продолжении работ, вопреки протестам Венгрии. «За два месяца до окончательного расхода двух со-

ставляющих ЧСФР республик, – констатировала газета, – федеральное правительство передало Братиславе и Праге почти все свои полномочия, и его собственные решения для республиканских властей практически уже не имеют веса. Однако другие страны продолжают обращаться со своими претензиями и рекомендациями в верховные органы ЧСФР как существующего пока субъекта международного права. Поэтому, в частности, чешские руководители всячески стараются отмежеваться от какого-либо участия в “проблеме Габчиково”. В результате, еще не получив де-факто полного государственного суверенитета, Словакия из-за наследия недавнего прошлого стоит на пороге серьезного международного конфликта» [НГ. 28.10.92].

НГ уделяла пристальное и почтительное внимание кончине А. Дубчека, другие издания озвучивали лишь новость об автокатастрофе с его участием. Статья «Жил чистый и светлый человек. Таким останется образ Александра Дубчека в сознании человечества» отметила, однако, что хотя Гавел навестил Дубчека после аварии одним из первых, «новые лидеры Чехии и Словакии, спешно делящие между собой власть и страну, так и не нашли для этого свободного часа». [НГ. 12.11. 92]. Особо отмечалось, что А. Дубчек собирался выступить главным свидетелем в Конституционном суде России по вопросу интервенции советских войск в ЧССР в 1968 г. [НГ. 14.11.92].

Завершает материалы по Словакии статья «Финансист и коммунист стал новым, но отнюдь не первым президентом Словакии» – о выборах ее президента, сложные перипетии которых освещались в ряде предшествующих сюжетов. Данный период истории Словакии выходит не только за хронологический отрезок анализируемых изданий, но и исчезает из поля зрения большинства периодических изданий, не включая и НГ.

Тематическую рубрику материалов по Чехо-Словакии открывает статья о неизбежности «развода» чехов и словаков, даже несмотря на тот факт, что только по официальной статистике в ЧСФР более 20 тыс. этнически смешанных семей, включая и семью чешского премьера В. Клауса. Отмечено, что

этот процесс «развода» осуществляется уже не на теоретическом, а на вполне реальном уровне. Словацкий парламент после поименного голосования принял Декларацию о суверенитете республики, а сразу за этим — 20 июля — объявил о своем уходе с поста президента ЧСФР В. Гавел. «Наверное, — пишет газета, — нынешние словацкие лидеры все-таки допустили просчет в предвыборной разработке своей последующей политической стратегии. Учитывая покладистость прежнего руководства Чехии, они надеялись навязать собственную позицию государственного переустройства ЧСФР и их преемникам. Но размашистая братиславская коса сразу же нашла на увесистый пражский камень. Клаус и его коллеги по победной коалиции оказались абсолютно невосприимчивыми к словацким идеям о создании некоего совместного оборонно-экономического пространства в виде номинально оформленной унии или конфедерации двух республик при полной независимости и присутствии в международных организациях (вплоть до ООН) каждой из них. Ведущие чешские политики полагают, видимо, что нет смысла чешскому локомотиву тащить за собой в Европу тяжеловесный и стремящийся к иному экономическому направлению словацкий состав да еще и держать оборонный зонтик над этим соседним государством, имеющим принципиально не разрешенные как следует взаимоотношения, по крайней мере, с двумя соседними странами». Приводятся и статистические данные о том, что словацкий состав утяжеляется: безработица в Чехии равнялась 2,3%, а в Словакии — целых 11,9% [НГ. 21.07.92].

Однако взгляд с высоты начала третьего тысячелетия показывает, что уже первые годы существования новых государств свидетельствовали: в Словакии дела обстояли не столь уж плохо, а в Чехии не так уж хорошо, но подобная «война цифр» — дело неизбежное при обосновании необходимости распада любого рода федераций, причем не только социалистических. Как бы там ни было, все же первой в 2009 г. ввела евро Словакия.

В следующей обширной публикации по проблематике Чехо-Словакии «Чехи и словаки начали раздел совместно-

го хозяйства» отмечается, что ко времени 74-летнего юбилея образования Чехословацкой республики представители кабинетов Чехии и Словакии определяли принципы гражданства в каждой из них, обсуждали проблемы занятости и социального обеспечения на территории уже считающихся соседями государств, заключали валютное соглашение на первый период пользования единой валютой. Премьер-министры Чехии и Словакии подписали меморандум о создании таможенной унии на условиях единого таможенного пространства. В. Клаус и В. Мечъяр ознакомили с этим документом Дж. Мейджора – руководителя страны, председательствовавшей в ЕС.

Как утверждалось в СМИ, чехи и словаки даже после 1 января 1993 г. смогут свободно перемещаться по территории обеих суверенных республик, нанимаясь где угодно на работу, получая образование или медицинскую помощь. Но не все проблемы решались сразу и автоматически. «По-прежнему, – как писала НГ, – не поддается решению проблема деления федерального имущества. Но командование армии уже приступило к этой процедуре. Например, МИГи-29 поделены между республиками пополам (хотя оговоренный принцип – 2:1 в пользу Чехии, где проживает вдвое больше населения), а в ответ на эту любезность словаки побольше уступят соседям наземной боевой техники» [НГ. 28.10.92]. Данная статья имеет прозаический подзаголовок: «Тебе половина и мне пополам». Однако, судя по другим материалам этого же номера, касающимся сложнейших и усугублявшихся проблем экономического развития государств – бывших республик СССР, эта ирония предстает крайне горькой.

В качестве своеобразного противоядия этой иронии можно было бы рассматривать статью Р. Паллана, советника-посланника, торгового представителя ЧСФР «Можно доллары, потом товар. Можно наоборот. Только товар на товар предпочтительнее». И все же она предстает скорее в качестве так и нереализовавшегося проекта интеграции экономик ЧСФР и СССР. В статье приводится много обнадеживающих цифр. И вот ее заключение: «Не открою секрета, если скажу: интерес наших предприятий и предпринимателей к торговле с Россией

не ослабевает. Торговое представительство ЧСФР в РФ прилагает и будет по-прежнему прилагать необходимые усилия для роста товарооборота. Нам нужно сообща наладить способы устранения барьеров, мешающих насыщению рынков наших стран необходимыми товарами. А выход из сложившейся ситуации видится в максимальном расширении поставок в Россию чехословацких (так в тексте. — Э. З.) в обмен на то, в чем нуждается экономика нашей страны» [НГ. 27.11.92]. Стоит ли доказывать, что эта статья уже не имела ни временного, ни пространственного (геополитического) адреса и могла лишь усугубить горькую иронию?

Заключительным материалом данного тематического блока является следующая краткая информация: «Президент РФ Борис Ельцин подписал указ о признании Чешской Республики и Словацкой Республики “в качестве самостоятельных, суверенных и независимых государств” в связи с тем, что “в соответствии с Конституционным законом, принятым Федеральным собранием Чешской и Словацкой Федеративной Республики 25 ноября 1992 г., Чехословацкая Федерация прекращает свое существование с 1 января 1993 г. и образуются два новых государства — Чешская Республика и Словацкая Республика”» [НГ. 30.11.92]. Примечательно, что ее фоном невольно послужила в этом же номере фундаментальная статья главного редактора НГ В. Третьякова «СССР — естество демократии в условиях имперского тоталитаризма. Сегодня исполняется 70 лет со дня создания Союза Советских Социалистических Республик». Как говорится, комментарии излишни...

Что касается проблематики пока еще единой Чехо-Словакии в международном контексте, то НГ фиксирует усугубляющуюся неопределенность ее отношений с РФ. Этому, по убеждению одного из авторов, способствовала «война» парламента и МИД России за первенство в разработке внешнеполитической стратегии, при которой приоритеты смещаются, а некоторые страны и регионы попадают в полосу невнимания (что, по всей видимости, отражается и в печатных изданиях, характеризующихся «информационными ямами»).

«Многие российские парламентарии, — указывалось в газете, — обвинили МИД в том, что он слепо равняется на Запад. Комитет по международным делам, например, пришел к выводу, что за кровавые события в бывшей СФРЮ следует раздать “всем сестрам по серьгам”, а не к одной Сербии применять санкции. МИД же настаивает на своем, утверждая, что единство позиции Москвы и западных столиц есть большое достижение российской внешней политики, от которого нельзя отступить» [НГ. 25.07.92]. По сути же речь шла о принципиально новой, отличной от бывшего СССР, концепции внешней политики России, в которой будущим Чехии и Словакии отводились третьестепенные места.

В публикуемом в НГ документе «Стратегия для России. Некоторые тезисы для доклада Совета по внешней и оборонной политике» эта позиция существенным образом корректируется. «Очевидна, — говорится в документе, — необходимость усилий по активизации политики в отношении стран Центральной и Восточной Европы, особенно в сфере экономических, культурных и личных связей. Россия в принципе не заинтересована в том, чтобы страны Центральной Европы стали членами любой широкой системы безопасности, которая исключала бы Россию. Но надо видеть и то, что эти государства не займут приоритетного места в российской политике. Они рвутся на Запад, отделены теперь от России географически, не имеют средств, технологий, чтобы крупно участвовать в российском возрождении. Поэтому любые попытки поставить эти страны в первый список приоритетов российской политики нереалистичны. В силу геополитического положения наибольшее значение для России в этом регионе имеют Польша и, возможно, Болгария (к ним может добавиться и Словакия)» [НГ. 19.08.92].

При этом Чехия не упоминается не только демонстративно: ее политическая элита решительно заявила о своем западном (включая военный компонент) выборе¹². В дальнейшем сообщалось о том, что Вишеградская тройка — Польша, Венгрия и Чехо-Словакия — заботится не только об экономическом сотрудничестве, но также «ищет подступы к НАТО» [НГ. 8.10.92].

«На фоне бурных военно-политических событий, происходящих в Европе в эти дни, как-то осталось малоприметным совещание министров обороны “вишеградской тройки” — Венгрии, Польши и Чехословакии. Новое региональное образование, заявившее о себе в феврале прошлого года (т. е. 1991 года) в Вишеграде под Будапештом, по утверждению его учредителей, призвано облегчить “вхождение трех государств” в различные политические, экономические и иные структуры и институты Западной Европы. Видимо, место, выбранное для подписания учредительной декларации — старинная крепость в Вишеграде, где еще в 1335 г. венгерский, польский и чешский короли заключили договор, говоря современным языком, о совместной безопасности — обязывает к весьма активным действиям и в военной сфере. Примечательно, что первая встреча министров обороны прошла сразу же после образования нынешней “тройственной унии”. И если раньше обсуждались общеполитические проблемы Европы, то теперь более конкретные — развития сотрудничества трех армий», — заключает издание [НГ. 20.10.92]. Естественно, что вслед за этим в газете начала мелькать информация о необходимости более четкого обозначения векторов западной политики, включая присоединение к ее военному компоненту — не только для Чехии, но и для Словакии [НГ. 30.10.92; 25.11.92; 8.12.92; 28.01.93; 5.02.93].

Именно «Независимая газета» проявила наибольшее внимание к крайне сложным проблемам самого распада государства, не упуская из вида прогноза о будущем государств. Однако и она крайне мало характеризовала самые первые шаги двух новых государств. Не обошлось, правда, как и в РГ, без казусов. В одном из номеров на первой странице была анонсирована статья «Прощание с президентом Гавелом. О “бархатном тоталитаризме”» с указанием, что она публикуется на седьмой странице. Но здесь данного материала не оказалось. Вместо него на той же странице помещена статья о постмодернизме. В связи с этим напрашивается следующая мысль: а не поставили ли тем самым сотрудники газеты нечто вроде «пьес абсурда», автором которых как раз и являлся Гавел-драматург? [НГ. 16.09.92].

Наименьшее число материалов по всем тематическим блокам появилось в газете «Коммерсантъ»: их число составило всего 16: 4 – по Словакии, 8 – по Чехо-Словакии и 4 – по стране (странам) в международном контексте. Репрезентативным материалом по Словакии можно считать сообщение «Три операции Александра Дубчека» [К. 17.09.92], в котором извещается о том, что на месте автокатастрофы с А. Дубчеком произошла сильная авария 2 года тому назад; здесь же помещена и информация о том, что Гавел навещал Дубчека в пражской больнице [К. 21.10.92].

В ряду материалов по Чехо-Словакии примечательна информация под названием «Ни пряника, ни кнута», в которой приводятся данные опросов о положении дел в стране. Недовольными им в Чехо-Словакии оказались 77% (как и в Польше), но сожалели об утраченном всего 12% (в Польше еще меньше) [К. 27.07.92]. Извещалось о том, что Чехия и Словакия – еще не отделившись – выразили желание вступить в НАТО, но получили отказ [К. 17.12.92].

Что касается положения страны (стран) в международном контексте, то здесь особое внимание привлекает публикация под названием «Россия вышла из Варшавского договора последней». В ней упоминается такой курьезный для российского читателя факт: «остался нерешенным вопрос о том, где хранить протокол и ратификационные грамоты – они должны были находиться в Чехо-Словацкой Федеративной Республике*, которая на 1 января 1993 года прекращает свое существование» [К. 24.12.92].

Примечательно, что в 1993 г. газета проигнорировала факт появления двух новых государств на политической карте Европы, хотя упоминала о Черногории и даже Сан-Марино. Лишь мельком названа Чехия (как косвенный пункт миграции с востока в Германию [К. 22.01.93]) и Словакия в связи с произошедшей там авиакатастрофой [К. 19.02.93]. Создается даже впечатление, будто на соответствующую информацию был наложен запрет.

* Так в оригинале.

Как уже отмечалось, в 1992–1993 гг. практически не было российских академических исследований по указанной тематике. Все же обратила на себя внимание упоминаемая в начале данной работы статья, напечатанная и на английском языке. В чем заключались ее основные положения? Статья зафиксировала трудность понимания причины распада единого чехословацкого государства, если принимать во внимание лишь события тех дней или ограничиваться конкретным анализом отношений между чехами и словаками. «Ее, – подчеркивалось в ней, – можно выявить, только учитывая особенности геополитической ситуации в региональном и общеевропейском (даже евразийском) масштабах и характер противодействия интеграционных и сепаратистских тенденций в современном мире»¹³.

Констатировалось, что развал многонациональных государств в Центральной и Юго-Восточной Европе, строившихся на принципе федерализма, следовал непосредственно после их отказа от ориентации на социализм. Причем, если посмотреть на этот процесс со стороны, то не может не сложиться впечатления, что лидеры (элита), с одной стороны, и народы (массы) – с другой, только и делали все возможное, чтобы не допустить распада страны. Действительно, В. Клаус тщательно ставил акценты на экономических проблемах, не выдвигая политических лозунгов о необходимости прямого распада. «Но, – отмечается в статье, – мозаика его действий и инициатив, его экономическая стратегия предполагали такие предпочтения для Чехии, которые не могли не вызвать невротической реакции со стороны лидеров Словакии. В свою очередь, и эти лидеры выдвигали собственную программу, предполагающую решение экономических проблем на “суженном” пространстве – в Словакии»¹⁴. Примерно то же можно сказать и о позиции В. Мечьяра.

В целом страна разваливалась во многом вопреки воле ее граждан, утверждает в статье. Амбициозные политики обвиняли в развале друг друга и делали это тем более страстно, чем сильнее обосновывали линию на сепаратизм. Мировое сообщество было если не встревожено, то обескуражено. Со стра-

ниц западных журналов и газет не сходило имя В. Гавела, но уже в иных интонациях: считалось, что он не проявил политической мудрости и гибкости, дополненной политическими и юридическими процедурами в защиту конституции именно Чехо-Словакии.

Как отмечали журналы «Ньюсуик», «Ю.С. ньюс энд уорлд рипот» и «Тайм», еще в июне-июле 1992 г. многие чехи и словаки надеялись, что Гавел удержит страну вместе. Однако приверженцы В. Клауса, исповедующие философию свободного рынка, считали лучшим выходом именно разделение. Это же касается и шахтеров Словакии, аплодирующих В. Мечъяру, начертавшему на своем знамени лозунг борьбы с «экономическим экспансионистом» Клаусом¹⁵. Отсюда зафиксированный одним из этих журналов парадокс: «Капитализм и демократия расширяют пропасть между чехами и словаками, давая начало периоду необузданной нестабильности в Чехословакии»¹⁶, воспроизведенный в статье.

В ней далее утверждается, что менее чем через три года после прихода к власти Гавела и провозглашения им идеала «интеллектуального, культурного и подлинного гуманного государства» страна стала разделенным обществом без общих устремлений, с коррупцией в общественной жизни, с постоянными обвинениями коммунистического прошлого, скрывавшими беды настоящего. «Страна приближается к XXI веку со взором, обращенным вспять, на “старые грехи”. Не для того ли им уделяется столько внимания, чтобы новые лидеры безбоязненно преследовали свои частные цели?»¹⁷, — ставится вопрос в статье. Остается добавить, что обвинения в такого рода «грехах» до сих пор остаются предметом политических манипуляций и в странах ЦЮВЕ, и — особенно — в России.

В статье отмечено, что идея сепаратизма была взята на вооружение, прежде всего, многими партиями Словакии. Осенью 1992 г. всего 37% ее населения считали распад единого государства необходимым (чехов — 51%). Но 90% тех и других были убеждены, что распад все же неизбежен. Экономические трудности в связи с этим не вызывали сомнений ни у кого. Не только националистические лидеры, но и сам В. Мечъяр

давали упрощенные ответы, видя в независимости Словакии единственный выход для народа. «Словаки должны освободиться, призывали политики, не представляя, чего это будет стоить. Они игнорировали предупреждения Гавела о возможной югославизации страны. Мечъяр обещал провозгласить суверенитет Словакии, принять ее конституцию и избрать президента. Он добился своего»¹⁸, – констатируется в ней.

Ситуация «бархатного развода» не уникальна и уникальна одновременно, подчеркивалось в статье, ибо страна постоянно подвергалась распаду (1919, 1938), агрессии (1939, 1968) и революциям (1918, 1948). Уникальность же ее заключается в том, что на этот раз распад вызревал изнутри, в результате игры политических сил и политических страстей, раздувания «костра амбиций», но при этом происходившие процессы представлялись как выражение воли народов¹⁹. В статье были высказаны прогностические соображения о перспективе восточноевропейского единства с учетом существования Чехии и Словакии как независимых государств и превращения «Вишеградской тройки» в «четверку» (В-4). «На наш взгляд, это явно связано с повышением уровня амбиций именно Чехии. До этого три страны сохраняли примерно равные, хотя и по разным причинам, шансы на вступление в Европейское сообщество (вопроса о сроках мы здесь не касаемся). Венгрия – вследствие наибольшего продвижения на пути к свободному рынку, Польша – по репутации наиболее смелой в политическом отношении страны региона, а Чехословакия – как экономически развитое двунациональное государство. После распада Чехословакии вперед явно вырывается Чехия, но с потерей политического имиджа. Образно говоря, в ЕС идет не семья, а облегченный разведшийся муж, снявший с себя часть обязанностей и обязательств. Даже если его примут сегодня, завтра будут подчеркивать его “ущербность”», – подчеркивалось в статье. Любая комбинация (оторвавшаяся Чехия и отстававшие в разной мере Венгрия, Польша и Словакия; оторвавшиеся Чехия и Венгрия или даже оторвавшаяся тройка – без Словакии), конечно же, затрудняет достижение общеевропейского единства.

На этом фоне прозвучал призыв не сбрасывать со счетов потенциал идеи славянского единства. «При благополучном исходе социально-экономических процессов возврат к ней, вероятно, неизбежен. Парадоксально, но и усугубление кризиса также может вызвать упование на мощь данной идеи. Так уже было в истории. В любом случае, на мой взгляд, идея славянского единства обретет новую и интенсивную жизнь на переломе тысячелетий, когда, как представляется, будут изжиты последствия революций конца [19]80-х годов, вызвавшие дивергентные процессы в регионе. Регион приобретет свою идентичность, возможно, с ориентацией на славянское единство»²⁰, — говорилось в ней. Статья заканчивалась словами из стихотворения выдающегося русского поэта и дипломата Ф. И. Тютчева:

«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
 Быть может спаяно железом лишь и кровью...».
 Но мы попробуем спаять его любовью, —
 А там увидим, что прочней...²¹.

Естественно, не все прогнозы оказались релевантными, а поэтические метафоры убедительными. Однако данная статья, напечатанная и в англоязычной версии журнала под названием «Инструмент единения: любовь или сталь»²², привлекла к себе широкое внимание.

Возвращаясь к анализу прессы рассматриваемого в статье периода, следует подчеркнуть, что лейтмотив всей информационной волны в ней можно выразить русской поговоркой: «В доме повешенного не говорят о веревке». И добавить: даже если эта веревка «бархатная», а в словацком варианте — «нежная». Это значит, что ключевое для судеб Чехословакии событие — ее распад — слишком недалеко отстоял по времени от распада СССР, что не могло не повлиять (явно или неосознанно) на редакционную политику всех российских средств массовой коммуникации. Правда, в анализируемых изданиях часто говорилось о событиях в Югославии, где с кровавыми последствиями распадалась еще одна социалистическая федерация. Столь же часто упоминалась и Польша, достаточно часто говорилось о событиях в других странах региона. Однако

о Чехо-Словакии, а затем о Чехии и Словакии в РГ и К (но не в НГ) упоминалось почти столько же, как, скажем, об Албании или Люксембурге.

Данную статью хотелось бы завершить словами автора 20-летней давности, повторенными им же и в 2006 г.: «Западная Европа идет к единению, политики Центральной Европы видят в ней образец, следовательно, и им самим придется объединяться. Зачем же тогда надо было разъединяться?»²³. Естественно, рассмотрение феномена распада ЧСФР – лишь первый шаг к анализу более широкого явления: рецепции процесса образования двух новых государств в центре Европы. Необходимы рассмотрение архивных материалов, подключение потенциала устной истории, анализ взаимного оценивания результатов распада социалистических федераций в ракурсе политической аналитики и т. д.

Однако и этот первый шаг позволяет зафиксировать некие парадоксы рассматриваемых процессов, относительно исхода которых многие участвовавшие в нем политические акторы говорили и говорят: «Не мы...», но истинные причины которого предстоит еще долго и неоднократно разгадывать. И бросать новый свет на «минуты роковые» (по выражению того же Ф. Тютчева) истории славянской государственности²⁴.

Примечания

¹ Подробнее см.: Власть – общество – реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006. С. 305–346.

² Ведущие западные издания сосредоточивались на событиях в Чехии, еще точнее – в Праге, а еще ярче – на роли диссидентов, пробудивших народные массы (демонстрируемые, правда, скорее на фотографиях). Словацкие материалы занимали здесь менее десятой части; особенно ярко, правда, освещались массовые движения, включая паломничества. Подробнее об этом см.: *Задорожник Э. Г.* Взгляд на Чехословакию 1988 – ноябрь 1989 гг. По материалам контент-анализа журнала «Тайм» // Советское славяноведение. 1990. № 3; *она же.* Процесс распада социализма в оценках Запада (журнал «Тайм» о событиях января–декабря 1989 г.) // Восточная Европа на историческом переломе. М., 1991; *она же.* Государство и церковь: феномен паломничества в Словакии (к 25-летию «демонстрации со свечами») // Славяноведение. 2013. № 5.

³ Появившюся в конце 1990 г. «Российскую газету» учредил Верховный Совет Российской Федерации; осенью 1993 г., после разрешения конституционного кризиса и окончания вооруженного противостояния сторонников парламента и президента, полномочия учредителя газеты были переданы Правительству РФ, официальным органом которого она является по настоящее время (органом Государственной Думы, сменившей Верховный Совет РФ в качестве законодательной власти, стала с 1997 г. «Парламентская газета»).

⁴ «Независимая газета» учреждена в конце 1990 г., ее главным редактором до 2001 г. являлся В. Третьяков, считающийся лидером неангажированной журналистики, ориентированной на аналитическую ее составляющую; газета постоянно пользуется авторитетом у представителей российской интеллигенции.

⁵ Газета деловых кругов «Коммерсантъ» (в ее названии стоит твердый знак: газета часто ссылается на себя, используя при этом символ «Ъ», который призван продемонстрировать ее преемственность с деловыми изданиями до революции 1917 г.) учреждена в конце 1989 г. как еженедельник, с начала сентября 1992 г. начала выходить в ежедневном формате. Пользуется признанием бизнесменов и считается авторитетным источником новостей любого рода.

⁶ *Задорожнюк Э. Г.* Любвью или железом достигается единение общества? // Вестник Российской Академии наук. Т. 63. № 12. М., 1993. С. 1103–1109; *Zadorozhnyuk Ella G.* Instrument of Unity: Love or Steel // Herald of the Russian Academy of Sciences. 1993. Vol. 63. № 12. P. 1103–1109.

⁷ В Словакии политики победившего на выборах движения игнорировали угрозу распада ЧСФР, экономической реформу, усиление власти одной партии и другие риски. Главной мишенью их нападок стал президент пока единой страны. См.: *Власть – общество – реформы...* С. 331.

⁸ Критикуя Гавела, Княжеч, на наш взгляд, выявил «исторический грех» диссидентов, которые не уделяли должного внимания проблеме сосуществования Чехии и Словакии в рамках единого государства, причем в первую очередь это касается диссидентов чешских. Подробнее см.: *Задорожнюк Э. Г.* Чешско-словацкие отношения: от «режима нормализации» 1969 года к «бархатной» революции 1989 года // Новая и новейшая история. 2005. № 6; она же. К вопросу о чешско-словацких отношениях // *Česko-ruský dialog*. 1989–1991. Praha, 2011.

⁹ Остается добавить, что рассматриваемая пресса так или иначе держала в поле зрения одну политико-психологическую установку, обозначенную нами выражением: «Не мы...», обозначая ею нежелание допускать распада страны, но обвиняя в нем своих партнеров по переговорам. Об этом с большей правомочностью говорили А. Дубчек, В. Гавел и М. Чалфа, но это же твердили допускающие и даже побуждающие данный распад В. Клаус и В. Мечъяр; так могли говорить и парламентарии как Чехии, так и Словакии, а также носители общественного мнения и деятели культуры. И все это происходило по трудно объяснимому, но все же неудержимому алгоритму распада. См.: *Задорожнюк Э. Г., Харциева Г. Ю.* Алгоритм распада // *Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий)*. М., 1994. С. 137–161. Пресловутое «Не мы...» все разительнее менялось на «Именно мы!». См.: *Власть – общество – реформы...* С. 330.

¹⁰ Подробнее см.: Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. Т. 2. М., 2005. С. 384–388.

¹¹ *Власть – общество – реформы...* С. 334.

¹² Президенты стран Центральной Европы о благе вхождения в НАТО // НАТО: факты и комментарии. Вып. 5. М., 1998.

¹³ *Задорожнюк Э. Г.* Любвью или железом достигается единение общества?... С. 1103.

¹⁴ Там же. С. 1103.

¹⁵ Там же.

¹⁶ U. S. News and World Report. 1992.08.06. P. 42.

¹⁷ *Задорожнюк Э. Г.* Любвью или железом достигается единение общества?... С. 1108.

¹⁸ Там же. С. 1107.

¹⁹ Там же. С. 1108.

²⁰ Там же. С. 1109.

²¹ *Тютчев Ф. И.* «Два единства» // Сочинения. Т. 1. М., 1984. С. 384.

²² *Zadorozhnyuk Ella G.* Instrument of Unity... P. 1103–1109.

²³ *Ibidem*; см. также: *Власть – общество – реформы...* С. 337.

²⁴ «Счастлив, кто посетил сей мир / В его минуты роковые! / Его призвали всеблагие / Как собседника на пир». См.: *Тютчев Ф. И.* Цицерон // Сочинения. Т. 1. М., 1984. С. 59. Стихотворение написано не позднее конца 1830-х годов.

ЧАСТЬ

III

РЕЦЕНЗИЯ

Людмила Павловна ЛАПТЕВА

Новая книга о проблемах славянофильства

«Русская беседа»: история славянофильского журнала.
Исследования. Материалы. Постатейная роспись.

Под редакцией

Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского и О. Л. Фетисенко.
Издательство «Пушкинский дом», Спб, 2011. 567 стр.

Славянофильство относится к числу таких сложных явлений русской общественной мысли и жизни, что дискуссия о нем, возникнув в период зарождения самого славянофильства в 30–40-х годах XIX в., продолжается уже более полутора столетий. В зависимости от исторических условий, через которые прошла в своем развитии Россия, славянофильство характеризовалось то как идея, основанная на православии, отрицавшая международный прогресс и ратовавшая за сохранение самобытности русского народа, которая приведет к благоденствию этот народ (так думали славянофилы), то как концепция, полностью отвергавшая первую (западники). В более позднюю эпоху славянофильство клеймилось в литературе как теория консервативности и даже мракобесия. Было время, когда славянофильство объявлялось теорией класса-угнетателя, контрреволюционной и вредной для общества и русского народа. Авторы книг и статей во все времена констатировали, что славянофильство еще недостаточно хорошо изучено, и оставляли потомкам решать эту задачу. Тезис о неполной изученности переходил из поколения в поколение, каждый новый автор считал, что именно его сочинение закрывает брешь, на которую не обращали внимание предшественники.

Не является исключением и названное в заглавии издание. Однако следует особо подчеркнуть, что этот научный

сборник имеет ряд особенностей, позволяющих действительно говорить о новых аспектах в изучении славянофильства. Прежде всего, издание посвящено истории одного печатного органа славянофилов — журнала «Русская беседа», выходявшего в 1856—1860 гг. в Москве. По мнению издателей, «Русская беседа» известна как один из лучших литературных журналов середины XIX столетия. В нем впервые в истории русской периодики широко печатались поэты, писатели, публицисты славянских стран. Констатация этого факта издателями сборника важна для изучения истории славяноведения в России. Представители западнического направления к зарубежным славянам были равнодушны и не помещали сведения о них на страницах своих изданий.

Предложенный читателям сборник имеет несколько разделов. В первом из них под названием «Исследования» помещены статьи об истории журнала. Часть из них представляет тексты, созданные на основе докладов, прочитанных в октябре 2006 г. на научной конференции, которую проводил музей-заповедник «Абрамцево», но не в самой аксаковской усадьбе, а в Ясной Поляне — усадьбе великого русского писателя Л. Н. Толстого. Вторая часть статей первого раздела сборника представляет собой, иногда очень подробные, монографические исследования, посвященные создателям и главным деятелям «Русской беседы», — А. И. Кошелеву, А. С. Хомякову, К. С. Аксакову, Т. И. Филиппову, И. С. Аксакову, Н. П. Гилярову-Платонову.

Второй раздел книги называется «Материалы». Здесь публикуются документы об издании «Русской беседы», редакционные статьи, неперездававшиеся со времени их написания, — сообщения об издании «Русской беседы» в разные годы с изложением задач и содержания журнала, — и итоговое заключительное слово издателя А. И. Кошелева по поводу прекращения журнала в 1860 г.

Интересный материал содержится в третьем разделе под названием «“Русская беседа” в Германии». Здесь речь идет о хлопотах И. С. Аксакова по вопросу издания славянофильской антологии на немецком языке в Германии. Этот материал мало

известен в литературе о славянофильстве и существенно расширяет кругозор читателя по истории этого течения русской общественной мысли.

Особенно важен, на наш взгляд, раздел четвертый – «Русская беседа» в письмах ее авторов и читателей». Как известно, литературное и эпистолярное наследие многих славянофилов опубликовано в специальных изданиях писем, в собраниях сочинений или в журналах, но авторам рецензируемого сборника удалось разыскать много нового, для чего пришлось провести исследования в восьми архивохранилищах Москвы и Санкт-Петербурга, и тем самым расширить источниковую базу для освещения истории «Русской беседы».

В последнем разделе сборника помещена полная поста-тейная роспись «Русской беседы», всех 20 ее выпусков. Такое библиографическое описание особенно полезно исследователю – оно облегчает ориентировку в материале и имеет особое научное значение, так как издатели установили авторство многих статей и сообщений, опубликованных в «Русской беседе» без подписи или под псевдонимами, чем создали более совершенный исторический источник. В приложении дается аннотированный указатель авторов «Русской беседы», а также обычный указатель имен. В книге имеются иллюстрации, представляющие, главным образом, портреты славянофилов, известные по литературе, а также рисунки Э.А. Дмитриева-Мамонова, изображающие А.С. Хомякова, С.Т., К.С. и И.С. Аксаковых, И.В. и П.В. Киреевских, А.М. Языкова, И.Д. Беляева, В.А. Черкасского, Ф.В. Чижова и других, извлеченные из архивов и мало известные читателю соответствующей литературы.

Первый раздел книги открывается статьей Т.Ф. Пирожковой – «А.И. Кошелев – “Главный распорядитель” журнала “Русская беседа”». Автор статьи хорошо известен в литературе о славянофильстве. Еще в 1984 г. Т.Ф. Пирожкова издала книгу, в которой прежде всего рассматривались полемические материалы, опубликованные в журналах и газетах 40–60-х годов XIX в., и давались оценки революционными демократами славянофильским изданиям. Теперь автор монографии подробно,

на основании весьма солидной источниковой базы, главным образом неопубликованной переписки А. И. Кошелева с единомышленниками-славянофилами, показывает, какие трудности стояли на пути организации первого славянофильского журнала и с каким упорством А. И. Кошелев их преодолевал и добился своей цели.

А. И. Кошелев предстает перед читателем как бескорыстный, благородный человек, радеющий о благосостоянии русского народа, которое он обретет через просвещение и под мудрым водительством царя, которого он, народ, обожает. К сожалению, народ ничего этого не знал. 6 тысяч крепостных в имениях А. И. Кошелева исправно работали на барщине и платили оброк и «Русскую беседу» не читали, во-первых, потому что были поголовно неграмотны, а во-вторых, потому, что их интеллект еще не развился до такой степени, чтобы разобратся в премудростях, публикуемых в журнале, издаваемом их баринном.

Далее в статье характеризуется журнал «Русская беседа». Констатируется, что в ее статьях было много интересного материала. Статьи А. С. Хомякова, Ю. Ф. Самарина, К. С. Аксакова были серьезны, но сухи, рассчитаны на избранную, очень образованную публику. В «Русской беседе» печатались материалы «высокого интереса», как говорил А. С. Хомяков, «но много ли было в ту пору образованных читателей в России, способных осилить эти вершины? — человек 300 в столицах, в провинции — единицы. На всем протяжении своего издания «Русская беседа» сохраняла элитарный характер»¹. А. И. Кошелев издавал журнал в убыток. Кроме того, в составе редакции были люди с разными взглядами. Кошелеву приходилось лавировать между радикализмом И. С. Аксакова и консерватизмом Т. И. Филиппова. Помимо этого «Русская беседа» вела ожесточенную борьбу с западниками по важнейшим актуальным вопросам современной России, например, о крестьянской общине и земельной собственности, о современной литературе, о судебной реформе и т.д.

В целом Т. Ф. Пирожкова считает, что усилиями А. И. Кошелева и благодаря его терпению и организаторским способ-

ностям журнал продержался 5 лет, опубликовав полезные и важные материалы. Но «Русская беседа» имела мало подписчиков. Журнал не окупался и не мог существовать. Для «Русской беседы» нет в России читателя, писал Хомяков И. С. Аксакову в конце 1859 г.² Затратив на журнал 40 тыс. рублей серебром, бескорыстный и благородный романтик А. И. Кошелев в 1860 г. прекратил его дальнейшее издание.

Заключая свою характеристику славянофильства, автор рассматриваемой статьи находит в его содержании много ценного. Так, по славянской части «Русская беседа» держала первенство в журналистике тех лет³. Здесь был опубликован большой труд славянофила В. А. Елагина «Место венгров среди народов Европы», «Письма об истории сербов и болгар» и «Босния. Путевые заметки» А. Ф. Гильфердинга, работа Е. П. Новикова «Гус и Лютер», «Заметки путешественника по славянским странам» Ф. В. Чижова и ряд других. Заметим, что всего в 20 книгах «Русской беседы» было опубликовано 52 материала о зарубежных славянах. Таким образом, славянофильская «Русская беседа», а не только революционные демократы, как это казалось автору статьи в 1984 г., сыграла очень большую роль в истории русской культуры XIX века.

В статье Е. О. Непоклоновой «“Предисловие” и другие публикации А. С. Хомякова в “Русской беседе”»⁴ указывается, что Хомяков предстает внутренним стержнем журнала, скрепляющим в единое целое отдельные исследования, убеждения, направления мысли. Ни один автор не представлен в «Русской беседе» в таком объеме и разнообразии. В произведениях Хомякова излагается философия славянофильства. Автор перечисляет публикации Хомякова и останавливается на понимании им общих принципов переводческой деятельности просветителей-миссионеров свв. Кирилла и Мефодия. Подробно говорится о рассуждениях Хомякова по поводу авторства кириллицы и глаголицы. Устаревшая концепция Хомякова автором статьи не опровергается. Анализируются далее все статьи Хомякова, опубликованные в «Русской беседе», в которых содержится много критики сочинений неславянофильского направления, например, замечания на статью

С. Соловьева «Шлецер и антиисторическое направление журнала «Русский вестник», где обсуждался вопрос об отношении народности к общечеловеческому просвещению.

Е. И. Анненкова в статье «К. С. Аксаков в “Русской беседе”» рассматривает вопрос о том, как этот теоретик славянофильства смотрел на задачи, возможности и трудности такого печатного органа как журнал. Автор останавливается на типе публикаций К. С. Аксакова в «Русской беседе», на их тематике и частотности. Далее Е. И. Анненкова обращается к вопросу о том, как К. С. Аксаков понимал природу журнала и форму проявления аксаковской личности в публикациях на страницах «Русской беседы». Здесь он, по мнению автора статьи, выступает в качестве не столько публициста, сколько ученого-историка, лингвиста и литературного критика. Перечисляются все статьи, помещенные К. С. Аксаковым в «Русской беседе», и делается вывод, что в журнале представлены почти все сферы деятельности К. С. Аксакова⁵.

О первом редакторе «Русской беседы» Тертии Филиппове говорится в статье О. Л. Фетисенко⁶. Третий Иванович Филиппов (1825—1899) не пользуется симпатией автора, как не пользовался ею у своих прогрессивных современников. Литературы о нем мало, и О. Л. Фетисенко кратко останавливается на его биографии. Это был государственный и церковно-общественный деятель, духовный сын знаменитого богослова Матфея Константиновского, входивший в круг лиц Оптиной Пустыни. Образованный и одаренный Филиппов успешно делал переводы церковной литературы на русский язык с греческого и других языков. Любимец митрополита Филарета, он являлся носителем «казенного православия», которое не принимали и решительно критиковали славянофилы. Православная патриархальность и фанатичность Т. И. Филиппова в либеральном обществе, к которому принадлежали и славянофилы, производили отталкивающее впечатление. О. Л. Фетисенко приводит высказывание С. Т. Аксакова о том, что имя Филиппова производит на всех без исключения самое неблагоприятное впечатление и что этого человека он «решительно» не принимает «к себе»⁷.

В редакции «Русской беседы» Филиппов главным образом писал редакторские примечания к статьям, сам же публиковался мало. Но и то, что им было написано о православном идеале, о русском воззрении, о западной жизни и похвалах русской семье, вызвало не только ожесточенную критику западников, в данном случае Чернышевского, но и самих славянофилов. Н. Г. Чернышевский писал, что рассуждения Филиппова слишком противоречили общему духу самой «Русской беседы». «Нам кажется, что единство между г. Филипповым и, например, г. Самариным или гг. Аксаковыми едва ли может существовать в чем-нибудь существенно важном. Союз их с ним ненатурален»⁸. Из-за идеологических разногласий с другими сотрудниками «Русской беседы», из-за неприятия последними редакторской политики Т. И. Филиппова, которая выражалась в том, что редактор в неприемлемом для них духе оценивал некоторые статьи славянских авторов, с 1857 г. имя Т. И. Филиппова исчезает со страниц «Русской беседы».

Автор статьи рассказывает о дальнейшей деятельности Т. И. Филиппова, мировоззрение которого все больше эволюционировало от хомяковско-аксаковского православия в православие «фанариотское». Наряду с интересными фактическими сведениями, извлеченными из малоизвестных источников, статья О. Л. Фетисенко показывает, что славянофильство как философская доктрина и как общественное течение никогда не было единым. Каждый его представитель был самобытной индивидуальностью и самостоятельным мыслителем, в той или иной мере разделявшим основные положения славянофильства. Историческое значение этого направления заключается в том, что его представители относились к либеральному лагерю русской общественной жизни, боролись против крепостного права, за свободу личности, против наиболее вопиющих проявлений самодержавной власти. Но в рядах славянофильства существовало также консервативное крыло, представленное, главным образом, державными деятелями, глашатаем которых и был Т. И. Филиппов.

Иван Сергеевич Аксаков, как о нем говорили, был самым большим «западником» среди славянофилов. В рецензируемом

сборнике ему посвящена обширная статья В. Н. Грекова «Иван Аксаков – сотрудник и редактор “Русской беседы”». И. С. Аксаков стал редактором и издателем журнала в 1858 г. Он создал программу «Русской беседы», в которой изложил свои принципы издательской деятельности: терпимость в журналистике, разность и полярность мнений, серьезность содержания, в отличие от других журналов, которые представляют собой «большие выставки товаров по всякому вкусу». В. Н. Греков далее показывает разницу между славянофильскими идеями И. С. Аксакова и его брата К. С. Аксакова и братьями Киреевскими. Рассматриваются его мнения об общине в деревне и сочинение «Исследование о торговле на украинских ярмарках» (СПб, 1858). В целом в статье В. Н. Грекова И. С. Аксаков изображен как наиболее радикальный славянофильский деятель. По мнению автора, этот редактор «Русской беседы», обсуждая проблемы исторические, правовые, этические, разоблачает политику правительства, его пренебрежение к народу и одновременно страх перед ним, «высмеивает самоуправство местной власти. Такого рода деятельность не могла не обратить на себя внимания»⁹. В отличие от некоторых историков, объяснявших причины прекращения «Русской беседы» в 1860 г. тем, что она исчерпала свои возможности и закончила существование «тихо и незаметно»¹⁰, В. Н. Греков считает, что журнал был ликвидирован ввиду вмешательства цензуры. Заклучая свои рассуждения о значении «Русской беседы» для И. С. Аксакова как редактора, автор статьи резюмирует, что она была своеобразной лабораторией, в которой формировались и проверялись издательские и редакторские принципы, и публицистической трибуной.

Постоянным сотрудником «Русской беседы», ее редактором и цензором был Никита Петрович Гиляров-Платонов (1824–1887). Церковный мыслитель, исследователь сравнительного богословия и раскола в церкви, преподаватель Московской духовной академии Н. П. Гиляров полузабыт в литературе. В статье А. П. Дмитриева «Н. П. Гиляров-Платонов – автор и цензор «Русской беседы»»¹¹ отдается дань этому деятелю. Автор излагает его биографию, характеризует

творчество и констатирует, что Гиляров был не только богословом, но и историком философии, литературным критиком, лингвистом, политэкономом, публицистом — словом, «гением-энциклопедистом». По мнению автора статьи, Гиляров был близок к славянофилам, но его взгляды по религиозно-философским и общественно-практическим вопросам не совпадали с представлениями славянофилов. Умный ученый и одаренный человек, Гиляров внес много интересного в содержание «Русской беседы». Он вел полемику с западниками, опубликовал в «Русской беседе» обстоятельную рецензию на «Историю русской церкви» митрополита Макария, в которой высказал критические замечания по вопросу периодизации истории русской церкви. Ряд интересных мыслей Гиляров высказал по поводу «Семейной хроники» С. Т. Аксакова и в ряде рецензий на другие книги. Как и славянофилы, Гиляров-Платонов был горячим сторонником скорейшей отмены крепостного права. Трудно переоценить заслуги Гилярова-цензора в период обсуждения обществом вопроса об освобождении крестьян — считает автор статьи¹². Он единственный из цензоров, несмотря на риск увольнения со службы, отважился под свою ответственность разрешить к печати многие статьи по животрепещущей в этот период проблеме.

Далее А. П. Дмитриев констатирует, что Гиляров был независимым и честным человеком, что стоило ему должности цензора: в 1862 г. он был все-таки уволен со службы. В заключение своей статьи А. П. Дмитриев приводит список работ Н. П. Гилярова-Платонова, напечатанных в «Русской беседе» (всего 9 названий)¹³.

В рецензируемом сборнике имеется несколько статей информационного характера. В них говорится об участии русских ученых-славистов в «Русской беседе» — А. Ф. Гильфердинга, В. И. Ламанского, М. Н. Петровского¹⁴, об отражении славянофильской теории в славистической проблематике «Русской беседы»¹⁵, о том, какие труды опубликовал в «Русской беседе» К. С. Аксаков¹⁶; о последнем годе существования «Русской беседы»¹⁷. Все статьи интересны, содержат дополнительные сведения о проблемах, обсуждавшихся в упомянутых выше

монографических исследованиях. Заключается первый раздел сборника статьёй А. М. Пентковского «Разговоры в подмосковных: Абрамцево и Савинское»¹⁸. В статье разбирается вопрос об истоках славянофильства, об эволюции традиций тех умственных течений, которые имели место в России в XVIII в. Излагается сущность бесед о философии, истории религии и т. д., которые вели образованные дворяне, часто владельцы тысяч крепостных, в своих подмосковных усадьбах: Абрамцево – имение Аксаковых «в 50 верстах от Москвы по дороге к Троице, 12 верст не доезжая Троицы Сергия»¹⁹, и Савинское – поместье И. В. Лопухина, сенатора, масона, автора многих сочинений масонского содержания. В гостиных этих усадеб читались сочинения, созданные их владельцами, членами семьи или друзьями, и проходили беседы, в которых высказывались мнения, противоположные взглядам на действительность как официальным, так и отдельных личностей, обсуждались проблемы народности, «русского человека», русского воззрения на науку и искусство. Участники этих бесед, как правило, были единомышленниками и горячо полемизировали с точкой зрения журналов и газет, обсуждавших упомянутые вопросы. В статье приводятся конкретные примеры подобного рода дискуссий, которые показывают разные подходы к обсуждаемым проблемам членов кружка и гостей, собиравшихся в Абрамцево. В этих дискуссиях рождались идеи, которые отражались в публиковавшихся в «Русской беседе» статьях. На беседах в Абрамцево возникла в 1856 г. мысль о создании журнала, которая вскоре была реализована в виде «Русской беседы».

Говоря об истоках славянофильства, А. М. Пентковский указывает на некоторые его исторические корни, а именно на идеи, высказывавшиеся в русской литературе XVIII в. Так, по мнению автора статьи, отцы всех славянофилов были масонами или близкими к ним по взглядам. Так, В. И. Киреевский был убежденным масоном, а философские взгляды И. В. Киреевского близки к В. А. Жуковскому и Н. И. Новикову. Масонские взгляды разделял и друг И. В. Киреевского А. И. Кошелев. С орловской ложей «Возрастающего орла» был связан отец Ю. Ф. Самарина. Близки к направлению мартинистов были

семья С. Т. Аксакова и отец А. С. Хомякова. Но в Абрамцеве и других подмосковных усадьбах прежнее поколение не участвовало. Его «резиденцией» было Савинское И. В. Лопухина. А. М. Пентковский считает, что о прямой преемственности идей говорить невозможно — существовали промежуточные этапы, где происходила передача прото-славянофильских идей, сформировавшихся в кругах московских мартинистов. Однако зависимость славянофильства от екатерининского ма-сонства нельзя отрицать.

Статья А. М. Пентковского изобилует конкретными примерами, почерпнутыми из архивных источников, а также из анализа содержания соответствующих статей «Русской беседы». В работе много нового, оригинального материала, расширяющего представления о славянофильстве и свидетельствующего о том, что общественная мысль не копируется в чистом виде, а творчески перерабатывается, дополняется и, в зависимости от исторических условий развития интеллекта общества, превращается в новое явление, иногда противоположное своему прототипу.

Следующий раздел рецензируемого сборника включает «Материалы», т. е. публикацию документов об издании «Русской беседы», редакционные статьи и ряд архивных документов. В них авторы оценивают содержание «Русской беседы» и, в частности, приводят сведения о славянских материалах. Констатируется, что на страницах журнала появились и планируется публикация общих сведений о славянах, их географии, быте, литературе, образцах наречий и вообще об умственной и нравственной деятельности «славянских племен». Говорится о сотрудничестве или приглашении к сотрудничеству славянских ученых и литераторов — польских, чешских, хорватских, сербских, словенских, болгарских, а также румынских. Следует подчеркнуть, что труды многих представителей этих народов действительно были опубликованы в «Русской беседе». Особенно интересными в этом отношении являются содержащиеся в материалах сведения, автором которых был И. С. Аксаков. В «Заключительном слове», которое завершало издание «Русской беседы», редактор констати-

ровал, что в журнале обсуждались и получили признание не только проблемы народности в науке, общинного устройства и освобождения крестьян, но и вопрос славянский, который «из области археологического интереса перешел в область живого, деятельного сочувствия и оживил умственное движение в кругу литературных наших славянских собратий»²⁰. «Мы рассеяли ложные понятия о русском панславизме и убедили наших братьев, что сочувствие наше чуждо посягательствам на их самостоятельное развитие: признание прав на самобытность каждой славянской народности было всегда девизом русского славянофильства»²¹, – писал И. С. Аксаков.

Убежденный в том, что в области философии, истории и филологии «Русская беседа» представила немаловажные образцы самостоятельной, независимой, своеобразной русской мысли, он решил более подробно познакомить Европу с этим богатством. В 1860 г. И. С. Аксаков уехал за границу, в Австрию, чтобы лично изучить общественно-политическую, религиозную и бытовую жизнь славян и пополнить свои знания в их языках. Вместе с тем он решил издать на немецком языке сочинения С. Т. Аксакова и антологию «Русская идея». Он нашел переводчика, которым стал поэт, прозаик, драматург, историк литературы Фридрих Боденштедт. Автор перевода в свое время долго жил в России и хорошо знал русский язык, переводил на немецкий русскую поэзию и был знаком со многими русскими писателями. И. С. Аксаков планировал издать на немецком языке 25 статей основных представителей славянофильского кружка. Но по ряду обстоятельств, в частности потому, что А. И. Кошелев не дал денег на издание, антология вышла на немецком языке в 1862 г. под редакцией Боденштедта в Лейпциге в двух частях. Боденштедт снабдил двухтомник своим обширным аналитическим введением и напечатал 10 работ славянофилов. Во введении немецкий литератор высказал несогласие с рядом положений славянофилов. Из материалов, опубликованных в «Русской беседе», в антологию вошли только 4 статьи²².

Большую научную ценность в рецензируемом сборнике представляет также четвертый раздел – «Русская беседа» в

письмах ее авторов и читателей»²³. Здесь опубликованы ранее не известные в литературе архивные материалы, подчас от малоизвестных авторов, а также некоторые письма ранее печатавшиеся, но с некоторыми ошибками, теперь исправленными, и уточненные комментатором публикации О.Л. Фетисенко. Авторами писем являются – издатель журнала «Русская старина» М.И. Семевский (1837–1892), публицист Г.Е. Благодетлов (1824–1880), И.С. Аксаков к брату К.С. Аксакову. Интересные сведения содержатся также в переписке И.С. Аксакова и Б.И. Ордынского (1823–1861) – филолога, переводчика с классических языков, преподавателя греческой словесности в Казанском университете. Заметим, что в этой переписке, в частности, обсуждается вопрос о подыскании человека со знанием славянских языков для работы в редакциях изданий И.С. Аксакова. В конечном счете такой специалист был найден. Им стал М.П. Петровский, казанский славист, ученик В.И. Григоровича, занявший после него кафедру славянских наречий в Казанском университете.

Переписка М.П. Петровского (1833–1912) и И.С. Аксакова относится к периоду 1856–1866 гг. Казанский славист был помощником И.С. Аксакова в редакции «Русской беседы» и газеты «Парус». В частности, М.П. Петровский перевел на русский язык 7 сербских песен В. Караджича из его сборника сербских народных песен, изданных в Вене в 1823–1834 гг. Публиковал в «Русской беседе» и другие свои статьи²⁴. М.П. Петровский оставался переводчиком «Русской беседы» до отъезда И.С. Аксакова за границу в 1860 г. Однако переписка продолжалась и позднее. Во время путешествия по славянским землям самого М.П. Петровского он посылал И.С. Аксакову сообщения из Праги и Пешта, впоследствии подготовленные к печати и опубликованные в газете «День».

Следует отметить, что переводчиками с чешского и сербского языков в «Русской беседе» были также слависты В.И. Ламанский, А.Ф. Гильфердинг и П.И. Бартенев. В целом публикация малоизвестных писем славянофилов представляет собой большое подспорье для будущих исследователей не только истории «Русской беседы», но и русской культуры в 50–60-е

годы XIX в. Невозможно переоценить и постатейную роспись «Русской беседы», осуществленную издателями рецензируемого сборника. Журнал, вышедший небольшим тиражом 150 с лишним лет назад, едва ли имеется во всех, даже крупных научных библиотеках России, не говоря уже о загранице. Теперь же перечень его содержания доступен каждому, кто проявит интерес к соответствующим проблемам. Особенно он полезен славистам. Выше упоминалось, что в «Русской беседе» опубликовано 52 названия работ разного жанра на славянскую тему. Из них 28 (подписанных и неподписанных) написал А. Ф. Гильфердинг²⁵. Второе место занимает М. П. Петровский. В журнале публиковали свои статьи В. И. Ламанский, И. И. Срезневский, Н. Д. Иванишев. В «Русской беседе» была напечатана значительная часть обширной монографии «Гус и Лютер» Е. П. Новикова — ученого-слависта, впоследствии русского посла в Вене, затем в Константинополе²⁶. А. Ф. Гильфердинг впервые опубликовал в журнале работы «Босния. Путевые заметки»²⁷ и «Письма об истории сербов и болгар»²⁸, впоследствии дополненные и переработанные в солидные книги, вышедшие отдельным изданием. В качестве приложения к журналу было напечатано и найденное П. А. Безсоновым сочинение Ю. Крижанича «Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен царя Алексея Михайловича», известное также под названием «Политика»²⁹. В «Русской беседе» были также напечатаны работы славянских авторов — И. И. Паклонского из Варшавы о польской литературе, отрывок из поэмы А. Мицкевича «Конрад Валленрод» (Идет зараза на Литву) в переводе Н. Берга, И. И. Крашевского — «Славянский поэт русскому», перевод с польского неизданного подлинника, сочинения М. А. Грабовского и С. Закревского, стихи Сырокомли (Л. Кондратовича) и др. Особое значение для славянофилов имела статья В. А. Мацеевского «Голос из Польши», по случаю спора современных русских писателей о начале и развитии общины, как старославянской вообще, так и русской в особенности, опубликованная в 1859 г. в переводе с польского языка³⁰.

Чешская литература представлена в «Русской беседе» стихами Б. Яблонского в переводе М. П. Петровского, статья-

ей А. Ф. Гильфердинга о всеславянском словаре Шумавского, статьей К. Я. Эрбена «О славянской мифологии», Якуба Малого «Чешская литература с 1774-го до 1848 года».

Наибольшее число славянских материалов в «Русской беседе» посвящено южным славянам, прежде всего сербам. Кроме сочинений А. Ф. Гильфердинга здесь имеются статьи М. Миличевича о сербской общине — задруге, К. Д. Петковича «Исторический очерк сербской православной общины в Рагузе», с приложением рукописей документов на итальянском и латинском языках, и ряд других интересных статей и публикаций документов о сербах, написанных российскими авторами. О болгарских сюжетах кроме А. Ф. Гильфердинга писал уроженец Болгарии Х. С. Даскалов, статья которого о Возрождении болгар имела большой резонанс в антиславянофильских изданиях. Словенцы представлены этнографическим очерком В. Клуна «Словенцы». Имеются переводы стихов с хорватского языка, а также материалы о самом маленьком славянском народе — о лужицких сербах — в первую очередь, статья А. Ф. Гильфердинга «Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии», и еще два сообщения в журнал от главного представителя серболужицких возрожденцев Я. Смолера.

Таким образом, приведенный, далеко не полный, перечень славянских материалов показывает, что «Русская беседа» была единственным журналом в России, серьезно интересовавшимся славянами в 50–60-е годы XIX в. В ней публиковались как исследования, так и источники, но главным образом, поэзия, обзоры о развитии литературы и положении православной церкви. Редакция стремилась привлечь в свое издание представителей всех славянских народов, не исключая и поляков, хотя публиковались работы польских авторов, не выражавших русофобских тенденций, чем отличалось подавляющее большинство польских писателей и ученых. Следует также отметить, что материалы о южных славянах представлялись в основном авторами, жившими в России. Политические условия, в которых в 50–60-х годах XIX в. существовали, в своем большинстве, южные славяне, не способствовали развитию у них литературы и науки.

Подводя итог впечатлению, которое производит научный сборник «Русская беседа». История славянофильского журнала», следует констатировать, что отечественное славяноведение обогатилось серьезным трудом, который явится стимулом для исследования такого значительного явления русской культуры XIX в., каким было славянофильство.

Примечания

- ¹ «Русская беседа»: история славянофильского журнала... С. 41.
- ² Там же. С. 48.
- ³ Там же. С. 39.
- ⁴ Там же. С. 59–83.
- ⁵ Там же. С. 90.
- ⁶ Там же. С. 100–123.
- ⁷ Там же. С. 102–103.
- ⁸ Там же. С. 109.
- ⁹ Там же. С. 151.
- ¹⁰ Там же. С. 154.
- ¹¹ Там же. С. 158–182.
- ¹² Там же. С. 179–180.
- ¹³ Там же. С. 183.
- ¹⁴ Там же. С. 191–197.
- ¹⁵ Там же. С. 198–203.
- ¹⁶ Там же. С. 184–190.
- ¹⁷ Там же. С. 236–246.
- ¹⁸ Там же. С. 204–235.
- ¹⁹ Там же. С. 216.
- ²⁰ Там же. С. 269.
- ²¹ Там же. С. 272.
- ²² Russische Fragmente: Beiträge zur Kenntnis des Staats und Volkslebens in seiner historischen Entwicklung. Eingeleitet und herausgegeben von Fridrih Bodenstead. Leipzig. F. A. Brockhaus. 1862. 2 части. I – 314 стр. II – 389 стр.
Русская рецензия на книгу опубликована в: Русский архив. Вып. II. 1863. С. 173–174.
Сведения взяты из: «Русская беседа»: история славянофильского журнала... С. 341–343.
- ²³ «Русская беседа»: история славянофильского журнала... С. 344–454.
- ²⁴ Подробные сведения о творчестве М. П. Петровского см.: *Лаптева Л. П.* Казанский славист Мемнон Петрович Петровский (1833–1912) // *Славянский альманах*. 2002. М., 2003. С. 152–177.
- ²⁵ Подсчеты произведены автором настоящей рецензии.
- ²⁶ *Новиков Е. П.* Гус и Лютер. Т. 1–2. М., 1859.
- ²⁷ *Гильфердинг А. Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб, 1859.
- ²⁸ *Гильфердинг А. Ф.* Письма об истории сербов и болгар // *Русская беседа*. 1859. Кн. III, IV; собр. соч. Т. I. СПб, 1868.
- ²⁹ Опубликовано: *Русская беседа*. Приложение. № 1, 2, 3, 4, 5, 6 за 1859 г.
- ³⁰ *Русская беседа*. 1859. Кн. VI. Отд. V. С. 65–80.

Научное издание

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения РАН

Никитинские чтения
«Славяне и Россия»

**Славяне и Россия: славянские и балканские народы
в периодической печати**

К 90-летию со дня рождения А. А. Улуняна

Сборник статей

Ответственный редактор
С. И. Данченко

Дизайн обложки
М. И. Леньшина

Компьютерная верстка
П. Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Институт славяноведения РАН
119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А

Подписано в печать 29.07.2014. Формат 60×84¹/₁₆.
Гарнитура NewtonС. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Объем 26,25 печ. л.

Заказ № 93.

Тираж 100 экз.